

ЭДИТА

ВЫПУСК 42

ЭДИТА

№42

Литературный альманах
www.editagelsen2023.com

2024

Серия альманахов "ЭДИТА" запущена в марте 2024 г.
как преемник журнала "EDITA"

Выходит по мере накопления материала

Тексты публикуются преимущественно в авторской редакции

Литературная редакция:
Пётр Бледнёв, к.ф.н. Иоган Манаев,
к.ф.н. Эвдоксия Прянская, м.ф.н. Сильфида Селезнёва

Мнения редакции и авторов публикаций не обязательно совпадают

*Графика обложки — нейросеть **robotext.io***

Издатель и главный редактор — Александр Барсуков

Copyright © 2024 bei Autoren
Alle Rechte in dieser Ausgabe vorbehalten

ISBN 978-3-911546-14-0

Gesamtherstellung Edita Gelsen e.V.
logobo2023@gmail.com

Printed in Germany

РАССКАЗ

Анна Гройсс

С.-Петербург

ПОРТРЕТ

На город опускались зимние сумерки. В свете фонарей медленно кружился снег. Мы свернули на Малую Садовую и влились в бурлящую полноводную толпу, звонкими ручейками разбегающуюся к ярко освещенным витринам, магазинам и лавкам, выставкам и небольшим ресторанчикам.

— "Искусство акварелей и витражей Гения Инкогнито", — прочитала Елена, останавливаясь перед вывеской у входа в арт-галерею "Апрель". — Коллекция «Живые портреты». Как в романе Оскара Уайльда! — она дернула меня за рукав. — Зайдем?

— А как же завтрашний экзамен? — неуверенно возразил я, но она лишь беззаботно рассмеялась.

Спустившись по ступенькам в полуподвал дома Демидова, мы вошли в просторное помещение выставки. В полутьме, озаренные с оборотной стороны электрическими лампами, светились портреты из цветного стекла. На стенах и низком сводчатом потолке, пронизывая пространство, дрожал радужный ветер. Тихо переговариваясь, публика перетекала из одного зала в другой.

Лица на витражах и впрямь выглядели как живые. Казалось, стоило отвернуться, и они начинали гримасничать, обмениваясь тайными знаками. Позабыв обо всем, мы с Эленой, будто зачарованные, подолгу останавливались перед каждым портретом и вскоре потеряли друг друга из виду.

Элена обнаружилась в зале с акварелями, перед портретом молодой женщины. Рядом стоял высоченный молодой бородач в шелковом костюме с драконами и бандане.

— Верите ли вы, — рокотал он, наклоняясь к ней, — что в изгибе этой линии заключена страсть? Что наклон головы, изображенный под определенным углом, означает покорность судьбе? Что в изломе бровей прячется страдание безответного чувства, а в едва заметной морщинке на лбу — горечь воспоминаний? — Его светлые выщипанные воло-

сы почти касались ее лица. Елена слушала заворуженно, не сводя с него восхищенного взгляда. — Я мог бы научить вас всему, что знаю сам. Моя мастерская, — он плотоядно растянул в улыбке пухлые розовые губы, — располагается буквально в двух шагах отсюда...

Я окликнул Элену. Бородач обернул ко мне холеное лицо и, скрывая досаду за показным радушием, представился Гением Инкогнито.

— Настоящее имя мне хотелось бы сохранить в секрете, — низко пропел он, обращая игривый взор на Элену и уdstаивая меня небрежным рукопожатием.

Элена необычайно оживилась и покраснелась от удовольствия. Перекинув длинные рыжие пряди волос себе на грудь, она быстро перебирала их гибкими пальцами. Дрожащие ресницы взлетали и опускались. Облапив узкий локоток Элены, Гений Инкогнито подводил ее то к одной, то к другой картине. Увлеченно беседуя, они фланировали по галерее, а я одиноко влекся вслед за ними, время от времени вворачивая реплику, но они не обращали на меня внимания, будто я был пустым местом, и фраза нелепо повисала в воздухе. В конце концов, я рассердился и ушел. Они этого даже не заметили.

В тот же вечер, когда я в самом мрачном расположении духа готовился к экзамену по философии, Элена, словно птичка, впорхнула в мою пыльную, забитую книгами, квартиру. Веселая и оживленная, она щебетала и невпопад смеялась. Глаза у нее блестели. Я давно ее такой не видел, может быть, только в первые дни нашего знакомства. Вскоре она проговорилась. Оказывается, Инкогнито предложил ей стать его Музой.

— Неужели ты не понимаешь, что этот бородатый сластолюбец клеится к тебе? — закричал я и в порыве ярости швырнул в стену тетрадь с конспектами.

Элена помолчала, глядя в сторону, а затем с неожиданной злостью выпалила:

— Ну и пусть. По крайней мере, он не такой скучный, как ты — затюканный педант и бесчувственный сухарь!

Я так и сел, а она, хлопнув дверью, ушла. С того дня ее словно подменили. Прежде прямодушная и открытая, теперь она как будто ушла в себя, загадочно улыбалась, ее губы что-то беззвучно шептали. Когда же она ловила мои хмурые ревнивые взгляды, то принимала вид отстраненный и невозмутимый. Начались внезапные звонки по телефону, заставлявшие ее срываться с места и пропадать без объяснения причин. Измученный ревностью, я наговорил ей грубостей, и мы окончательно рассорились.

Расставание с Эленой погрузило меня в беспробудную тоску. Я и не думал, что буду так скучать без нее. Мир вокруг словно скукожился, все стало мелким и невзрачным, далеким и незначительным — Университет, кафедра, древнегреческая философия. И даже сам Платон отдалился от меня, укоризненно покачивая головой.

Через пару недель, направляясь в библиотеку, я неожиданно для себя свернул на Малую Садовую и спустился по ступенькам в галерею. Проклятая выставка! Именно с нее начался наш разлад. Зачем я пришел? Убедиться, что все между нами кончено? Или в глубине моей души зрела надежда встретить ее здесь и убедить начать все сначала?

И действительно, в самом дальнем зале я едва не налетел на Элену. Я даже не сразу понял, что передо мной — ее витражный портрет в натуральную величину. Рыжая прядь, заправленная за ухо, волной ложилась на хрупкое плечо, которое я столько раз целовал. Будто во сне, я коснулся изображения, и в эту секунду подсветка за витражом погасла. Черная тень пала на лицо Элены. Мои пальцы дрогнули, мольберт зашатался. Витраж полетел вниз и с оглушительным звоном разбился, усеяв пол разноцветной стеклянной пылью. Уцелел лишь небольшой светло-зеленый фрагмент. Какое чудовищное невезение! Время остановилось, и только кровь в висках напряженно отсчитывала мгновенья. Я оцепенел от ужаса, не в силах пошевелиться, сделать хотя бы шаг, чтобы попытаться скрыться с места преступления. Но когда в отдалении послышались голоса, я словно очнулся и усилием воли стряхнул с себя оцепенение. Наклонился, быстро схватил осколок, сунул в карман куртки и, никем не замеченный, выскочил из галереи.

Сгибаясь под пронизывающим ветром, колыхавшим рекламные щиты, я помчался в сторону Фонтанки. Никто за мной не гнался. Добежав до поворота на Караванную улицу, я перевел дыхание и, сунув замерзшую руку в карман, достал стеклышко. Кажется, в тот момент я подумал, что этот зеленоватый осколок — последнее, что осталось от нашей любви. Повертел в пальцах и рассеянно посмотрел сквозь него. Мир дрогнул, колыхнулся, мягко вернулся на свое место. Словно цветы с узкими колючими лепестками, распустили зеленоватый свет фонари. Пролетел мимо распространитель рекламы в костюме зайца. На фасаде кинотеатра «Заря» призывно мигнула вывеска: «Властелин снов». Стоп. Я отнял стеклышко от глаза. Уличное освещение еще не включили. Стоял день. Как странно... И зайца, кстати, никакого не было. Может, он свернул за угол? А где же вывеска «Властелина снов»? Облепленный строительными лесами, кинотеатр уже год как был закрыт на ремонт. Бред какой! Я снова поднес стекло к глазу. Фонари по-прежнему

му горели, подобно маленьким солнцам. Вновь возникший рекламщик удалился уже довольно далеко, за Аничков мост. Неоновая афиша кинотеатра все так же сверкала.

Удивленный странными иллюзиями, возникающими под воздействием зеленоватого стекла, я брел по Невскому, натываясь на людей, выписывая петли, точно пьяный, поочередно прикладывая осколок то к левому, то к правому глазу. Протянув руку к газетному киоску с сидящей в нем старушкой, я неожиданно нащупал — пустоту! Внутренне содрогнулся, пробежал сквозь мираж, обернулся. На моих глазах, качнувшись, испарились стены, крыша, и только седая продавщица упорно держалась в пространстве, однако немного погодя и она развеялась, словно дым на ветру, а на месте исчезнувшей будки, линия за линией, словно на бумаге, нарисовался женский силуэт! Наполняясь бледным цветом и объемом, он плыл мне навстречу и через несколько секунд обратился в шагающую по воздуху полупрозрачную Элену: высокую, рыжеволосую, с зелеными глазами, в воздушном платье.

Я был так поражен, что не успел посторониться, и она на ходу влетела в меня, заметив это в последний момент, когда наши тела прошли друг сквозь друга.

— Элена! — воскликнул я, отняв от глаза стекло. Видение тут же пропало! Когда же я вооружился осколком вновь, она парила передо мной, чуть покачиваясь над асфальтом.

— Ты?.. — вскрикнула она, ее глаза расширились. — Откуда?

— Что с тобой? — я бросился к ней, мечтая только об одном — прижать ее к себе, но то была не Элена, а ее цветной фантом, колеблющаяся греза, бесплотное облако. — Где, где твоё тело? — испуганно шептал я, пытаюсь ловить ее руки, но хватал лишь эфир, желая обнять ее плечи, но, будто в кошмарном сне, проваливался в мучительную пустоту.

Обессиленный, я прислонился к стене дома, опустился на корточки, закрыл лицо руками и только тут ощутил, что оно мокро от слез. Опомившись, прижал к глазу осколок. Элена склонилась надо мной, точно нежный увядший цветок.

— Пойдем отсюда. На тебя смотрят, — сказала она.

— Почему ты в одном платье? — горестно воскликнул я, поднимаясь на ноги. — Тебе холодно? Где твоё пальто? — я дернул за собачку молнии, извиваясь, скинул с себя пуховик и попытался набросить ей на плечи, но куртка, пролетев сквозь бесплотное тело, упала на припорошенный снегом тротуар, где на нее тут же наступил прохожий.

— Придурок! — выругался он, а я поднял свою одежду, и, едва переставляя ноги, потащился вдоль стены дома — подальше от галереи и людных мест. Свернув на Фонтанку, мы укрылись в одном из дворов-колодцев, в узком каменном закутке, куда от века не заглядывает солнечный луч, и Елена начала свой рассказ.

— О, это страшный человек! Его гений не от искусства! После того, как мы с тобой расстались, я позировала ему каждый день. Сначала он взялся за акварель, но, не закончив работу, бросил кисть. "Графика не может передать страсть! — плотоядно урчал он, сверкая глазами. — Я создам твой витражный портрет". Усадив меня перед собой, он велел не двигаться, — в глазах Элены заплескался ужас. — Потом положил мне на лицо свои ладони и ощупал его, отвратительно шевеля пальцами, будто огромное насекомое!

Бледность разлилась по ее призрачному лицу, почти слившись со цветом светло-серой стены за ее спиной.

— Я была так напугана, что не смела вскочить и прервать этот кошмарный сеанс! Отняв руки, Инкогнито положил их на стеклянную заготовку, чтобы, как он объяснил, переместить мой образ в витраж. Я еще удивилась тогда, что он сказал "в витраж", а не "на витраж"... Перед тем как покинуть мастерскую, я кинула взгляд на стекло, и вдруг заметила, что оно переливается, словно мыльный пузырь, и в причудливых бликах угадывается мой образ. "К завтрашнему дню, — пообещал Гений, провожая меня до порога, — портрет будет готов". Я вышла из мастерской с болезненным ощущением, будто забыла в ней что-то очень важное, и то, что я оставила, тянет меня обратно. Не помню, как доплелась до своей квартиры и провалилась в тяжелый сон.

Елена помолчала, затем едва слышно продолжила.

— Я пробудилась из-за настойчивого стука в окно. От страха у меня чуть не остановилось сердце, ведь я живу на четвертом этаже! Это был Инкогнито! Сначала я решила, что он, подобно альпинисту, взобрался наверх, по фасаду дома, специально, чтобы напугать меня. Однако куда же, в таком случае, подевался привычный вид из окна? Вместо Площади Восстания за его спиной я с содроганием узрела выставочный зал галереи "Апрель"! "Теперь ты принадлежишь мне одному, — торжествующе проговорил он. — Для остальных ты невидима и бесплотна. А если кто-то захочет насладиться твоей красотой, что ж, пусть любитесь на витраж! — Его рука прошла сквозь стекло и, вытянувшись на всю длину комнаты, погладила меня по щеке. — Больше никто не сможет прикоснуться к тебе! Кроме меня!" Под его дьявольский смех я выскочила из дома в одной пижаме. В тот же миг мое тело утратило плот-

ность, став невесомым и прозрачным. В голове билась одна мысль: куда угодно, лишь бы подальше от него! Однако убежать мне не удалось. Колдовство Инкогнито устроено так, — я поняла это позже, — что, как только перед витражом появляется посетитель выставки, я немедленно оказываюсь в комнате, чтобы застыть перед окном в виде собственного портрета. Так, день за днем любители искусства разглядывали меня через стекло, а вечерами в окно залезал Инкогнито, — она густо покраснела, а я отвернулся. Помолчав, она продолжила: — Он приносил еду и вино, дарил платья и драгоценности...

— Я убью этого мерзавца! — сжав кулаки, зарычал я, но она воскликнула:

— Если ты убьешь его, тела мне не видать! — и добавила: — К тому же, он уехал в Монреаль на вернисаж.

Молча я протянул ей руку, но ее ладонь прошла сквозь мою, как туман. До ночи мы гуляли по обледенелым дорожкам Летнего сада мимо обнаженных статуй, замеченных снегом, бродили сквозь миражи вздрагивающих домов, иллюзорные будки по продаже экскурсий и пролетающие над тротуаром автомобили, стояли на набережных, глядя на черные воды Невы в проплешинах серого льда. Елена держала свою ладонь рядом с моей, и этот символический жест объединял нас крепче, чем пылкие ласки.

Теперь все мое время принадлежало только ей. Я забросил учебу, перестал посещать библиотеку и бесповоротно завалил сессию.

По утрам, едва разлепив веки, я хватался за стекло. Мир вздрагивал, встряхивался, замирал, и появлялись миражи. Они висели в воздухе, разваливались на части, разлетались, а затем, будто бы из ниоткуда, вырисовывалась она: спящая под потолком или с задумчивым видом витающая у окна. Никогда еще не было нам так хорошо вместе...

Ежедневно я приходил к мастерской Инкогнито и заглядывал в темные высокие окна. И вот однажды, поздно вечером, в них загорелся свет.

— Он убьет тебя, — заплакала Елена. — Умоляю, будь осторожен!

Не слушая ее, я отнял от глаза осколок и позвонил в дверь. Мне открыл сам художник — импозантный красавец в костюме-тройке, с пышной гривой и раздвоенной бородой, уложенной в виде ласточкиного хвоста. Свет падал из-за его спины.

Крепко сжав зубы, чтобы моя ненависть не выплеснулась неосторожным словом, которое могло бы повредить Элене, я раскрыл ладонь с осколком.

— Что это? — Инкогнито упер в меня настороженный взор и весь подобрался.

— Не прикидывайся, Гений! — грубым отрывистым голосом произнес я. — Элена мне все рассказала.

Его лицо исказилось. С молниеносной быстротой он сцапал стекло и за плечо вдернул меня в коридор-предбанник.

— Ты давным-давно ей надоел! — злобно зашипел он. — Она ушла от тебя ко мне!

Я схватил его за грудки и завопил:

— Верни ее, негодяй! Где она? Куда ты подевал ее тело?

— Что ж, — проревел он, багровея от бешенства, — сейчас ты узнаешь эту тайну!

Размахнувшись, он изо всей силы ударил меня, вогнав осколок прямо в глазницу. Чудовищная боль взорвала голову, все вокруг засверкало и исчезло. Очнулся я на полу. Приоткрыв левый глаз, я понял, что вижу им так, как если бы глядел через осколок. Инкогнито стоял над мной, одетый в высокую меховую шапку и каракулевую шубу.

— Ты сделал глупость, разбив витраж, а вместе с ним ее образ. Знаешь ли, что случается с заброшенными произведениями искусства? — Я помотал головой, и передо мной все закружилось, сливаясь в бешеный хоровод. — Они умирают, растворяясь в небытии. Теперь Элена живет только благодаря тебе. Ты — ее единственный зритель. Через стеклышко в своем глазу ты сможешь любоваться на свою возлюбленную, сколько влезет, пока сам не превратишься в призрак, напав ее собственной жизнью. Ведь ты же именно этого хотел, не так ли? — художник хищно осклабился. — Когда плотность ваших тел сравняется, у вас будет несколько минут, чтобы ощутить прикосновения друг друга. — Он подмигнул мне и растянул губы. — Впрочем, если она тебе надоела, можешь на нее не смотреть! — С этими словами Гений кинул мне на лицо черную повязку и вышел из мастерской.

Вернувшись домой, я долго сидел в темноте. Ветер за окном, налетая порывами, бил по оконным стеклам. Черная лента пересекала мое лицо по диагонали, а под ней сверкало зеленоватое стекло, — ужасное зрелище! Снять повязку можно было лишь тогда, когда меня никто не видел. Кроме Элены.

Отныне нашим излюбленным местом для прогулок стали глухие места Выборгского парка. Глядя на Элену через осколок, я понемногу утрачивал свою плотность, а она, напротив, обретала ее, и вот наступила долгожданная минута, когда я ощутил прикосновение ее пальцев, подобное щекотанью птичьего пера, и поцелуй ее губ, похожий на сла-

бое дуновение ветра. Теперь невооруженным глазом я видел, как она, будто нарисованная нежной акварелью, плывет в пространстве.

Мое тело становилось все более прозрачным и невесомым. Сквозь меня просвечивали предметы. Тем временем наступила весна. Солнце, слепя глаза, играло в лужах. Запах нагретой земли и распутившейся листвы кружил голову, а я постепенно исчезал. Иногда мне хотелось вырвать кошмарный монокль из своего глаза — может быть, это стало бы спасением, но я знал, что не могу, не должен так поступать.

В один из вечеров Елена, ни слова не говоря, накинула плащ, собираясь на прогулку.

— Куда ты? — спросил я.

Она презрительно ухмыльнулась, оскалив зубы, и вышла, не приотворив за собой дверь.

Это выглядело настолько странным, что несколько минут я просидел неподвижно, гадая, не привиделась ли мне ее недобрая усмешка. Выскочив вслед за ней, в последний момент я успел заметить скрывающийся за углом силуэт.

— Елена! — звал я. Она не оборачивалась. Я мчался за ней по Невскому, совершенно прозрачный, сквозь толпу, и меня никто не видел. Только один мальчик пронзительно крикнул: "Мама, смотри, привидение!" Люди вздрагивали и ежились, когда я пробежал сквозь них, сам же не ощущал ничего.

Елена шла стремительно, то и дело поглядывая на часы. Подойдя к "Апрелю", она сбегала по ступенькам. Влетев за ней через пару минут, я застал ее целующейся с Инкогнито. Художник нежно обнимал ее. Его красивый, четко очерченный профиль нависал над ее нежным ликом.

Не помня себя, я подскочил к Гению и с воплем:

— Она моя! Не смей прикасаться к ней! — попытался оттолкнуть Инкогнито, но моя рука проскользнула сквозь него.

— Не слишком ли много ты на себя берешь, дурак! — презрительно произнес он, прервав поцелуй, а Елена насмешливо улыбнулась. — Ты всего лишь жалкая фантазия.

— Гнусный обманщик, — возопил я, набрасываясь на него.

Мои удары не причиняли ему ни малейшего вреда. Я бил его, а он оглушительно хохотал, запрокинув голову и опустив руки. А когда я выдохся, Инкогнито с важным видом принялся расхаживать по мастерской.

— В произведении искусства ни одна линия не должна противоречить другой, — самодовольно вещал он. — В этом заключается секрет настоящего мастерства. Вертикальная морщинка на лбу, — Гений воз-

дел указательный палец, — означает скепсис, это совершенно не укладывается в структуру его личности. Линия губ указывает на чрезмерную эмоциональность и склонность к самопожертвованию. А ведь ты замыслила его как нерешительного сухого педанта! Эти качества едва ли совместимы в одном человеке. Твой портрет не удался. Впрочем, одно только слово, Елена, и я сохраню ему жизнь.

Она отрицательно покачала головой.

— Тогда позвольте маленький фокус, — обратился ко мне Инкогни-то. — Следите за моими движениями.

С самым любезным видом Гений протянул ко мне руку и легко смял кирпичные стены, витражи, пол, потолок и меня самого. Внезапно я понял, что весь мир и я в нем были нарисованы на листе бумаги, который он только что скатал в шарик. И это было последнее, о чем я успел подумать.

Игорь Бézрук

г. Иваново

МОЯ МАЛЕНЬКАЯ МЕСТЬ

После отъезда директора, я долго не мог успокоиться. Сердечко сдавливало как в тисках. В голове с полусекундной периодичностью глухо стучал «там-там».

Я давно привык к истеричному поведению директора, к его неожиданно-резким сменам настроения от плюса к минусу, из тепла в холод. Но то, что он заявил сегодня, просто не укладывалось в голове.

Он, снова собрав вокруг себя клику преданных лизоблюдов, не стесняясь выражений и не разобравшись в ситуации, как мальчишку, обвинял меня, в чем только можно. Само собой, припомнил и срыв договоров на поставку двухгодичной давности, и якобы затягивание со строительством подъездов к центральному складу прошлым летом (хотя сам видел, что укладка асфальта задержалась из-за сильных ливней и последующего паводка, а не из-за моей нерасторопности), и, конечно же (ставшее уже притчей во языцех), поступившее в марте этого года оборудование, часть из которого, как показалось (!) моему заместителю, внезапно пропала.

Разумеется, всё это было полной ерундой, nonsensом, наговором, ведь кто, как ни я, вложил в этот филиал все силы и нервы, всю душу и знания. Именно я буквально за три года возвел на старой территории угасающей «Агрохимии» одного из райцентров крупный оптовый склад для приема вагонов, оборудовал контору, восстановил прежний, продуваемый всеми ветрами гараж, сформировал штат, с горем пополам подобрал приличных непьющих рабочих, завязал крепкие надежные связи с соседними организациями и руководителями. И вот теперь директор меня увольняет. Я ему-де слишком дорого обхожусь, мои затраты превышают все мыслимые пределы, и мои подчиненные мною недовольны (может быть, зам., который метит на мое место и которого я не так давно поймал с поличным?). Но разве директор не в курсе, что филиал, которым я руковожу, на сегодняшний день приносит около восьмидесяти процентов прибыли фирмы? Конечно в курсе. Выходит, причина моего внезапного увольнения совершенно в другом?

Я находился в смятении. Из-за взрывного характера директора ничего толком не мог ни понять, ни объяснить. Он как ворвался в мой кабинет с горящими глазами, так и выскочил, громко хлопнув дверью и оглушающе взревев мотором своего «фольксвагена» при отъезде. Его клика торжествовала. Всю последующую половину дня с физиономии моего зама не сходила ехидная улыбочка.

Я весь кипел внутри от такой черной неблагодарности. Хотелось справедливости, хотелось реальной оценки происходящего. Но сейчас, я знал, бесполезно искать директора где бы то ни было. Даже по телефону. Он, может быть, остынет только к завтрашнему дню, и только завтра с ним можно будет попытаться поговорить: уж такой у него скверный характер. Значит, придется завтра отправляться в область в центральный офис и, что называется, «выяснять» отношения.

Конечно, я мог уехать прямо с утра: до областного центра каких-то два с половиной часа езды, но мне сильно захотелось увидеть Татьяну, которая теперь жила там. Она знала, как меня успокоить, как поддержать в трудную минуту, какие найти слова утешения. Поэтому я решил не откладывать ничего в долгий ящик и отправиться в область сегодня же вечером. Эта идея посетила меня только дома за ужином. И я, даже не предупредив по телефону Татьяну, поехал к ней.

На подъезде к её дому, я, признаюсь, не без удивления, заметил серебристый «фольксваген» шефа. Любопытно, что он делает здесь? Это было для меня новой неожиданностью. Неужели он и тут мучил воду? Я был потрясен. Не знал, что и думать! Возмущению не было предела. Кипя негодованием, бросился к подъезду. Я готов был убить его,

несмотря на то, что он мой директор! Вот теперь всё, кажется, стало на свои места. Теперь очевидно, что причиной последних приди-рок ко мне со стороны директора и сегодняшнего моего внезапного увольнения была Татьяна. Не усмешка ли злого Рока?

Тысячи грязных слов роились в голове. Сотни мелких деталей, которые раньше мне казались просто прицепками, вдруг логически обрели объяснение. Это ведь по моей просьбе он взял Татьяну секретарем к себе в центральный офис. И он знал, как она мне дорога. Но я, доверчивый болван, даже не догадывался об их романе.

Конечно, ему была удобна такая интрижка: Татьяна жила одна, всегда была рядом, неприхотлива, нетребовательна, горяча в постели. Разве не такие женщины созданы для утешения состоятельных предпринимателей, отягощенных бизнесом и семьей? И им нужна разрядка. Но почему Татьяна ничего не сказала мне? Ей было так комфортно? С одной стороны любовь, с другой — деньги? Или она не хотела ничего между нами разрушать? Кто первым не выдержал раздвоения? Директор ведь знал, что Татьяна — моя женщина и была моей еще до работы у него. И после переезда её в область мы не перестали поддерживать прежние отношения. Я постоянно останавливался у неё, когда приезжал на отчеты и выходные. Зачем надо было лепить из меня дурака?

Больше всего возмутило лицемерие. Директорская тактика моего устранения возмущала не меньше. Но его я еще мог понять: для него я был в таких обстоятельствах нежелательным элементом, в какой-то мере соперником. Не мог понять её! Зачем ей понадобилось жить во лжи? Постоянно быть неискренней, двуличной? Я сам захотел спросить её об этом. Мне уже было наплевать на увольнение: со своим опытом работы и знаниями я не пропаду. Но останется ли такой же уверенной в себе и дальше моя душа, мои обыкновенные человеческие чувства? Смогу ли я после этого кого-нибудь полюбить, не превращусь ли в равнодушного и опустошенного эгоиста? Что ты мне на это ответишь, Татьяна?

Но вдруг меня как одернул кто: а ты уверен, что директор именно у Татьяны? Дом ведь немалый: пять этажей, четыре подъезда. Ты увидел его, выходящим из её квартиры? Застал вдвоем? Вот смеху-то будет, если окажется, что всё это просто совпадение, что директор приезжал совсем к другим, разве я обо всех его знакомых знаю?

Я остановился возле подъезда и заставил себя остепениться. Нужно было быть выше своей безрассудности. И когда директор, в конце концов, вышел из Татьяниного подъезда (все-таки из Татьяниного!), я не бросился к нему из тени. Дождался, когда он уедет, и только потом стал подниматься на этаж Татьяны. Но шел к ней уже не с намерения-

ми разъяренного Отелло. Я немного остыл и, нажимая знакомую лакированную кнопку звонка, сразу почувствовал, как сильно устал.

Ее удивление казалось искренним: я же совсем без предупреждения. Мог бы предупредить. Она собиралась ложиться. Совершенно вымоталась за день. Да, было много работы. Ты же знаешь, как директор придирчив, с ним просто невозможно! (Кому, как ни мне это знать!) Она пыталась говорить бесстрастно, но всё выдавало её, даже едва заметная дрожь в голосе. И страх, который, как показалось мне, не покидал её ни на секунду. Выходит, ОН всё-таки был здесь. Как это мерзко и противно!

Не знаю, как меня не прорвало в ту же секунду, что удержало от вспышки ярости. Может быть, коварная мысль одним махом устранить все проблемы?

Неожиданно в голове созрел дьявольский план уничтожения обоих, придавший уверенности. Сейчас было лучше, чтобы Татьяна не догадывалась о том, что я всё знаю об интрижке с директором. Она не должна уловить ни капли моих подозрений.

Я, как в ни в чем не бывало, рассказал ей о сегодняшнем инциденте в районе и о моем следующем за этим увольнении. Она была потрясена. Без сомнения, наигранно.

— Что же ты собираешься делать? — задала традиционный вопрос, который всегда возникает в подобных ситуациях.

— Завтра с утра иду к нему на прием, разбираться на свежую голову.

Конечно, я давно передумал так поступить. Никуда завтра не пойду. Гори оно всё пропадом! Сделаю свое черное дело и спокойно уеду обратно в райцентр сегодня же. А пока пусть всё идет положенным чередом.

Когда тихо, без лишней возни и нервотрепки я удушил Татьяну, еще раз проанализировал свои плюсы и директорские минусы.

Никто ни в офисе, ни в филиале, кроме директора, естественно, даже не догадывался о моих отношениях с Татьяной. Нам удавалось эту сторону нашей личной жизни удачно скрывать. Соседи Татьяны наверняка видели, как я к ней иногда приезжал, но я не сомневался, что директорский «фольксваген», который тот любил припарковывать у Татьяны под окнами, примелькался поболее, чем малоприметный мужчина, чья «девятка» всегда оставалась на стоянке за углом. К тому же один из жильцов дома лоб в лоб столкнулся с моим директором у подъезда, когда возвращался с улицы.

На руку оказалась и Татьяна привычка к аккуратности и порядку. Из платяного шкафа я вынул свой теплый стеганный халат, не без радости обнаружив в соседнем отделении другой мужской халат, который, без сомнения, принадлежал ЕМУ. Тут же лежали и ЕГО чистые плавки, и носки.

В ванной отыскал в зеркальном шкафчике свою зубную щетку, которую она успела убрать, и свой бритвенный прибор. С удовольствием увидел в стаканчике на полке над мойкой зубную щетку директора. Сегодня он тоже прикасался к ней и тщательно чистил зубы. Татьяна ревниво относилась ко всему, что касалось санитарии, потому что была приучена к этому с детства родителями-врачами. И чтобы завоевать её сердце, надо было не только понравиться ей, как человек и мужчина, но и принять эту сторону её характера.

Директор тоже вынужден был уступить. Теперь его щетка, бритва, халат, плавки и носки станут дополнительными уликами. Что говорить о многочисленных отпечатках пальцев, безрассудно оставленных повсеместно. И пусть Татьяна успела к моему появлению вымыть всю посуду, пустая бутылка фирменного обожаемого директором «Киндзмараули» все еще жмет к мусорному ведру.

Представляю, как ему придется выкручиваться из подобной ситуации. Пусть даже мое имя и всплывет в результате расследования, этот факт станет дополнительным козырем против него: появится определенный мотив устранения им неверной Татьяны. И именно это будет моей маленькой сладкой местью.

Я еще раз внимательно осмотрел комнаты, собрал всё, что так или иначе могло указывать на мое пребывание, и, оставив дверь не запертой, как можно тише вышел из Татьяниной квартиры.

ОСЕННЯЯ ПРОГУЛКА

Просто нечего было делать. Не хотелось. Воскресное утро дохнуло на меня плохим настроением, и я вынужден был искать убежище вне этого мрачного, надоевшего холостяцкого жилья. Старый диван, вдавленный в стену, на которой висела дилетантская мазня какого-то начинающего живописца, полуразвалившийся шкаф, дубовый стол у окна, вероятно помнивший еще моего деда, — все это достаточно угнетало и давило на душу, словно глубокая тоска. Я не люблю приходить в свою квартиру, избегаю ее в толкотне рабочего дня, задерживаясь допоздна на службе. Придя домой, наскоро побросав в рот полуфабрикаты, сразу

ваюсь в постель, дабы не замечать этого мрака и окружающей пустынной атмосферы.

Хватит. Хватит с меня! Постоянно, каждый выходной я не знаю, куда себя деть, чем заняться. Мыслима ли жизнь без дела? Возможно, нет. Когда человек дышит им, ощущает в себе, тогда живет.

Живет или существует?

Не знаю. Я существую. Как упавший на подоконник бренный осенний лист, как тяжелая капля, стекающая по грязному стеклу. Все вокруг существует, — в моих глазах. Иначе нельзя, потому что я — ничто. Я смотрю на них из глубины собственной души, значит...

Нет. Скорее на воздух. Здесь можно задохнуться, зачахнуть и кануть в небытие.

Поздняя осень бежит и растекается, унося в своем потоке воспоминания прошлых дней и грезы будущих. Именно в такие осенние дни замечаешь сутолоку и спешку окружающих, словно они забыли выключить газ на кухне или бояться, что ранний снег, выпавший на головы, застанет их врасплох (у нас в России почему-то снег всегда выпадает неожиданно, особенно для работников коммунальных служб).

В последнее время я все больше люблю тишину и покой, все чаще ухожу в себя, ищу в себе что-то, скорее от одиночества, чем из интереса, потому что одинокому нужен человек, который видит тебя со стороны, поможет увидеть такого, какого сам еще не знал, в какого не верил. У меня такого друга нет. Есть товарищи, знакомые, — а близкого друга — нет. (Теперь мне кажется, и не было никогда). Поэтому я ищу его в себе. И нахожу. Он не тот, зеркальный, с которым я разговариваю каждое утро, расчесываясь или бреясь, выщипывая волосы из носа или подстригая разлохматившиеся брови. Он совсем иной.

Порой мнится, он похож на меня характером, привычками и повадками, а порой вижу в нем постороннего человека, словно тот вселился в меня и питается пищей, поступающей в мой желудок, ощущает нервами, сосредоточенными в моих узлах. Иногда у меня пробегает мелкая дрожь по телу, когда он пытается вырваться из моей оболочки и убежать куда-то, совершив какой-нибудь глупый или дерзкий поступок.

— Почему ты никогда не думаешь о том, как мне несносно иметь тебя в себе? — говорил я ему.

— Но ты же одинок.

— Да, это так, однако своими выходками ты ставишь меня в неловкое положение.

— Я сам в таком же положении.

— Тебя никто не знает, никто не видит. За все приходится отвечать мне.

— Я бы тоже хотел отвечать за себя сам...

Большого я от него не добивался, понимая, что ничего изменить нельзя. Как ни хотелось. И я смирился с ним.

Я был без друзей, и в моем положении просто необходимо было с кем-то делиться, кому-то поведать о своем одиночестве. Об этом я не мог рассказать даже Эльвире. Физическая близость приносила нам удовлетворение, но я никогда не чувствовал от нее душевной теплоты. Она ничего не спрашивала; казалось, ей совершенно безразлично, что у меня на душе, чем я живу, как работаю, отдыхаю. «Идеальные любовники», — скажете вы. Нет. Мужчина получает полное удовлетворение лишь от душевной близости, от того, что он чувствует — его уважают, им интересуются, гордятся, в него верят. Я не исключение. Я тоже хотел видеть все это в ее глазах. Страсть, безумие, желание, — все это привлекало, но быстро гасло, так как я находил их слишком плотскими, оторванными от души и сердца, словно Эльвира впадала не в человеческое, естественное, а в некое допотопное, животное состояние. А я человек, мужчина в конце концов, давно не мальчик, для которого достаточно увиденного и услышанного (вздоха, крика, стоны). Мне нужен друг, человек, который может поговорить со мной, понять, почувствовать все то, что со мной происходит. Эльвира не могла. И я нашел его. В себе самом.

Сегодня в лесу тихо. Меня всегда манило к себе раннее утро, когда люди еще не проснулись, а шум транспорта, доносившийся с ближайших к лесу улиц, не мешал покою и мыслям. Я люблю утро, с его белевым туманом над остывшей рекой, с его необычайной тишиной, изредка прерывающейся разноголосьем птиц и шелестом старых кленов, осин и лип. Да и воздух утром особый. Дышится легко и вольно; кажется, словно сбрасываешь давящий на плечи тяжелый груз и улетаешь, возносясь пухом в безоблачную даль. Я снова перелистываю тетрадь своей жизни и нахожу, что редкие страницы в ней связаны с этой необъятной тишиной и успокоением, которые дает мне лес, его дыхание, его жизнь. Люди оторвались от этой жизни, погрузнув головой в городскую суету. Не всякий вырвется из нее по своему желанию, полностью отдавшись обстоятельствам, которые почему-то всегда оказываются сильнее. Но сегодня выходной, и я могу в это раннее утро, не спеша, нога за ногу, брести по осенним листьям, не думая о том, что будет завтра, и что случилось вчера. И я счастлив. Именно поэтому счастлив.

— А мне твое счастье не передается, — вдруг вклинивается он. — Может, тебе просто показалось, что ты счастлив. Одиноким человек не может быть счастливым, уже потому, что он одинок. Пойми это, и не обижайся.

— Я не в обиде. Ты просто лишил меня хорошего настроения.

— Твое хорошее настроение — это спокойствие, безмятежность. Только выдержка и уверенность в себе должны быть твоим настроением. Иначе одинокому в наше время нельзя.

— Ты прав. Но получается, что я никогда не узнаю счастья?

— Может быть.

— Тогда зачем живу?

— Так живут многие, считая, что счастливы. На самом деле, они ошибаются.

— Да, но они ошибаются всю жизнь и поэтому не замечают своей ошибки.

— Только этим себя и тешат, глупцы. Они не видят того, что видишь ты.

— Я?

— Да, с помощью меня.

— Наверное, лучше бы тебя не было. Я ошибался бы до конца своих дней, считая себя счастливым, и был бы счастлив...

— С тобой трудно спорить, — произнес он и замолчал.

Я пошел по тропинке. Она то извивалась, неожиданно проваливаясь, то тянулась, сдавалось, до бесконечности и неожиданно резко поворачивала, скрываясь от взгляда в зарослях кустов или плотной шпалере деревьев.

Для многих из нас, городских жителей, осень является мрачной порой между знойным летом и холодной зимой; ее настоящая, подлинная красота скрадывается в окружении серых домов, серого асфальта, быстро гаснущей позолоты запыленных заводскими выбросами деревьев. По-настоящему оценить осень можно только в лесу, вдохнув его запах, растворившись в его звуках, углубившись в его думы. Только наедине с лесом можно понять сущность всеобъемлющей красоты, которая врывается иногда в наше сознание вспыхнувшей на ночном небе звездой или шумом низвергающихся струй водопада. Треск ломающихся под ногами подгнивших сучьев, шелест засохшей листвы — неизменные атрибуты угасающей осени, ее последние слова, скорее не слова, а стоны и душевные мытарства, будто перед ужасающе бесконечной разлукой с лесом, деревьями, небом, воздухом, угасающими в наступающем дыхании зимы...

Полдень вступил в свою силу, по-летнему распалая воздух и сжимаемая своими лучами зеленые листья. Однако здесь, в лесу, под еще не опавшими кронами деревьев ощущалась прохлада, возможно поэтому то тут, то там появлялись одинокие странствующие или бредущие пары, в основном людей пожилых или тех, чьи глаза были насыщены красотой леса, сердца — чувством его души, легкие — его дыханием.

Встречаясь с ними на тропинке, я видел в их глазах необычный блеск и понимал, что смотрю на все такими же глазами, что здесь, в осеннем лесу, не одинок, я соприкасаюсь с душой каждого вступившего в этот необыкновенный мир красоты, чистого дыхания и обширной глубины мысли. Я сливаюсь с лесом в одно целое и во мне уже бьются тысячи сердец в унисон с миллиардами звуков многоголосого леса. Невозможно описать все чувства, возникающие при соприкосновении с душой леса. Чтобы полностью понять мое состояние, войдите сами в лес, вдохните его атмосферу, пропитайтесь его звуками и почувствуйте необычайную прелесть тишины, нежнейшие переливы его мелодий.

— А я совершенно равнодушен ко всем этим прелестьям, — проснул-ся опять во мне он.

— Почему? — вздрогнул я, словно попав в нелепое положение.

— Ты радуешься хрусту гнилой деревяшки, а я съеживаюсь от этих звуков, будто трусливый заяц, чувствуя опасность; ты слушаешь пение птиц, а я прислушиваюсь к крикам ворон и сорок, черной тенью покрывающих ветви деревьев.

— Не понимаю тебя. Когда ко мне приходила тоска, и одиночество разъедало сердце, ты поддерживал меня, уверенно осознавая потребность в твоей силе духа. Теперь же, когда я вырываюсь из ненавистных пут, ты напоминаешь мне о постоянных страхах, терзавших в жизни мою душу.

— Я хочу, чтобы ты не забывался. Ты выйдешь из этого состояния, едва покинешь лес и сольешься с толпой на улице.

— Но память, она же не умрет?!

— Все умирает в этом мире. Даже память...

— Я не согласен с тобой! Память живет всегда. Она вечна. Она бессмертна!

Он замолчал, но ненадолго, словно обдумывая очередной аргумент против моих слов. Лишь после непродолжительной паузы сказал:

— Идем. Идем со мной. Я покажу тебе память...

Мы свернули на боковую тропинку.

— Осторожно, — произнес он.

Я взглянул под ноги и обнаружил, что иду по могилам, густо усыпанным разноцветными листьями, ступил в сторону и замер, оглядывая поляну, на которой находился.

— Ты видел, за нами никто не пошел, — раздалось внутри.

— Да, — лишь прошептал я, почувствовав мелкую дрожь.

— Все боятся смерти, стараются обойти ее стороной, не думать о ней, и все равно она приходит, проникая в сознание, в каждую клеточку нашего мозга, нервов, заставляя помнить о себе. Это память поколений.

— Я думал не об этой памяти. Для нас, людей, важнее память о близких, пусть даже умерших, а не память о смерти вообще. О них мы думаем, как о живых, всегда, везде.

— Возможно... — донеслось в ответ.

Я присел на полусгнившую скамью и взглянул на небольшие возвышения, разбросанные по поляне, окруженной зарослями. Лишь одна тропинка вела сюда, но по ней давно никто не ходил, и опавшие листья густо укрыли ее обильно заросшую бурьяном глинистую поверхность. Трупный запах тлеющих листьев, прелость, сырость, — все вдруг хлынуло на меня, окружая, словно невидимой сетью, растворяясь в теле, пропитываясь им, насыщаясь. Все омертвевшее, угасающее, упокоенное... Еще вчера они смеялись и радовались, любили и ненавидели — жили, а сегодня их могилы размыло талыми водами, занесло палой листвой. Ничто не вечно в бренном мире. Сегодня ты лежишь в могиле, завтра меня положат рядом. Ты не будешь возражать, тебе будет все равно, потому что тебя нет, ты умер, а я еще буду жить, пока тело мое до последней капли жира не перелопатят черви, пока последние остатки воздуха не выйдут из моей сжавшейся под тяжестью смерти груди. Только тогда мне станет легче, только тогда я забуду о невзгодах и неудачах, терзающих мою душу.

Мир праху твоему, беспокойный человек!

Пустота. Пустота, наполненная ветром. Она врывается в каждую жилу, заполняя капилляры, вытесняя кровь, перекрывая дыхание. Жить. Жить! Как хочется жить! Как хочется дышать свежим воздухом, смотреть на опадающие листья, радоваться, переживать, волноваться, бороться, наконец. Человек только тогда остается человеком, если он постоянно в борьбе, в борьбе за свою жизнь с неудачами и невзгодами, с этой гнетущей мыслью о смерти, преодолевая боль и болезнь, падая и поднимаясь, снова и снова, снова и снова...

А мертвые... Пусть лежат. Они живут с нами, дают нам право на жизнь, заставляя помнить о смерти, внезапно оборвавшей их судьбу. Помнить лишь для того, чтобы понять, как много надо успеть. А я еще так мало сделал, так мало...

Льдистая глина разъезжалась под непослушными ногами. Вдавленный в нее багрово-красный лист резал глаза.

— Иди к людям. Иди к людям, — толкал меня внутренний голос. — К живым.

И я пошел. Расправив плечи, вдохнув легкого осеннего воздуха, уверенно ступая по извилистой тропе, ведущей к желанной цели мимо угрюмо склонивших головы кленов и осунувшихся столетних дубов.

Треск валежника, шелест листьев под ногами теперь наполняли меня спокойствием и огромным желанием снова и снова ощущать все, видеть, воспринимать, радоваться этому как живой человек. Живой.

— Ваш билет? — контролер в автобусе глядел на меня безразличными глазами.

— Пожалуйста, — радостно выдохнул я, протягивая талончик. — Разрешите, гражданочка, пройти, — почти пропел затем, продвигаясь к выходу. — У-у, какая малышка! — тронул за носик маленькую девочку, сидевшую рядом с крупной мамашей в соломенной шляпе. — Прекрасно выглядите, — бросил мамаше, намекая на легкий румянец на пухлых щеках. — Бабулька, вам тоже здесь выходить? Замечательно. Помогу? — схватил ее тяжелые сумки и вывалился вместе с нею из автобуса. Проводив ее до подъезда, где сидело несколько таких же старушек, поставил сумки на скамейку и, бросив шутку, почти вприпрыжку ринулся на другую улицу.

— Странный какой-то, — полетело вдогонку.

— Из лесу идет, — сказала моя новая знакомая.

Из леса. «Действительно, — подумал я, — из леса, в новую кипучую жизнь!»

И я счастлив. Безмерно и необъяснимо!

НЕОПРАВДАНЫЙ МОТИВ

— ...И вообще, дорогая, не забывай, что все, что у тебя есть, куплено на мои деньги!

Последнее особенно резануло Алену, но она и в этот раз промолчала, как молчала в подобных ситуациях уже полгода.

Он был совершенно прав: почти все, что есть у нее сейчас: новый мебельный гарнитур, высококачественный музыкальный центр, ворох модной одежды и даже альбом с ее песнями в собственном исполнении, записанный на одной из московских студий, — все оплачено им. И ее шестилетний сын Максим одет с иголочки из того же пухлого кошелька, и ее первый сольный концерт в городе спонсирован его фирмой.

Без Владимира она, скорее всего, не проявилась бы и как певица, ведь сегодня будь у тебя хоть семь пядей во лбу, без денег никуда не пробьешься. Алена прекрасно понимала это и потому все больше в последнее время молчала.

Одинокой женщине достичь чего-нибудь серьезного в жизни без поддержки со стороны практически невозможно. Как, впрочем, и любому маломальскому таланту. Но об этом Алена никогда бы не задумалась, если бы по-настоящему любила Владимира. Но ведь она не любила его. И знала это.

Владимир был мил, обходителен, порою внимателен, насколько может быть внимательным влюбленный в себя мужчина. И Алена ему нравилась. Обаятельная, податливая, мягкая, эмоциональная.

Впервые Владимир увидел ее на пышном торжестве в честь юбилея одного из крупных промышленников области. Длинные в три ряда столы ломились от яств. От шума и гама, звона тарелок, хрусталя и вилок во время еды можно было оглохнуть. Тишина наступала лишь тогда, когда кто-нибудь из присутствующих поднимался поздравить юбиляра. Юбиляр умиленно расплывался в улыбке и с каждым новым тостом все более и более добрел.

Алена там пела. Ее чистый, сильный голос завораживал и заставлял в унисон колебаться не одну струну в сердце.

Владимир был восхищен, но подойти не решался, боясь показаться нескромным. Вряд ли он тогда напился. Его желание помочь ей материально было искренним и не голословным.

— Скажи мне, что для тебя сделать? — спросил он ее в перерыве. — Может, что-то купить?

Он говорил это без всякой задней мысли. Алена очаровала его своим пением. И ей это польстило.

Конечно же, ей не помешал бы хороший сценический костюм или приличное платье, — она давно выступает в старых. Скромной зарплаты бюджетницы едва хватает, чтобы сводить концы с концами, а ред-

кие выступления на свадьбах и юбилеях больших денег не приносят: в провинции цены на подобное не ахти какие.

Ее партнер, пройдоха, каких поискать, нахально вклинился:

— Нам бы не помешал радиомикрофон.

Но Владимир незаметно сунул деньги в ее карман:

— Это только тебе.

И еще дал свою визитку.

— Я хотел бы с тобою встретиться. Мне кажется, ты достойна большего.

Подобные предложения мужчины делали Алене часто. Она не одного взвинчивала своим задором и обаянием, своим голосом. Бывали такие назойливые, которые неизвестно откуда узнавали номер ее телефона и потом названивали по вечерам: давай увидимся. Но таких Алена отметала сразу: не терпела мотыльков-однодневок. Не придавала значения и врученной визитке: мало чего взбредет на ум человеку в легком подпитье. Но деньги взяла, и долго потом не могла прийти в себя, удивленно рассматривая две сотенные бледно-зеленые купюры с огромным портретом Бенджамина Франклина на лицевой стороне. Это была почти двухмесячная ее зарплата.

Алена была потрясена. Не столько щедростью нового поклонника — может быть, это его дневная выручка или полдневное протирание штанов в офисе, — сколько естественностью и откровенностью. Ведь Владимир, как показалось, был с ней вполне искренен и открыт.

— И он предложил мне встретиться и обсудить, чем может мне как певице еще помочь. — Закончила Алена рассказывать о том изумлении своему близкому и любимому человеку, Антону, на следующий вечер, когда они встретились. — Что ты думаешь?

Конечно, это было сделано Аленой несколько неосмотрительно. Рассказывать мужчинам о подобных знаках внимания к себе со стороны других мужчин, значило вызвать у них если не ревность, то комплекс неполноценности точно. Но Алена считала, что хорошо знает своего Антона, знает, как он сильно ее любит и как любит его она, и поэтому никогда не была с ним скрытной, недоверчивой и скованной. Их светлое взаимное чувство никогда не омрачалось даже тенью неискренности. И Алена верила, что ее радость — это всегда его радость, как ее грусть — всегда его грусть.

Они словно были созданы друг для друга, и только неудовлетворенность Антона собой в жизни и нынешней работе препятствовала их полному соединению. Антон только и умел, что чувствовать. И еще немного писал стихи, хотя и относился к ним небрежно. Ему нужно было

как-то выразить себя, и он предавал свои чувства бумаге, принимающей безропотно его овеществленные в строках душевные порывы. Но другими талантами, практически способными наполнить карман или желудок, Антон, к вящему сожалению, не обладал, поэтому мытарился, где придется: то подсобным рабочим на стройке, то дворником, то сторожем на отдаленном складе, то истопником в угольной котельной.

К стихам своим относился прохладно, как к чему-то нестоящему, второстепенному. В жизни нашел свое кредо: стать настоящим человеком, а не скотиной, и потому всегда был готов сделать все, чтобы облегчить жизнь Алены и осчастливить ее. Помогал, чем мог, радовал, как умел. И был сильно влюблен в нее.

С тех пор, как они познакомились и подружились, стихи Антона зажглись новым ярким пламенем, и он порою сам удивлялся, откуда берутся в его сердце такие жаркие и чувственные строки. Он буквально засыпал ее стихами, как осыпал в парке в порыве счастья осенними листьями. И Алена все складывала и складывала его стихи в отдельную папку, пока их не набрался целый ворох. Отдельные она помнила наизусть, на некоторые положила музыку и пела со сцены. Они пьянили так же, как глубокое искреннее чувство их автора.

— Если бы ты знал, Антошка, как я тебя люблю, — скрывалось часто с губ Алены. Но после того как она рассказала ему о своем новом воздыхателе, Антона как подменил кто. Алена уже была не рада, что открылась. Глупая, разве этим хвастают перед любимым человеком?

С этого дня, как показалось ей, Антон стал все чаще и чаще замыкаться в себе, все реже говорить о своих делах, больше раздражаться и колко ранить. Все это Алена отнесла к тому, что опрометчиво вызвала в нем ревность и, как следствие, страх, что он потеряет ее.

Алена пыталась вызвать Антона на откровенный разговор, но он уворачивался и с улыбкой переводил все в шутку, мол, как ты могла подумать такое и прочее. Но она ведь не слепая, она сразу почувствовала, что многое изменилось в нем. Сердце не обманешь.

Их последний день был особенно памятен. Самое обидное, что это случилось на 8-е Марта.

Антон встретил ее на Пушкинской с букетом алых роз в руках и сразу огорошил тем, что через два часа у них концерт (билеты он купил загодя). В программе Моцарт, Гайдн, Форте, Вивальди. А пока они могут заглянуть в ближайшее кафе и поесть мороженого.

Антон взял сбитые сливки с крошенными сверху орехами и тертым шоколадом. Горячий крепкий кофе своим контрастом с холодным мороженым особенно был приятен.

Все вокруг казалось таким праздничным: лица светлые, краски весны яркие, звуки особенно чистые.

Они бродили по парку Шевченко, и громкий свист синиц и прерывистый щебет воробьев на деревьях не казался таким раздражающим как обычно. Едва пробивающаяся зелень наполнила сердце новым, но узнаваемым ощущением весны.

А потом в полутемном зале местной филармонии они уносились в небесные выси вслед чарующим мелодиям.

Вечером Антон посадил ее в троллейбус, бегло поцеловал, помахал на прощание рукой и сказал: «Не жди меня», чем очень удивил. Но тогда последней фразе Алена не придавала должного значения. Приятно проведенный день, теплый вечер, мягкий свет фонарей, любимый человек рядом, — все умиляло ее, ничто не нарушало душевного спокойствия. Но больше Алена его не видела. Антон словно испарился: ни звонков, ни посещений.

Первые две недели, как Алена поняла, что брошена, она была потрясена, не знала, что и думать. Поначалу решила, что обидела его упоминанием о Владимире. Однако это вряд ли могло, по ее мнению, расстроить их отношения: Антон же любил. А если любил, считала Алена, такой пустяшный случай не мог, как ни крути, довести их до разрыва. Неужели она все-таки ошиблась, и между ними ничего серьезного не было? Неужели их чувство не было взаимным? Алена отказывалась в это верить, потому что себе-то чего лгать? Она всем сердцем любила Антона. И он любил ее, она это чувствовала. Почему же тогда все так нелепо закончилось? Почему он даже не захотел с ней поговорить, сбегал от нее, как от скверны? Чем она его обидела? Чего он испугался? Ее чувств?

Вопросы долго мучили Алену. Она с трудом находила в себе покой. Забывалась в музыке и сыне, которого по-прежнему растила одна. И когда через пару месяцев после того нелепого случая с Антоном к ней дозвонился Владимир, тот самый, что одарил ее двумястами долларами, и снова предложил встретиться, Алена отрешенно согласилась, потому что в голове никак не могла погаснуть брошенная Антоном второпях на остановке фраза: «Не жди меня», теперь зазвучавшая более чем определенно.

Когда они с Владимиром сели за уютный столик кафе и он положил перед ней жарко-бордовую розу (бархатные лепестки, как невинные девичьи губы, едва раскрыты), Алена натужно улыбнулась ему, а сама с сожалением подумала: «Я могла бы сейчас так же сидеть здесь с

Антоном, и аромат розы, которую он подарил бы мне, был бы гораздо приятнее, чем аромат этой».

Владимир словно уловил ее невысказанную тоску, но не стал допытываться о причине, вел себя просто и ненавязчиво.

За соседним столиком о чем-то бойко судачили две хохотушки, из динамиков лилась легкая музыка, на поверхности напитка взбухали и лопались пузырьки газа, но Алена ничего не воспринимала ясно, изредка только бросала короткие «да» или «нет», когда Владимир пытался ее расшевелить, и ждала, когда все закончится.

«Пусть будет, что будет, — вертелось каруселью в голове, — мне все равно».

Но Владимир не собирался сразу тащить ее в постель, не собирался требовать от нее чего-то немыслимого, только сказал, что у его фирмы есть возможность помочь ей как начинающей талантливой певице, и он с радостью может предложить это.

До нее еще слабо доходил смысл сказанных Владимиром слов. Алена еще не вышла из тени нелепой ситуации с Антоном, но Владимир и не торопил.

Расстались дружески. Владимир подвез Алену к дому, горячо пожал руку (мягко окутал своими большими руками) и взял с нее слово, что она обязательно ему позвонит.

Алена не помнила, ответила ему или нет. Дома все также сидела отрешенно. Хорошо, хоть сына отвела к матери, не хотела, чтобы видел ее такой подавленной, но чувствовала, что именно сейчас сына не хватает. И не только его...

Однако надо было брать себя в руки, жить дальше, растить Максима и самой становиться на ноги. Алена не желала так рано сдаваться. Ей только тридцать, она практичная женщина. В конце концов, сама сделала себя, и вероятно, ничего зазорного в том не будет, думала, если примет заманчивое предложение Владимира. Она ничего не теряет. Теперь она свободна в принятии любых решений. Впрочем, как была свободна и независима всегда. К тому же не каждый день с неба сыплется манна небесная.

Алена позвонила по телефону, указанному в визитке, и колесо ее жизни завертелось по-новому.

Владимир, как и обещал, сделал для нее все, что мог. Вышел первый альбом с ее песнями, во Дворце искусств состоялся сольный концерт. Алену наконец-то заметили в области.

Конечно, это не Москва, и о шоу-бизнесе в провинции понятия отдаленные. Да и какое шоу могла продемонстрировать Алена? Она по-

нимала, что песни ее еще слишком сырые, чтобы с ними показаться на глаза профессионалам, но в ее песнях подкупала искренность и прочувствованность всего, о чем она пела. А это, плюс ее высокий чистый голос обращали на себя внимание.

И Алена была очень благодарна Владимиру за все, что он для нее сделал. И сама захотела сблизиться с ним, хотя и знала, что он женат и любви между ними нет. Может, он был в нее влюблен, потому что нередко смотрел на нее с обожанием и страстью, но Алена по-прежнему любила только Антона. Всей душой, без остатка. Она дарила Владимиру свою нежность, ласку, какую-то часть тепла, но сердце ее для него было все еще закрыто.

Владимир упивался самодовольством. Ему льстило, что приятели удивленно спрашивали, как ему удалось заполучить такую «штучку», такую райскую птичку. На что Владимир горделиво отвечал, что это он ее сделал, что это благодаря ему она «оперилась». Но этого, слава богу, Алена не слышала. Однако Владимир все чаще стал проявлять властность.

На первых порах Алена этого не замечала. Но раз, когда класс Максима собрался на выходные выехать в лес за грибами, и она уже пообещала отправиться с ним, позвонил Владимир и сказал, что в это воскресенье она поет на юбилее у одного из его партнеров по бизнесу.

— Я все обговорил с ним, заеду за тобой в десять.

Алена посмотрела на потемневшее выражение лица сына, с которым она в последнее время редко стала видиться вот так, чтобы ни куда не спешить, никуда не бежать, и ее поначалу возмутил поступок Владимира.

Алена позвонила ему на сотовый и твердо сказала:

— Володя, как хочешь, а в воскресенье я не смогу, — даже не объясняя причины отказа.

Владимира как взорвало. Он начал с того, что обозвал дурой, потом стал призывать ее к совести, ведь как он будет выглядеть со стороны: пообещал, но не сдержал слова. Для настоящего бизнесмена это потеря лица. Но Алена стояла на своем:

— Это твои проблемы, Володя. Я тебя предупредила: я не смогу.

Сказала и положила трубку.

Тогда Владимир перенабрал ее и в этот раз не стал церемониться.

Алене так и представлялось, как он брызжет слюной от злости.

— Ты чего себе думаешь, певица хренова? Звездой себя возомнила? Или память совсем отшибло? Да ты знаешь, кто тебя на свой юбилей приглашает? Да другие о таком только мечтать могут. А ты!

И еще много чего нес в трубку, а она отчего-то не отключала ее. Только смотрела на Максима, который замер в нескольких шагах и словно чувствовал, о чем она по телефону говорит. Словно ощущал, что снова в эти выходные останется один, а другие будут с родителями, веселые, довольные, счастливые. И ему, глядя на них, не захочется ни грибов, ни леса, ни самой жизни...

И увидев эту хмурую полоску, упавшую на его лицо, Алена вернулась на землю и опять подтвердила свое решение:

— Я не смогу.

И тогда прозвучало то однозначное, резанувшее, как бритвой по горлу:

— Не забывай, что все, что у тебя есть, куплено на мои деньги!

Владимир отключил сотовый. Алена опустилась на стул и притянула к себе Максима. Одна его тонкая ручка с зажатой в ладони игрушечной машинкой безвольно свесилась.

Алена не знала, как сказать, что не сможет поехать в это воскресенье в лес, что не сможет побыть с ним и в эти выходные. Не знала, как объяснить ему, что в жизни за все надо расплачиваться, и она расплачивается теперь им ради него. Ему не объяснишь этого. А себе? Как объяснить себе, ради чего она продается? Хотя кто, как не она, это прекрасно понимала: не ради собственных утех. Поймет ли это он, ее маленький пристрастный судья детским неопытным умом? Вряд ли. Он ребенок и поэтому еще не знает всей жестокой правды жизни, где, кажется, все продается и покупается, где ради достижения какой-нибудь цели приходится чем-то или кем-то жертвовать. Хотя зачастую собой. Как объяснить ему это? Да и захочет ли он понимать? Ты — моя мать. Одна у меня. Значит, должна быть везде и всюду только со мной. Это закон жизни. Правило, которому должна следовать всякая настоящая мать. Если она мать. А Алена хотела быть для своего сына настоящей матерью, потому что уж если она не будет самым близким человеком сыну, кто тогда? Кто, в конце концов, поставит его на ноги, отвратит от скверных безрассудных поступков, направит по верному пути, как не родная мать? Настоящая, любящая мать.

Так думала Алена, и звонок Владимира разрывал сердце.

— Пойдем, родной, спать, — погладила она нежно сына по голове и повела в спальню, где уложила на кровать и нежно укутала теплым ватным одеялом.

— Ты мне считаешь? — спросил он.

— Конечно, мое солнышко, — сказала Алена и раскрыла наугад первую попавшуюся под руку книжицу из стопки на столе.

Вскоре Максимка уснул, а Алена села в задумчивости на кухне.

Чего греха таить, она знала, что рано или поздно придется столкнуться с такой проблемой: сын или работа, дом или карьера. В этом вопросе никто не советчик. Только она должна будет решить его для себя раз и навсегда. А вопрос не такой уж и легкий. Немало духа надо, чтобы укрепить сердце. Любовь питает этот дух. И ей, может быть, надо только разобраться, кого она больше любит: себя или сына.

Алена не сомневалась, что Антон сказал бы однозначно: «Поезжай с сыном», потому что Антон ее любил и не мог пожелать иного.

При воспоминании об Антоне на Алену накатило уныние. Она вытащила из серванта знакомую бледную затрепанную папку, влезла с ногами на широкое кресло у неяркого светильника над головой и стала, как раньше, одно за другим перебирать его небольшие стихотворения, все до единого посвященные ей.

Но вот среди разрозненных листков со стихами Алена неожиданно обнаружила какие-то записи некрупным ровным убористым почерком Антона, забыть который она просто не могла. Это было его письмо, но она не помнит, чтобы Антон писал ей. Значит, он нарочно вложил его между бумагами в уверенности, что когда-нибудь Алена заглянет в эту папку и обязательно прочтет его.

Алена с жадностью стала читать.

«Милая Алена, — писал Антон. — Любимая. Когда ты обнаружишь мое послание, я, скорее всего, буду далеко-далеко отсюда, может быть, проклятый тобой и возненавиденный. Но, как это ни парадоксально, именно этого я и хотел, именно этого и добивался.

Не знаю, насколько сильно ты меня возненавидела, но я уверен, что достаточно, чтобы не ждать меня и не тосковать по мне. Однако не хочу в твоей памяти оставаться последней скотиной и подонком, поэтому спешу объяснить, почему я поступил именно так, а не иначе, несмотря на то, что любил, люблю и всегда буду любить только одну тебя.

Поверь мне, любимая, что именно любовь моя к тебе толкнула меня на мысль расстаться с тобой.

Понимаю, для любимого человека нет большего счастья, чем быть рядом с тем, кого любишь. Но не осуждай меня, пожалуйста, раньше времени, а постарайся понять.

Ни для кого не секрет, как ты талантлива. Я всегда восторгался тобой и, любя всем сердцем, желал хоть на миг скрасить твою жизнь, сделать ее более легкой и светлой. Те закаты, которые мы провожали с тобой, я видел, воодушевляли тебя. Редкие цветы, которые я прино-

сил, вызывали у тебя радость. Но вместе с тем я понимал, что у нас никогда не будет будущего, потому что на мою нищенскую зарплату я вряд ли смогу подарить тебе все, что ты заслуживаешь. Поэтому я так ухватился за мысль, что твой новый знакомый сможет все это тебе дать, и лишь я, твой бедный воздыхатель, своим присутствием препятствую этому. И тогда я решил твердо, что ради твоего же блага я должен навсегда исчезнуть из твоей жизни. Это мы, мужчины, в любви сентиментальны, женщины же, как правило, даже в любви практичны и желают от любимого человека не только проявления нежности, не только ласки и тепла, но и стабильности, устойчивости, уверенности в том, что любимый человек станет для нее также и опорой в жизни. Вот последнего — то я, как мне кажется, тебе гарантировать и не могу. Сам мытарь по натуре, я бы и тебя втянул в головокружительный круговорот зыбкости, и, в конце концов, и твоя мечта, и наша любовь быстро бы канули в Лету, оставив нас у разбитого корыта наших чувств опустошенными и разочарованными. А я этого не хочу. И надеюсь, что ты воспримешь все верно и не осудишь мой поступок, потому что считаю, что любовь — это, прежде всего, самоотдача, самопожертвование и осуществленное на деле желание сделать любимого человека счастливым. Поэтому я ухожу из твоей жизни, желая только одного: чтобы твоя мечта сбылась, и ты обрела в жизни то, чего достойна, как никто другой — счастья.

Прости за сумбурные строки и постарайся все-таки понять меня правильно. С огромной любовью к тебе, Антон».

Алена отвела глаза от листка, но ничего не увидела перед собой: в глазах стояли слезы, а в голове роем вились фразы из письма Антона.

До Алены никак не доходил смысл того, о чем она прочитала. Каждая строка казалась нелепицей, абсурдом. Как можно любить человека и отвернуться от него! Мало того: самому отдать свою любовь в чужие руки! Антон испугался, что не сможет обеспечить ее будущее, — но разве в этом дело? Если они по-настоящему любят друг друга, будущее их только в единстве сердец и желаний. Разве не легче переносить невзгоды, деля их пополам, а не перекладывая с одних плеч на другие? И разве любовь не порождает взаимной ответственности и взаимного желания осчастливить любимого?

И стала ли она счастлива, потеряв любимого человека? Нет, не стала. Почему об этом ты не подумал, Антон? Почему испугался будущего? Почему решил, что оно будет сплошь затянато свинцовыми тучами? Может быть, не так сильно любил?

Алена не знала, что думать. Антон добился своего. Но если после расставания с ним она его ненавидела только за то, что он так просто, не объяснив ничего, оставил ее, то теперь своим письмом он вызвал у нее еще и презрение.

Антон выказал свою слабость, слабость и как мужчины, и как человека. Но любовь — это удел сильных, значит, он совсем не любил ее, так как не захотел за свою любовь бороться до конца. Добивайся, мол, Алена, сама для себя счастья, а я побуду в стороне. Вот и вся любовь. И не надо никаких высокопарных слов. Поступки — отражение желаний.

Так думала Алена. И странно, это письмо, вопреки ожиданиям Антона, не вызвало у нее ни капли сочувствия или умиленности его поступком. Напротив, оно только воодушевило ее, придало уверенности в себе.

«Судьба ласкает сильных», — подумала Алена и выбросила в мусорное ведро письмо чужого человека.

Владимир долго не подходил к телефону, но когда, наконец, на том конце провода раздался его голос, Алена сказала:

— Володя, надеюсь, ты меня правильно понял: воскресенье я проведу с сыном. Как хочешь.

Сказала и положила трубку: ей было уже все равно.

Ерофим Сысоев

Шарлахберг, Германия

БИСМАРК И КОБЫЛИЦА

"Канцлер Е-Бисмарк пытается отправить Е-мэйл с И-пода" — на картинке с такой подписью намозоливший в свое время немцам глаза канцлер действительно что-то пытается... — но пикселей на ней мало, детали сливаются, и установить, действительно ли в руках у канцлера айпод, не представляется возможным, приходится верить на слово.

Всё это у меня в толстенной папке — материалы креативщиков трех факультетов нашего Международного Университета Истинного Знания в вузовскую газету, где мне приходится подрабатывать, поскольку за социальный ангажемент добавляют баллов в общий индекс, а оценки у меня средненькие и поведение хромает — вот и приходится,

волонтерствуя, доказывать ректору свою нужность, чтобы не оказаться на улице: студенту-бюджетнику, к тому же вечернику в зрелом возрасте, достаточно для этого иной раз неловкого взгляда или неопрятного вида.

В папке этой интересно порыться — и каждый раз я потом заново перетасовываю отдельные листочки, чтобы внести немножко randomness в это чтиво на будущее. Тут у нас и таинственная "Самка Сусамка", и "Лисопятые", и персонаж Пенократов — наверняка положительный, и лозунг "Не опоздай в школу — уважай комсомолу...", и город Гневноведровск, что-то отдаленно напоминающий, и много еще чего. Стоило бы собрать это всё в рассказ или даже повесть — но чем связать разрозненный пестрый креатив, делавшийся как шутка-однодневка и по каким-то причинам не попавший пока в газетный выпуск?

Университет наш, сознаюсь, называется диковато. Но это произошло при регистрации, нужно было обойти кое-какие формальные препятствия. На самом деле он возник на базе бывшего Болотинского филиала областного сельхозинститута, полностью истощившего свои силы и центральное финансирование в Перестройку, не ко сну она будь помянута.

Теперь Университет живет на плату студентов и пожертвования спонсоров и имеет пять факультетов, профили которых учитывают произошедшие в стране изменения. Это факультеты Истинных Трав, Истинных Грибов и Истинных Цветов — профильные; а также факультет почвоведения — бывший агрономический, — и факультет Истинной Техники, на вечернем отделении которого я и обретаюсь.

Технику мы учим обычную, как ее учат в нормальных вузах: механику, термодинамику, гидравлику и всё прочее — травам, грибам и цветам всё это тоже нужно, иначе сдохнут, повянут, и капитальные вложения в Истинное Знание не окупятся. А инженер он и в Африке инженер.

Газетные материалы от почвоведов и техников в редакцию поступают нечасто и в основном всё обзорного характера, без огонька. А ректор у нас, формально курирующий выпуск газеты, — он как раз человек с огоньком и желает чтоб всё было ярко и остро — в рамках приличий конечно. Тем более что поначалу ведь вообще все ориентировались на западные образцы, а у тех понятно какой материал в газетах, да и вообще где угодно: либо рок без конца с какими-то выкриками, либо Том и Джерри в мультиках: такого вот, наверное, и хотелось бы ректору...

Кстати, техники в целом это совсем не касается — возвращаясь к нашему факультету. Тут даже у самых различных народностей можно заметить определенные достижения, имеет место, так сказать, здоровая конкуренция. Ватт вон, как пишут, когда еще объяснял нашему отечественному Ползунову за пар, что дескать пар есть агрегатное состояние всякого вещества. И добавлял: "Понял ты теперь, дикарь и варвар?".

"Хлебло завали, чмо нерусское..." — без выражения ответил ему тогда Ползунов, и мы до сих пор не знаем, чья аргументация в отношении пара лучше и эффективнее. Немцы — те точно купили у англичан всё готовое, в смысле их готовые паровозы и даже рельсы, и только потом начали сами осваиваться с этим хозяйством, и то без особой спешки: у власти стояли курфюрсты, и те считали что дым и грохот тевтонской родине не к лицу и надо настроить лучше различных каналов и грузы возить по воде — ну, и потом на лошадках до конечного потребителя. То есть идею почвенной цивилизации Леонида, опасавшейся всяких последствий прогресса, Стругацкие, возможно, просто списали с тогдашней Германии. Потом, кстати, Гитлер придумал римейк на тему природы: давайте устроим, писал он, что хлеб немцам будет растить Украина — под нашим, понятно, тотальным контролем, — а тевтонская листовенность пускай вся останется для оленей, косуль, кабанов и приятных прогулок.

"Вины з нас хотят зробить хуторян", жаловались тогда отдельные украинские патриоты — и были в общем-то правы.

Профильные факультеты и вправду посылали в газету острое... ректор по праву мог ими гордиться. Вот такой стих я тут недавно видел в редакционном портфеле, как у нас с пафосом называется уже помянутая ранее папка с завязками, в которой хранится "самотёк":

Арык несет в ночи фекальи,
И слышны звуки пассакальи.

Ударение в "слышны" поставлено корневое, на первое "ы", как делали это в старые времена, поэтому в целом выходит складно. Автор предлагал на выбор и еще один вариант: первая строчка в нем звучала как "В канале плещутся каналы...", но эту версию мы забраковали как чересчур почвенную, без диалектики, тем более что автор, как выяснилось, оказался не с профильного, а именно с почвенного факультета, к которому я еще собираюсь вернуться.

Кстати, на "ы" ударение падало и в следующем двусилии, которое поступило к нам без начала и продолжения — видимо в качестве какой-то шутки:

Ёрзает и тылится
Сухово-Кобылица...

Текст, как видно, перенасыщен аллюзиями и буквально искрит энергетикой. "Тылиться" означает сдавать задом, как сдает самосвал к экскаватору под погрузку, это каждый может проверить по справочникам. С "Кобылицей" и ее ударным "ы" добраться до сути было не просто: в тексте нет никаких указаний, имеется ли в виду супруга известного в свое время драматурга или какая-то иная "особа жыночей стати", как выражаются помянутые выше хуторяне. "Авторство, творчество... — писал создатель «Свадьбы Кречинского», — ...есть способность развить в себе напряженность, переполненность, избыток электричества, заряд; этот заряд превратить в представление или мысль; мысль излить на бумагу... и такой общественный акт духа сдать в кассу Человечества". В общем, это он очень конкретно и грамотно как-то сформулировал — не зря учился в МГУ на физмате и знал, наверное, все теоремы и формулы.

Однако кончилась история эта не только «Смертью Тарелкина», но и смертью его, Кобылина, подружки-французенки. "И вот вам результат, — как пелось в одной песне, — ...двенадцать негритят..."

Короче, Кобылин, или скорее Сухово, провел под судом и следствием многие годы, кое-как наконец откупился, и никто до сих пор не знает правды в этой печальной истории: может, оно и было, это убийство — от ревности и любви.

Живорождение, кстати, давно следует отменить, я так считаю, — в нем корень многого зла. Женщинам можно, к примеру, велеть метать икру, а мужчинам после ее обсеменять — но уже потом, когда она, как говорится, смётана. Технически это сегодня вполне возможно — достаточно незначительной генной модификации, типа укольчика. А социальный результат, я уверен, явится налицо: все эти кошмарные преступления на сексуальной почве — начиная с какой-нибудь леди Макбет — сами собой прекратятся, а то статистика по ним буквально тревожит. Вон Вайнштейн, например — он ведь так и сидит в тюрьме у себя в Америке. За что, спрашивается? Ну, предлагал актеркам продвижение по службе за встречные услуги сексуального характера. Причем продвижение имелось в виду в его собственных фильмах, то есть в проек-

тах, которые он финансировал — включая фильмы его приятеля Тарантино. Не знаю что и сказать... Да может у него в уставе фонда, или где там он брал свои денюжки, так и было написано: мол, ни одну юбку в фильмы задаром не пропускать, со всех актрисок брать дань натурой, как это обычно называют таксисты... и много еще кто. А что? Такое в свободной стране безусловно возможно, в смысле такой устав в финансовом фонде. Ведь он же продюсер: не хочешь сниматься у нас... — иди гуляй...

Но в том-то и дело, что сниматься они даже очень хотели, вот в чем была у них эта загвоздка. Зина, к примеру, тогда, помню, так и сказала: "Возьми меня помощницей в вашу газету — и можешь мною располагать. Страсть как хочу сделаться журналисткой..."

— Как это располагать?... — удивился я.

— Вот так и располагать, как ты это только что понял, — пояснила циничная Зинаида. — Ну, если захочешь, конечно. А то мой Монотолый уже реально достал.

— Кто это — Монотолый? — поинтересовался я.

— Муж, — пояснила она. — Нудный в постели как кухонный комбайн. Пыхтит и пыхтит — а толку никакого.

Зинаида тогда рьяно взялась за дело, и язык у нее был бодрый, хороший — не знаю даже откуда. Это она нарыла в горах нашего самотёка стишки с ударной "ы", которые я поместил выше.

Вообще феномен ударения — или, точнее, поэтического метра, как поэты внутри цеха называют ритмику фразы — занимал мою новую помощницу отчасти даже болезненно.

— Придет серенький волчок... — кривила она лицо, не лишенное известного шарма. — По-русски это слово произносится "при-дЁт", а не "приДет". И значит вся строчка разваливается. Сраный фольклор... А дальше? "Иу-хватит за бочок..." Кто она такая, эта Иу? Пришелица?

— Может, микрощелица?... — с сомнением подсказывал я.

— Вот именно... Живем среди химер... Один Чуковский чего стоит с его пророчествами... "Будут вас кусать, бить и обижать..."

— Время было такое. Всякая пена лезла вверх без портянок... Да и теперь не лучше. Теперь мы "чилим" — как раньше "кайфовали", а до этого сурляли и друшляли. Планктон дохнет со скуки — и занимает себя словотворчеством. В Москве "сижки", в Питере — "сирики"...

— Это еще что?

— Сигареты. Скучное слово. Сижки веселее.

— ...Или ипотека, — продолжала брызгать желчью Зина. — Гипоте- за и гиппопотам — у них спереди "г". Так почему в ипотеке ее нет? Она что, особенная? Приставка одна и та же... Поубивала бы...

— Ага, — соглашался я. — Этот как "пиво" вместо "пыва"...

В общем, в отношении критиканства у нас с Зинаидой обнаружи- лись родственные души. А еще говорят: мол, если вокруг всё не нра- вится — значит состарился... Но Зина-то ведь еще совсем молоденькая! Нет, тут что-то другое, дело не в старости. Критик — он в первую оче- редь гражданин: он не ссучился, не махнул рукой на Вселенную, не променял мечты и принципы на пармезан и чизкейки... А то вот еще у нас в южных регионах, типа станицы Должанской или, к примеру, Май- копа, многие говорят пихта́, свекла́, а́рбуз, нена́висть — и даже Буратино́. Не может такое быть просто локальной аномалией. Больше любви, понимания, заботы наконец — вот чего хочется пожелать по от- ношению к таким людям.

— Ага, — возражает циничная Зинаида. — Бог есть любовь...

И тут же добавляет с ухмылкой:

— А лук есть морковь.

— Боб Марли... — вставляю я свои пять копеек. — Горох Бинтов.

— Зачет... — коротко комментирует моя помощница.

В зоопарке, где Зина служила до университета, до факультета гри- бов, она по разнарядке ухаживала за удодами и работала в пересменку с девчонкой-египтянкой пять дней по двенадцать часов, а потом пять выходных. У двоих девушек выходило по полторы ставки, то есть хва- тало на шнапс и косметику, помимо всего прочего, что нужно юной женщине для поддержания жизнедеятельности. Сменщицу звали Ацу- би, и от нее постоянно как-то по-египетски пахло.

— Погрызу в обед "Мылкий Вэй", — говорила Ацуби на своем дико- ватом каирском английском. — А то стала жирная как ваш Херхоров.

— Кто-кто? — переспрашивала Зина, уже на ходу понимая о ком идет речь. С Киркоровым, кроме роста, у Ацуби в облике действительно имелось определенное сходство.

— Я тоже поправилась, — добавляла она. — У меня на обед вообще только витаминная водичка. Напиток освежающий "Сосало"...

Ацуби не улыбалась — наши шутки ей были по барабану.

— О! — восклицаю я, отрываясь от монитора. — Британские ученые доказали: кошки вызывают рак.

— Дурак! — без задержки возражает Зинаида, поднимая голову над корректурой. — Коты лучше людей могут понимать что им говорят.

— А вот и не могут, а вот и не могут, — не сдаюсь я. — Сама дурак.

— Секса сегодня не будет... — подводит она скорый итог нашему спору.

— Нет будет, нет будет. По крайней мере у меня...

Иногда мы, конечно, ссоримся — но никогда всерьез. Зинаида — моя большая находка... несмотря на ее Монотолия. Существование его продолжается, мужа никто не отменял. Хорошо что он дальнобойщик: на выходные Зина просто исчезает в семью, а я занимаюсь накопившимися за неделю делами.

— О! — вскрикивает будущая журналист. — Графиня Норушкина... кажется, новый автор... что-то я не узнаю стиль.

Заметки без подписи у нас запрещаются. "Каждый в ответе за свое произведение с момента написания" — фразу эту приписывают Гребенщикову, но услышал я ее от ректора, когда получал от него вводную по редакции.

Только вот как проверить, своим ли именем подписался автор? Есть, конечно, деканатские списки, но к ним у нас нету допуска, да и видеть факультетских деканов лишний раз нам не хочется.

Эту информационную недоработку очевидно чувствуют наши газетные авторы, поскольку подписываются они какими-то кличками, а не своим именем. Вильям Медалидзе и Рита Хворостиныч — в это еще можно как-то поверить, но встречается такое, что делается неловко: Буль-Гаков, Доктор Бор-Минтай, Соскобов, Инджой Бастурменов, Вардан Долбанян, Прасковья Эдиповна и даже Сара Хулько. Плюс загадочные Найдёнер и Британидзе.

Кстати, кошку супруги Монотолины тоже называли не без выдумки, Сикамура — в честь известного японского киноактера, мастера по разным единоборствам. С появления Зины в редакции кошка сидит дома одна-одинешенька: наши служебные, а также внеслужебные отношения с ее хозяйкой отнимают немало времени. Но зато в выходные, когда Анатолий на месте, животное от души оттягивается. Дома у Монотолиных я, понятно, никогда не бывал, с Зиной мы встречаемся у меня.

Звонит мобильный. Зина сегодня на выезде: собирает для номера городские сплетни.

— Я его засняла, шеф, ура! — кричит она в трубку. — Будем печатать очерк?

— Кого, Зина? — устало спрашиваю я.

— Главного рептилоида... — поясняет она как нечто само собой разумеющееся. — Сняла на мобилку как он превращается...

— И кто же это? — без интереса уточняю я.

— Наш ректор, конечно! — выкрикивает она. — Кто же еще...

Пазл складывается: я и сам не раз задавался вопросом кому нужны сотни специалистов по Истинным Грибам, Цветам и Травам, которых мы выпускаем. И вот теперь всё становится на свои места.

— И он еще собирается открыть у нас актерский факультет, — добавляет Зина. — Истинного Актерства, конечно.

— Приезжай, — деловито говорю я. — Посмотрим твоё видео и всё обсудим.

— Что тут обсуждать?! — восклицает Зинаида. — Это же бомба! Разоблачение...

"Всё не так просто, деточка, — печально думаю я. — Всё не так просто".

Пока Зинаида едет из города, я досматриваю большую заметку "Вегетанты и релоканты Истинного Знания", подписанную коротко "Е-Лисапета, III курс, ф-т Грибов".

— Как ты его подловила? — спрашиваю я Зинаиду, когда она появляется в редакции.

— Он сам меня пригласил на какую-то заброшенную стройку, — поясняет она. — И пошел в бытовку якобы переодеваться...

— Ого! — поражаюсь я. — А ты, Зина, не промах... Смотри, Анатолий узнает...

— Ты что?! — восклицает она. — Какой теперь Анатолий... У нас ректор — ящер. Знаешь, какая у него чешуя?..

— Ну и как оно всё у вас вышло? — спрашиваю я напряженно, но сдерживаясь. К Зинаиде я в общем-то уже привязался — хотя и не планировал этого делать.

— Ну как вышло... — мнется она. — Так вот и вышло.

— Я давно уже об этом догадывался... — комментирую я. — Какое-то шестое чувство, знаешь?

— Знаю, — тут же соглашается Зина. — А может, тебе тоже проверить? Ну... на чешую?

— Ты молодчина, — говорю я. — Ты всё делаешь правильно. Надо потерпеть, ты всё же трудишься теперь для всего человечества. Попытайся втереться к нему в доверие, выявить возможные связи...

— Тебе меня совсем не жалко? — с укором спрашивает она. — Я думала, что между нами серьезно...

— У нас и есть всё серьёзно, — подтверждаю я. — Но когда происходят разоблачения планетарного уровня, личное следует отставить в сторону. — И я важно хмурюсь.

— Предатель... — без задержки реагирует Зинаида.

— Чего это предатель?! — возмущаюсь я. — Вон посмотри лучше, что у нас пишут adeпты Истинного Знания... — И я подвигаю ей контрольную распечатку особой полосы Технического факультета с жирным заголовком-шапкой "Ни Ому, ни Герцу...".

"Лето по УДО", "Болезнь Е-Боткина", "Морозки против отморозков" — пестрят по странице подзаголовки рубрик. В самом центре в рамке с подписью "Юмор" помещается коротенький анекдот: "Путевой обходчик — Карениной: Анька! Встань-ка!", подписанный некой Снегоурочкой.

— Ты думаешь, всё это случайно? — печально спрашиваю я.

— И не смешно ни грамма... — кривится, просматривая тексты, Зинаида. — Зачем ты печатаешь всякую дрянь?

— Это не дрянь... — со значением говорю я. — Попробуй сама определить, где тут природное, а где творчество рептилоидов.

— Рептилоиды — это тоже природа, — мрачно замечает Зинаида и усаживается за стол за работу.

— Стой! — придерживаю ее я. — Возьми вот еще страницу почвенного... у них опять полстаницы про гумус...

— В смысле про говно? — уточняет циничная Зинаида. — Сейчас эта тема в тренде: биопродукты и биоудобрения в сетях на подъеме.

— Да они уже не просто шутят, а придумывают новые словечки — типа энциклопедии или словаря: "не фекался", "Пердипов комплекс", "подосрительно", "Бздислав", "писать бздиhi", "возсратный глагол". По мне так это уже за гранью.

— Не наше дело определять грань... — возражает Зинаида. — Народному творчеству никто не указ — оно было и будет, несмотря на масонов и ящеров... Я вон слышала, в Сызрани газету местного пароходства "Речной вестник" переименовали в "Волгоёб". А ты говоришь "грань"...

— Ага, — соглашаюсь я. — "Когда судно дало течь, он принялся ухаживать за крысами в трюме..."

— Ну... можно и так, — легко соглашается Зина...

— Я полюбила другого... — хмуро заявила моя подруга прямо от двери, появляясь сегодня в редакции.

— Кого это, стесняюсь спросить, — так же хмуро удивился я, поднимая голову над бумагами. — Неужели опять Анатолия? Ему что, прибавили жалования?

— А вот и не Анатолия! — дерзко возразила Зинаида, направляясь к своему столу. — Вовсе не Анатолия...

— Кого же тогда? — заинтересовался я. — Неужели ректора?

— Ты как угадал? — обеспокоилась она.

— К этому шло... — непонятно пояснил я. — Но он же рептилия...

— И что? — хмыкнула в ответ Зина. — По-твоему нельзя полюбить рептилию?

— Не знаю... — честно сознался я. — Наверное, он что-то пообещал?

— Ну и пообещал, — раздосадованно подтвердила она. — И полно всего пообещал, кстати. Не то что ты с Монотолем — только пользуетесь мной как... — Она задумалась на мгновение. — Как домашним животным!

— Могу я предположить, что ты здесь теперь главный редактор, а меня с понедельника увольняют?

— Ты опять угадал... — подтвердила она. — И не с понедельника, а уже с четверга. Но я тебя пожалуй оставлю. У тебя опыт...

— У меня и еще кое-что... — согласился я. — Чего вероятно нет у рептилии. Ну, или есть — но не такое. К тому же ко мне ты привыкла.

— Это правда, — не стала спорить Зинаида.

— Тогда не торопись... — посоветовал я. — До конца недели работаем как и работали. А вечерами трахаемся — ежедневно. Ты всё поняла?

— Пожалуй ты прав, — задумчиво согласилась новый редактор. — Не нужно пороть горячку. Ты в общем-то ценный работник... и не только работник.

Она загляделась в окно, а затем проговорила мечтательно:

— Зато теперь я журналист. Редакторская ставка засчитывается потом как диплом.

— "Поздравляю вас — вы улиточка, — пошутил я. — Ваш домик теперь всегда с вами".

— Это еще что такое? — не поняла Зинаида.

— Мем от Зои Арефьевой... погугли.

И мы занялись каждый своим делом.

...А в субботу в город внезапно приехал с визитом Нгуен Хыу Тхо, и всё в считанные дни изменилось.

Во-первых, все три городских рынка буквально заполнились поддельными фирменными сигаретами в половину магазинной цены. Во-вторых, шлёпанцы-сланцы снова стали называть вьетнамками, как это было до развала Союза.

В городе стало тревожно и радостно. Мы с Зиной даже пропустили один наш интимный вечер у меня на квартире, поскольку допоздна участвовали в народных гуляньях.

— Это какой-то левый Нгуен... — заявила Зинаида, врываясь в редакцию на третий день визита высокого гостя. — Я посмотрела: реальный Тхо умер еще в прошлом веке, в девяносто шестом году.

— Скажешь тоже... — засомневался я. — Кому нужны такие розыгрыши?

— Как кому?! — возмутилась новый редактор. — Рептилоидам...

— А если это новый Нгуен? — предположил я. — И зовут его точно так же как старого?

Зинаида молчала.

— Эх ты... — проговорил я. — А еще с грибного факультета...

— Вот именно, — решила стоять на своем она. — Грибы тоже появились везде какие-то левые — таких грибов у нас сроду здесь не бывало. И Анатолия отзывают назад из поездки, завтра с утра уже явится.

— Ты осторожнее там с двумя-то... — тепло посоветовал я.

— Не маленькая... — хмуро ответила Зинаида. — Рептилия у меня не бывает — шофер возит меня к нему на дачу, как бы для срочной работы с документами.

— А на самом деле?... — не удержался я от вопроса.

"Выше жопы не прыгнешь, — утешал я себя в связи с грядущим увольнением. — С чего это ты возомнил себя главным редактором?".

Насчет "ваше жопы" я знал еще с детского сада, в который, кстати, пошел до срока, двухлетним. Можно, конечно, вместо "фосбери флоп" тренировать обычный "перекидной", когда ноги через планку летят впереди головы... Но заднее место упорно следует за ними — и тянет прыгуна книзу.

Под Зинаидой в редакции мне жизни не будет — это я за несколько дней понял отчетливо. Да и саму Зинаиду с двумя ее мужчинами следовало, очевидно, заменить на нечто менее экзотическое — студентку-почвенницу, к примеру, или сестричку из женской консультации, чтобы всё понимала в плотском.

И я, взяв свободных полдня, отправился в консультацию у нас на районе — якобы за номерком. "Отдохну хоть от этих студенческих шуточек ниже пояса..." — думал я по дороге.

Планам моим, однако, не суждено было сбыться — по крайней мере в задуманном мною виде.

Женщины, как известно, окидывают взглядом потенциального партнера с головы до ног — так же как и мужчины. Другое дело, что взглядывают они на мужчину неприметно, а не пялятся в открытую, пуская слюни, как это делаем мы.

Я как раз стоял в небольшой очереди у киоска с соками и выпечкой, желая купить себе чего-нибудь подкрепиться, когда в поле зрения появилась ОНА — на удобных небольших каблучках, в юбке адекватной длины и в блузочке, линии которой позволяли предполагать "райское блаженство", как выражались о плотском во времена Державина и Жуковского.

Видимо, мой типаж в целом тоже пришелся ей по душе... она, очевидно, поняла, что я заметил и оценил ее взгляд, я же молча вышел из очереди за пирожками и, немного помедлив, отправился за нею следом, не упуская из виду.

Солнце светило по-летнему, в кронах платанов, которыми у нас засажены все бульвары, всюду надрывались какие-то птички... — в общем, "Погодка шепчет: бери расчёт..." — как пелось в какой-то доисторической песне советских времен.

"Про расчет это в самую точку, — тут же хмыкнул про себя я, вспоминая о своем нынешнем положении в редакции. — Пора начинать новую жизнь".

И я в несколько шагов нагнал шагавшую впереди девушку.

— У меня есть предложение... — начал я, поравнявшись.

— Какое? — доброжелательно поинтересовалась она.

— Давайте сядем где-то в открытом кафе, на улице... — ну как будто мы оказались за столиком случайно...

— И?.. — не поняла она.

— И можем потом познакомиться, если вы захотите. Но сперва будем просто сидеть как незнакомые...

— Вы со всеми на улице так знакомитесь? — улыбнулась она немного скептически.

— В том-то и дело что нет... — пояснил я. — Я в общем-то интроверт, заговорить с незнакомкой для меня настоящий подвиг.

— Вы уже хвастаетесь? — переспросила она. — Или это какой-то туманный комплимент?

— Это скорее мысли вслух, — проговорил я. — А так я могу рассказать вам о нашем Университете, если это будет интересно. Глазами инсайдера, как это говорится.

— Пожалуй мне это интересно, — согласилась она. — Вот это кафе впереди ничего. Я в нем бываю с подружками...

Мы уселись за столик на открытой веранде и заказали напитки.

— А у меня нет подружек... — немного кривляясь, продолжил я. — Работа, работа, работа...

— Это печально, — согласилась она. — У меня похожая ситуация...

— А как мне вас называть, если придется вдруг обратиться? — поинтересовался я.

— В каком смысле обратиться? — насторожившись, уточнила девушка.

— Ну, скажем, я увижу вас в толпе на улице... — пояснил я. — В очереди на маршрутку.

— Я не езжу на маршрутке, — нахмурилась она. — У меня "Мини", в кредит...

— А если Мини сломается? — не сдавался я.

— Хорошо, — решила она пойти мне навстречу. — Зовите меня Улита. Просто Улита.

— Это шумерское имя, — решил я блеснуть эрудицией.

— Мы луговые мари́йцы... — строго заметила Улита. — Вообще-то.

— А мари́йцы происходят от древних шумеров, — пояснил я.

— Правда? — хорошо улыбнулась она. — Не знала... — И тут же добавила: — А близкие приятели зовут меня Мидия... Ввиду некоторых особенностей.

"Рептилия... — вдруг озаряет меня. — Моллюск. То-то кожа такая блестящая. "Улиточка"... правильно говорит эта Зоя — не зря ее "Кощичкин тилипон" идет нарасхват в "Буквоеде"".

Улита тем временем болтает по телефону, потягивая заказанную ею цветную водичку — какой-то фруктовый коктейль.

— Он брюхатит ее уже по третьему разу, — сообщает она в трубку. — Причем трансмурально — ну, то есть через стенку. Они даже не знакомы лично.

Я настораживаюсь.

— Но как такое возможно? Через стенку... — продолжает она возмущенно.

Мне не слышно ее собеседницу — но голос определенно женский. "Извините..." — показывает она мне жестом и продолжает разговор.

— Наверно это флюиды какие-то. Сильные... А она девушка с лабильной психикой. Нет... при чем тут ее пи... — Она смущенно прикрывает ладошкой рот. — Тут дело в ее психике...

Подруги прощаются.

— Извините... — еще раз говорит она, откладывая в сторону телефон. — От Ирины так скоро не отвязаться. — И она хорошо улыбается.

— Она из Калининграда... — добавляет Улита с таким видом, как будто эта локация что-либо проясняет.

— Так почему Мидия? — спрашиваю я, тоже улыбаясь.

— Этого я не могу рассказать сразу...

Дальнейшие события развивались стремительно.

Мы еще поболтали о чем-то незначимом, об Университете, о нашей редакции, а затем она вдруг посерьезнела, как будто изнутри ее вдруг подменили.

— У вас есть место, где мы могли бы остаться вдвоем? — спросила она.

— Нн-не знаю... — промямлил я. — Мне надо сперва позвонить.

Вести Улиту сразу к себе мне совсем не хотелось — я будто бы что-то предчувствовал.

— Тогда мы поедem ко мне, — отрубила она. — И давайте сразу на ты. У меня есть для тебя разоблачительный материал...

"Ну вот, — констатировал я про себя. — Вся эта встреча подстроена. Чутье меня не подвело".

— Хорошо, конечно, — согласился я вслух. — Только давайте доедим и допьем что у нас тут заказано. К ресурсам планеты следует относиться рачительно, они не безграничны...

Разговор "на ты" потек намного живее, и вскоре уже казалось что мы знакомы давно и просто многие годы не виделись, а теперь по счастливой случайности встретились снова и буквально не можем наговориться.

— Что характерно... — увлеченно щебетала Улита, — ...Ватто еще триста лет назад изобразил Тарантино в "Мужском портрете", только чутко пожирнее, чем тот сегодня. Чем ты мне это объяснишь?

"Какой еще там Ватто? — тут же подумалось мне.

— Время было такое... — предположил я. — Ели редко и потому помногу. Микроволновок не было, а в печи скоро ли всё разогреешь? Вот и наедались впрок...

— То есть то, что Тарантино как минимум триста лет, тебя нисколько не удивляет?

— Нет, — легко подтвердил я. — Вон черепахи живут по триста лет — и никого это почему-то не парит.

— Земноводных не трогай! — вдруг прикрикнула моя спутница. — Они почти что рептилии.

— Виноват... — скорбно потупился я.

Я расплатился, мы сели недалеко от кафе в полупустой троллейбус, проехали пять или шесть остановок и, по-прежнему непринужденно болтая, вскоре пришли на место, то есть поднялись в лифте на четвертый этаж какого-то дома и Улита отперла ключом квартиру.

— Иди включай душ, — строго приказала она, когда мы сняли в прихожей обувь и верхнее. — Будем плескаться...

Время дискретно, как утверждают ученые и как можно заключить глядя на дергающуюся секундную стрелку китайского будильника. Но у меня в ванной, к примеру, висят часы с текучей стрелкой — она не дергается, а плавно идет по кругу. И сами часы не тикают, что нравится мне гораздо больше, чем бесконечный "count-down", которым буржуи пытаются подхлестнуть нашу исконно-российскую созерцательность. Плавное, неразрывное время нравится мне гораздо больше, чем время дискретное, прерывистое, с дурацкими зернышками-секундами. Это как мерить водку миллилитрами — как будто это вообще возможно...

Короче, когда мы снова оделись и уселись перед журнальным столом у нее в гостиной, времени утекло порядочно.

— Итак... вот материал... — строго проговорила Улита, передавая мне невесть откуда взявшуюся у нее в руке флешку. — Печатать лучше кусочками, чтобы не привлекать лишнего внимания... — И она кивнула на потолок, намекая на некие вышестоящие силы, от которых следовало ждать неприятностей.

— И еще... — продолжила она. — Сейчас тебе нужно будет уйти. Скоро должна заглянуть соседка, и я пока не хочу чтобы она тебя тут увидела. Но помни: у меня на тебя большие планы. Без обид... — Она немного нахмурилась. — Мы ведь теперь друзья?

"У Зины тоже были большие планы на Чердынцева... — припомнилось мне из отечественной классики. — И в принципе всё у нее получилось..."

Я кивнул с наивозможной вежливостью, поднялся с кресла, мы наскоро поцеловались в щечку — и вскоре я уже снова шагал к остановке троллейбуса.

Сюжет уже буквально со второй страницы текста сам начинает жить своей жизнью: это известная вещь. Персонажи приобретают неотъемлемые, не отделимые от них более черты. Они уже не могут, к примеру, обидеть котика или взять в Кабардинке в столовой пансионата чужое, какую-нибудь еду, даже если она осталась без присмотра. Всё это, в общем-то, очевидно: сюжет строит себя сам, автор лишь засыпает в бункер новые порции слов.

Что меня, если честно, беспокоит в этой истории — так это промелькнувшие в ее начале Бисмарк и — в меньшей степени — Сухово-Кобылин, точнее его благоверная супруга, названная Кобылицей — вероятно несправедливо. Не знаю, посмотрим... Что-то такое с ними тут еще должно произойти. Иначе придется всё переписывать заново...

— Мне тут передали разоблачительный материал... — сообщил я Зинаиде, появляясь наутро в редакции. — Посмотреть еще не успел, так что можем вместе...

— Кто передал? — осторожно поинтересовалась она.

— Анонимус какой-то, — соврал я. — Представь: выношу вечером мусор... уже темно. Подходит у баков какой-то в маске — и сует мне флешку. Мол, почитайте.

— Хорошо что не ножик... — без выражения проговорила мой главный редактор.

— Хорошо... — согласился я.

И мы открыли текст на большом мониторе, чтобы удобнее было читать вдвоем.

"Токсоплазма", — называлась эта печальная, как вскоре выяснится, история.

"Одна девочка очень любила пробовать фарш, — следовало за заглавием. — Но ей не давали. Тогда девочка не растерялась: вот крутит ее мама фарш, а девочка пошла незаметно в прихожую, приоткрыла входную дверь и сама себе в дом позвонила.

Потом бежит в кухню такая и вопит голосом:

— Мама! Звонят! Мама! Звонят!

А мама бросила фарш и говорит:
— Чего орешь? Не глухая! Слышу...
И пошла открывать".

— Это какая-то чушь, — констатировала Зинаида.
— Читай дальше... — возразил я. — Стал бы мужик из-за чуши выслеживать меня возле мусорных баков.
— И то верно, — согласилась Зина, и мы продолжили чтение.

"Этого-то девочке и было надо", следовало дальше.
— Чего это "этого"? — снова прервала чтение Зинаида.
— Не мешай... — фыркнул я.

"Кинулась она к миске, — продолжалась история, — что стояла под мясорубкой, и как раз половину фарша себе за щеки и затолкала. А потом шмыгнула в ванную комнату гигиены, где у них была ванна и всё другое, и напевает там про себя без слов, одним носом: "Ммы-мы-мы... ммы-мы-мы...", типа ей весело и она просто пошла в ванную по надобности".

— Я это печатать не буду, — хмурясь и поднимаясь из-за стола объявила Зинаида. — Это писал почвенник... И эти стиливые потуги какие-то под лубок... Электика! Нам таких разоблачений не нужно.

— Давай сюда флешку, — без возражений согласился я. — Посмотрю еще дома и сообщу тебе вкратце, в чем там вообще прикол. Если обнаружу таковой.

И мы — каждый сам по себе — занялись текущей работой.

Вечером дома я уселся за монитором и дочитал историю о девочке до половины. Вот что там про нее было — в кратком литературном пересказе...

"Мама девочки, оторванная от фарша ложным звонком, вернулась от двери в квартиру злая, и потому пропажи фарша не заметила, решив что просто пока еще мало его накрутила мясорубкой, — девочка же тем временем, сидя на краю ванны, наконец прожевала набитый в рот фарш, а затем пошла, как ни в чем не бывало, в свою комнату, типа насчет приготовления домашних заданий, чтобы не выглядеть в школе наутро дурочкой и debilкой. А токсоплазма тем временем уже начала размножаться у нее внутри, в животике — несмотря на кислую, как это говорится, среду".

От выражения "в животике" я скривился — стиль в этом тексте действительно хромал на обе ноги.

"Наутро девочка выглядела еще вроде как новенькая, — стояло дальше на моем мониторе, — и румянец на щеках, и ямочки где надо, и всё такое. Но токсоплазма уже принялась делиться на клетки.

"Размножаться это и есть делиться... Повтор..." — раздраженно подумал я.

"Теперь помочь девочке мог разве что хороший пистон, то есть клизма с хлорной известью, — писал далее неизвестный автор. — Но пропажи фарша мать девочки не заметила, обеспокоиться потому не могла и факт заражения остался покрытым тайной. Только в далекой Стране Эльфов зашевелились поганки и мухоморы, близкие родственники токсоплазмы".

"Автор жжет... — пробормотал я. — Это наверняка кто-то с факультета грибов. Только вот как тогда флешка попала в руки к Улите?"

Дальше было еще что-то про мамину кошку, которой токсоплазма не чинила никакого вреда, про пропущенный урок биологии... — я проглядывал вскользь абзац за абзацем, всё надеясь добраться до сути... Но сути не обнаруживалось.

"А потом родители девочки переехали в Калининград, — наконец сообщал автор. — Вместе с девочкой и ее токсоплазмой".

"В Калининграде философ Кант... — тут же припомнил я. — И эта Ирина, с которой болтала в кафе Улита".

Продав всё хозяйство по старому месту жительства, родители девочки купили на новом месте заново какую-то облезлую квартиру, требовавшую ремонта, машинку "киа" с помятым боком, кое-что из мебели... ну, и стали ходить на работу, как это обычно происходит у взрослых. А девочка пошла в новую школу.

"Влажность воздуха в Калининграде в среднем восемьдесят процентов, — писал далее автор. — То есть обычно она сто процентов — сплошная вода в воздухе, — но иногда опускается до шестидесяти: это в тех местах куда случайно посветило солнце. Короче, в классе у девочки одних ихтиандров было четверо — это которые могли и на суше и на море жить припеваючи. Еще было сколько-то амфибий, потом рептилии какие-то — но девочка поначалу с этим разбираться не стала, поскольку пара двоек у нее оставалась еще со старой школы и их нужно было скоренько исправлять".

"Опять вся эта дрянь с рептилиями... — уныло подумал я, откинувшись в кресле назад, подальше от монитора, и потер глаза. — Ну что ж, от Кёнига этого можно было ожидать..."

— Я должна тебе кое в чем признаться, — строго проговорила Улита, когда два дня спустя мы снова встретились с ней в кафе.

— И в чём же? — уточнил я с недовольной миной.

— Я вообще-то рептилия... — сообщила она напряженным голосом, прикрывая ладонью рот от официанта, как раз расставлявшего на столике наш заказ.

— Да? — якобы заинтересовался я. — Прикол... а я ничего этого не заметил. И что именно за рептилия?

— Не "что", а "кто", — поправила меня моя спутница. — Я тебе уже говорила... Улитощка.

— Та-а-ак... — протянул я. — Значит, Арефьева тоже в теме?

— Естественно. И Е-Бисмарк, и Сухово-Кобылица... И Кант в Калининграде... А ты как думал...

"Вот оно... — с грустью отметил я про себя. — Вот и Бисмарк... Довели планету..."

— А вся эта пластиковая упаковка... — осторожно продолжил я расспросы: — Ну, чипсы, конфетки всякие — это тоже ваших рук дело?

— Что именно рук дело? — заинтересовалась Улита. — Если вообще уместно здесь говорить о руках...

— Ну... — пояснил я, — что она рвется всегда не там где указано. Я вообще удивляюсь, как с такой упаковкой что-либо долетает до космоса... оно должно было бы развалиться прямо на старте... Или туалетная бумага... Почему она не рвется там где у нее просечены дырочки?

— Зачем тебе всё это? — пренебрежительно поинтересовалась моя собеседница. — К чему этот интерес, эти вопросы?

— А вы сами-то хоть в уборную ходите? — дерзко поинтересовался я. — Или скорее нет?

— Тебе про это пока лучше не знать... — ледяным голосом процедила Улита и принялась не глядя швырять себе в сумочку различные дамские предметы, которые за время трапезы накопились перед ней на столе. — Мы едем ко мне или нет, я не поняла?..

— Конечно едем, моя золотая улитощка... — расплылся я в слащавой улыбке.

— Ну то-то же, — проговорила Улита поднимаясь.

— Счет, пожалуйста!.. — заорал я в глубину зала дурным голосом.

— Ну что токсоплазма? — спросила меня Зинаида, едва я открыл дверь в нашу редакцию.

"Беспокоится... — подумал я злорадно. — Еще бы... При папике-рептилоиде".

— А что токсоплазма?.. — проговорил я с деланой бодростью. — Прочел вчера до половины, потом меня сморил сон. В Калининграде, как сообщает автор донесения, имеется множество ихтиандров...

— Этого следовало ожидать, — не удивилась Зинаида. — Расскажешь тогда... когда дочитаешь.

И мы оба углубились в работу.

День прошел как обычно: до обеда я проработал в редакции, потом долго мотался по деканатам и кафедрам, договариваясь о пересдачах троек, которых нахватал на младших курсах, и даже сдал два зачета, давно уже висевших на мне мертвым грузом.

Домой после этого я явился "квадратный", как это говорится, бессмысленно напихался какой-то наличной пищей — и тут же заснул, где сидел, как убитый... так что до токсоплазмы добрался только ближе к полуночи.

...Девочка на новом месте без устали зубрила науки, на волю почти что не выходила, вскоре начала подкашливать и чахнуть от влажного воздуха, и тут на перемене к ней вдруг подошла одна местная девочка-ихтиандр.

"А что же ты, овца оборзевшая, — сказала местная девочка, — за вход в хату не проставилась, про наколочки не ответила? И вообще... носители у нас тут не приветствуются. Бить тебя будем, я полагаю...".

"Какие носители?" — поинтересовалась наша приезжая девочка, сжимая под школьным фартуком в кулачке заточку, прихваченную еще с незабвенного прежнего места жительства.

Я пошел в кухню и сварил себе чашку кофе.

"И заточку свою лучше сдай... — продолжалась эта диковинная история. — А то отрежем вместе с руками..."

"Какие носители? — снова повторила приезжая девочка. — Может быть, носильщики?.. на вокзале?"

"Вот только не надо тут дуру включать, будто не знаешь... — пояснила ей девочка-ихтиандр. — Пригрела в себе представителя чуждой цивилизации — и ходишь такая... сиськи вперед..."

И местная девочка рассказала ей всё про токсоплазму.

"Но как ты почувствовала?!" — удивилась в ответ наша заболевшая девочка и откашлялась влажным воздухом.

"Подумаешь, бином Ньютона! — хмыкнула в ответ девочка-ихтиандр. — У нас тут и не такое жало заточено. У нас, у ихтиандров, всё всегда влажненькое — если ты понимаешь, о чем я".

"Батюшки-светы... — пробормотал я. — Вот тебе и Улита..." — И в три глотка допил кофе.

Дальше было много про возникшую у них девичью дружбу, про тле-творное действие токсоплазмы и про то, что иммунная система девочки как-то со всем этим все-таки справилась, да и новые подружки относились к ней уже почти как к равной и таскали ее с собою повсюду, в том числе по занюханым подворотням или на дискотеки. И как на одной такой дискотеке почти что выздоровевшей девочке понравился один мальчик, то есть она вступила по возрасту в пубертатную фазу своего существования.

"Чушь какая-то, а не разоблачение... — выругался я, дочитав материал до конца. — Галиматья. И эти намеки Улиты про мидию... Что у нас тут вообще происходит?!"

Визит Хыу Тхо в Болотин тем временем подошел к концу, и легендарный вьетнамец отбыл по воздуху восвояси.

Но в городе, как и раньше, продолжали множиться странные вещи.

И тут мне вдруг позвонила Люська, с которой мы не виделись лет пять, почти что со школы — да и расстались тогда не очень по-дружески: она, вероятно, ожидала логичного завершения нашей романтической связи законным браком, я же думал в те годы о чем угодно, кроме загосвской записи в паспорте. Люська тогда психанула не на шутку — и выскочила замуж за кого-то из соседей по дому. Мне было велено не появляться, не отсвечивать и "не травить душу", раз уж я такой "легковесный придурок...", как она тогда выразилась.

— Привет... — процедила в трубку Люська, разом расставляя акценты насчет невозвратимости былой близости. — Ты можешь свозить меня в пригород на оптовый склад? У них распродажа фирменных шмоток...

Я, не вдаваясь в детали, согласился, уточнив лишь место нашей встречи и адрес склада.

Машины у меня в общем-то нет: все эти страховки и штрафы мне не по карману, не говоря уже о кредитах. Так что с утра на другой день я, чтобы не ударить лицом в грязь, взял машину в прокате и подобрал на ней Люську на указанной ею остановке троллейбуса. Через полчаса мы уже подруливали к складскому ангару.

— А ты неплохо водишь, — заметила Люська, выбираясь из машины.

— Ну да... — рассеянно проговорил я. — Да. Конечно.

Она была в легком летнем платье до щиколоток, с высоким лифом, так что всё время поездки я то и дело шнырял глазами, переводя взгляд с внятно и округло обрисовывающихся под тонкой тканью колен на этот лиф, затем на ее бледную щеку, на дымящуюся в тонких знакомых пальцах сигарету.

"Глупеет, похоже... — подумалось мне невольно и непрошенно. — Я должен был, что ли, как-то купиться на этот сомнительный комплимент с вождением машины?... Впрочем, ведь это только слова. Просто давно не виделись..."

В ангаре гудела публика. «Esprit» решил вдруг разом избавиться от лежалых шмоток и объявил в нашей локальной прессе о немислимых скидках на распродаже.

Лето набирало силу. Под пыльными сводами ангара носились разнужданные стрижи, хлопали сизыми крыльями голуби, у стендов с кофе и выпечкой мотались, как пьяные, осы, народ натягивал на себя в кабинках эспритовские товары, вертелся перед зеркалами, давился в очередь в кассу.

Покрутив головой, я выбрался наружу и пошел к машине.

"Да, давно не виделись, — подумалось снова. — И ничего уже, кажется, неохота..."

На стоянке сучали у автомобилей такие же рассеянные и сонные, как я, мужики, курили, сплёвывали, глазели по сторонам, тщательно избегая смотреть прямо в глаза — по «понятиям» и по тяжелой привычке. К ним подходили возбужденные распродажей пассажирки, запихивали в багажники увесистые пакеты, щебетали, целовали своего милого в щечку, закуривали, хлопали дверцами.

Время пролетело на удивление скоро. Люську я заметил сразу: она стояла в широких воротах ангара, выглядывая меня и мою не знакомую

ей машину, щурясь от солнца и прикрывая глаза ладонью. "Стройная..." — констатировал я про себя без особого удовольствия. В обрамлявших парковку кустах шерстянника гудели шмели. День подкатывался к полудню.

— Ну что? — спросил я наигранно-бодро, когда она распахнула пакеты в багажнике и на заднем сидении. — Кофе? Или ко мне?

— Кофе... к тебе. Если это, конечно, близко. Я вспотела, мне нужно ополоснуться под душем...

— ...Только не трогай грудь, — сдавленным голосом проговорила она. Я помогал ей в прихожей стягивать через голову платье. — В моем возрасте уже требуется быть осторожной.

— Ах! В каком-таким возрасте? — попытался я разрядить напряжение. — Ты нисколько не изменилась...

— Давай, давай скорее, — заторопила она. — Через три часа он вернется с работы, а у меня еще нет обеда.

И мы, не говоря больше ни слова и не ослабляя захвата, протиснулись боком в дверь моей спальни...

Она и вправду почти не изменилась. Кося глазом, я исподволь разглядывал ее тело. Брови у нее всё время подергивались, глаза под прикрытыми веками ходили крупными скачками туда и сюда, как будто она осматривалась на незнакомой местности — территории внутреннего зора. "Ерундой занимаемся", — вдруг печально подумал я и тоже прикрыл глаза.

Она быстрым, но рачительным движением растерла по бедрам и животу излишки жидкости, неловко оперлась на подушку, ойкнула и поднялась с кровати.

— Мир?... — осторожно поинтересовался я.

Она зябко передернула плечами и всё так же молча двинулась в ванную. В просвете между бедрами... — но оставим это, у нас тут вообще-то совершенно иной жанр.

Я неспеша поднялся, поднял с полу исподнее и подошел к зашторенному окну. В ванной шумела вода. "Хороша... Мидия..." — подумалось вдруг мне невольно.

Люську на самом деле зовут просто Людмила. На мидию у нее похожа известная штучка — отсюда и прозвище. Людмила по-московски

будет Люська, а Люська — москвичка, заносчивая и резкая. Отец у нее военный, и его однажды, когда Люська ходила в седьмой класс, записали с повышением по службе в Болотин. Теперь он тут большой военный начальник, а Люська тоскует по юности и столице.

Однажды, еще в старые времена, я назвал ее Мидией на людях. Она вспыхнула — ...но двусмысленности, кажется, никто не заметил. Потом случайно словцо вырвалось еще раз, и кличку подхватили... "Мидия — это потому что я холодная, — поясняла Люська новым знакомым. — И дико люблю море".

"Ага, море... — лениво подумалось мне на этом месте моих воспоминаний. — Дальше своей Яузы не бывала...". Я натянул майку и брюки, прошел на кухню и поставил вариться кофе.

Она вышла из ванной свежей и подкрашенной. На щеках пылали алые пятна.

— Давай... — повторила она. — Времени в обрез.

Взгляд, не задерживаясь, скользнул по нехитрой кухонной обстановке.

— Чем занимаешься? — спросила она отвлеченно-светским голосом, усаживаясь и придвигая к себе дымящуюся чашку.

— Поживаю... — в тон ей ответил я.

— Надо подколоть ботокса, — не очень связно продолжила она.

— У тебя всё нормально, — строго возразил я. — Особенно там...

— Перестань! Стыдно! — воскликнула Люська и потянулась за сигаретной пачкой. — Через час муж вернется. А у меня ничего не готово.

— Ты еще сильнее постройнела, — невпопад заверил я. — А кожа на бедрах внутри просто шелк...

— Ты... — Она вскинула на меня гневный взгляд. — Я же прошу!.. Как можно всё время об этом думать?

Я уныло заерзал на табуретке, ощущая новый прилив желания.

— Поднимайся! — нетерпеливо проговорила она. — Теперь придется ехать до самого дома. Еще не хватало чтоб нас заметили! Дурь какая! И я-то, карга, повелась на этот твой кофе. Как целка! Тьфу! — Она зло придавила в пепельнице окурки. — Когда же всё это закончится?!

— Кончится, дорогая, кончится, — не удержался я. — "Закончится" — плебейское словечко, ханжеский эвфемизм. И кончится оно само собой — незачем подгонять.

— Да-а? Незачем? — Она уже топталась в прихожей.

Мы спустились к машине.

Всю дорогу до дома Мидия молчала.

Приткнув автомобиль к обочине в квартале от ее дома, я сделал было попытку выйти, но она удержала мою руку.

— Сиди... — приказала она. — Не надо, не выходи. Увидит кто-нибудь. Тут же одни уроды в соседстве... — И добавила: — А ты неплохо водишь!

Вскочила с сиденья, хлопнула дверцей, не оборачиваясь пошла прочь.

Вечером я набрал ее номер.

— Приветик, — отозвалась она. Голос звучал чуждо и отстраненно.

— Привет. Ты успела?

В трубке повисло молчание.

— Да!.. — наконец снова откликнулась она. — Я забыла поблагодарить. Всё было...

— ...Как раньше, — подсказал я.

— Ты хорошо водишь, — вновь повторила она свою мантру.

— Да как же я должен водить?! Я десять лет за рулём!

— Я не это имела в виду. — Она помолчала. — Я в обобщенном... Ты не делаешь ничего лишнего. Почти...

— Спасибо, — ответил я, сдавливая в голосе сарказм. — Спокойной ночи.

Улита как будто бы что-то чувствовала: вела себя со мной вызывающе, если не сказать грубо.

Но в целом друг другом мы были довольны.

"Она просто рептилия... — думал я про себя, когда укладывался вечером на своем одиноком ложе. — Тут нужно иметь понимание...".

А затем она вдруг потребовала у меня анкетные данные и через неделю, когда из кафе мы приехали ко мне, сообщила торжественно:

— Всё! Кабанчиком увольняйся из своего гадюшника... завтра у тебя интервью.

— Какое еще интервью?! — окрысился я в нашей сложившейся манере взаимных пререканий.

— Вот завтра всё и узнаешь... — важно кивнула головой она. — И не бойся: начальник вообще-то лобстер... ну то есть почти что из наших. Так что всё у вас будет тип-топ...

— Тик-Ток... — передразнил я.

— И не умничай там, пожалуйста, — уже человеческим голосом просила Улита.

"Еще одна мидия-командир на мою на голову..." — пробормотал я едва слышно, но моя самодостаточная подруга уже скрылась в ванной. Зашумела вода.

— Эй!.. — слышался из-за двери ее резкий голос. — Я тебя жду...

Начальник на интервью оказался не лобстером, а типичным торговым менеджером: в дорожном, хотя и помятом костюме, в еще более дорогих штиблетах и с манерами выпускника английской элитной школы, как я их себе представляю.

— Ваше рабочее время будет делиться примерно поровну, — пояснил он. — Половину его вы работаете в системе нашего сбыта... там, кстати, вам будет положен служебный автомобиль — а в целом числитесь и фактически являетесь моим референтом... Ввиду вашей прежней редакторской деятельности это, полагаю, не составит для вас большого труда. Весь материал к текстам будете получать непосредственно от меня — и после согласования с пиарщиками готовить релизы, выверенные не только по содержанию, но и стилистически. Вы понимаете что я говорю?

Я важно покивал головой, ощущая, однако, заметный мандраж от новой аферы, в которую пускался теперь с головой. Затем мы подписали бумаги, и я отправился с паспортом в отдел кадров.

— Увольняй меня... — сообщил я Зинаиде по телефону, выходя из здания фирмы лобстера. — Расскажу при встрече... тут обстоятельства. Можешь даже уволить меня по статье, если тебе так будет удобнее. Работать больше не смогу.

— Жалко... — проговорила в ответ заметно расстроенная моим сообщением Зина. — Я вообще-то к тебе привыкла.

— Я тоже... — тепло заверил ее я. — Но вечерами нам всё же никто не мешает...

В трубке запикало.

На парковке лобстерной фирмы я нажал на кнопку ключа, выданного мне в кадрах, и недалеко от меня тут же замигала фонарями вполне годная с виду "Веста" со ссадиной по всему левый боку, за наличие которой я уже расписался в протоколе передачи служебного автомобиля.

Я проверил багажник, потом, нагнувшись, внимательно осмотрел пол под сиденьями в салоне в поисках посторонних предметов, и затем, вполне успокоенный, уселся за руль. Начиналась новая фаза в моей непутевой жизни...

— Что это было? — с порога налетела на меня Зинаида, едва я появился в редакции.

— Оформляй увольнение... — строго ответил я, обнимая ее за плечи и чмокая в шею возле уха.

— Я задала вопрос... — не собиралась угомоняться она.

— Новая фаза... — пояснил я. — Место референта у одного лобстера.

— Ха-ха-ха... — без улыбки проговорила Зина. — Теперь и у тебя начальник рептилия?

— Лобстеры не рептилии, — уточнил я. — И они занимаются янтарем с Балтики — так что скоро стану тебя одаривать: как только найду где у них склад...

В уголках рта у нее появилось подобие улыбки.

— Ну, может это и к лучшему... — непонятно проговорила она. — И что? Так-таки только один янтарь?

— Нет конечно, — радушно возразил я. — Еще перламутр — ну, который из мидий. Спермацет из китов... В общем, "дары моря".

— Звучит соблазнительно, — улыбнулась Зинаида.

— А еще служебный автомобиль, — добавил я масла в огонь, снова обхватывая ее за плечи. — "Веста"...

— Сегодня в семь у тебя... — фыркнула она мне в ухо, отводя губы от поцелуя. — А теперь иди... Ты уволен.

И я с легким сердцем покинул помещение редакции.

— Как у тебя? — поинтересовался я в трубку, набрав на университетской стоянке Люську.

— Собираюсь к тебе... — раздраженным голосом сообщила она, и в телефоне что-то загрохотало.

— Что там за грохот? — забеспокоился я.

— Кастрюлю с пловом уронила, сука... — прошипела в ответ Люська. — Вмятина теперь на паркете и вся кухня в холодном плове...

— Почему холодном? — глупо спросил я.

— Потому что кастрюля из холодильника блять, — фыркнула Люська. — Хотела привезти тебе гостинчик... Будешь жрать плов с пола?

"Вот она всё-таки грубиянка... — подумал я с какой-то привычной усталостью. — Но старыми друзьями не бросаются..."

— Буду... — с улыбкой сообщил я в трубку. — Давай собирай его в баночку, а я скоро подъеду.

— Как так подъеду? — забеспокоилась Мидия. — Не смей! У нас тут в каждом окне глаза и уши. И откуда ты взял машину? Опять с понтом соришь деньгами? Лучше купил бы мне новый лифчик... я покажу какой.

Люська, несмотря на военного папу в высоком чине, выросла в строгости. Про то, что машину для наших поездок я взял в прокате, у меня просто невзначай выскочило при разговоре, Люська тогда взбесилась, долго упрекала меня во всех смертных грехах... короче, машину я в тот же вечер сдал обратно и вот уже около месяца она ездила ко мне днем, когда у нас обоих выдавалась минутка, в троллейбусе, чуть ли не каждый раз приносившем ей, кстати, добрую порцию адреналина — моя бывшая, а теперь в каком-то смысле и нынешняя пассия не могла пропустить ни одной транспортной свары, не включившись в нее из-за своего обостренного чувства справедливости, — особенно напирая на защиту прав гастарбайтеров из Киргизии и Таджикистана.

— Ты что, хочешь чтобы у нас в стране верховодили пришлые? — спросил я ее однажды. — Люди из троллейбуса? Или их клуши, понаехавшие из аулов?

— Нет... — ответила Мидия. — Я знаю, я надменная... в этом всё дело. И слишком люблю порядок.

— Тогда не встравай в свары, — попросил я. — Это в каком-то смысле тоже порядок: не встравать. А то можно получить в морду.

— Этого я не боюсь. Ботокс уже почти рассосался.

Я подобрал ее с остановки в квартале от их дома, подальше от любопытных глаз.

Люська важно устроилась на сиденье, потрогала кончиком пальца приборную панель "Весты" и наконец произнесла:

— Поехали.

— Куда прикажете, барыня? — хмыкнул в ответ я.

— Не кривляйся, — тут же одернула меня Мидия. — Давай уже едь... А то он скоро придет с работы.

И мы двинулись ко мне.

— А я подколола ботокс... — гордо сообщила Люська, едва мы оказались в моей прихожей.

— Вау! — отозвался я. — Даром?

— Ну почему даром? — удивилась она. — С чего бы? Четыреста баксов.

— Четыреста? — округлил я глаза.

— Да. И не надо об этом... А мужу очень к лицу эспритовские брючки. Дело к осени, но будут на следующее лето...

— Ты живешь не по средствам. Может, дать тебе сколько-то денег?

— Не надо. Просто купи этот лифчик... я покажу. И я продала им шестнадцать катренов.

Люська, как она рассказала еще в первую нашу встречу, то есть у ангара с распродажей, давно уже пишет на сайт киноманов-артхаузинов — ей там заказывают рецензии. А тут вон дело дошло уже до чистого креатива.

— Он платит тебе четыреста баксов за шестнадцать четверостиший? — я чуть не задохнулся от возмущения.

— Пятьдесят... На ботокс я долго откладывала. И кстати не он, а они — я по-честному получаю бабло в кассе. Под роспись.

— Пятьдесят баксов за шестнадцать катренов?! — всё еще недоумевал я. — Он просто хочет тебя трахнуть. Или даже они. И ты всё это им потом отработаешь.

— Чуть! — отозвалась она. — В тебе говорит собственник! И как это глупо! Хахаха... собственник замужней женщины. — В горле у нее заклокотало и задохнулось, она тут же потянулась за сигаретами. — Он, кстати, вообще не думает о сексе. Просто мы — ну как тебе объяснить?.. мы на одной волне, понимаешь?..

— Понятно. И поэтому ты с ним на «вы», а я не знаю его имени и не видел ни одного твоего катрена.

— Я просто не хочу твоих комментариев, твоего яда...

— Окей, окей. Это возможно. Признаю, что бываю резок. Но знай: он хочет тебя трахнуть!

— Ну и что? — досадливо воскликнула Люська. — Пусть хочет что хочет...

Она помолчала.

— И вообще... — не надо об этом...

— Не надо... — как эхо повторил я.

— Ты знаешь... — тут же продолжила она бодро. — ...А я лучше всех решаю кроссворды! Вчера заходили Позин с Торошиным — и я решила лучше всех!

Голос у Люськи звучал снова как прежде.

— А муж был в эспритовских брючках? — выдавил я, сдерживая злой смешок.

— Ну пожалуйста... — выдохнула она. — Если ты не в духе или раздражен, скажи мне об этом — и я просто уйду.

— Ну нет уж... — возразил я. — Почему же? Я просто всё не могу понять, откуда на нашу голову свалился тогда этот твой муж? Чего тебе не хватало?

— Вот ты опять... — Люська снова выглядела усталой и раздраженной. — Мы тысячу раз об этом говорили. Ты хочешь еще? Что ты себе выдумал? Да, я изменяла тогда с тобой моей первой любви, еще с седьмого класса... ну, потому что он мне тоже вовсю изменял. А потом и ты начал косить в сторону. И муж меня тогда просто подобрал... можно сказать спас... — иначе, возможно, я сиганула бы под электричку. Ты что, до сих пор еще этого не понял? Или тебе всё нужно разжевывать?

— Да! — почти выкрикнул я. — И всё, хватит баллад и эпосов! Пошли в постель... а то муж скоро вернется с работы.

— Пошли... — проговорила Мидия, всем своим видом изображая действие непреодолимой силы: форс-мажор, как это красиво называется по-нерусски.

— Кстати, я беременна... — продолжила она, когда мы скользнули под одеяло. — Так что можешь больше не мучить себя предохранением. — И она провела мне ладонью по щеке, на которой скрипнула уже отросшая с утра щетина.

— Что ты сейчас сказала?... — без выражения произнес я, разглядывая потолок.

— Что слышал, дурашка... — почти ласково подтвердила Люська. — Муж уже рад-радешенек...

— Так это его ребенок? — заинтересовался я. — Боже, какая ты у меня распушенная...

— Не обнадеживайся... — строго возразила Мидия. — Я точно знаю когда и откуда берутся у меня детки.

— И откуда? — уточнил я.

— Не парься, — фыркнула Люська. — Откуда надо... Тебе-то что? Никогда не видала тебя таким... — Она на мгновение замолкла, подбирая слово. — Таким заинтересованным. И хватит болтать... давай уже. Времени правда в обрез.

Опускаю тут занавес, а то выходит, на мой взгляд, уже чересчур. Люська, похоже, еще циничнее Зинаиды — просто раньше я этого очевидно не замечал.

— Можешь меня поздравить... — возбужденно объявила мне Улита, когда мы, как обычно, уселись с ней за столик в кафе.

— И с чем же? — немного настороженно поинтересовался я.

— Во мне теперь живет одна маленькая улиточка... — Она упорно произносила это словечко по-арефьевски. — А значит мы скоро станем с тобой папой и мамой. И я хоть чуток отдохну в декрете... Ну что, ты рад... или как?

— Очень... — пробормотал я. — Конечно... Очень.

— Не парься, — тут же перебила меня Улита. — Формальным папой будет конечно лобстер — тебе вообще нечего опасаться. Я за тебя перед ним поручилась — так что работай себе как следует, а мы с ним будем растить твою рептилию. — И она скроила глумливую гримасу. — Ну... теперь-то доволен?

— У меня уже есть рептилия... — зачем-то сообщил я. — Вчера был поставлен в известность.

— Ну... молодец, — похвалила меня Улита. — Рептилий, как говорится, много не бывает.

Мы допили заказанное, я расплатился, затем мы уселись в служебную "Весту" и отправились ко мне на квартиру — плескаться...

Работа на лобстера скоро меня затянула — и стала отнимать все силы. С утра я ненадолго появлялся в офисе, получал вводные, просматривал с менеджерами по продажам рабочие документы; потом весь день носился по городу, встречаясь с заказчиками и смежниками, а вечером сидел, высунув язык, за компом, выправляя стиль в офертах и релизах шефа — человека чрезвычайно неглупого, как было видно по этим бумагам, но... немножко косноязычного. "Как лобстер..." — шутил я про это сам с собою. Короче, времени подумать всерьез о том, что происходит вокруг — и со мной самим в частности, — у меня попросту не было. А может я не хотел признаваться в этом своем внутреннем диалоге, что времена изменились, что нам, обычным земным людям, всё больше отводится роль бессловесных кнехтов — винтиков в новом и бесконечно сложном механизме Мироздания.

Легко догадаться, о чем поставила меня в известность Зинаида, когда я вскоре явился в редакции забрать трудовую книжку.

— Знаю-знаю... — предупреждаясь поднял я кверху ладонь, когда она поднялась из-за стола мне навстречу. — А ректор уже в курсе?

— Представь... — презрительно процедила циничная Зинаида. — Представь — он реально считает себя отцом ребенка... Эта рептилия...

— Ну... — проговорил я. — Это наверное тоже можно понять.

И мы обнялись — тесно и крепко, как будто предчувствуя прощание — а получасом позже я уже снова нарезывал по городу бесконечные круги по партнерам и конкурентам, договариваясь, обещая, суля и водушевляя.

Потом случилась командировка в Калининград на предмет иглокожих, миноги, корюшки и хамсы с тюлькой: всё это мы теперь тоже продавали и поставляли. Времени до рождения деток оставалось еще с полгода — надо было работать, шевелиться, копить денежку, чтобы не ударить лицом в грязь хотя бы в отношении подарков счастливым будущим мамам.

Мидия позвонила едва я заявился с вокзала в квартиру — мятый и не выспавшийся после калининградского поезда.

— Приветик, — произнесла она как ни в чем не бывало.

— Привет.

Я только что снял в прихожей верхнее и бродил теперь по квартире полуодетый, зевая и почесываясь.

— Сейчас ездила в город, встретила в центре Позина. Он сказал, что я выгляжу на двадцать... Ну то есть на двадцать пять.

— Так и есть... — постарался я проявить дружелюбие.

— Ты правда дочитал до конца Гумилёва? — продолжила она без перехода. — Ну, этого, про развитие народов. Про этносы...

— Да. Кажется даже дважды...

— А ты можешь ответить мне чётко, что такое пассионарий? — живо поинтересовалась она. — В кроссворде я его вставила, вышло всё правильно, а что он такое, я так и не понимаю. В Википедии очень уж много написано, лень продираться. Объясни-ка мне быстренько, в двух словах...

— Бери такси и приезжай, — строго проговорил я.

— Опять двадцать пять за рыбу деньги... — возмутилась Люська. — Да что это с тобой такое? Одного спиногрыза уже заделал — теперь нового хочешь?

— Чушь какая... — возмутился теперь уже я. — Беременные не беременеют, не знала?

— Ой! Точно! — легко подхватила Люська. — А за такси ты запла-тишь? А то я не хочу брать на это из хозяйственных денег...

— Обижаешь, рептилия... — процедил я.

— Ну тогда сиди жди... Только никуда не девайся. Я вызываю так-си...

В трубке загудело.

Я вздохнул... и по-быстрому двинулся в ванную: смыть с себя калининградскую слякоть.

Кстати, девочка-ихтиандр из истории, которую мы когда-то читали с редактором Зиной, оказалась приятной реальной персоной, той самой Ириной, с которой болтала по телефону Улита — та сама и дала мне ее координаты.

Так что в Калининграде теперь у меня тоже имеется угол, если вдруг что-то случится и мест в их гостиницах не окажется. Это знаком-ство, понятно, пока еще в самом начале — такие вещи должны прорас-тать и развиваться без лишней спешки, а то не увидишь от них потом ничего кроме неприятностей.

А еще у нас в городе ставят на площади памятник Бисмарку: оказы-вается, он бывал здесь в конце позапрошлого века и даже участвовал в закладке нашей канатной фабрики — главного в Болотине градообра-зующего предприятия. Так что ружье выстрелило, как и обещал драма-тург Чехов: сюжет из фазы развития коллизии через нарастание пере-шел в катарсис... — а значит мне пора закругляться. Тем более что рептилоидов в Болотине уже каждый второй: в сюжетах для новых ис-торий недостатка очевидно не будет.

ОБЛОМКИ

Начальника склада магических болиголов, нашего главного в по-селке промышленного объекта, зовут Кременчуг Исаакович — в честь британского ученого Ньютона. Как и всякий режимный объект, склад по периметру плотно обсажен люпинами. В посадке издревле выют свои гнезда пищухи, или сенокоски, животные мудрые, наподобие мелкого зайца, которого боши в Германии, кстати, так и зовут Pfeifhase, свистящий заяц — то есть выходит, что там он у них свистит, в то вре-

мя как на российских просторах питит, и в этом, наверное, скрыта какая-то еще не понятая диалектика.

Вообще систематика пиццух, как заявляют ученые, крайне неустойчива и её разработка далека от завершения.

Ну так занимайтесь же, ёжкин кот — завершайте уже эту свою систематику! А то в стародавние времена, помню, когда денег в бюджете еще было полно от социализма, ученые целыми днями сидели в своих НИИ и чаевничали — у меня бабка такая, раздулась уже от чая, неясно даже как она ходит, столько в ней вечно жидкости от традиционного в нашей стране напитка.

Но ничего, в Перестройку ученым этим дали с их чаепитиями окорот: некоторые вообще умерли с непривычки, а другие куда-то все подевались, так что лет двадцать у нас, почитай, вообще никаких ученых не было, одни торгаши и менеджеры... и еще косметички, чтобы женщинам делать красиво. Бабка моя наверно лет тридцать уже в этом бизнесе — в смысле не ногти им делать — ну, женщинам, а всякие мази-лосьоны для женского тела или не знаю уж там для чего — то есть оптом и в розницу. Молодец у меня бабка — даром что еле ходит. "А иначе — без кремов и мазей — женщина попросту угасает", — так она всем говорит, то есть своим постоянным клиентам...

Видимся мы теперь редко — всё это у меня в прошлом: и бабка, и многое другое — всё осталось там, на малой родине, то есть в областном городе, отсюда за сто с лишним километров. А почему — об этом немножко попозже.

...У нас тут случилась история... не знаю даже как и начать.

Был тут один цыганчик по имени Роко — уж настоящее ли это его имя, не интересовался. Может, по паспорту он Джабраил, или как-то иначе — какие бывают нативные имена у цыган?.. Старуха Изергиль... или кто там еще.

А может быть имя Роко было каким-нибудь сокращением, и звали цыганчика не Джабраилом, а Рокамболом, к примеру, или Рокамаду-ром, впоследствии умершим — как персонажа писателя Хулио Кортасара, который, конечно же, тоже давно умер, несмотря ни на что, да и помнят о нем в нашем городе я, пожалуй, и еще, может быть, семь человек: всё сплошь замшелые старушки.

Вообще с именем Хулио жить можно только в Латинской Америке, я так считаю. Здесь бы у нас такому Хулио просто не давали проходу, и никакого писателя бы из него не вышло — сидел бы он максимум где-то в приемном пункте стеклопосуды, да и то по большому благу. Хотя

Хулио означает попросту Юлий, тоже нерусское имя. "Как корабль назовешь... — говорят корабли, — ...так он и поплывёт".

И этот Джабраил был у нас в городке лётчиком. То есть не то чтоб таким как герой Мимино в исполнении Кикабидзе, а просто летчиком сельхозавиации, на кукурузнике, как его раньше все называли, когда Хрущев только еще вводил кукурузу в доисторические времена.

Кукурузники эти, кстати, выпускаются и по сей день, но сейчас уже, понятно, не из фанеры и каких-то там склеенных чурочек, а из разных пластмассовых композитов, из карбона какого-то и всего тому подобно-го.

Как Джабраил выучился на летчика, история умалчивает — для этого надо было, наверно, рассориться со всеми баронами и ихним цыганским табором, иначе бы парню вряд ли позволили бросить народный цыганский промысел и на долгие три года отправиться в лётную школу... Хотя и такое в принципе тоже бывает: может, его поддержала в этом проекте какая-то девушка, в смысле зазноба, или приятели... или он сам возмечтал о небе, чтобы выучиться летать как птица — это, наверное, тоже вполне по-цыгански, хотя и нечасто случается.

Короче, у этого Роко — или же Джабраила — имелась серая "Волга", доставшаяся ему в наследство от его цыганского дедушки, и Роко, когда выдавалась минутка, возил на ней по клиентам нашу местную знахарку — волшебницу Творогиню, как ее все у нас называют. Сама она, понятно, величала себя берегиней, но это прозвище, в отличие от Творогини, у нашего циничного в целом местного населения как-то не прижилось.

Выглядела волшебница вечно бледно, как какая-нибудь анемичная фурия; волосы, если выбивались из-под платочка-банданы, торчали мышинными хвостиками. И кожа... это как есть в лесу трубчатые грибы, моховики всякие или еще какие-то — так у них под шляпкой такое всё вроде губки... Ну вот такая кожа и была у Творогини — отсюда и ее прозвище. С такой кожей, понятно, ей никуда в народ ходу не было, даже в сельпо бы наверно продавщицей не взяли, чтоб не пугать народ — но тут у нее хватило силы и веры в себя возвыситься над аморфной массой трудящихся и всё превзойти, как и положено знахарке и целительнице.

За руль "Волги" сажали кавказца Зурабку — у Роко прав на машину, несмотря на порядочный лётный опыт, отродясь не бывало, — так что

они с Творогиной важно восседали на заднем сиденье, а Зурабка спеша крутил бублик, как кое-кто лихо зовет руль у автомобиля.

"Спасибо за зов... — говорил, входя в дом, весельчак Роко, — ...на конференцию в Азов..." — и крестился на красный угол. Народный юмор, иначе это не назовешь; у нас тут вообще народ не прочь пошутить, несмотря на скромный быт и суровую, снежную зиму.

Зурабку отпускали на пару часов похалтурить, Творогиня направлялась в закуток к больному, а Роко устраивался с домочадцами за столом в "зале" со своими краплеными картами.

Время летело незаметно. Денежки из кармана главы семейства постепенно перетекали в карман к Роко и в ридикюль Творогини. Событий у нас тут немного, так что порой и болезнь воспринимается как событие — особенно если врачи в больнице тупят и разводят руками.

А потом заболел непонятным недугом начсклада Кременчуг Исаакович.

Вначале скорую вызвала прямо на точку наша местная путана Ванесса Передоз: Исакич в своей служебной машине, в которой она "совершенно случайно" оказалась, не подавал признаков жизни, разве что немного дышал — но и это делал без большого энтузиазма.

Затем, через пару недель, Исакича обнаружил в кювете дэпээсник Сережа и тут же вызвал по рации подмогу. Сережа был нечист на руку, и приятели-пепсы, знавшие об этой его слабости, звали его Серый-Спиздзя и били нещадно за kleптоманию — но всё же не до смерти, за что Серега друзьям был искренне благодарен.

В общем, к приезду подмоги никаких улик или чего-либо ценного в машине Исакича уже не оставалось, а сам Исакич, как и в случае с Ванессой, не подавал признаков жизни, не считая поверхностного дыхания.

Подмога составила протокол, трактор принялся тащить машину из кювета опять на дорогу, а Исакича тем временем увезли на скорой в больничку. Там ему сделали различные снимки мозга... — и ничего не обнаружили.

Каких только болезней ни существует на свете! У африканцев, как говорят, под кожей вообще живут огромные черви, которые могут высунуться наружу в любом месте и вызвать там воспаление: тропическая медицина это даже не медицина, а в большой мере животноводство — столько там у них паразитов.

Короче, начскладу дали два месяца отпуска по здоровью, а Творогиня в очереди за хлебом в сельпо как-то обмолвилась, что Исакыча "сглазили" — и все стоявшие рядом с ней кумушки тут же согласно закивали головами.

"Или обнюхался болиголовками... — предположила одна из дам и прибавила строго: — Вредное производство...". Кумушки снова согласились закивали.

Если кто-то еще не понял: склад магических болиголовок это местный фольклор. Это не стратегический объект с какими-нибудь минами и ракетами, а вредное биопроизводство, которое нам в поселок власти пристроили еще в древние времена в целях массовой обработки растительного сырья. Поэтому и люпины растут вокруг периметра: люпин — это тоже та еще штучка, он накапливает азот, а от азота до динамита, как это наверно известно, всего лишь один шаг. "Мы мирные люди... — говорят у нас отдельные граждане. — ...Но наш бронепоезд стоит на запасном пути..." — и кстати врут, поскольку железной дороги у нас не было сроду и все продукты завозятся автотранспортом... — ну или по речке, на небольших служебных суденышках типа плоскодонок, из деревни Габдюково: там у них имеется железнодорожная станция с красивым названием "71-й километр". А речку нашу называют Инзер, но это пока по сюжету неважно...

Когда одинокому человеку беспокойно, он первым делом перестает мыть посуду.

Я человек одинокий, даже в редакции нашей местной малотиражки у меня практически никого — кроме старушки-секретарши, сосланной к нам еще при Хрущеве, да пары "рабкоров", как это называлось в прежнее время — то есть волонтеров по-нынешнему, доставляющих мне какой-никакой новостной материал.

В общем, раковина в кухне в доме для малосемейных уже с неделю только наполнялась грязной посудой, которая стояла теперь повсюду: на столе, на буфете и на подоконнике. Меня мучили мысли, и до посуды не доходили руки.

Женщины как-то уж слишком серьезно воспринимают известные отношения — ну, секс и всё прочее. Они как бы всё время желают принадлежать, гордо говорить подругам "мой мужчина" или, еще лучше, "муж"... то есть красоваться своим статусом полезной и желанной особи. Просто амуры их редко устраивают, им хочется большего: надежности, что ли, или не знаю чего там еще... И вот потому я здесь, в этом

гадюшнике с заводиком фармпрепаратов, с цыганом-лётчиком, распыляющим на люпины инсектициды и с волшебницей Творогиней, которая лезет во все местные дыры где надо и где не надо.

В областном городе у меня была история... Ее муж занимал высокий пост, во мне она находила романтизм и задор одновременно, какую-то, как она говорила, родственную душу... Потом муж повредил позвоночник в автоаварии, шансов на поправку у него не было никаких... в общем, мне нужно было решать... решать наше с ней будущее. И я выбрал этот гадюшник в глуши и нашу газетку с тиражом в две тысячи экземпляров; у нее даже нет абонемента, коммунальщики по приказу мэра просто задаром разбрасывают ее в домах по подъездам.

Ну и горы невымытой посуды — как следствие.

Исааковича в принципе было кому сглазить: завскладом фармпредприятия — должность ответственная. Да и болиголов, или "кониум" по латыни, содержит тьму алкалоидов — им даже отравили Сократа... во всяком случае это утверждают в поселке некоторые умники, включая библиотекаршу, а также учительку биологии "жужелицу Оксану", как называют ее старшекласники.

Исакич, понятное дело, никакой не Кременчуг, а банальный Моисей, каких множество, с промышленным техникумом за плечами и, очевидно, кучей левых гешефтов, как это принято у людей, которые что-либо охраняют. Кременчуг, откуда он родом, Исакич без конца и без меры поминал по приезду, когда ему надо было себя как-то позиционировать среди местного населения — меня тут тогда еще не было.

Народ у нас, как я уже говорил, с большим юмором — возможно, под действием фармпрепаратов... и вскоре Исакичу прицепили этот его Кременчуг вместо имени. Ведь сказать "Моисей" без улыбочки удастся не каждому: кто-то непременно имеет при этом в виду сорок лет по пустыне, которые проблуждали несчастные иудеи благодаря своему сусанину, кто-то манну, даром валящуюся им с неба, а кто-то скрижали, полученные на горе Арарат историческим Моисеем якобы непосредственно от исторического Яхве... Кременчуг в этом смысле действительно гораздо нейтральнее...

Ну вот, с местными именами и прозвищами в моем рассказе постепенно воцаряется этимологическая ясность, слава Природе. Осталась еще Передоз...

Ванесса и правда напоминала своим фенотипом известную французскую актрису, многолетнюю спутницу Джона Деппа, и до известного случая коллеги в проститутешном кругу звали ее по-приятельски Парадиз... — ну, пока она не передознулась с клиентом и не угодила на месяц в больничку. С тех пор стали говорить Передоз, а про Парадиз начисто забыли, тем более что во Франции ее двойница звалась Паради, без "з" — французы любят глотать заднюю букву... да и вообще всякие буквы.

А Депп, кстати, в прямом переводе означает "придурок" — такая вот выходит тут у нас серия разоблачений. В принципе Передоз всё же как-то солиднее нелепого "парадиза", то есть по-русски рая... — ну, на мой журналистский взгляд, естественно.

Вот что я недавно заметил... Такое наблюдение: бывает, женщина ну просто подходит тебе, даже если она ничего не делает, и не интересуется особо твоей персоной, и даже у нее кто-нибудь есть вроде какого-то мужика... Но ты чувствуешь... притяжение, что ли. И текст, ну в смысле что она говорит, неважно по какому поводу — текст весь ложится в масть, то есть в нем нет ничего лишнего...

Или наоборот: какая-нибудь вполне себе смазливая тёлочка принимается флиртовать, и намекает про свободный вечер сегодня, и даже духи у нее вроде не раздражают... а ты чувствуешь ну как бы отторжение, фальшь какую-то, что ли... Как будто тебя разводят.

Это как, помню, еще в областном городе меня загребли в ментовку после какого-то мордобоя у бара, да еще и с убийством, и я выходил по опросам последним, кто перед смертью видел убитого — это даже на камерах было видно.

Но только это у них на меня и было — никого я не убивал, а что косяшки у меня на руках были ссажены, так это нормально: когда все дерутся стеной, надо же как-то пробиваться — ну в смысле вон из этого места, пока не проломили башку или не начали стрелять.

Ну и в общем следователь... Вот уж он был точно как женщины этого самого вышепомянутого второго типа, что из моих наблюдений: и пах вкусно, и смазлив был какой-то вполне себе мужественной красотой без перебора брутальности — такой крепкий ментовский пацанчик, по-своему симпатичный... Я потом посчитал: я на допросах у него отсидел почти что шестнадцать часов, две полных рабочих смены... И чего только он ни выдумывал, какие ловушки ни строил...

На третьем часу допроса я тоже придумал ловушку: стал бледнеть и валиться со стула типа в обморок — и повторял это потом еще четы-

ре раза, так что в конце концов ему всё надоело и меня с извинениями выпустили. А может у них вскрылись какие-то новые обстоятельства дела.

В общем, суть тут, как мне кажется, в притяжении молекул. Бывают женщины с подходящими тебе молекулами, а бывают наоборот — и тут хоть кол на голове теши, ничего путного с такими вместе не получится...

Молекулы Ванессы как-то меня притягивали. Ведь дело тут не в профессии женщины или, скажем, ее должности и образовании — молекулам должность по барабану, молекулы субстанция беспристрастная, сродни, я бы сказал, абсолюту — если его понимать в философском смысле.

Ванесса тоже, кажется, чувствовала притяжение — но при этом как бы стеснялась своей рабочей специальности и нашей с ней разницы в социальном статусе.

В принципе, это очень даже приятно, когда женщине в отношениях немного неловко, когда она не подает себя этакой вамп, которой ручей по колено: мол, белье у нее от Версаче, облик валькирии буквально прирос к коже и сделался второю натурой...

Очень смешно наблюдать за такой валькирией утром, с ее помытами со сна лицом и ночнушкой, со спутанной гривой, в которой при внимательном взгляде можно заметить секущиеся концы волос... ну, или проросшие корни какого-то уныло-пегого цвета. В общем, весь этот фарс с вампом — штука весьма на любителя... к каковым я себя безусловно не отношу.

"В мире нет прекрасней одёжи, — писал один поэт, кажется Майковский, или как-то похоже, — ...чем бронза мускулов и свежесть кожи". То есть в принципе можно ходить голым — так он, наверное, полагал, — но надо всё-таки мыться, загорать на солнышке... ну, и ходить в качалку — иначе откуда возьмутся мускулы?..

Ничего этого — ну, в смысле загара и мускулов — у Ванессы не наблюдалось... — а притяжение к ней я всё-таки чувствовал.

А потом вдруг в субботу свалилась недалеко от поселка какая-то часть японской ракеты из космоса.

Выгорел чуть ли не гектар леса, едва потушили, потом приезжали эмчезники, а потом появились целым кагалом японцы: выяснять как это всё у них получилось. Силовиков, понятно, прислали с японцами из

Москвы, в поселке стало тесно, и на окраине за двое суток возник особый купольный городок — привезли вертолетами какую-то строительную новинку.

Тут же крутился Сенечка Щекотилов, районный уполномоченный УФСБ, хорошо мне знакомый по вводной беседе, которая у нас состоялась когда я принимал под себя газету.

— Пурукуми йо? — нахально лез он то к одному, то к другому японцу, используя финский за незнанием иных наречий. Да и финский был учен им еще в бытность фарцовщиком, в питерской Гавани, возле "Прибалтийской", которую финны, в свою очередь, чисто по-русски называли "Пильски-бильски" — таксисты очень над этим смеялись, валютные проститутки тоже; времена вообще тогда были в целом веселые, хотя на сегодняшний взгляд уже доисторические: не было ни айфонов, ни компьютеров — разве что у силовиков, да и у них они были привозные, импортные — и к тому же размером с просторную комнату.

— Исчезни, фарцовщик... — рявкал из-за спины японца квадратного вида силовик-москвич. — Застрелю нах...

— Чего сразу застрелю?.. — пытался отстоять свои права на японскую жвачку Щекотилов.

— Ну... считай что ты довыеживался... — мрачно констатировал силовик и лез за оружием подмышку.

— Я боксер! — вдруг переходил в наступление Сенечка.

— Мертвые боксеры опасности для общества не представляют... — равнодушно объяснял ему его оппонент. — Ложись вот там в углу у двери.

— Чего это? — пробовал в последний раз попетушиться уполномоченный.

— Чтoб ближе было потом тащить. И крови меньше натекло...

— Ладно... — признавал поражение Сеня и показывал чужаку удостоверение. — Но ты очень-то уж не фрякай...

— А я и не фрякаю, — возражал чужой силовик. — А если бы я пальнул? — Он хмурился. — А если бы рикошет — и в меня?.. Думать надо головой...

Всё это пересказывали мне, как представителю СМИ, Творогиня с цыганом-лётчиком, проникшие, понятное дело, в купольный городок чуть ли не первыми и теперь распространявшие в поселке подробности быта японцев и наших силовиков, поднимая тем самым свой рейтинг всезнаек для дальнейших афер с лечением и карточными фокусами.

Творогиня с цыганом вообще зачастили ко мне в редакцию — так же как и Ванесса. Причем приходят они, понятное дело, порознь и жа-

луются друг на друга немилосердно. Не понимаю пока, признание ли это наконец авторитета редакции как центра нашей местной культуры или же хитроумная афера, чтобы подвести меня под монастырь, как это говорилось при царях и буржуях.

В дверь негромко, но уверенно стучат.

— Войдите... — откликаюсь я.

На пороге Творогиня.

— Чего изволите, Марфа-посадница? — шутливо задаю я тон беседы. Работы с номером полно, и мне хочется поскорее выпроводить целительницу.

— А что, батюшка, ты про Исакыча-то не спросишь? — интересуется Творогиня усаживаясь. — Чего не спросишь-то? Аль не интересно тебе? Али знаешь уже?..

— А что спрашивать-то? — уточняю я, называя знахарку официально по имени-отчеству, приводить которые здесь нежелательно.

— Ну... что обычно спрашивают про болящих-то? — поясняет Творогиня. — Какая динамика, какой прогноз...

"А она начиталась учебников..." — думаю я про себя.

— И какая динамика? — вынужденно интересуюсь я.

— Обмороки прекратились. Обращение практически завершено.

— Какое еще обращение? — вскидываю я брови.

— Да уж такое, мил человек. Это, как говорят, не нашего ума дело, — продолжает знахарка на удивление серьезным тоном. — Исакыч-то уже не очень даже и человек...

— Как так? — Я начинаю сердиться на мою незваную посетительницу.

— Да уж так... — отвечает она. — Ты сам-то работник здесь новый, пришлый... — может, узнаешь что-то, ну, там где ты жил до этого... что тут у нас происходит. — Лицо ее совершенно серьезно. — Исакыч-то в темноте светится... — Она сглатывает, медлит. — Да и Роко ночами мечется — всё порывается куда-то...

— Ну, он же цыган... — подсказываю я. — А ты что же... с Роко?

— Ну... я всё-таки женщина... — отвечает она без тени смущения. — Не на облаке ведь живем...

Я мельком представляю себе их ночные ласки, и мне становится неуютно.

Мы еще немного болтаем о японцах, об их поврежденной ракете — и Творогиня наконец отправляется восвояси.

На следующий день, незадолго перед обедом, без предупреждения заявляется Роко.

Беседа с ним происходит в обратном порядке: сперва мы болтаем о японцах, об их поврежденной ракете, потом разговор заходит о Творогине.

— Она вообще странная... — замечает без выражения в голосе Роко.

— В каком смысле? — уточняю я.

— Нет, в отношении ее дара это всё точно, — заверяет он. — Она и слышит, и чувствует, и может лечить... по крайней мере невротиков.

— Но... — подсказываю я.

— Но вот эти беременности... — произносит он.

— Что за беременности?

— Она беременеет... ну, каждый квартал примерно. — И Роко в недоумении разводит руками. — А потом всё само собой типа рассасывается. Тест из аптеки сперва показывает... а потом снова нет. Разве такое бывает?

— Нет. Это реально какая-то аномалия, — соглашаюсь я.

— Вот и я так считаю...

Роко с видом заговорщика-революционера прощается со мной и исчезает за дверью.

Ненавижу четыре часа дня. В это время я как раз заканчиваю "первую смену", досматриваю текущую почту, делаю себе какие-то заметки на вечер, а затем скорым шагом добираюсь до своей квартирке, что-то обедаю — и пристраиваюсь привалиться на сиесту, как я ее про себя называю: мой обязательный часик-другой полезного сна, который позволяет восстановить силы перед вечерней работой.

И вот как раз в это время у соседей со всех сторон начинается грохот. Приходят с работы подвыпившие уже работяги, являются с проделки и принимаются визжать и носиться дети — в общем, поспать мне удастся много если через раз, в прочие дни я только верчусь на линялом диване и злюсь на весь мир. Конечно, и просто полежать часик без сна тоже полезно... но вот если б еще не злиться...

Одного из моих волонеров-рабкоров зовут Литератор Какафка, он из обезьян... ну, то есть так он рассказывает свою биографию, если его вдруг кто-то заинтересует: дескать, родился в областном городе, в зоопарке, мама шимпанзе, отца не помню... С первых дней получал от ученых особые укольчики. К третьему году жизни шерсть на теле вся

повылезла, прикус исправился. Семи лет был отдан в спецшколу для недоразвитых, где вскоре продвинулся и был переведен сразу в последний класс. Ну а потом всё как обычно: нормальная средняя школа, филфак местного педвуза, два года условно за какую-то драку в подвальном ирландском пабе — и вот Какафка у нас: кто еще возьмет его на гуманитарную службу с судимостью, а тем более в прессу?

Зовут "нашу обезьяну" Степаном — это я точно знаю из документов, — но уж очень его история дикостью напоминают некоторые неудобочитаемые рассказы Кафки — отсюда и кличка Какафка... — я уже говорил, что юмор у нас тут — одна из важнейших составляющих повседневной жизни, типа селедки или подсолнечного масла, без которых никак. Иначе всё просто замрет и развалится...

От шимпанзе Степану достались необычайно кривые и волосатые ноги, выступающие надбровные дуги и массивные брови, как у бывшего генсекретаря Брежнева, ныне усопшего — видимо, Какафка пытался их брить или подстригать, чтобы поменьше походить на обезьяну. Но волос он потому и волос, что растёт тем гуще, чем больше его стригут.

В последнее время они, то есть Какафка и Гертруда, вторая моя волонтерка, всегда просят на выезд вместе — ну, в смысле на журналистский поиск жареных фактов у нас в городке — и это меня беспокоит: между ними наверняка завязалась известного рода связь, и мне даже кажется, что у Гертруды наматилось брюшко, хотя пока она умело скрывает его под свободной одеждой.

Всё это не сулит редакции ничего хорошего, как я это понимаю: вначале декрет, потом роды, пеленки, потом последует бессрочный отпуск по уходу... а мне придется искать Гертруде замену... ну, или впрягаться самому в черновую работу "на земле", что мне по статусу уже несолидно. Хотя в мэрии у нас с недавних пор появилась пресс-служба — и может быть всё обойдется в конечном итоге без всякой Гертруды, будь она неладна с ее родовыми инстинктами: пресс-служба будет сливать мне новости перспективного характера, а Какафка — приносить с земли сведения о реализации планов руководства. Что еще требуется от содержания локальной газетки-малотиражки?

Посмотрим... Главное — это никогда не грустить, не отчаиваться и плюс еще много спать и хорошо кушать, что у меня, понятно, не всегда получается. И кстати пресс-службой заведует в мэрии одна хорошая девушка, вроде как бывшая сокурсница Гертруды... надо будет этим заняться.

Вообще, конечно, народу теперь раздолье: это неоспоримый факт. У нас даже дорожки в поселке почти везде замостили плиткой, реально

как в какой-нибудь столице. А уж что до новостей — то мэрия тут, как мне кажется, порою даже переигрывает с электоратом: дескать, планируем то-то и то-то, ожидаем поддержки от граждан и всё такое. В общем, грех жаловаться: демократия, как это теперь говорится, в действии.

"Или же взять на место Гертруды Ванессу... — вдруг думаю я. — Она коммуникабельная, а остальное по ходу приложится..."

— Послушайте, Джабраил... — звоню я Роко в диспетчерскую на лётное поле кукурузников. — У меня просьба: увидите где-то в поселке Ванессу — попросите ее ко мне заглянуть.

— В редакцию или на квартиру? — деловито уточняет цыган-лётчик.

— Конечно в редакцию... — рассеиваю я его понятные подозрения. И тут же представляю себе Ванессу в своей кухоньке — полуодетую и вообще...

Вместо Ванессы, однако, после сиесты, часов около пяти, ко мне в квартиру в этот день ввалилась Гертруда и принялась трещать о событиях в поселке, значимость которых, на мой взгляд, позволяла отложить наш разговор на потом, до вечернего приема в редакции.

Я не выспался, у меня из-за чего-то ныли зубы — мне было реально не до Гертруды... и она, вероятно это почувствовав, быстро закруглилась с новостями и даже извинилась "за вторжение".

Я захлопнул за ней дверь, накрутил с десятков кругов по квартире, соображая не приложиться ли мне еще минут на сорок к дивану... когда с лестницы послышался вопль кого-то из соседей.

Я снова распахнул дверь на лестницу, в два шага проскочил площадку третьего этажа... — и ахнул.

Весь пролет вниз был залит кровью, как будто ее лили на ступени из ведра.

"Ведро это десять литров... — тут же подсказал мне мой внутренний процессор. — А в человеке крови максимум пять..."

Пролетом ниже в нелепой позе, вся окровавленная и однозначно мертвая, лежала Гертруда. Кровь на ступеньках еще дымилась.

Я туплю в таких ситуациях — в этом нужно сознаться, — что не мешало мне, однако, кинуть взгляд сквозь замызанное окошко на улицу.

С парковки от соседнего дома неторопливо и не привлекая ничего внимания выруливала серая "Волга" Роко.

"Просто совпадение... — подсказал мой либеральный внутренний голос. — Зурабка, наверно, халтурит".

Конечно мне пришлось остаться дома — соседи уже вызвали мен-тов и опергруппа как раз выгружалась внизу из машины.

Следующий час всех нас опрашивали, в особенности напирая на меня, как последнего из видевших жертву живой.

Наконец и это испытание закончилось, я подписал бумажку о невыезде... — и снова было принялся кружить по квартире, соображая следует ли мне теперь ненадолго привалиться поспать... а затем плюнул, оделся и рысцой отправился в редакцию...

В приемной, у стола моей секретарши-старушки, меня поджидала Ванесса.

— Заходите... — вежливо пригласил я, отпирая кабинет и ощущая непонятную — или, наоборот, понятную — теплоту.

— Хотела пожаловаться... — без предисловий начала Передоз.

"И эта туда же, — подумал я. — Прямо поветрие какое-то".

— Сплю плохо... — продолжила Ванесса. — Вижу какие-то светящиеся нити... вроде галактик. И еще Млечный Путь...

— А еще? — без интереса спросил я, поддерживая разговор.

— А еще большой алюминиевый ковш...

— Ковш? — удивился я.

— Да, — подтвердила она. — И на нем надпись по трафарету, как в столовке: "Б.Медведица".

— Странно...

— Очень...

— Послушайте... — решил я наконец. — А что у вас сегодня вечером? Может, зайдете ко мне?

— Можно... — раздумчиво проговорила путана. — Сегодня как раз не моя смена. Но... — Она на мгновение умолкла. — Но у вас же сегодня в подъезде убили кого-то, мне кажется. Там уже всё прибрано, я надеюсь?

— Конечно, — заверил я. — Оперативники давно отбыли, тело увезли, и в подъезде наверняка всё помыли...

— Я приду в полдесятого... — проговорила Ванесса поднимаясь.

— Жду вас, — попрощался я. — До скорого...

Домой в девять я летел как на крыльях — давно уже такого не было. "Сразу предложу ей полставки Гертруды, — думал я на ходу. — А там посмотрим".

Ровно в полдесятого в прихожей звякнул звонок.

Мы уселись на кухне, немного выпили красненького, а затем славно поболтали ни о чем, о каких-то пустяшных новостях на поселке.

— Гром и молния... — вдруг проговорила Ванесса не своим голосом, замирая на стуле. — Громовая погода. — И добавила, секунду подумав: — Доннерветтер...

— Ты что? — поинтересовался я. — У тебя глюки?

— Ваджо... — медленно произнесла она, с тупым выражением глядя перед собой.

— Что ваджо? — не понял я.

— Ва-ад-жо... ва-ад-жо... — отдельно и внятно повторила Ванесса, а потом глаза ее закатились и она медленно поползла со стула на пол — я едва успел ее подхватить.

С Ванессой я в эту ночь изрядно намучился. Она то засыпала, тихонько всхрапывая, то вдруг поднимала с подушки голову и принималась бормотать, не открывая глаз. Я вскакивал, подавал ей воды, снова закутывал одеялом — и засыпал каким-то дурным, поверхностным и не освежающим сном до следующего ее пробуждения. Формально мы вроде бы переспали, но это вряд ли можно было назвать любовью — "неутоленных тел переплетение расторгнется тревожно и брезгливо", как сказал по похожему поводу австрийский поэт Рильке, — вот как оно у нас было с Ванессой: как будто бы близость тел была в эту ночь неуместна, как будто бы нечто более важное не давало нам сейчас оставаться простыми людьми, требовало от нас чего-то большего, чего мы не знали и не умели. "Ваджо..." — без конца бормотала Ванесса едва слышно.

Рано утром я позвонил на аэродром Роко и попросил прислать мне машину, и через полчаса в моей прихожей уже отряхивался, как пес, водитель Зурабка. На улице моросило.

Мы спустились вниз, уселись в цыганскую "Волгу", затем я отвез Ванессу домой и после этого велел Зурабке везти меня прямо в редакцию.

— Стесняюсь спросить... — проговорил я, выбравшись из "Волги" у наших дверей. — А это не вас я видел на парковке по соседству с домом, где произошло убийство?

— Ваджо... — непонятно ответил водитель, расплываясь в широкой улыбке.

— Всё ясно... — попрощался я и шагнул в редакционный подъезд.

Секретарши еще не было. Я отпер дверь в кабинет, затем запер ее изнутри и поскорей улегся на нашем редакционном диванчике, накрывшись своим влажным от дождя пальто. Пахло... пахло вообще-то псиной — но я только покрутил носом и сделал вид что мне это кажется...

В пол-одиннадцатого меня разбудил телефонный звонок.

— Да-да... — подтвердила пресс-секретарь, которую я узнал по голосу. — Да, это я.

— Чем могу?... — поинтересовался я, собрав вместе всю свою наличную любезность.

— Мэр просит вас к часу дня явиться к нам на расширенное совещание. Это очень важно...

В полпервого я запер свой кабинет, на всякий случай попрощался с секретаршей, в шутку велел ей "всех впускать, никого не выпускать", — и пешочком направился в нашу мэрию.

Дальше... трудно писать.

Если совсем коротко, то на совещании речь шла об обломках японской ракеты. То есть совсем даже не японской... — анализы и проверки были окончены, отчет лежал на столе у мэра, и тут как раз подспела московская виза — ну, то есть команда из центра что с этим всем следует делать. И даже не то чтобы делать — этого в Москве пока тоже не знали, — а как распорядиться долбаными результатами анализов в смысле информации местного населения.

Сначала мэр хотел было всё засекретить. Но потом поднялся наш полицейский начальник, привел несколько свежих случаев, попавших ментам в разработку, и буквально потребовал воздержаться от лишней секретности, которая якобы будет плодить "висяки"...

Если еще короче, то обломки... они оказались внеземного происхождения...

Когда слова "внеземного" наконец прозвучали громко, в открытую, я тоже попросился на сцену и рассказал кое-что о странностях, которыми в последние дни делились со мной мои информаторы.

— Мне кажется, — заключил я, — для всех нас сейчас наступило время сплочения. И любая секретность будет только блокировать информационные потоки, а значит затруднять нам понимание того, что с нами всеми сейчас происходит. Не следует недооценивать наблюдательность населения, которая может сыграть ключевую роль в достижении этого понимания...

Мне вяло поаплодировали, и мэр закрыл сходку, пообещав в ближайшее время проинформировать о решении всю городскую верхушку письменно, то есть по факсу.

На том и разошлись...

В вестибюле мэрии меня поджидал сюрприз: здесь уныло толклись, ожидая меня, и кривоногий Степан под руку с Передозом, и Творогиня с Роко, и даже Зураб, имевший вид мутный и обреченный.

— Сам не знаю, как это получилось у меня с вашей Гертрудой... — проговорил он, подходя ближе и пытаясь ухватить меня за руку. — Вы уж отнеситесь, прошу вас... ну, с пониманием.

Я молча кивал головой, озираясь по сторонам.

— Ваджо... — заключил Зурабка, чуть отступая назад, как будто исчерпав в этой речи все свои силы.

— Стена какая-то растет в поле за городом... — добавила Творогиня. — Вся гладкая... и растет из земли как будто сама по себе...

— У нас по диспетчерской объявили: ось Земли смещается, — сообщил лётчик Роко.

Степан и Ванесса молчали.

— Ничего удивительного, друзья! — воскликнул я делано-бодрым голосом. — Мы как раз сейчас совещались у мэра по этому поводу.

Все взгляды устремились ко мне.

— Дело в том, что японские обломки оказались совсем не японскими, — продолжил я. — Они внеземного происхождения...

Надо было видеть, как вытянулись у них лица...

Вот они все передо мной, перед моим внутренним взором — запечатлены как на фотографии: Ванесса жалобно жмет к Степану, Джабраил обхватил за плечи Творогиню, Зурабка печально трется где-

то в углу... — а к нашей группе уверенным шагом приближается девица из пресс-службы мэрии, делая мне на ходу какие-то знаки.

И никто из нас не знает еще, что обломки — это всего лишь досадный пустяк. Не знает, что до начала инопланетной инвазии остаются считанные часы.

Мира Борсиг

г. Новомосковск

ДРУГОГО ЦВЕТА

Розовый автомобиль стремительно мчался по розовой дороге мимо бесконечных розовых домиков.

— Чертов розовый мир! — ругался Антон, давя педаль газа в пол и без конца поправляя розовую кепку. — Какая скотина меня засунула в эту розовую дыру?

Из-за угла модного розового бутичка выскочила эффектная блондинка в розовом костюме. Он едва успел затормозить.

— Помогите, помогите! Там такой ужас, просто невыносимо! Прощу, спасите меня от этого! — она приложила руку ко лбу, как актриса в романтическом кино, и картинно повалилась на тротуар.

— Дура набитая, — буркнул под нос Антон, но все же заехал на парковку под бутичком. Выйдя из машины, он заметил, что девушка потеряла туфлю. Должно быть, убегала от истощенного лая глупого розового померанского шпица, подумал он, презрительно косясь на нее.

Она, однако, не вставала. Может, у нее сердце схватило? Он присел рядом с ней и дернул за плечо. Поднялась копна густых белых волос, отливающих на солнце мягким розовым, — и он едва сдержался, чтобы не скривиться: милые глазки сочного розового цвета вперились прямо в него.

— Что с вами случилось? — от отвращения его голос звучал пискляво, как у цыпленка. Его щеки чуть было не вспыхнули от стыда. Хорошо, что его железная воля не превратилась в розовое желе.

Пока он пытался делать вид, что ему все равно, блондинка продолжала театральное представление.

— Вы не представляете! Не представляете! — она драматично воздела руку к небу и закатила глаза. Он поднялся и скрестил руки на груди.

— Извиняйте, дамочка, у меня нет времени выслушивать ваши причитания. Вы объясните, что произошло, или нет?

Она нахмурилась, надула губки и встала.

— Фу, как невежливо! — бросила она, гордо потряхнув точеной головкой. — Во-первых, я не дамочка, а Ангелина Дмитриевна. Во-вторых, вы в самом деле не представляете, какой кошмар я только что увидела. И в-третьих, как ваше имя, молодой человек?

— Васисуалий Лоханкин, — съязвил он, ехидно улыбаясь: ему так хотелось, чтобы она начала таявкать на него, как глупый розовый померанский шпиц! Ее рот растянулся в широкой резиновой улыбке.

— Замечательное имя, дорогой Васисуалий. Теперь...

— Ясно, понятно, — грубо оборвал ее Антон. — Раз варнякете, значит, с вами все в порядке. Всего доброго, до свидания.

Он резко развернулся и направился к машине. Сев в нее, он вставил ключ зажигания в замок и повернул. Двигатель взревел, забился, закашлялся — и умолк. Он повернул ключ еще раз. Ничего не изменилось.

Какое-то время Ангелина наблюдала, как он, чертыхаясь на чем свет стоит, пытается завести двигатель. Наконец он выбрался из машины и полез под капот. Она подошла к нему.

— Что-то случилось?

— Неважно, — буркнул он, копаясь в розовых шлангах, покрытых розовой пылью.

— Я могу позвонить знакомой, она отвезет вас на СТО, здесь недалеко.

Он сжал губы: как отделаться от назойливой блондинки?

— Я сам разберусь, спасибо.

— Разбирайтесь, — ответила она так, словно не придавала никакого значения тону его голоса. — Я пока пойду переобуюсь и выпью кофе. Через полчаса приду узнать, как у вас дела.

Через полчаса меня уже тут не будет, подумал он. Остановился помочь на свою голову! Надо поскорее убираться из этого паршивого города.

Розовое машинное масло пахло розами и совсем немного лилиями. Кривясь, Антон мотался туда-сюда между домиками и тихонько ругал создательниц идиотского розового мира за то, что те не положили в машину хотя бы вонючий носок. На улицах города невозможно было

найти даже песчинку, не говоря уже о тряпках, а мусорные баки были пусты.

К счастью, через пятнадцать минут бесполезного мельтешения он встретил какую-то девушку, которая дала ему прелестный розовый платок.

— Только в урну выбросить не забудьте, — напутствовала она, когда он наконец вытер руки. Буркнув что-то в ответ, он вернулся к машине. Его взгляд скользнул по аккуратным розовым клумбам у домиков, симпатичным розовым вывескам на придорожных магазинчиках и кафе. Он поежился.

Мимо прошла молодая пара в элегантных розовых костюмах. Фигуристая блондинка что-то шептала на ухо рослому, плечистому блондину, а тот улыбался и кивал. Антон презрительно фыркнул и завел двигатель.

— Добрый вечер, господа, — звякнул о стены ближайших домиков знакомый голос, и Антон поспешно включил первую передачу.

— Добрый вечер, Ангелина. Как поживаете?

— Прекрасно, дорогая Анита. А вы как? Как отметили ваш трехсотый день рождения?

Трехсотый? Антон смачно выругался и посмотрел в зеркало заднего вида: может, он нюхнул чего и теперь ему везде трехсотлетние молодые блондинки мерещатся?

— Это был замечательный день, дорогая, — Анита обняла за плечи своего блондинистого приятеля. — Мы с Дейвом пообедали в ресторане «Розовая кошечка», а потом я сходила в спа-салон и на маникюр.

Она поиграла пальцами перед Ангелиной. Та всплеснула руками от восхищения.

— Ах, милочка, какая же вы красотка!

Из-за угла двухэтажного розового домика с китайской крышей появился маленький серенький котенок. Антон протер глаза, чтобы убедиться в том, что не спит. Котенок в самом деле был серого цвета. Настоящего серого цвета! Прихрамывая, он подошел к Ангелине и жалобно мяукнул. Та даже не посмотрела на него. Он мяукнул снова, но на него никто не обратил внимания. Тогда он прижался к девушке.

Она продолжала разговаривать с подругой, словно его не существовало вовсе.

Антон пулей вылетел из машины.

— Кис-кис-кис, — он присел и протянул руку к котенку. Чей-то презрительный взгляд обжег его, но он не придавал этому значения. Котенок поднял хвостик и осторожно направился к нему.

— Иди ко мне, маленький, — Антон подзывал его, пока он не ткнулся мордочкой в ладонь парня.

— Есть хочешь?

Котенок обнюхал его руку и мяукнул. Антон взял его на руки.

— Уважаемый Васисуалий, с вами все в порядке? — услышал он над собой голос Ангелины.

— Вполне, — ответил он несколько мягче, чем раньше. — Откуда у вас тут серые коты?

Глаза Ангелины стали круглыми, как блюдца.

— Серые?

— А вы не видите?

Он погладил котенка по спинке. Ангелина потрянула головой.

— Не понимаю, почему вы, уважаемый Васисуалий, водите рукой в воздухе.

Он на мгновение сжал губы: опять розовая тупость!

— Во-первых, я кота глажу. И во-вторых, меня зовут Антон.

— Насчет Антона я вам поверю, — она медленно кивнула, — а вот что касается кота, то вы меня обманываете. Наши кошечки все розовые.

Словно в подтверждение ее слов в одном из окон двухэтажного дома показалась розовощекая девушка с пушистой розовой кошкой на руках. Антон хмыкнул.

— Это прекрасно, но существование розового кота никак не доказывает факт несуществования серого.

— Верно, — Ангелина кивнула. — Несуществование серых котов доказывается тем, что за все время существования нашего мира никто из ученых не наблюдал их.

Антон поднял правую бровь: он не ожидал столь логичного возражения от блондинки, пару часов назад истощно вопившей и падавшей на обочину.

— Куда же смотрят ваши ученые? Небось на розовых пони, жрущих радугу и срущих бабочками? — съязвил он. Лицо Ангелины стало бетонным.

— Наши ученые разработали лекарства от всех известных тяжелых заболеваний, открыли способ полного омоложения тела человека, позволяющий нам жить по тысячу лет, изобрели новые методы получения энергии из возобновляемых источников и удивительно энергоэффективные устройства, усовершенствовали существовавшие ранее космические аппараты. Мы вышли из каменного XXI века и семимильными

шагами движемся к светлому будущему — а вы тут что-то о серых ко-
тах задвигаете, прошу прощения за нелитературное слово.

Что толку спорить с блондинкой! Антон вернулся к машине.

Ангелина догнала его.

— Что опять? — сердито спросил он, выпуская котенка на заднее сиденье.

— Если хотите поговорить о котах, можем съездить к одному учено-
му, он вам все расскажет.

— Ладно, — выдавил Антон, а сам мысленно обругал себя: идиот,
что ли, во второй раз связываться с этой дурой?

Ангелина прыгнула в машину легко, как кошка. Он тяжело опустил-
ся на сиденье водителя и захлопнул дверь.

— Куда едем?

— Первый поворот направо.

Машина тронулась.

Повернув в узкий, темный переулок, Антон заметил на стене одного
из розовых домов багровые потеки.

— А это что такое? — спросил он, указав Ангелине на них. — Или
этого вы тоже не видите?

В растерянности девушка принялась оглядываться по сторонам.

— О чем вы?

— Ясно, — только и ответил Антон, подавив рвущийся наружу
вздых.

Из магазинчика справа выбежала эффектная блондинка. Инстинк-
тивно Антон снизил скорость. Размахивая розовой сумочкой из кроко-
диловой кожи, она бросилась через дорогу.

На розовый асфальт упали элегантные очки, украшенные розовыми
бриллиантами.

Антон ударил по педали тормоза.

— Эй, дамочка! — заорал он в окно. — Эй!

Она оглянулась. Каблук на ее правой туфле перекошило, и она чуть
было не упала. Вприпрыжку она побежала дальше и скрылась среди
домиков. Антон выскочил из машины и бросился к очкам.

— Надо бы вернуть, — сказал он и торопливо вернулся в машину.
Когда он устроился на сиденье, Ангелина тихонько охнула.

— Что... — он осекся.

Немигающим взглядом девушка смотрела на очки.

— Там... такой ужас... Просто невыносимо... — поминутно лепетала
она. — Нет... спасите меня от этого...

— Что с вами случилось?

— Вы не представляете... Не представляете...

Она не могла оторвать взгляд от очков. Антон повертел их в руках.

— Взрывчатки нет, жучков не наблюдается.

— Нет, там хуже...

— Да что же там такое?

— А вы наденьте...

Антон поморщился, но все же надел очки. Осмотрелся. Серый котенок дремал на заднем сиденье, багровые потеки на стене дома поблескивали в лучах заходящего розового солнца.

— И... что?

— Вы не видите ничего сумасбродного?! — пискнула Ангелина.

— Если не считать кровяки на стене, абсолютно ничего. Хотите — проверьте сами.

Он снял очки и протянул ей. Дрожащими руками она надела их.

— О Боже! — завопила она, как укушенная. — Откуда взялся этот мерзкий кот?! Откуда взялись эти потеки?! Этой гадости просто не может быть в нашем мире! Какой ужас! Помогите!

Она сорвала очки с глаз и выбросила в окно. Розовое стекло разбилось о розовый асфальт. Она вылетела из машины и понеслась по улице, вопя во всю глотку:

— Помогите, помогите! Там такой ужас, просто невыносимо! Прошу, спасите меня от этого!

Антон пожал плечами, закрыл дверь, о которой напрочь забыла напуганная до смерти блондинка, и помчался вперед по дороге — где-то должен был быть выход из этого приторно сладкого розового мира.

Ильяс Салахов

Москва

НАСТОЯЩЕЕ ЧУДО

Наступивший выходной казался Пете самым лучшим днём в его ещё такой недолгой школьной жизни; даже трепетно ожидаемое первое сентября не шло с ним ни в какое сравнение — папа поехал покупать цветной телевизор! В их классе такое чудо, и по мнению Пети совершенно незаслуженно, было только в семье щупленького, всеми презираемого Мишани.

С самого утра Петя сидел в своей комнате как на иголках, мучимый нетерпением, зная, что папа поехал с другом, а значит, скорее всего, домой вернётся поздно.

В любой другой день Петя легко нашёл бы, чем заняться: недавно родители разрешили ему брать книги из серии «Библиотека всемирной литературы», и это было большим событием! Несмотря на свои неполные восемь лет, он с жадностью погружался в историю античной Греции, философию средневековья, классику приключений и фантастики. С восторгом он рассматривал иллюстрации со скульптурами древнегреческих героев, из которых особенно впечатляла чёрная, отливающая блеском могучая фигура Дорифора, пугающие гравюры к поэме Данте про Ад, захватывающую картинку с огромным китом, ударом хвоста жестоко разносящим в щепы шлюпку с матросами посреди гигантских волн из романа Мелвила.

Но сейчас Петя с тоской смотрел на книжный шкаф — что там книги по сравнению с цветным телевизором, и каким же счастливым, должно быть, всё это время был недостойный Мишаня! Петя, конечно, тоже будет счастливым (и вполне заслуженно), но до вечера ещё так далеко!

Не радовали ни подаренная на день рождения подозрительная труба, с которой он носился несколько месяцев, ни набор удивительно реалистичных солдатиков, ни железный, с действующими приводными механизмами экскаватор.

Побродив по квартире, Петя выглянул в окно. Там, в спящей близне двора он увидел копошащиеся в снегу тёмные фигурки главного хулигана класса Серёги и других ребят. Вот, то, что надо, — решил Петя и поспешил на кухню к маме отпрашиваться гулять.

Мороз стоял крепкий, снег под ногами трещал, словно кто-то разрывал не по швам брезент, но ребятам было жарко: они усердно рыли тоннель сквозь большую снежную гору, жёстко перекидывались снежками с парнями из соседнего двора, дразнили с забора злую собаку, охранявшую территорию хлебозавода.

Время летело быстро, никто не заметил, как зажглись уличные фонари, осветились окна домов, небо и снег засверкали россыпью мельчайших разноцветных искорок.

Утомлённые, ребята расположились на пустыре посреди строительного мусора у недавно построенных гаражей, развели костёр и принялись обсуждать события прошедшего дня.

Серёга подобрал кусок арматуры и сунул его одним концом в огонь. Ржавый прут вскоре засветился красивым малиновым светом; ребятам

затея понравилась, и они принялись подбирать разбросанные по снегу прутья и совать их в костёр.

Машинально Петя последовал их примеру. Некоторое время он задумчиво смотрел в огонь на тёмный силуэт не успевшего ещё раскалиться прута, но вскоре внимание его переключилось на усеянное звёздами небо.

Разверзшаяся перед взором бездна привела Петю в оцепенение: Млечный Путь, звёздные скопления, призрачные туманности целиком унесли его с пустыря.

Сначала Петя поднялся к самой яркой звезде, висевшей прямо над головой, но погрузиться в её планетарную систему не дало нетерпеливое любопытство, увлёкшее его к миниатюрному звёздному скоплению, красовавшемуся левее и ниже.

Скопление оказалось не таким уж миниатюрным, звёзд было предостаточно, и все обещали быть интересными, но Петю уже манил зов внеземного разума из области большого созвездия в другой стороне. Время, казалось, исчезло, но всё же Петя опасался, что не успеет познать внезапно открывшуюся ему бесконечность и метался по вселенной, так и не задерживаясь нигде надолго.

Но вот тревожный зов прозвучал совсем близко — испуганно и громко кричал Мишаня: «Петь... Петро, очнись! Ты чего творишь?!» Петя опустил глаза и увидел крепко зажатый в своей ладони раскалённый конец арматуры. Это жуткое зрелище не вызвало в нём никаких эмоций. Он равнодушно посмотрел на Мишаню, отшвырнул прут, похлопал ладонями, стряхивая окалину и усмехнулся: «Да ладно, расслабься, пустяки всё это. Ну, вы тут не скучайте, а мне пора», — и, ни с кем не прощаясь, отправился домой.

Петя шёл, не обращая внимания на необычайно крепкий мороз, на никогда не виданное в их городе явление — колыхавшуюся над крышами бледную занавесь северного сияния, позабыв своё путешествие по Вселенной и не придавая значения неповреждённой после контакта с раскалённым металлом ладони. Он всей душой стремился домой, к настоящему чуду — Цветному Телевизору!

Килук Овергейс

Томск

ВОТ И ВЕРЬ ПОСЛЕ ЭТОГО...

Яркое, непривычно жаркое солнце сияло на небе. Его лучи били в заснеженные просторы, мчались по пригорку, спускались вниз и вонзались в покрытую льдом речушку. Солнце боролось, трудилось, старалось.

И у него получилось! По гладкой, но уже истончившейся поверхности льда побежали первые трещины. Вода вступила в «сговор» с солнцем, надала снизу и...

Мальдина проснулась от треска вокруг. Боже, что случилось? Зачем? Почему? Она в страхе почувствовала, как могучая сила подхватила, понесла, закружила.

Суeta, смех, шелест голосов... Мальдина не могла понять, что происходит. Ещё вчера спокойно жила, дружила — вплоть до тесных объединений — с соседями. На возгласы:

— Стало тревожно. Как бы чего не вышло. Что делать? К чему готовиться?

Все отмахивались, говорили:

— Милая глупышка, ты не знаешь жизни. Поживи с наше. Уж мы-то повидали всякое. И ничего! Всё — пустое. Не слушай паникёров. Жизнь ничуть не изменится с приходом весны. Как было, так и будет. Или ещё лучше. Помяни наше слово!

И вот сегодня, когда «ничего» случилось, Мальдина пребывала в шоке. Те, кто столь долго убеждали не переживать, не предпринимать что-либо и так далее, они... Страшно сказать! Они кружились в танце вокруг, смеялись, весело щебетали.

Мальдина старалась не обращать внимания на бесстыжее веселье, охватившее соседей в разгар катастрофы. Как же! Она с рождения следовала кристально чётким моральным принципам.

Никто бы не упрекнул Мальдину в... необдуманных словах, которыми некоторые скрежетали в полумраке ночи. Что уж говорить о легкомысленных поступках! Только твёрдость характера и крепость устоев. И пусть кто попыбует надавить — останется при своём.

А что теперь? «Боже мой, — думала Мальдина. — Чему верить? Кому? Я же ничего ещё не видела, не узнала... Дни в строгости и молча-

нии, ночи в тревожном ожидании. И вот те, кто меня поучали, веселятся. А я? Куда это я, зачем, почему?»

Поток новых ощущений подхватил и понёс Мальдину вперёд. Вот она проскользнула между Кальдиной и Вальдиной, по обычаю сцепившихся в ссоре, обогнала своенравного Сальдина... Даже себе Мальдина не признавалась, что сердечко её при виде местного модника, вечно разряженного в сияющие волнистые одежды, тревожно замирало и забывало биться.

И где-то там, в самом низу, где в свидетелях лишь мрак тёмных глубин, Мальдина ворочалась ночами, вспоминая Сальдина. Но признать в том, что он ей?.. Да никогда!

Мальдина отвлеклась, вспоминая прошлое. Подхвативший поток чуть повёл в сторону, к видневшемуся неподалёку берегу. Откуда-то сверху донёсся звук глухого шлепка. Мальдина ощутила... «Что это? Мне — по голове? За что?» — подумала она.

— Извините, — сказал пришелец. — Искренне прошу прощения. Не хотел. Но сегодня со мной приключилась страшная неприятность. Шёл, как обычно, через реку, но... Вы же видите: катастрофа! И так быстро, что не успел... Хорошо ещё, удалось зацепиться за вас. Вместе, быть может, нам станет не так тревожно?

— Почему я вообще должна чего-то бояться? — спросила Мальдина. — И уж точно не каких-то лохматых пришельцев. Чего скалитесь? Думаете, если у вас такая зубастая пасть — меня это как-то взволнует?

— Да нет, что вы, — заверил незнакомец. — Как я вам... И что? Да это, право слово, невозможно! Я о другом. Видите, какое яркое солнце! Как бы чего не вышло. Можно, я чуть прижмусь к вам? Вдруг солнце сыграет злую шутку и...

— Никогда! — заявила Мальдина. — Солнце — мой друг. Мы всегда с ним мирно жили. Я ловила его отблески, оно показывало мне, что внизу. Ну, когда я смотрела вниз. А больше от солнца ничего и не требуется.

— И вы не опасаетесь, что можете сгинуть при свете дня? — спросил незнакомец и поджал задние лапы.

Мальдина посмотрела на его нелепые телодвижения и рассмеялась:

— Бойтесь упасть? Зря, зря! Не припомню, чтобы кто-то попал со мной в неприятность.

— Раньше — возможно. Но сейчас — другое дело! — ответил незнакомец. — Посмотрите, места всё меньше и меньше. Боюсь...

— Если боитесь — прыгайте в воду и гребите к берегу, — проговорила Мальдина и круто развернулась.

Незнакомец вскрикнул — или заскулил, кто их лохматых разберёт — и полетел в воду. Мальдина бросила взгляд через плечо и похихикала над нелепыми ударами лап по воде. «Как маленькая, право слово! — одёрнула она себя. — Пора задуматься о грядущем и подготовиться к приходу поры, когда...»

И с этой мыслью всё более таявшая в лучах набиравшего силу весеннего солнца льдина вошла в поворот реки и понеслась в неизведанную даль. Всё только начиналось. Впереди, несомненно, ждало счастье и... как оно называется? Вспомнить слово не получалось, как Мальдина ни старалась.

Александр Филичкин

Самара

ОТТЕПЕЛЬ

Зима 2020-го года была довольно морозной, и за три долгих месяца выпало много осадков. На ровных участках их навалило выше колена, а сугробы вдоль широких дорог поднялись больше чем в рост человека.

В апреле в Поволжье из Африки пришёл мощный фронт очень тёплого воздуха. В течение дня, температура поднялась до семи-восьми градусов выше нуля. Началось бурное таяние снега и льда. Как говорят коммунальщики: "Город поплыл".

Так уж распорядилась судьба, что я больше пятидесяти лет живу в пятиэтажной панельной «хрущёвке» 1964-го года постройки. Причём обитаю на самом верху, прямо под чердаком.

После пришествия в страну «демократии» прошла третья часть суматошного века, но ни одного капремонта в нашем замечательном доме почему-то не сделали. Хотя деньги на эту статью местные жители платят исправно. К тому же немалые суммы.

В эти же самые дни Россию накрыло «коронобесие» и очень многих людей вдруг посадили под домашний арест. Правда, эту странную меру власти называли «удалённой работой».

Как прочие проектировщики города, в контору мы с супругой не ездили и время на дорогу не тратили. Поэтому поднимались с постели чуть позже обычного. Когда на улице совсем рассветало.

В тот ясный день мы готовили завтрак. Лена вскинула голову и тихо сказала:

— Посмотри-ка в тот угол.

Я глянул туда, куда указала супруга. В месте, где сходились панель потолка и двух кухонных стен, побелка сильно намочила и потемнела. Появилось большое пятно серого цвета.

За год до этих событий в лестничной клетке подъезда вдруг потекло по трубе отопления. Тогда мы немедленно вызывали аварийную службу.

Оттуда быстро приехали два бравых слесаря. Они полазали по чердаку, что-то там подкрутили и, доложив что теперь всё в порядке, направились к выходу. По пути парни добавили что сообщат о проблеме в компанию, что занимается нашей «хрущёвкой». Им нужно будет сменить слегка подтекающий кран на трубе.

Вода между тем продолжала тихонько сочиться и иногда заливала пол на площадке. Потом наступила весна. Отопление тотчас отключили, и протечка исчезла. Я и соседи решили, что наконец всё наладили, и совсем успокоились.

И вот всё пошло по новому кругу, только в значительно большем масштабе. Вода отыскала пути между плитами и промочила весь угол в нашей маленькой кухне.

Лена позвонила диспетчеру той ленивой конторы, что отвечала за наше старое здание, и сообщила о возникшей проблеме. В этот же день приехала худощавая женщина лет тридцати и тут же поднялась на кровлю. Я двинулся следом за ней и увидел весьма неприятные вещи...

Когда мы вселились в наше жилище, мне было всего лет двенадцать, и я вместе с ребятами тут же облазил подвал и чердак. Там не нашлось ничего интересного, и мы перестали забираться туда. Ведь на улице куда веселей. Можно мяч погонять или заняться разными играми.

Насколько я помнил, над самым подъездом в скатной кровле из шифера, имелось слуховое окно. Сквозь него мог спокойно пролезть худощавый мужчина. С обеих сторон от окна находились решётки, сделанные из тонких досок. Они выполняли роль жалюзи.

С тех давних пор прошло больше полвека, и от тонких деревянных конструкций ничего не осталось. Какой-то вандал их просто разбил в мелкие щепки и бросил вокруг.

Теперь на их месте зиял вертикальный открытый проём размером метр на метр. Возле него всё было мокрым до такой сильной степени, что пыль превратилась в жидкую грязь.

В эту большую дыру всю зиму летели снежинки. Они падали на пол и мирно лежали там до прихода весны. Потом сугроб быстро таял, и вода устремлялась в подъезд.

Представительница домоуправления достала из кармана смартфон и, подсвечивая им, как фонариком, направилась к трубе отопления. Она осмотрела разводку, сообщила, что всё с ней в порядке и вернулась назад.

Я указал на обломки окна и сказал:

— Нужно срочно закрыть это отверстие, из-за него происходит замачивание потолка в нашей кухне.

— Нет. Здесь другая причина, — туманно ответила женщина и двинулась вниз.

Она пришла в нашу квартиру, составила акт о протечке и сунула мне эту бумагу.

— И когда вы побелите наш потолок? — задал я даме вопрос.

— Сейчас весь город потёк. Так что, если вам очень срочно, то пишите заявление в суд. Они вынесут нам предписание, и мы его выполним в назначенный срок, — безразлично бросила женщина и ушла из квартиры. Как она сообщила, у неё ещё множество вызовов.

Минут через сорок погода испортилась и начался сильный ливень с порывистым ветром. Снедаемый большим беспокойством, я вышел на лестницу, поднял внушительный люк, что вёл на чердак, и посмотрел на проём, открытый любой непогоде.

Толстые струи дождя падали вниз под углом и летели в дыру, словно из шланга. Вода вновь потекла по трубе отопления. Напрашивался неутешительный вывод: "она побежит в нашу кухню".

Магазин стройматериалов находился от нас далеко, и чтобы добраться туда на общественном транспорте, нужно было потратить часа полтора в каждую сторону. Меж тем время близилось к вечеру и скоро станет темнеть.

Я быстро оделся и направился к ближайшей площадке для контейнеров с мусором. Обойдя пять «помоек» в округе, я нашёл всё, что мне

было нужно: бруски нужных размеров и куски облицовки из тонкого пластика.

Через час я вернулся домой, взял пилу, молоток, плоскогубцы и гвозди и опять полез на чердак. И это в шестьдесят пять лет от рождения. Дождь продолжался, и холодные струи всё так же хлестали в большую дыру. Под ногами смачно чавкала грязная жижа.

Осмотревшись вокруг, я нашёл старую раму от слухового окна. Стёкла в ней все разбили, но обвязка из дерева оказалась достаточно прочной. Вандалы её не смогли разломать.

Первым делом я закрепил два вертикальных бруска в открытом проёме. Потом взял листы из тонкого пластика, обрезал ножовкой до нужных размеров и прибил их по бокам. Туда, где когда-то давно находились решётки, что играли роль жалюзи.

Этим же замечательным пластиком, я обшил уцелевшую раму и поставил её на прежнее место. Наконец те осадки, что падали с неба, перестали лететь внутрь чердака.

Собрав инструмент, я вернулся домой, разделся и посмотрел на пятно, что появилось на кухне. На мой взгляд, оно больше не стало. Хотя кто его знает, сколько воды скопилось в стыках панелей и не выйдет ли скоро она вся наружу? Я печально вздохнул и пошёл в ванную вымыть грязные руки.

Я уже говорил, что обитаю на пятом ярусе панельной «хрущёвки». Поэтому, по типовому проекту, мой узкий балкон не имел какой-либо крыши. Зимой его заметали снега до самого верха перил. В ненастное время заливало водой.

В советское время на балконах и лоджиях можно было курить, дышать свежим воздухом или хранить какие-то вещи, которые снизу не видно. Всем запрещалось ставить туда что-то громоздкое. Мол, эти конструкции совсем не рассчитаны на такую нагрузку.

Когда начался «разгул демократии», местные власти вдруг разрешили ставить гаражи возле дома и делать в квартирах всё что угодно. Надо же было отвлечь весь народ от делёжки государственной собственности. Многие люди стали стеклить площадки с перилами и закрывать их от всей непогоды.

По настоянию мамы я поступил так же как все: установил остеклённые рамы и накрыл их металлической плоскостью с минимальным уклоном наружу. Теперь снег, сдуваемый крыши, не падал на узкий балкон, а спокойно лежал на рифлёном настиле.

Окна нашей квартиры выходят на юго-восток, и летнее солнце смотрит нам в окна с пяти утра до двух часов дня. Чтобы уменьшить яркость лучей, я повесил на созданной «лоджии» вертикальные жалюзи из плотного белого пластика. Света в гостиной хватало с избытком, а что твориться снаружи, было не видно.

Но вернёмся к тому, что случилось после того, как я отремонтировал слуховое окно. Продолжительный дождь лил почти до утра. Снег медленно таял и двигался вниз по шиферной крыше. Ближе к рассвету температура постепенно упала, и на всех домах города образовались большие сосульки. В том числе они появились на моей скромной «лоджии».

Я открыл жалюзи, что закрывали все окна, и увидел такое, чего раньше никогда не встречал. Снаружи, вплотную друг к другу, висели массивные стержни из белого льда. Они оказались толщиной в руку мужчины и длиною в рост человека.

Пришлось снимать деревянные рамы, хвататься руками за эти наросты и, ломая их по порядку, бросать на заваленный снегом газон. Как мне показалось, каждая такая сосулька весила более десяти килограмм. Попади она в пешехода, убила бы насмерть. Хорошо, что у стен нашего дома не пролегал тротуар и там никто не ходил.

Очистив карнизы на «лоджии», я взял швабру, снял с неё тряпку и устремился на кухню. Там ледяные наросты были в два раза меньше. Я высунулся в узкую форточку почти что по пояс и сбил все «украшения Деда Мороза». После чего направился в спальню и хотел повторить операцию.

В этот момент зазвонил телефон. Лена подняла трубку и с огорчением узнала неприятную новость. Выяснилось что начальник велел ей прибыть в его кабинет. Она быстро оделась и поехала в центр старого города, где находился их офис. Я остался в квартире один.

К моему сожалению, дело в спальне пошло значительно хуже, чем в кухне. Справа от большого окна висела жестяная труба с водосточной воронкой диаметром в крупный арбуз. В тёплое время дождевые осадки стекали по ним с шиферной крыши на землю.

В тот странный день там находилась огромная наледь размером с мешок для картошки. По наружным краям её обрамляли сосульки длинной в рыцарский меч.

Я начал их осторожно сбивать. Перекладина моей бедной швабры вдруг отломилась, улетела в газон и пропала в сугробе.

Пришлось мне одеваться, спускаться на улицу и рыться в глубоком снегу. Пока искал деревяшку, я с напряжением ждал неминуемой смерти. Ведь на меня мог свалиться тот лёд, что находился на водосточной трубе. Подобные случаи иногда происходили в Самаре и были у всех на слуху.

Наконец, я нашёл поперечину, шагнул в тёмный подъезд и двинул по лестнице на пятый этаж. Через пару минут я оказался в прихожей своей тесной квартиры, быстро разделся, и тут в дверь постучали.

Я распахнул деревянную створку и увидел ту женщину, что жила за бетонной стеной. Скорее всего, дама услышала, как я звенел ключами на лестнице, и решила со мной поболтать.

Она поздоровалась и серьёзно сказала:

— С утра я ходила в магазин за продуктами. И случайно увидела, что у тебя на балконе появились большие сосульки. Сбей их, пожалуйста. Не то они упадут и разобьют остекление на других этажах.

— Спасибо, я уже их убрал. — сказал я в ответ.

Она удовлетворённо кинула и повернулась, чтобы вернуться к себе.

Я стал закрывать свою дверь. Створка почти-то затворилась, и тут, в узкую щель юркнула белая кошка соседки. Она прошмыгнула мимо меня и стрелою метнулась в дальнюю комнату.

Я помчался за ней, шагнул в свою спальню и увидел, как мурка бежит по дивану, расположенному вдоль длинной стены. Она вскочила на стол, где стоял мой компьютер, прошла по клавиатуре и, прыгнув на подоконник, с большим интересом посмотрела в окно.

Крикнув: "Пошла вон отсюда!" — я направился к наглой зверюшке. Она спрыгнула на пол и устремилась в обратную сторону. В прихожей она повернула направо и шмыгнула в гостиную. Там она тоже прошла по дивану и рванулась к окну. Пришлось выгнать нахалку из комнаты и закрыть дверь, чтобы она снова не вернулась туда.

Пока я возился со створкой, киска ринулась в кухню и вскочила на обеденный стол. Оттуда она пробежала по мойке, по плите на четыре конфорки и опять посмотрела в окно. Видимо, ей очень хотелось поскорее удрать из незнакомой квартиры. Спрашивается, на кой тогда чёрт ты ворвалась сюда?

Выдворив бестию в небольшой коридор, я закрыл дверь, ведущую в кухню. Неуёмная гостья помчалась в прихожую, но не направилась к выходу, а опять кинулась в спальню. Пришлось её снова выгнать оттуда и закрыть дверь в помещение.

Пометавшись по узкой прихожей, глупая кошка скользнула в совмещённый санузел. Мне уже надоело бегать за этим животным и я крикнул хозяйке: "Забери эту дуру сама!".

Соседка открыла наружную дверь, вошла в наш санузел и хотела взять питомца на руки. Безмозглая тварь метнулась в прихожую, а оттуда наружу. Женщина побежала за ней. Следом двигался я.

Оказавшись на лестнице, соседка открыла дверь, что вела в её небольшую квартиру, и громко сказала, словно ребёнку: — Мурзик, домой.

Кошка совсем не желала возвращаться в родные пенаты, она развернулась на месте и снова рванулась ко мне. Моя дверь ещё не закрылась, и зверёк пытался просунуться в узкую щель. Я выставил правую ногу и задержал его на пороге.

Запах носков ему не понравился, и Мурзик бросился в обратную сторону. Он натолкнулся на ограждение площадки лестничной клетки, проскочил сквозь стальные прутки и, кувыряясь в полёте, слетел на четвёртый этаж.

Кошка упала на ноги и рванулась вверх по ступеням. Я подумал о том, что она снова влетит ко мне в гости, и как можно скорее захлопнул наружную дверь. Что произошло там снаружи, я так никогда не узнал. Наверное, Мурзику некуда было бежать и он, как блудный сынок, всё же вернулся домой. Потом, я много раз видел его в открытый проём соседкой квартиры. Он сильно подрос, но никогда не выходил за порог.

Облётчённо вздохнув, я взял тряпку в руки и протёр все поверхности, по которым побегала наглая кошка. После чего отремонтировал повреждённую швабру. Вот так и закончился тот насыщенный день.

P.S. В майские праздники, я побелил потолок и потемневшие стены. В ноябре, как и положено нашей природой, в Самару вернулась зима. К концу февраля снегу выпало столько же, сколько в 2020-м году. В апреле опять нагрелась оттепель, и угол на кухне снова промок. Только пятно стало значительно больше, чем в прошлый раз.

В июне внезапно сменилась компания, что должна следить за порядком в нашем стареньком доме. Как выяснилось немного позднее, деньги ремонтного фонда бесследно исчезли, но за это никто не понёс наказания.

После моих настойчивых просьб по крыше ползали два мужика, но менять расколотый шифер и ржавые сливы почему-то не стали. Они

только взяли какой-то раствор и промазали трещины под бетонным карнизом на кровле. На этом ремонт и закончился.

Оксана Соснина

г. Можга, респ. Удмуртия

МЕТКИЙ ВЫСТРЕЛ

— Ты же ничего не знаешь, Андрей, про меня! Это же я, я, я его тогда... — стучал в широкую грудь кулаком Валерий Яковлевич, не старый ещё, крепкий мужик, спешно вытирал льющиеся из глаз слёзы и никак не мог успокоиться, — понимаешь, это я его тогда одним выстрелом! Он первый у меня был, понимаешь, первый! Партизанил я...

— Погодите, Валерий Яковлевич, Вы явно что-то путаете! Вам в войну от силы лет десять, наверное, было... Это всего лишь совпадение, — пытался успокоить его я, бывший студент, а ныне — коллега Ваяка, как мы все его за глаза называли, зав.кафедрой немецкой грамматики нашего факультета. Почти десять лет я знал профессора как уверенного в себе человека, грамотного специалиста, свободно говорившего по-немецки...

Но таким растерянным как сейчас я не мог представить его себе даже в мыслях. Профессор Костриков никогда прилюдно не позволял себе проявление эмоций, был ровен и спокоен — не кричал на нас, студентов, не отчитывал коллег на заседаниях кафедры. Мог, однако, позволить себе вставить крепкое словцо в разговор, чтоб доходчивей было, но в любых обстоятельствах держал себя в руках. Я, видя его сейчас другим, не на шутку забеспокоился. У Ваяка — большое сердце, не дай бог, что произойдёт... Тем более, здесь, в Германии...

— Нет, Андрей, мой это немчик, сердцем чую, мой! Ты посчитай, сколько мне годков-то уже накапало... В самом начале войны, в сорок первом, когда фашисты Украину заняли, мне аккурат четырнадцать стукнуло, — стал вспоминать Валерий Яковлевич, как только мы отошли подальше от аккуратных фахтверковых домиков. — И пробрался я к своим в партизанский отряд, что в лесу рядом с нашей деревней был. Немцы в лес и соваться боялись. Среди партизан — женщины и подростки в основном, кто под новой властью жить не хотел. А из мужчин —

те, кого в армию по состоянию здоровья да по старости уже и не призывали. Поначалу-то оккупанты не так нагло себя вели.. Собирали, конечно, по дворам кур да уток, яйца, молоко с картошкой, но и нам, детям, что-то перепадало... Даже угощали пацанят трофейным шоколадом. Только за это заставляли руку вверх вскидывать и «хайль Гитлер» выкрикивать. Кто помладше, за хлеб и шоколад — не понимали — повторяли за фашистами, за что им дома от мамок по полной доставалось. Чего не сделаешь, коли кушать хочется, особенно детям малым... Фашисты при этом громко ржали и всё время нас фотографировали. Я, почти взрослый, понимал, что рано или поздно немцы своё нутро покажут — мало не покажется. Так всё и случилось.

Однажды под утро услышали мы громкий взрыв со стороны железной дороги. Оказалось, партизаны состав с фашистской техникой подорвали. Озверели тогда немцы: согнали женщин да детей малых в одну избу, подперли ее снаружи, обложили сеном, облили керосином и подожгли... А после согнали оставшихся деревенских, в том числе и меня, смотреть на это... Тех, кто не мог смотреть или не хотел, били и расстреливали тут же...

После того раза я и другие подростки ушли к партизанам, мстить. Злости в нас накопилось — хоть отбавляй! Дали мне в отряде винтовку самую настоящую, патроны, стрелять мало-мальски научили, сказали: «Увидишь немца — стреляй, не раздумывая! Коли ты его пожалеешь — не выстрелишь, в другой раз он тебя не пожалеет!» Мы в отряде это крепко усвоили и прощать им, занявшим нашу землю, не собирались. У меня перед глазами так и стояла картина горящей украинской хаты с запертыми в ней женщинами и детьми. Среди них и мать моя с младшим братиком...

В 70-80-ые студентов, заканчивающих учебу на романо-германском факультете нашего универа, отправляли в Европу на всё лето — на практику. Поехал я в ГДР, потому что собирался остаться на кафедре после окончания учёбы в качестве молодого специалиста. Попрактиковаться в знании немецкого мне не мешало, диалекты разные послушать. Руководителем практики частенько назначали профессора Кострикова: был он очень компетентен и профессором стал рано благодаря своим заслугам на фронте. Говорили, в годы войны мальчишкой партизанил и даже орден за отвагу имел.

Шёл 85 год. За месяц примерно до окончания срока пребывания в этой стране такая тоска по России на меня навалилась — сил нет! Так

опостылела их немецкая кухня, что русской простой еды захотелось — спасу никакого!

Сию я как-то в немецком кампусе (вроде общежития нашего, только со всеми коммунальными удобствами), смотрю в тарелку с красивой немецкой едой, а сам нос ворочу — домой к щам да к пирогам русским хочу.... Затосковал я по родному дому. И тут вдруг стук в дверь...

— Ваяк, наверное, — подумал я и распахнул дверь.

— Привет, Андрей! А чего грустный такой? Домой потянуло? — улыбнулся профессор.. Пойдем прогуляемся, тоску развеешь хоть ма-ленько, а?

Долго уговаривать меня Ваяку не пришлось. Не приди он в тот момент, сам бы пошёл, куда глаза глядят. Невыносимо одному в комнате сидеть. Все-то на экскурсию уехали, а я не поехал — не хотел больше на немецкие города смотреть...

Гуляем мы с Ваяком по близлежащим окрестностям... Тут вдруг я оборачиваюсь и вижу: у одного из домиков пожилой мужчина стоит и рукой нас к себе подзывает. Комм, комм, мол, подойдите! Переглянулись мы с профессором: поди что сказать хочет? Подошли. Обрадовался тот, что мы на немецком свободно говорим. Русского-то он совсем не знал. Представился господином Штайном и в дом свой повёл.

Рассказал, что вот уже как семь лет овдовел, но память о супруге хранит — ухаживает за цветами, что посадила её заботливая рука. А на их общей кровати бережно уголок одеяла отогнут — на тот случай, если фрау вернётся... Преданность старика Штайна супруге нас с Ваяком просто подкупила.

В небольшом доме чистенько всё, аккуратно. Хозяин пригласил нас сесть за стол, а сам, попросив немного подождать, шаркающей стариковской походкой удалился из гостиной.

В его отсутствие мы с Ваяком огляделись как следует: всюду фарфоровые статуэтки, белые накрахмаленные салфеточки, красивые цветочки в горшках... Наверняка, социальные службы усердствуют. Хорошо, что не бросают старика на произвол судьбы. Вот что значит цивилизованная страна! И не скажешь, что поверженная. Выглядит по-другому...

Напротив гостиной — ещё одна комната, дверь в которую чуть приоткрыта. Не усидел я, из молодецкого любопытства заглянул... И сразу же отшатнулся, едва не налетев на подошедшего ко мне сзади господина Штайна.

— А Вы, однако, любопытны, молодой человек. Не бойтесь, входите же, ну! — сказал он уверенно и слегка подтолкнул меня вперёд.

Я, нехотя, вошел. Прямо перед моим взором — на вешалке для одежды — ... хорошо сохранившаяся и через десятилетия после окончания второй мировой войны форма нацистского солдата. А на стене над ней — большой, почти выцветший от времени чёрно-белый портрет молодого симпатичного парня, чертами лица отчаянно напоминавшего гостеприимного хозяина.

— Ваш сын был..., — начал говорить я и запнулся.

— Генрих погиб еще в сорок первом на Восточном фронте. Но он, он, как бы вам это сказать, не был фашистом..., — и тут старик тяжело вздохнул, опустив голову вниз. — Как только Гитлер пришёл к власти, мне, супруге и нашему Генриху пришлось покинуть эти места и перебраться во французский Эльзас, что на самой границе с Германией. Моя супруга, фрау Амели Штайн как раз оттуда родом. Сын только что закончил университет и собирался преподавать историю, но не успел. Вы знаете, в тридцать девятом Франция же вела войну с фашистами. Наш Генрих был мобилизован, как и многие эльзасские парни, что всей душой ненавидели чёрт знает что возомнивших о себе нацистов. Но, к сожалению, ряды французского сопротивления, в которые встал, не задумываясь, наш сын, не были такими плотными как ряды новой нацистской армии. И меньше чем через год Франция уже была под фашистами. Генрих вернулся домой и тут же попал в их лапы. Забрали его прямо с урока истории в школе еще в сентябре. Пришли и сказали: «Собирайся, иначе вся твоя семья угодит в лагерь на сельхозработы, а ваше имущество будет конфисковано в пользу Великой Германии». Генрих сделал так, как они просили — пошел на фронт, хоть и не хотел. Сын не советовался с нами, родителями, принял решение сам: Амели не выдержала бы переселения в лагерь — сердце у нее было слабое. Генрих знал это. И я не пошёл на фронт — мне дали бронь как машинисту локомотива, что фашистскую технику на фронт перевозил. Уходя, сын сказал только, что это не его война, и что при первой же возможности он перейдет на сторону русских, сдастся в плен. Он и погиб почти сразу на Украине, но не в бою. Не хотел и не успел против вас повоевать, готт зай данк, не взял грех на душу. Сказали, что партизаны его ваши застрелили... Но подробностей мне уже не узнать..., — господин Штайн, тяжело вздохнув, умолк. Выговорился.

— А форма? Его военная форма? Почему она тут..., — пытался сформулировать вопрос я и неожиданно запнулся.

И тут мне на помощь пришёл Ваяк, что всё еще сидел за обеденным столом в гостиной, но прекрасно слышал рассказ гостеприимного немца:

— Почему форма нацистского солдата до сих пор в вашем доме?

Мы с Ваяком прекрасно видели, что старик словно вздрогнул от удивления, весь сжался и какое-то время пребывал в оцепенении, глядя куда-то поверх наших голов и молчал.

«Ага, нечего ответить! У самого, наверное, рывок в пушку. Старается сына и самого себя выгородить, а форму-то не спрятал, не успел, значит...», — примерно так думали мы с профессором и ждали, ответит ли немец на неудобный вопрос.

Господин Штайн прошёл мимо меня в гостиную, сел и положил на стол что-то в круглой коробочке:

— Давайте пить чай, господа русские, с немецким шоколадом военного времени! Форму с дыркой на левой стороне груди и с пятном бурой крови нашего сына мы с супругой решили сохранить. И даже кровь не стали застирывать — это всё, что осталось нам от нашего дорогого мальчика... Да еще этот шоколад, что нашли в его солдатском вещмешке... Правда, знаки отличия с фашистской свастикой я с формы спорол всё же. Хоронить его в ней мы не стали — Генрих ненавидел фашистов — положили в гражданском: в том самом костюме, в котором он детей в школе учил. А шоколад мы с Амели не открывали — случая подходящего не было. Так и пережил он ее. А сегодня у меня большой праздник: я увидел русских и пригласил к себе в дом, чтобы всё рассказать. Знайте, не все немцы хотели воевать против вас, многих заставили под угрозой расправы с их семьями...

Слушаю я — вроде как складно всё у господина Штайна получается, а сам одним глазом за Ваяком наблюдаю. Вижу, он будто съеживается, елозит на стуле, нервничает, сам не свой стал... Даже пуговицу рубашки, что под самым горлом, расстегнул. Чувствую, засиделись мы, на воздух пора.

Прощались мы наспех с немцем, а он до калитки нас провожать вызвался. Разглядел я его как следует тогда. Одежда на нем не новая, стариковская. Видно, что из прошлой жизни его той, в которой он с женой и сыном счастлив был: рубашка, пиджачок, картуз на голове, очки на носу круглые... Аккуратненький весь. И так сердце у меня сжалось от жалости к нему и ко всей его семье, что самому себе признаться в том стыдно. Зачем нам вся эта его история, все эти воспоминания, оп-

равдания, неловкость? Куда понятней, как нас в школе учили: фашисты — сволочи, советский народ — победитель...

От этих правильных моих мыслей меня господин Штайн неожиданно отвлёк:

— Андрей, Вы так же молоды, как был мой сын, когда в последний раз обернулся на пороге и сказал нам с супругой, чтобы мы дождались его. Мол, вместе с русскими победу над Гитлером отпразднуем. Я и отпраздновал её сегодня с вами. А шоколад с собой заберите, настоящий военный трофей домой привезете. Это ценнее других немецких сувениров будет!

— Нам этот старик не случайно встретился, — продолжил говорить профессор, немного успокоившись. — Не верю я в такие случайности, не верю, Андрей! И звал он нас к себе неспроста — смерть свою чувствует, покаяться ему надо было и за себя, и за сына погибшего. А мне-то теперь что с этим делать? Какой груз у меня на душе сейчас, знаешь, Андрей? Невиновного человека убил и еще хвастался там в отряде, как просто это у меня получилось, легко. Я же, чтоб удостовериться, сам к нему подошел и свастику фашистскую сам с его формы содрал — так он мне ненавистен был! В отряд принес показать, чтобы мне поверили... Врал старик — не он спорол, а я, я! Понимаешь? Мой это немчик, как есть мой!

Ваяк говорил, а я представлял себе сидящего на лесной поляне под последними теплыми лучами сентябрьского солнца молодого немецкого парня в нацистской форме, обдумывающего своё непростое положение... Найти русских партизан и скорее сдаться в плен — вот о чём были его мысли. Не стреляное ни разу ружье, незапачканные в крови руки... И в этот самый момент в звенящей тишине неожиданно прозвучал единственный выстрел со спины в самое сердце. Меткий выстрел мальчишки-партизана, чьи мать и младший братишка были сожжены живьём солдатами вот в такой же форме...

Ваяк попросил меня забрать себе немецкий шоколад. Слишком горек он был для него.

Валентина Карпушина

Москва

ЦЕНА ЗАВЕТНОЙ МЕЧТЫ

— Ванюшка, беги сюда! — громко крикнула Наталья, — Тучка рожает! Помоги мне!

Услышав голос матери, белобрысый подросток бросил тяпку, которой рыхлил землю, и посмотрел в сторону кривого бревенчатого сарайчика, возвышающегося возле такого же кривого парника, покрытого полиэтиленовой плёнкой.

— Сейчас, мам, — отозвался он, — только руки ополосну.

Резво перепрыгнув через ряды ровных грядок, на которых зеленели побеги моркови и свёклы, Ванюшка подбежал к стоявшей возле кособорода ржавой, металлической бочке, до краёв наполненной дождевой водой. Сунув в бочку руки, он ими там интенсивно поболтал. А потом несколько раз потряхнул ладонями в воздухе и вытер о давно потерявшие первоначальный цвет джинсы, из которых заметно вырос. Затем, одёрнув застиранную тельняшку, он помчался в сторону сарая, в котором его мать принимала роды у молодой тёлочки по имени Тучка.

— Что ты так долго? — глянув исподлобья на сына, проворчала Наталья, — я уже тут вся упрела, тебя дожидаясь.

— А что это ты решила в повитухи заделаться? — удивился Ванюшка, пытаясь пригладить ладонью непослушный белобрысый чуб, который стоял у него на голове торчком и никак не хотел ложиться, как положено, — Тучка сама, что ли не родит?

— Да вон ноги показались и всё! Застрял на полпути телёнок-то! Видать, крупный очень, — ответила ему мать, а потом пояснила, — Поэтому я тебя и позвала на подмогу. Тут мужская сила нужна.

Несмотря на то, что Ванюшка был ещё подростком, выглядел он гораздо старше своих лет. Внешне он больше походил на юного атлета, чем на деревенского пятнадцатилетнего мальчишку. Ясное дело, ведь ему приходилось постоянно в поте лица своего трудиться на огороде и по дому. А это, как известно, была очень тяжёлая работа. Поэтому Наталья абсолютно серьёзно рассчитывала на помощь сына. Она знала, что Ванюшке хоть и мало лет, но он уже очень силен.

— Командуй, — решительно сказал он, подойдя к Тучке.

— Тащи! — приказала Наталья, вытерев концом белой косынки, повязанной у неё на голове, потную шею.

Ванюшка напрягся и из всех сил дёрнул на себя, торчащие телячьи ноги из ослабевшей от родов коровы. Её внутренности издали тихий звук, похожий на шлепок, и телёнок выскочил наружу.

— Фу-у! — вытирая испарину со лба, облегчённо вздохнула Наталья, — слава Богу! Родился, всё-таки.

Новорожденный бычок оказался и впрямь очень крупным.

— Какой он красивый! — восторженно воскликнул Ванюшка, наблюдая за тем, как Наталья обтирает телёнка и обрабатывает пуповину, — рыжий, как огонь!

— Ты не болтай, давай! — прервала его восторги Наталья, — лучше помоги мне. Тут прибраться надо. Дети любят чистоту. Это касается и телят тоже.

— Мам, а как мы его назовём? — пропустив мимо ушей её слова, спросил Ванюшка.

— Как? — рассеяно отозвалась Наталья, с трудом поднявшись с колен, — а чего его называть-то? Бычок — он и есть бычок.

В этот момент телёнок заворочался на соломенной подстилке, пытаясь встать.

— У! Медведь! — усмехнулась Наталья, глянув на него.

— Точно, мам! — неожиданно обрадовался Ванюшка, — точно! Он на медвежонка чем-то смахивает! Поэтому я его буду звать Мишка!

— Ну Мишка, так Мишка, — устало согласилась Наталья, а потом строго прикрикнула на сына, — хватит лясы точить! Иди, делом занимайся!

С самого дня рождения бычка Ванюшка принялся ухаживать за ним. Он наводил порядок в сарае, где телёнок поселился вместе с матерью-коровой. Регулярно подкармливал его молоком из бутылочки, пока бычок набирал силу.

— Мишка, — ласково говорил Ванюшка, теребя его по крутому рыжему лбу.

В ответ тот смотрел на него преданным взглядом и тихо мычал с какой-то удивительной нежностью, словно признавался пареньку в любви.

Вскоре, когда телёнок немного подрос, Ванюшка стал выводить его пощипать травку на лугу, расположенном неподалёку от дома. И пока тот пастись, паренёк садился под развесистым деревом на землю и принимался мечтать. А мечта у Ванюшки была. И была она заветная. Ва-

нюшка спал и видел, что когда-нибудь, в один прекрасный день, он станет счастливым обладателем новенького мотоцикла. Его сердце начинало сладко замирать как только он закрывал глаза и представлял как мчится по просёлочной дороге на бешеной скорости, сидя в седле только что купленного стального коня.

Правда денег на приобретение дорогой машины у Ванюшки не было. Вернее, он накопил с грехом пополам небольшую сумму, которую заработал от продажи овощей с огорода на рынке. Но этих средств было явно недостаточно для того, чтобы купить мотоцикл. Поэтому сейчас Ванюшке только и оставалось, что мечтать, пока его питомец пастётся на лугу.

А Мишка со временем стал необыкновенным красавцем. Он и при рождении был крупным бычком, а теперь превратился в мускулистого сильного самца с блестящим рыжим ворсом на мощном теле.

А ещё он не переставал удивлять Ванюшку. Ведь, кроме того, что Мишка обладал весёлым и ласковым нравом, он, как выяснилось, оказался очень умным и изобретательным существом. Неоднократно Ванюшка, подойдя к сараю на зорьке и, собираясь выпустить бычка на пастбище, обнаруживал, что дверь сарая распахнута настежь. Поначалу парнишка очень пугался, увидев, что Мишки нет на месте. Ему тут же в голову приходила мысль, что бычка украли неведомые воры. Но потом, найдя Мишку, мирно пасущегося на лугу, Ванюшка понимал, что ошибся и его изумлению не было границ.

« Кто мог выпустить его на волю? — удивлялся Ванюшка, растерянно почёсывая белобрысый затылок, — мать сейчас на ферме. Она не могла вот так просто открыть сарай и уйти на работу».

Мишка же, завидев хозяина, сначала на миг замирал, а потом начинал резво носиться по зелёной траве, то и дело подпрыгивая и радостно мыча.

— Ах ты, проказник! — смеялся Ванюшка, а потом строго спрашивал, — ну-ка признавайся, как ты здесь оказался?

Словно поняв его вопрос, Мишка тотчас прекращал безудержное веселье, и опустив крупную голову, начинал как ни в чём не бывало, щипать травку, изредка косясь в сторону хозяина.

— Ага! — снова начинал смеяться Ванюшка, подойдя к нему, — чувствуешь свою вину, негодник!

Мишка поднимал на него лукавые глаза, в которых (Ванюшка мог в этом поклясться) искрились смешливые искорки.

— Му-у! — низким голосом отвечал парнишке Мишка, — му-у!

В конце концов, Ванюшка решил узнать, кто всё-таки выпускает бычка утром на луг, пока он дома завтракает. В ближайший же вечер он поставил будильник на полчаса раньше, чем обычно. А как только тот прозвенел, резво выскочил из-под одеяла, натянул джинсы и направился к сараю.

Вокруг было тихо. Рассвет только-только занялся. Ноги Ванюшки тотчас стали мокрыми от утренней росы. Осторожно ступая, он подкрался к сараю и увидел, что дверь, как и положено, закрыта снаружи на стальной крючок. Притаившись возле стены, паренёк стал терпеливо ждать.

Ждать ему пришлось недолго. Через несколько минут за стеной послышалось громкое пыхтение, а потом кто-то изнутри принялся активно раскачивать дверь. Вскоре крючок, вставленный в металлическую петлю, выскочил из неё. Дверь резко распахнулась, и на пороге появился Мишка. Посмотрев по сторонам, словно желая убедиться в том, что никого поблизости нет, он жизнерадостно пробасил:

— Му-у!

А потом выскочил наружу и помчался в сторону луга.

Увидев это, от изумления Ванюшка сначала просто остолбенел, а потом, когда с трудом пришёл в себя, только и смог потрясённо выдохнуть:

— Ничего себе! Ну и дела!

Вскоре Мишка вырос настолько, что пора уже было задумываться над тем, как распорядиться его дальнейшей судьбой. Судя по его весу и по экстерьеру за него можно было выручить очень хорошие деньги, сдав на мясокомбинат.

Поняв, что наконец-то исполнится его заветная мечта, у Ванюшки от волнения перехватило дыхание. А перед глазами возникла восхитительная картина: он в красном шлеме, с нарисованной на нём чёрной стрелой, гордо восседает на мотоцикле.

Видение было настолько прекрасным, что Ванюшка решил не откладывать дело в долгий ящик и в ближайший же день наведался на мясокомбинат, располагавшийся в областном центре. Там, в специальном отделе за определённую мзду, он договорился, чтобы к нему домой приехал оценщик и назначил цену за Мишку.

На следующее утро к калитке дома Ванюшки на фургоне, расписанном красочной рекламой полуфабрикатов из говядины, подкатил представитель мясокомбината, который занимался скупкой крупного

домашнего рогатого скота у населения. Увидев Мишку, оценщик от восторга даже прищёлкнул языком.

— Отличный товар! — со знанием дела заключил он, произведя необходимый обмер и завес, — из него получится превосходная мясная продукция. Да и кожа пойдёт в дело тоже.

Оформив нужные документы, он включил Мишку в график, соответственно которому за ним на днях должны будут приехать рабочие и отвезти на переработку.

— Ну, что дружище, скоро мы расстанемся, — невольно вздохнув, сказал Ванюшка, зайдя в сарай, как только фургон уехал.

Похлопав бычка по мощной шее, он вынул из кармана вылинявших джинсов кусок рафинада и протянул его своему питомцу.

— Полакомись напоследок, — ласково сказал Ванюшка.

Но странно притихший Мишка, безумно любивший сахар, неожиданно отказался от него и испуганно забился в угол. Посмотрев на Ванюшку полными ужаса глазами, он тихо пророкотал:

— Му-у...

В его голосе было столько боли, что Ванюшке стало не по себе. Ему вдруг в голову пришла мысль, что Мишка непостижимым образом понял, о чём он только что договаривался с представителем мясокомбината.

«Да нет! Этого просто не может быть, — отгоняя от себя бредовую мысль, подумал Ванюшка, — Мишка — это же бык, обычное животное. И всё!»!

Вслед за этим радужные мечты о реально замаячившей впереди покупке мотоцикла заставили парнишку забыть о переживаниях его питомца.

Ночью Ванюшке приснился необычный сон. Во сне он увидел Мишку. Тот умоляюще смотрел на него. В его тёмно-карих глазах, наполненных слезами, отражалось такое отчаяние, что у Ванюшки невольно заныло за грудиной.

— Не убивай меня, — жалобно попросил Мишка человеческим голосом, — я не хочу умирать.

Проснувшись утром, Ванюшка вспомнил этот странный сон.

— Ерунда какая-то, — пробормотал он себе под нос, — говорящие бычки — это уже из раздела детских сказок.

Не желая обращать внимание на своё удивительное сновидение, Ванюшка вылез из-под одеяла и пошёл умываться. Позавтракав, он направился в сторону сарая. Его голову теперь занимала только одна

мысль — скорая покупка мотоцикла. Правда, когда он подошёл к сараю, то обнаружил, что его дверь снова раскрыта настежь.

— Опять удрал, непоседа, — беззлобно усмехнулся Ванюшка, прикрывая дверь, а потом рассмеялся, — но я знаю, где тебя искать! Ты меня не проведёшь! На лугу сейчас, небось, пасёшься.

Но на лугу он Мишку не нашёл.

«Куда подевался этот проказник»? — озадаченно подумал Ванюшка, вертя головой. А потом громко крикнул:

— Мишка, ты где? Выходи! Я тебе кое-что принёс!

Вслед за этим он засунул руку в карман джинсов и вытащил оттуда несколько кусков рафинада. Положив лакомство на ладонь, Ванюшка протянул её вперёд, надеясь выманить упрямого бычка из его убежища. Но Мишка не отозвался.

— Ну, погоди у меня, — сердито буркнул он, и пошёл в сторону леса, расположенного рядом с лугом, — я до тебя доберусь, хитрюга!

Недолго побродив между деревьев в поисках Мишки, Ванюшка вскоре его нашёл. Тот угодил в капкан, который паренёк накануне поставил на зайца. Правда, несмотря на боль, Мишка не мычал и не звал на помощь. Он молча смотрел, как хозяин приближается к нему. В его глазах застыл такой ужас, что Ванюшка невольно поёжился.

— Дурачина, — миролюбиво укорил его Ванюшка, подойдя к бычку, а потом пообещал, глянув на его ногу, застрявшую в капкане, — сейчас я тебя вызволю.

Затем он наклонился и, нажав сбоку на рычажок, ловко раздвинул дуги ловушки. Вслед за этим Ванюшка внимательно осмотрел ранку и, поняв, что она не очень глубокая, облегчённо вздохнул.

— Давай, пошевеливайся, — скомандовал он, — скоро люди придут, а мы тут в лесу прохлаждаемся.

Но Мишка никуда не желал идти. Он стал затравленно озираться по сторонам, словно прикидывая в уме, каким образом ему опять удрать от хозяина. Видя, что Мишка собирается снова дать стрекоча, Ванюшка потерял его по рыжему загривку, а потом, обвив руками могучую шею, доверительно прошептал на ухо:

— Ну что ты, Миш! Не бойся ничего. Я же рядом с тобой и никому не дам тебя в обиду.

Затем он снова вытащил из кармана джинсов сахар и поднёс его ко рту бычка.

— Ешь, — улыбнувшись, сказал Ванюшка, — ты же любишь побаловаться сладким.

Мишка недоверчиво покосился на него, а потом осторожно взял угощение мягкими бархатными губами.

— Ну, вот и молодец, — похвалил его Ванюшка, а затем sluкавил, чтобы окончательно усыпить бдительность бычка, — а теперь пошли домой. Там, наверное, нас мамка ждёт.

Его хитрость удалась. Мишка повиновался и послушно пошёл вслед за Ванюшкой в сторону дома.

Они пришли как раз вовремя. Не успел Ванюшка загнать Мишку в сарай и обработать ранку на его ноге йодом, как к калитке подкатил фургон из мясокомбината.

« Ох! Успели!»! — облегчённо вздохнув, подумал Ванюшка.

Он быстро сбежал в дом и вынес оттуда пластиковую папочку с договором на куплю-продажу Мишки. Протянув документы менеджеру, Ванюшка приготовился к его дальнейшим распоряжениям. А тот, торопливо пробежав глазами по тексту договора, удовлетворённо кивнул головой и дал знак рабочим, приехавшим вместе с ним.

— Выводи! — скомандовал басом один из плечистых мужиков.

Ванюшка открыл дверь сарая и вывел оттуда Мишку. Увидев фургон, бычок остановился как вкопанный. А потом недоумённо посмотрел на хозяина и протяжно замычал.

— Ну, не упрямься, — обняв его за мощную шею, ласково попросил Ванюшка, — мы просто-напросто сейчас прокатимся до областного центра, а потом вернёмся назад.

Мишка недоверчиво посмотрел на него.

— Я с тобой поеду, — принялся уговаривать его Ванюшка, — ты — в кузове, а я — в кабине.

Долго Мишку убеждать не пришлось. Поверив хозяину, он медленно пошёл в сторону фургона. Мгновенно оценив ситуацию, второй мужик, приехавший за Мишкой, проворно откинул заднюю створку автомобиля и опустил небольшую лестницу в три ступеньки, которая упёрлась в землю, металлически лязгнув.

— Заводи! — пронзительно крикнул он.

Услышав этот крик, Мишка снова остановился, а потом испуганно попятился.

— Му-у! — протяжно замычал он.

Но Ванюшка не растерялся, он снова обвил руками шею бычка и зашептал ему на ухо:

— Поехали, а? Ради меня! Так нужно. Пойми!

И Мишка снова поверил ему. Нехотя, он вошёл внутрь фургона и, развернувшись там, высунул испуганную морду из-за перегородки, которую стремительно захлопнул, а потом защёлкнул на замок ловкий мужик.

Когда менеджер убедился в том, что процедура погрузки домашней скотины благополучно завершена, он подошёл к Ванюшке, выписал ему квитанцию на получение денег, и, запрыгнув в кабину, распорядился:

— Погнали!

Водитель тут же нажал на газ, и машина тронулась с места.

Поняв, что его безбожно провели, Мишка издал душераздирающий, почти человеческий вопль. А потом, закинув передние ноги на край деревянной перегородки, с ужасом и мольбой посмотрел на удаляющуюся фигуру хозяина, стоящую посередине дороги. Из его глаз по красивой рыжей морде покатались крупные слёзы размером с горох.

— Му-у! — последнее, что услышал Ванюшка, — му-у!

На следующий день Ванюшка съездил в областной центр и наконец, исполнил свою заветную мечту. Он приобрёл мотоцикл. Более счастливого человека в этот день нельзя было найти во всей округе.

СТИХИ

Валентина Карпушина

Москва

ХАРАКТЕР И СУДЬБА

Характер твой — и есть твоя судьба.
Но коль безвольно на печи лежишь,
То вряд ли сможешь повидать Париж
Иль словно Золушка попасть на бал.
Конечно, шаг вперёд он может стать
И шагом в пропасть. Отступить назад
Настолько нужно, чтоб не наугад,
А зная, что пойдёшь вперёд опять.
Но перед этим нужно взять разгон,
И прыгнуть, чтобы в пропасть не упасть,

Характер твой — он над собою власть,
И перейти способность рубикон.

ПРОСТАЯ АРИФМЕТИКА

Ты на ноль разделил и умножил любовь.
В результате — одна пустота.
Ты конечно гордишься отныне собой,
И себя можешь сильным считать.
Чувства ты превозмог. Не позволил себе
Волю сильным эмоциям дать.
Совершив от любви беспримерный побег,
Всё решив для себя навсегда.
Потому-то теперь мы не вместе, а врозь.
Ты не дал нам ни шанса с тобой,
Чтоб счастливыми быть. И тебе удалось,
Раз умножил на ноль ты любовь.

ВЕРШИНА

Не видно за облаком белым вершины
Крутой неприступной горы,
Которое как воротник из шиншиллы
Её обвернуло, закрыв.
И лишь у подножия странник уставший
Дошедший до цели, чуть-чуть
Позволит себе отдохнуть, чтобы дальше
Отправиться в длительный путь.
Ты — это вершина моя, смысл сакральный.
Подножие этой горы —
Есть я. Но и я — часть смешной пасторали
И часть недоступной игры.

В ТАНЦЕ ПЕРЕМЕН

Жизнь — существование во времени,
Кружит в танце дат и перемен.

То в одном стремится направлении,
То даёт внезапно мощный крен.
Часто, делая людей страдальцами,
Перед тем, как дать венки побед
За малейший шанс хвататься пальцами
Вынудит, чтоб исключить побег.
В танце перемен всё в мире кружится,
Что даёт в итоге должный плод.
Важно не считать за море лужицу,
Где фиаско терпит личный плот.

ТОНКИЙ ЛЁД

Любовь как тонкий лёд хрупка.
Неверный шаг — и треснул он
Под шпилькой острой каблука.
Невосполним такой урон.
Потом не склеить, не собрать
Осколки крохотные чувств.
Лед треснул, посреди — дыра.
В ушах стоит зловещий хруст.
Идти по тонкой глади льда —
Опасней, чем во тьме, вдвойне.
Любовь хрупка. Путь в никуда,
Коль каблуком стучать но ней.

НАПОЛОВИНУ

Уснёшь с собаками,
Проснёшься с блохами.
Дружить с дворнягами
Легко ли, плохо ли?
Собака — друг порой.
Порой — изменница.
От всяких там пород
Факт не изменится.
Наполовину друг —
Не друг, а враг тебе.

С ним не вступай в игру,
И не перечь судьбе.
Попасть легко врасплох
И в неурядицы.
Как от собачьих блох
Потом избавиться?

МЫШИНАЯ МЕЧТА

Небо бескрайнее — синее-синее.
Птица над полем парит.
И горизонта размытая линия
Тает в румянце зари.
Глядя на эту картину прекрасную
Сквозь частокол колосков,
Мышка себя ощущала несчастною
В поле, среди васильков.
Ей так мечталось взлететь в небо синее!
Там, где звенит высота,
Вольною птицей в заре апельсиновой
Гордо над полем летать.
Но ведь желанья на то и желания —
Сбыться мечтам суждено.
Слышит их чутко всегда мироздание
И исполняет их. Но!
Мышке взмыть в небо никак не получится.
Небо — для тех, кто крылат.
Только в одном ей взлететь можно случае:
Став лишь добычей орла.

ВСЁ В ПРОШЛОМ

Всё в прошлом осталось, отрезанной частью
От жизни моей и от жизни твоей.
А в памяти, словно игра из теней —
Размытые временем призраки счастья.
Упавшее в озеро синее небо,
И пьяный от солнца и осени лес,

Под рёбрами страсти бушующей бес.
Земля будто мякиш из чёрного хлеба.
Всё в прошлом. Но я влюблена в эту память.
Фантом бестелесный в ней тускл и размыт,
Не видно деталей. Сквозь штору из тьмы
Трепещет любви угасающей пламя.
Отрезан ломоть от души. Пусть уроком
Послужит моё одиночество мне.
Хоть так же искрит оголённый в ней нерв,
Но в сердце нет места для горьких упрёков.

ЖИЗНЬ

Лес не знает, что придёт сентябрь.
Птицам перед смертью страх неведом.
Где-то люди гибнут. В новостях
Нам объявят и забудут следом.
Осень сменит лето. Лес умрёт,
Холодом убитый постепенно.
Ведь наступит свой всему черёд:
Птиц пристрелит кто-то непременно.
Жертвы катастроф и прочих бед
То, что смерть близка, пока не знают.
Тщетно строят планы для побед.
Невдомёк им: жизнь прошла земная.
Только вновь летит лебяжий клин
Над редеющим осенним лесом.
А в крови бурлит адреналин.
И стремятся вдаль опять экспрессы.

НА ПОВТОРЕ

Любовь — словно бурное море.
Душа для неё лишь игрушка,
Как будто на пляже ракушка —
Отлив и прилив на повторе.
Всё было как сон. Мы любили.
Да только сегодня проснулись,

Вернувшись из снов в серость улиц,
Где носятся автомобили.
Туда, где реальность другая.
Но мы к ней совсем не готовы.
Мы, души закрыв на засовы,
Простимся, в мир прежний шагая.
Уйдем, как отлив, чтоб вернуться
С приливом. Ведь чувства как море.
Всё держится в них на повторе.
Любить не бояться безумцы.

ХРИЗАНТЕМА НА ГРАНИТЕ

Я не позволю жизни что-то изменить.
Довольно прожила я в царстве небылиц.
Я хризантему молча брошу на гранит.
Что я такое — знать хотелось мне бы лишь.
Опять захныкал дождь из тряпок облаков,
И глухо застучал, попав опять не в такт,
Не слыша шорох листьев, цокот каблучков,
Он выбил нервный ритм, всё делая не так.
Он, как всегда, опять невовремя идёт.
Фальшивит, но не в силах что-то изменить.
Всему приходит срок и свой всему черёд.
За осенью — зима. На кладбище — гранит.

Дмитрий Учитель

Днепр, Украина

ВЕЛОСИПЕД (2000е)

... Рывок, другой — и луговая глубь
Вокруг шумит, двоясь и расплываясь.
... Всё круче спуск, стрекозами заросший.
... Всё дальше город, где стоят, сцепившись
Локтями, пустыри и недострои.

... Всё шире мир — и непривычно долгод
Взгляд ветра, обжигающий лицо.

СНЕГ (2003)

Ребячье простодушие
снега,
вглядывающегося
во встречные лица:

"Ты ли это?
А может, ты — это я?
А может, я — это ты?"

ВПОЛГОЛОСА (2003)

Пошлют сбегать за мелом —
А вахтёрша куда-то запропастилась.

Посреди
Школьного
Вестибюля —

Коробка меловых кубиков,
Обвитая гирляндой
Из разноцветных
Светящихся лампочек...

Твоё детство
Лиловым шаром
На вате забыто
Под ёлкой.

Каникулы надолго.

ЛИТЕРАТУРА

Игорь Бёзрук

г. Иваново

БАЛЬЗАК-ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ
(к 225-летию со дня рождения)

К двадцати годам (1819 г.), закончив курс права и успев набраться практического опыта юриста, Бальзак тем не менее отказался в дальнейшем работать в конторе нотариуса и гнуть спину над соглашениями о продаже, брачными договорами, инвентарными описями. Он мечтал сделаться известным литератором, поэтому договорился с отцом о небольшой ренте на два года, за которые, был уверен, он создаст нечто грандиозное, которое не только прославит его, но и принесет немалые барыши.

«Что за блаженство, — пишет он в этот период сестре Лоре, с которой был близок как никто духовно, — победить забвение и еще больше прославить имя Бальзака. При этой мысли кровь у меня бурлит!»

В эпоху революционных передраг, он чувствует, система потребует выдающихся талантов и непременно обратится к великим литераторам, и он, достигнув литературной известности, вне всякого сомнения сможет прибавить к званию великого писателя звание великого гражданина.

Кроме того он намерен с помощью пера достичь независимости, посредством своих романов освободиться и обрести славу и деньги («Что он начал мечом, я довершу пером», — напишет он чуть позже на бумаге и приклеит этот девиз на камин под бюстом обожаемого Наполеона). Он прочитал Кребильона, который «ободрял его»; Корнеля, который «приводил его в восторг»; Расина, который «отбивал у него желание писать». В ближайших планах у него романы, комедии, комические оперы, трагедии, — то, что как никогда востребовано современной читающей публикой.

И хотя призрак службы нотариусом еще довлеет над ним, он как одержимый, впроголодь, в убогой, продуваемой всеми ветрами мансарде шестиэтажного дома по улице Ледигьер («В чердаке есть своя поэзия», — часто говаривал он) пытается создать свой первый шедевр — историческую трагедию «Кромвель», так как, по его мнению, исключительно драматургия наиболее достойна воплощения в это время, а те-

ма Кромвеля «самая прекрасная тема в истории». Бальзак надеялся, что его труд станет «молитвенником для народов и королей».

Увы, судьба не так была благосклонна к молодому пииту, как хотелось бы. Кроме того он сам прекрасно осознает, что недостаточно талантлив в версификации. В результате его дебютное сочинение проваливается уже при первом прочтении в узком семейном кругу и получает малоутешительные отзывы от «знатоков»: поэта и актера. А бывший учитель его будущего зятя, в прошлом преподаватель литературы в Политехнической школе и самостоятельно сочинявший незамысловатые комедии, профессор Франсуа-Гийом Андриё и вовсе посчитал молодого автора безнадежным.

В листке с замечаниями, который сестре Бальзака удалось в тот день заполучить, он начеркал: «Мне не хотелось бы отбить у Вашего сына охоту писать, но полагаю, что он с большей пользой мог бы употребить свое время, нежели на писание трагедий и комедий». Получается, время и усилия, которые должны были принести ему известность, потрачены впустую? Неужели он ошибся в себе?

Через два года кропотливой работы он сам признал своего «Кромвеля» никудышним.

«Трагедии не мое дело, вот и все», — констатирует он, несколько не расстроившись, потому что две страсти по-прежнему неослабно довлеют над ним: любовь и слава. А писательство для него остается только одной из многих возможностей выбиться, чтобы посредством денег и славы завоевать мир. Из-за чего расстраиваться? Не пошла трагедия, можно заняться новомодными романами, — здесь тоже есть где развернуться. Фантазии ему не занимать!

ФАБРИКАНТ РОМАНОВ И «ПЕКАРЬ» НОВЕЛЛ

С начала двадцатых годов XIX века по всему европейскому миру прокатилась волна новомодных бульварных и «черных» романов про пиратов, рыцарей, ведьм и колдунов с красочными описаниями, головокружительными приключениями, пылкими страстями, исторической или географической экзотикой в духе Вальтера Скотта, Анны Радклифф, Фенимора Купера, Пиго-Лебрена, Манцони и др.

Бальзак находит, что подобные романы не требуют особенных усилий в написании: в них нет рифмы, их можно сочинять так же легко, как письма, особо не вдаваясь ни в философию, ни в морализаторство, ни в историю как таковую, писать как угодно и где угодно, хоть на облучке. К тому же — что немаловажно — подобные романы нравятся

всем, только во Франции открылось около 1200 читальных залов, где читатели могли ознакомиться с новейшими литературными произведениями со всего света. А в условиях распространения всеобщей грамотности, совершенствования системы образования это позволяло быстро достичь желанной славы и денег. Взять хотя бы Дюкре-Домения: его роман «Дитя тайны» продан тиражом в несколько тысяч экземпляров. Великолепный результат! Первый тираж обычно составлял тогда 800-1000 экземпляров, и за них автор мог получить до 1000 франков!

Позже Бальзак утверждал, что его способность зарабатывать деньги романами стала просто счастливой случайностью: он также прекрасно умел делать бумажные цветы, и он с радостью оплачивал бы ими долги, если бы бумажные цветы оставляли ему время для писательства.

Бальзак, не откладывая дела в долгий ящик, решил начать с повествования в духе замеса Вальтера Скотта и Анны Радклифф, который поначалу он назвал «Агатиза», а затем переименовал в «Фалтурну» — готический роман о красивой девушке гигантского роста со сверхчеловеческими способностями. Фон — Италия до Крестовых походов.

Одновременно он пишет роман в духе Руссо — «Стению, или Философские заблуждения» о любви молодого человека и его молочной сестры, обремененной узами неравного брака. На это раз действие происходит во Франции.

К сожалению, ни один издатель новоявленными опусами начинающего автора всерьез не заинтересовался.

Один книготорговец так прямо ему и заявил: «Вы никому не известны, а хотите, чтобы я выпускал ваши книги?» Но Бальзака уже было не остановить, хотя родители и засомневались, что он выбрал правильный путь. Потакание вкусам широкой публики позорно и неприлично, — полагал отец. Мода изменчива, можно потратить всю жизнь, подражая другим, и ничего не добиться. (Скорее всего именно они и настояли на том, чтобы Оноре публиковал подобные свои произведения исключительно под псевдонимом, дабы не запятнать фамилию рода, прославленного якобы еще в XVII веке Гезом де Бальзаком, реформатором французского языка).

Наудачу, в 1821 году при посредничестве Огюста Сотле, одного из своих соучеников по Вандомскому коллежу, Бальзак знакомится с предприимчивым молодым литератором Огюстом Лепуатвеном (или л'Эгревилем), писателем, автором водевилей, журналистом, хроникером, который с несколькими компаньонами («маленькими кретинами», как он их называл) запустил настоящую фабрику грошовых романов,

которые пользовались невероятным спросом. Правила простые: описания сводятся к минимуму, герои принадлежат к высшему обществу, женщины блистают красотой и обаянием, злодей должен быть наказан, поборник справедливости вознагражден, эмоции бьют через край.

Бальзак присоединяется к компании. По соглашению он обязуется сочинить несколько произведений, которые Лепуатвен отшлифует и продаст издателям.

Коллективная работа нисколько не унижает его, к тому же она начинает приносить определенные плоды.

«Я очень рад», — пишет он сестре Лоре о своих первых барышах, полученных на ниве ремесленничества. Амбиции его грандиозны.

«ПРИКАЗ! — записывает он в 1822 году. — Зарабатывать 3000 франков, иначе — позор, нужда и т.д.»

В течение следующих пяти лет Бальзак, стремясь как можно скорее заработать и обрести финансовую независимость, выпустит девять романов, три из которых будут написаны совместно с Лепуатвеном, остальные шесть — самим Бальзаком под различными псевдонимами: Вьелергле, лорд Р'Оон (анаграмма имени Оноре), Орас де Сент-Обен (Saint-Albin), Аврора Клото и др. (По утверждению Лоры Сюрвиль, за пять лет он напишет более 40 романов.)

Как признавался Бальзак Шанфлэри: «Один — чтобы набить руку в диалоге, другой — чтобы понатореть в описаниях, третий — чтобы научиться расставлять персонажей, четвертый ради композиции и так далее». Одни названия этих романов говорят сами за себя: «Наследница Бирага», «Жан-Луи, или Найденыш», «Клотильда де Люзиньян, или Красавец-еврей», «Столетний старец, или Два Беренгельда», «Последняя фея, или Волшебная лампа»...

Он как никогда уверен в своем успехе, скором обогащении и славе.

Из письма к сестре Лоре:

«В непродолжительном времени лорд Р'Оон станет модным человеком, самым плодовитым, самым любезным писателем, и дамы будут лелеять его, как зеницу своего ока. Тогда бездельник Оноре явится в карете, закрыв нос, с гордым видом и туго набитым кошельком; при его появлении раздастся лестный шепот восхищенной толпы и будут говорить: «Это брат мадемуазель де Сюрвиль». Тогда мужчины, женщины, дети и эмбрионы запрыгают как холмы...»

После разрыва контракта с Лепуатвеном, Бальзак работает один, но спрос на его сочинения по-прежнему не особо велик. Тогда появляется Орас де Сент-Обен, бакалавр изящной словесности, из его родного города Тура, и уже за написанные под этим именем «Столетнего ста-

рика» и «Арденнского викария» Бальзак запрашивает у своего издателя Жана-Батиста-Александра Полена гонорар аж в две тысячи франков за каждый роман при тираже в полторы тысячи экземпляров по сравнению с восьмьюстами франками за романы с Лепуатвенон и под псевдонимом лорд Р'Оон. Параллельно он не гнушается быть литературным рабом для других авторов и за мизерное вознаграждение заниматься поденщиной.

Бальзаковеды до сих пор полностью не раскрыли объема литературной деятельности своего кумира. В период с 1822 по 1827 гг. в угоду разношерстной публики, из-под вороньего пера Бальзака выходят не только романы, но и всевозможные памфлеты, очерки, исторические байки, брошюры на разные темы, газетные статьи, рекламные проспекты, «кодексы» и «физиологии», — без разбора, все, что могло принести реальный доход. Но как-то все эти сочинения желанных сумм и славы ему не принесли, прибавив только нервного расстройства, переутомления и ужасных головных болей. «Арденнский викарий», не успев выйти, был изъят из обращения; цензура запретила продажу книги, приняв его за памфлет, направленный против общественных институтов, которые опутывают человека различными запретами (против автора, на удивление, никаких санкций не последовало, а издателю удалось рассредоточить тираж). Проваливается изданная на средства его любовницы и покровительницы госпожи де Берни «Последняя фея». Чуть позже, в 1824 г., гневной рецензии удостоился его роман «Аннета и преступник». Клеветники и завистники и вовсе попытались сделать Ораса де Сент-Обена мишенью для политических и националистических выпадов, погубить репутацию, которую он завоевал за последние три года. И Бальзак уже жалеет о том, что нет у него каких-то полторы тысячи франков ренты, или, как у великих прошлого, какого-нибудь солидного покровителя, или восхищенной его пером знатной состоятельной покровительницы, — вот была бы отрада!

«...Разве не существует счастливых случаев? — вырывается как-то у него в разговоре с сестрой Лорой. — Случай может с тем же успехом помочь Бальзаку, что и какому-то болвану, нетрудно даже вообразить такой случай!.. Пусть бы кто-нибудь из моих приятелей-миллионеров (а они у меня есть) или какой-нибудь банкир, не знающий, что делать со своими деньгами, пришел ко мне и сказал: «Мне известен ваш громадный талант и ваши заботы; чтобы освободиться, вам требуется такая-то сумма; примите ее без опасений, вы мне ее вернете, ваше перо стоит моих миллионов!» *Только это мне и нужно, дорогая!»*

Но это все мечты, мечты, мечтания... А где в реальности взять денег? Быстрых денег? Они ох как нужны сейчас, ведь ему почти уже двадцать пять!

«Я не вижу цветов жизни, — жалуется он сестре в одном из писем, — а между тем для других в мои года они цветут. Зачем мне будет богатство и наслаждения, когда моя молодость пройдет?» И дальше: «Старик — это человек, который пообедал и смотрит, как едят другие, а я молод и моя тарелка пуста, и я голоден! Лаура, Лаура!..»

В который раз быстротечность времени приводит Бальзака в уныние, а иногда и навевает мысли о самоубийстве, но, к счастью, он относится к ним не слишком серьезно, — у него есть задел, он постоянно отслеживает рынок, ратует за авторское право... Но — снова провал.

В сентябре 1825 г. «Ванн-Клор, или Бледноликая Джейн», вышедший вовсе без фамилии автора, был проигнорирован всеми газетами. Не спас роман ни тираж, где на обложке издатель, спохватившись, пропечатал Орас де Сент-Обен, ни доброжелательные отзывы в прессе его друга Анри Латуша.

У Бальзака начался нервный тик, проявились симптомы туберкулеза. Целых четыре дня он ничего не писал и, «страдая оттого, что до сих пор не достиг ни какого полезного успеха в обществе», страшно измучился и ослабел. Все безнадежно? Ни славы, ни финансовой независимости...

В послесловии «Ванн-Клора» автор объявил, что намерен прервать выпуск романов, что и сделал вплоть до Шуанов, которые появились только в 1829 г.

ИЗДАТЕЛЬ

И тут как по иронии судьбы Урбен Канель, деловой человек, издатель (впоследствии с Анри де Латушем выпустивший первый нашумевший роман Бальзака «Последний Шуан, или Бретань в 1800 году»), с которым он познакомился, пытаясь выпустить «Ванн-Клора», после долгих разговоров предлагает ему «поискать выгодную спекуляцию». У него есть как раз подходящая задумка: он намерен в компании со своим братом по профессии выпускать компактные издания на веленовой бумаге, в роскошных переплетах, «по цене, которая подойдет любому кошельку», знаменитых авторов, которые безусловно заинтересуют любителей настоящей литературы.

Полное собрание сочинений классика под одной обложкой — не блестящая ли идея!

Начать можно с Лафонтена, затем издать Мольера, одного из своих любимых драматургов, который так же, как и Бальзак, в юности оставил профессию юриста ради искусства.

Текст, набранный самым мелким шрифтом в две колонки, будут украшать иллюстрации и виньетки работы Ашиля Девериа, талантливого молодого французского художника, блестящего рисовальщика, который уже в двадцать два года начал выставляться в Парижском Салоне, одной из самых престижных художественных выставок Франции, официальной регулярной экспозиции парижской Академии изящных искусств.

Другая сестра, Лоранс, отговаривала брата от этой деятельности, предупреждала, что ему недостает ума писемоводителя: стоит кому-то поманить его морковкой, как его фантазия тут же пускается вскачь.

«Все говорят, что коммерция — единственный способ нажить состояние, но никто не знает, сколько народу нашло на этом пути свою гибель».

Но Бальзак, почувствовав возможность быстрого заработка без литературной поденщины, не прислушался к ее словам, потому что на ту пору, он был уверен, что это по-настоящему революционный проект, и если он примет в нем участие, то почти без труда сколотит себе состояние и у него останется масса времени для того, чтобы писать что душа пожелает.

Бальзак согласился стать акционером предприятия и вручил Урбену Канелю 6000 франков, а затем еще 3000, взятых в долг под большие проценты у Жана-Луи Анри Дассонвилля де Ружмона, друга отца Бальзака и соседа, который тоже захотел на этом немного подзаработать.

Договор на издание Мольера отдельными выпусками по три тысячи экземпляров Бальзак и три его компаньона — врач, отставной офицер и книгопродавец, — создавшие акционерное общество, заключают 14 апреля 1825 года. К нему Бальзак напишет вступительную статью анонимом.

Лора де Берни, его «Dilecta», пожелала профинансировать часть проекта, так как сама была женщина практическая, склонная к коммерции. Но даже несмотря на это, ожидания акционеров не оправдались: продажа однотомника шла вяло, почти ничего не было вложено в рекламу новинки, ни одного объявления не появилось в газетах, и как результат: читатель не ринулся опустошать полки магазинов с классиком в миниатюрном формате. К тому же, как оказалось, текст книги получился чересчур мелким, неудобочитаемым, а гравюры Девериа, в напечатанных экземплярах, перекошенными и неуклюжими, да и сами учредители, по воспоминанию одного из них, врача, никак не могли прийти

к единодушию по поводу издания однотомников, их дискуссии порой велись в самых резких тонах и едва не доходили до рукопашной.

Снижение баснословной первоначальной стоимости за томик в двадцать франков до тринадцати, а затем и двенадцати франков тираж не спасло. И хотя Мольер печатался четырьмя выпусками (последний вышел в декабре 1825 г.), за весь год было продано всего двадцать экземпляров!

Бальзаку, чтобы не платить за аренду магазина, где томики были сложены и пропадали, в конце концов пришлось продать их на вес по цене бумаги.

1 мая 1826 г. трое из четырех акционеров покидают мероприятие. Они были очень довольны, что могут от него избавиться. Бальзак теперь остается единственным владельцем предприятия, но, для того чтобы довести дело до конца, надо было вновь влезать в долги.

Тут на горизонте появляется предприимчивый книгоиздатель-книготорговец А. Бодуэн, с которым Бальзак, опасаясь, что этот проект перехватят, уже 3 мая того же года заключает договор на издание подобного же томика Лафонтена.

Последний выпуск Лафонтена появился в июне 1826 года и также не принес никакой прибыли, хотя в предисловии к нему Бальзак и раскрывает свое авторство, подписавшись как «О. Бальзак».

Бодуэн приобретает у него весь тираж Лафонтена за 24000 франков при расходах более 16000 франков.

Исходя из расчетов, Бальзак, кажется, даже получил прибыль, но не все оказалось так просто: Бодуэн, как выяснилось, заплатил новоиспеченному издателю векселями фирм, которые потерпели банкротство, что в те времена было распространенной мошеннической проделкой: подсунуть слишком доверчивому кредитору сомнительные векселя, которые дисконтеры учитывали только из тридцати процентов.

В качестве возмещения ущерба Бальзак получает со складов магазинов книги, которые положили начало его обширной библиотеке: Сервантес, Мольер, Вольтер, Дидро, Руссо, «Тысяча и одна ночь» (однако вместе с ними и бесполезную макулатуру, — ветхие издания Гесснера, Флориана, Фенелона и др., пожелтевшие, годами пылившиеся на полках провинциальных книжных лавок), и снова остается один на один с долгами за бумагу, печать, гравировку, тиснение, переплет...

И хотя госпожа де Берни, в который раз выручая дорогого «Диди», как она называла своего протеже, частично покрыла убытки, вложив, как свидетельствуют записи в бухгалтерских книгах, более 9000 франков, общий долг Бальзака наборщикам, печатникам, поставщикам бу-

маги превысил 15000 тысяч франков. Более того, этот проект сильно подорвал его здоровье: у него начался нервный тик, обнаружились признаки туберкулеза (от которого, кстати, после тяжелых родов в августе того же года умерла его младшая сестра Лоранс), а в конце 1825 года он даже серьезно заболел и вынужден был с октября до середины января следующего года провести у родителей в Турени. Но упрямство молодости берет свое, — Бальзак нисколько не отчаялся.

Чтобы покрыть понесенные убытки, Дассонвиль советует Бальзаку стать типографом. Благотельный сосед по парижской квартире знакомит его со своим родственником, типографом, сколотившем на печатном деле приличное состояние.

Бальзак дотошно расспрашивает типографа о всевозможных нюансах профессии, выгодах и перспективах и загорается еще более: вот занятие, которое вполне удовлетворит его как литератора и даст возможность твердо стать на ноги! Перед глазами к тому же наглядные примеры: популярный в то время английский писатель Сэмюэль Ричардсон, автор на шумевших по всей Европе «Памелы» и «Клариссы», удачно совмещал занятие типографией и сочинительство и разбогател на этом сочетании, а знаменитый Бомарше издавал сочинения Вольтера, — подумать только: как выгодно быть собственным типографом! А он чем хуже? И кому, как не ему, знать, как пытаются обжулить издателя ушлые типографы! К тому же он приобретет свободу и экономическую независимость и сам сможет издать не только Мольера и Лафонтена, но и Корнеля, и Расина, — кого угодно!

Наборщик Андре Барбье, с которым Бальзак познакомился, когда готовил к изданию однотомники французских драматургов, толковый молодой человек, отец семейства, служивший ранее мастером и корректором в типографии Татю, предложил Бальзаку приобрести типографию Лорана Эне со всем оборудованием; она помещалась на улице Марэ-Сен-Жермен в доме номер семнадцать. Требовалось 60000 франков. У Бальзака на ту пору не было и сотой доли этой суммы. Барбье был человек добросовестный, трудолюбивый, но жил исключительно своим трудом, поэтому необходимыми средствами тоже не располагал. А для осуществления подобной деятельности необходимы были оборотные средства и патент типографа.

Госпожа Жозефина Деланнуа, верный друг семьи Бальзаков, вызвалась ссудить 30000 франков под поручительство родителей Оноре. Урбен Канель берет на себя миссию посредника и ему удается уговорить отца Бальзака дать согласие на коммерческую деятельность сына и даже единовременно выделить ему средства в размере обещанной преж-

де для занятия литературой годовой ренты; семья Бальзаков выступает и поручителями.

Лора де Берни дополнительно ссужает его финансами при условии, что Бальзак оставит ее соперницу, герцогиню д'Абрантес, в прошлом любовницу Меттерниха, которой он содействует в работе над первыми томами ее «Записок». (Несмотря на гнев герцогини, Оноре из меркантильных соображений выполняет просьбу своей покровительницы, и только через десять лет окончательно вернет ей долг с 5 процентами.)

Итак, лед, как говорится, тронулся!

При Карле X лицензия на книгопечатание была недешева: порядка 15000 франков. К тому же, чтобы приобрести патент типографа, требовалось свидетельство, выдаваемое Министерством внутренних дел после предусмотренного полицейского расследования.

Для его получения использует свои связи в верхах господин де Берни; он пишет рекомендательные письма министру и префекту полиции. Их оказывается достаточно, и власти выдают господину Оноре де Бальзаку разрешение на право занятия типографским промыслом. (В отзыве Бальзак аттестовался как «благонравный, правильно мыслящий молодой человек из обеспеченной семьи, окончивший курс права и в довершение ко всему литератор».)

4 июня Оноре покидает улицу Турнон и перебирается на второй этаж дома № 17 в переулке Марэ-Сен-Жермен, близ улицы Рив Гош (теперь это участок улицы Висконти), о чем официально ставит в известность министерство.

В XVIII веке в этом узеньком темном переулке обитали преимущественно сочинители и комедианты, в доме № 24 последние годы провел Жан Расин.

«Ужасная улочка» была холодной и сырой, и даже при Бальзаке там еще не было газового освещения, хотя сам дом № 17, сохранившийся до наших дней, в 1826 г. был еще достаточно новым, четырехэтажный сзади, двухэтажный спереди, с невыразительным фасадом.

Типография, довольно большая, но тесная, грязная, заставленная устаревшим оборудованием (настоящая «давилка», как ее называли на ремесленном жаргоне), располагалась в цокольном этаже; затемненные снаружи окна глазели на улицу. Темный коридор вел в плохо освещенный кабинет, где Бальзак, отгороженный решетчатым окошком, принимал посетителей.

В жилище самого Бальзака, состоявшем из передней, темной кухни, крохотной столовой, украшенной ампирным камином, и собственно жи-

лой и рабочей комнаты с альковым, тянулась деревянная винтовая лестница с железными перилами.

Латуш, обладавший вкусом и обожавший старину, помог Оноре обставить жилую комнату с высокими потолками и обтянуть ее переливающимся как шелк голубым перкалем. Получилась замечательная холостяцкая квартирка, где можно было принимать госпожу де Берни, которая помогает ему также и со счетами.

«Она приходила каждый день, как благодатная дрема, усыпляющая все горести».

«В этой ужасной борьбе меня поддерживал ангел», — напишет Бальзак десять лет спустя своей очередной пассии Эвелине Ганской. Здесь он проживет с 1826 по 1828 год.

1 июля 1826 г. Бальзак с Андре Барбье, которому он заплатил 12000 франков только за то, чтобы тот оставил прежнее место работы, подписывает соглашение о совместной эксплуатации приобретенной типографии (Барбье, фактически став фактором, распорядителем всеми работами, внес в новое предприятие все свои силы и знания) и нанимает рабочих, взяв в долг в общей сложности 70000 франков. В его распоряжении теперь 7 печатных прессов, один лошильный пресс, 600 книг, напечатанных *цицero*, 400 книг, напечатанных *петитом*, и 11000 книг, напечатанных *антиквой*.

В то же самое время Бальзак купил у Пьера Дюрушайя стереотипы последней модели. Стереотипы заметно облегчили процесс печатания: изготовленные из металлических сплавов, они просто накладывались на мягкую материю. Хотя печатники и продолжали говорить о типографских шрифтах, отлитых из свинца, в новых типографских кассах доля свинца заметно упала.

Компаньоны печатали без всякого разбора все, что придется, любой заказ: исторические мемуары для Канеля и Сотле; коммерческие проспекты, как то: «Противослизистые Пилюли Долголетия, или Зерна Жизни» (идея долголетия, как в свое время и его отца, тоже стала преследовать Бальзака), «Бразильская Микстура Фармацевта Лепера», «Словарь вывесок города Парижа», «Искусство повязывать галстук» с приложением полной истории галстуков, «Романтические анналы», «Избранные сочинения» Вильмена, «Театр Клары Гасуль» Мериме и сотни различных брошюр, объявлений, памфлетов, реклам, адресов мясников, угольщиков и парикмахеров, каталогов, творений классиков и современных драматургов и стихотворцев. В типографии не отказывали ни роялистам, ни либералам, ни масонам, не разбирая, сможет ли заказчик заплатить в срок.

Бальзак был одержим идеей выпустить каталог всех технических средств, которыми располагала его типография; он планировал издавать произведения как классиков, так и современных писателей; намеревался печатать произведения XVI–XVIII веков, определив для каждого века свой шрифт и сорт бумаги; он собрал образцы всех типографских заставок и виньеток, ритуальной символики, астрономических знаков и мифологических сюжетов.

«Сам Бальзак, — пишет Стефан Цвейг, — принимает свое новое занятие вполне серьезно. С раннего утра до поздней ночи стоит он, засучив рукава, с распахнутым воротом, потев от усердия в душном помещении, насыщенном испарениями машинного масла и сырой бумаги, среди двадцати четырех рабочих, и сражается, как гладиатор, чтобы не оставить без корма семь печатных станков». И далее: «Ему надо то приободрить рабочего, то зайти за низенькую стеклянную перегородку, и здесь, среди шума стонущих, грохочущих и визжащих станков, не успев отмыть руки от типографской краски и машинного масла, он препирается с книгопродавцами и поставщиками бумаги, торгуясь из-за каждого су».

Альфред де Виньи, которому Бальзак выпустил третье издание шумевшего исторического романа «Сен-Мар», так описал своего типографа в то время:

«То был молодой человек, грязный, худой, необыкновенно болтливый, не умевший досказать ни одной фразы до конца и брызгавший при этом слюной, ибо в его слишком влажном рту не доставало чуть ли не всех верхних зубов».

Именно в это время Бальзак прерывает сочинение и выпуск собственных романов. Сейчас ему не до творчества, он с головой в предпринимательстве!

Но наступили не самые лучшие для книгопечатания времена. В 1826 году Виктор Гюго писал: «Книжная торговля почти полностью парализована».

29 декабря 1826 года хранитель печатей Карла X граф де Пейронне внес на рассмотрение правительства закон о прессе.

Для того чтобы установить жесткий контроль за прессой, власти увеличили размеры гербового сбора, мотивируя свой поступок необходимостью улучшить работу почтового ведомства. Стоимость газетной подписки возросла вдвое. Правительство решило также повысить налоги; закон о печати душил издательское дело, ибо именно небольшие газеты, в первую очередь подвергнувшиеся преследованиям, опублико-

вали новости литературы и культуры, критические обзоры, отрывки из новых книг. В следующем году была ужесточена цензура.

И предприятие Бальзака и Барбье не выдержало жесткой конкуренции — весь Сен-Жермен в ту пору был забит различными издательствами! К примеру, в том же самом году в типографии Дидо трудилось 200 рабочих, в типографии Эвера — 500, у Бальзака только 36.

«Выручка поступала туго и не уравнивала расходов: скоро дали о себе знать денежные затруднения», — писала в своих воспоминаниях сестра Бальзака, Лора де Сюрвиль.

Заказчики в типографию обращались нечасто, платили плохо, типография не окупала себя; Бальзак, который нес финансовую ответственность за предприятие, не умел точно исчислить стоимость работ, он ничего не смыслил в счетах-фактурах и балансовых отчетах, ему не удавалось предупредить «утечку», которая неизменно бывает превышена, когда хозяин не сведущ в деле и не способен следить за подчиненными. Еще менее он был сведущ в окончательной выверке счетов, полностью доверяя друзьям-поверенным, которые позволяли ему очень вольно обращаться с мифическими доходами. Впрочем, если советчики начинали поучать Бальзака, он обзывал их «проклятым отродьем», не обращая никакого внимания на то, что они говорили.

И хотя в 1827 г. типография понемногу стала приносить доход, долги росли быстрее, чем поступали оборотные средства. Кроме того, у Бальзака обнаружилась скверная привычка смешивать собственные расходы с расходами типографии. Несмотря ни на какие передраги, он продолжает вращаться в свете и нисколько не снижает трат на себя: одному только модному портному Бюссону в это время он делает заказ на изящное тонкое белье почти на 200 франков, а еще ему нужны черные кашемировые или твидовые брюки, черный сюртук из токой лувьерской шерсти; каждые два месяца — новый белый замшевый жилет на подкладке и масса всяких других мелочей, среди которых золотые запонки, стильные плоские часы, трость, парфюм, — все, без чего нельзя представить себе настоящего денди!

В конце концов недовольные кредиторы вынудили Бальзака и Барбье продать здание и оборудование Дассонвилю и у него же арендовать помещение и машины за 500 с лишним франков в год. Но упорный предприниматель Бальзак сдаваться не хочет. Тут кстати представился случай обзавестись словолитней, что, по мнению знатоков, сулило дополнительную выгоду. К тому же по случаю она продавалась очень дешево и в перспективе могла принести громадные барыши.

Чтобы удержаться на плаву, Бальзак решает присоединить ее к типографии, несмотря на то, что основной кредитор потребовал возврат долга и ни на какие дальнейшие переговоры идти не пожелал.

Бальзак надеется найти ссуду и третьего компаньона. И в этот раз средства на приобретение нового предприятия ссудила госпожа де Берни.

Третьим компаньоном акционерного общества «Бальзак и Барбье» пожелал стать Жан-Франсуа Лоран. В сентябре 1827 г. новое общество приобретает «отборную партию» оборудования бывшего шрифтолитейного завода Жиллеса и объявляет о выпуске великолепного альбома, где будут представлены образцы всех типографских литер, виньеток и заставок новой фирмы. Но и в этом случае крах оказался неизбежным, — в словолитню поступало так же мало заказов, как и в типографию, обе работали в убыток, и совладельцы не успели даже издать задуманный альбом.

В конце концов, когда все средства были исчерпаны, Бальзак решает обратиться к родителям. Те неохотно согласились на денежные пожертвования, опасаясь, что вместе с крахом предприятий сына наступит и их собственное разорение. Тем не менее в течение нескольких месяцев, чтобы не опозорить честь семьи и их сын не попал в тюрьму за неуплату долгов, они поддерживают его, но потом, видя, что дела все больше запутываются, от дальнейшего финансирования отказываются.

В декабре из предприятия выходит Андре Барбье, его место занимает Лора де Берни, которая вносит 9000 франков наличными. Общая сумма капитала стала составлять 36000 франков, из них 18000 франков только стоимость оборудования, принадлежавшего Жану-Франсуа Лорану.

И все равно в начале 1828 года средства почти иссякли, компаньоны один за другим стали выходить из дела.

Как замечает в своей книге «Бальзак без маски» Пьер Сиприо: «Книгопечатание представляло собой одновременно и индустрию, которая включала в себя производство, редакцию и службу распространения готовой продукции. Оно требовало значительных материальных затрат. Поставщики желали получить деньги немедленно, а заказчики, наоборот, стремились выпросить отсрочку. Как установил Рене Гиз, Бальзак был вынужден просить у одного из банкиров (возможно, у Лаффита) векселя на сумму в 30 или 40000 франков, иными словами, взять ссуду в ожидании будущей прибыли. В те годы банки, во всяком случае французские, испытывали большие трудности, обслуживая уже

давно заключенные и удачные сделки. Поэтому они ни за что не хотели иметь дело с начинающими и требующими финансовой поддержки предприятиями».

В феврале Бальзак, пытаясь хоть как-то остановить падение своего дела, устроил званый вечер в залах ресторана Гриньона. Он разослал приглашения 500 книгоиздателям, книготорговцам и типографам. Всю ночь напролет гости вкушали изысканные деликатесы и танцевали, но после праздника положение Бальзака нисколько не улучшилось, никто даже не заинтересовался его проблемами, а через несколько недель он обязан был заплатить по счетам Дассонвилля! Провал был налицо. Очередной предпринимательский проект Бальзака, как и предыдущие, к вящему сожалению, потерпел фиаско. Бальзак вынужден был признать себя банкротом.

В отчаянии он попытался продать типографию, но ему стали предлагать столь мизерные суммы, что они не могли покрыть даже долговых обязательств.

В конце концов госпожа Бальзак, без ведома мужа, которому исполнилось уже восемьдесят два года, попросила своего кузена Шарля Седийо, человека волевого и опытного, взять на себя все хлопоты по ликвидации дела (процесс банкротства и передачи средств и имущества, точное определение состояния активов и пассивов длился почти год).

Седийо уговорил Барбье стать единоличным владельцем типографии, и 16 апреля вместе с долгами Бальзак уступает ему свой патент типографа, купленное за два года оборудование и типографию, оцененную в 67000 франков. Барбье обязуется самостоятельно разобраться с неудовлетворенными кредиторами.

Шрифтолитейная мастерская (словолитня) достается сыну Лоры де Берни — Александру, которому только исполнилось 19 лет и которого спешно объявили юридически дееспособным.

Лора де Берни выдала Бальзаку расписку в погашении 15000 франков долга.

Господин и госпожа де Бальзак, ранее выделившие Оноре 37 600 франков, приняли на себя оставшуюся часть долга (мадам Бальзак потеряла на деле сына в общей сложности 45000 франков), но он остается еще с немалыми долгами (порядка 60000 франков).

Бальзак оставляет жилище над типографией и перебирается поначалу к своему другу де Латушу, а затем на улицу Кассини, в квартиру, которую снял ему зять, Сюрвиль, и в которой он проживет вплоть до 1835 года.

Так, крахом, завершилась очередная предпринимательская карьера будущего создателя «Человеческой комедии».

«— Что вы намерены теперь делать, друг мой? — с соболезнованием спрашивал его де Латуш.

— Что делать? Конечно писать! — отвечал Бальзак. — Писать не для славы, а для уплаты моих долгов!»

И это на самом деле будет так, потому что отныне на протяжении всей его суматошной жизни долги и обремененные кредиторами будут сопровождать Бальзака до самого одра.

18 сентября 1828 г. Оноре, после переписки с бароном де Поммерелем, бывшим генералом, отец которого, в бытность свою префектом, покровительствовал отцу Бальзака, отправляется г. Фужер (Бретань) к барону для изучения места действия будущего задуманного им большого исторического романа о шуанах. Творчество все же не отпускает его. Но единожды зароненная мысль быстрого обогащения продолжает подтачивать его и в дальнейшем.

Прошло три года, как Бальзак с головой погрузился в создание фундамента своей грандиозной эпопеи — «Человеческой комедии», — вавилонской башни своего времени. После «Шуанов», «Физиологии брака», сборника «Сцены частной жизни», после «Папаши Гобсека» и триумфального шествия «>Шагреновой кожи» он уже — «де Бальзак», но... денег по-прежнему нет и кредиторы вылавливают его на каждом углу. Почему так? Ответ совсем прост.

В 1830 г. многие литераторы уловили волну июльской революции и заняли хлебные места (см. главу «Политик»), но Бальзак, испугавшись очередной кутерьмы и беспорядков, уезжает со своей любовью и покровительницей Лорой де Берни в Турень, где благополучно отсиживается там с мая по сентябрь, упуская возможность приложиться к государственной кормушке, как это смогли сделать его более предприимчивые собратья по перу, а вернувшись в Париж, с головой погружается в светскую жизнь: завтраки в кабаках, ночи, проведенные на балах в опере, оргии в обществе известных на весь Париж куртизанок.

Фигура его становится заметной в театрах, в кафе, в модных ресторанах; на него указывают пальцами и называют его имя рядом с именами знаменитостей парижского Бульвара.

Любовница Эжена Сю, куртизанка Олимпия Пелисье, почти на год становится его любовницей. А это снова траты, траты, траты... Без конца и без оглядки.

В сентябре 1831 г., не считаясь со средствами, он покупает лошадь, кабриолет, фиолетовую полость с вензелем и короной, вышитыми козьей шерстью; месяц спустя он приобретает вторую лошадь.

Для ухода за ними нужен слуга, грум, или, как в ту пору выражались, «тигр»; на эту должность Бальзак нанимает миниатюрного Леклерка, для которого Бюиссон шьет голубую ливрею, зеленую американскую куртку с красными рукавами и тиковые панталоны в мелкую полоску. В таком экипаже можно поехать и в Оперу, и к Итальянцам — словом, достойно выглядеть рядом с тогдашним законодателем моды Латур-Мезрэ или с тем же известным щеголем Эженом Сю.

Сам Бальзак тоже одевается как самый шикарный денди, шикует в ресторанах, блистает в обществе, вдвое увеличивает свое жилье и соответственно квартирную плату (с первого этажа перебравшись на второй), обставляет жилье мебелью с позолотой, на стены вешает ковры и огромные зеркала, в соседствующую со спальней ванную комнату устанавливает мраморную ванну. И хотя к ноябрю известность Бальзака (как и враждебное отношение к нему в литературных кругах) достигает невероятных размеров и гонорары за его произведения стали на порядок выше (за этот год писатель получил 1125 франков за «Шагреневую кожу», 3750 франков за «Сцены частной жизни», 5250 франков за «Философские повести и рассказы» и «Озорные рассказы», 4166 франков за статьи в журналах и газетах), — долги его возросли еще на 6000 франков. К концу года их общая сумма составит 15000 франков (не считая 45000 франков, которые он задолжал матери) — это почти в три раза больше, чем за весь предыдущий год. Поэтому в декабре, когда Бальзак возвращается в Париж из Саше, где пребывал почти три месяца, поняв, что денег нет, он снова заболевает приступами коммерческой болезни. Возникает очередной проект: издавать дешевую серию романов по 8 томов в месяц за 124 франка в год, крупным тиражом.

Об этом проекте Бальзак рассказывает своему другу и издателю Эмилю де Жирардену, но тот его не одобряет. Тогда Бальзак мчится в Ангулем и пытается склонить к своему предприятию своих друзей, супругов Карро, но и это ему не удается; он снова возвращается в Париж ни с чем. А сведя дебет с кредитом, и вовсе убеждается, что к концу года потратил раза в три больше, чем за предыдущий год.

Чуть позже он пожалуется Эвелине Ганской:

«Все мои несчастья происходят оттого, что я принимаю помощь, предлагаемую мне людьми слабыми, увязшими в колее бедствий. Из-за того, что я в 1827 г. пытался помочь одному печатнику, я в 1829 г. ока-

зался раздавлен огромным долгом в 150 тысяч франков и очутился на чердаке, где нечего было есть».

Так закончилась еще одна неудачная попытка быстрого обогащения Бальзака.

ГАЗЕТЧИК

Социально-политические и экономические изменения в мире в первые десятилетия XIX века (промышленные революции, наполеоновские войны, успехи в науке) вызвали армию новых читателей, как правило, вчерашних крестьян, которые оставили свое занятие, уехали в город и стали рабочими. На таких читателей в первую очередь и ориентировалась молодая — массовая — пресса.

Начало Июльской монархии во Франции (1830–1848 гг.) было ознаменовано небывалой свободой прессы (которую не подразумевала конституция Франции 1800 г., наполеоновские декреты о печати, ордонансы Людовика XVIII и Карла X), что способствовало быстрому увеличению числа периодических изданий. Пришедший к власти Луи Филипп не только внес поправку об отмене цензуры («цензура не может быть никогда восстановлена», — было провозглашено в восьмом параграфе новой Конституционной хартии от 7 августа 1830 г.), но объявил амнистию журналистам, обвиненным по политическим мотивам.

10 декабря было отменено требование о получении предварительного разрешения полиции на продажу печатной продукции, а закон от 14 декабря понизил размеры залогов, почтовых сборов и стоимости пересылки газет и журналов. Поэтому первые годы Июльской монархии были отмечены небывалой активностью французской прессы.

В период с 1830 по 1848 год во Франции появилось более 700 новых изданий различного толка и направлений. В 1835 г. Шарль Луи Гавас создал первое в мире информационное агентство «Гавас» («Agence Havas»), которое переводило с иностранных языков новости европейских газет и журналов. Выросли престиж и популярность журналистской профессии.

Средний тираж парижских газет только за 1830 год составил 60 998 экземпляров. В марте 1831 года тираж возрос до 81 493 экземпляров, то есть на одну треть. Особенно этот рост затронул газеты левой ориентации.

Изменения происходили не только в журналистской, но и в читательской среде. Этому способствовали различные открытия в науке и промышленности. К примеру, в 1829 г. на улицы Парижа пришло газо-

вое освещение, а в 1830 была изобретена керосиновая лампа, и читатели смогли получить доступ к напечатанным текстам в вечернее время и в часы досуга, что стало дополнительным фактором увеличения тиражей печатных изданий. Укрупнение городов, развитие школьного образования создавали новую, более широкую читательскую аудиторию.

Книги стоили дорого: от 3 до 8 франков (для сравнения рабочий получал в то время около 50 франков в месяц, а министерский служащий порядка 100 франков). Газеты дороговизной не уступали книгам, годовая подписка обходилась примерно в 70-80 франков. Чтобы удовлетворить читательский голод, были избраны 2 стратегии: открытие общественных читален и издание дешевых газет.

Эмиль де Жирарден был одним из самых успешных и ярких журналистов той эпохи, по сути, организатором новой французской журналистики. Он представлял себя сторонником широкого образования посредством массовой журналистики: его журналы охватывали более ста тысяч подписчиков (один только «Альманах де Франс» за 1832 год достиг тиража 1 млн. 300 тыс.), а его недорогая ежедневная газета «Пресс» (*La Presse*) вдвое выигрывала в конкуренции благодаря гораздо дешевлему производству и более интенсивной рекламе.

В июне 1836 года «Пресс» стала первой французской газетой, включившей платную рекламу на свои страницы, что позволило ей снизить цену, расширить читательскую аудиторию и повысить прибыльность.

Годовая подписка «Пресс» стала стоить 40 франков вместо обычных 80. Разница покрывалась за счет публикации объявлений. Плата за объявления сохранялась на весьма высоком уровне.

По свидетельству Бальзака, публикация объявления зачастую стоила столько же, сколько издание книги. Дело в том, что во французских газетах объявления кое-что унаследовали от афиш: они часто были довольно велики по объему и стремились быть оригинальными как по содержанию, так и по форме (другие издания вскоре переняли находку Жирардена).

Сам Бальзак считал, что за газетами будущее, что пресса не только источник дохода, но и мощный инструмент влияния, в том числе и политического, что не долговечно, когда миром станут управлять газеты, а «все, кто так или иначе связан с прессой, станут важными персонами».

«Новая» пресса породила также нововведение, которое сразу получило быстрое распространение в газетах. Романы с продолжениями,

называемые фельетонами (от французского «feuille» — листок, а также — газета), отныне становятся одной из привлекательных сторон ежедневной и другой периодики, становятся «продукцией массового спроса». Эти романы прочно занимают «подвалы» газет, уже давно традиционно «литературные». И Жирарден, и Арман Дютак, второй «Наполеон прессы», создавший подобное дешевое издание — газету «Сьекль» (Век, *La Siècle*), сразу оценили коммерческие возможности романа в газете. Их авторами становятся Бальзак («Старая дева» печаталась в «Пресс»), Жорж Санд («Мельник из Анжибо» публикует «Сьекль»), Дюма («Королева Марго» в «Пресс»), Эжен Сю. Даже газеты, отвергавшие реформу Жирардена, включились в погоню за читателем с помощью романов, причем добились в этом большого успеха.

Желая как можно скорее рассчитаться с долгами и в надежде, что его имя, имена привлеченных им литераторов и отличная редакция помогут крепко стать на ноги, Бальзак и сам обращает внимание на периодические издания в надежде, что он посредством собственной газеты приобретет «кафедру, с высоты которой он мог бы каждый день или хоть раз в неделю высказывать свои мнения о всех политических, общественных и литературных злобах дня». Он не скрывал, что хотел бы своим изданием затмить, а то и погубить многие крупнейшие французские газеты и журналы того времени.

26 января 1830 года Бальзак, Э. де Жирарден и Виктор Варень подписывают договор на издание еженедельника «Фейетон де журно политик», где публикуются в основном анонимные рецензии.

Первый номер его вышел 3 марта, но не стал заметным изданием и быстро сошел со сцены. Даже июльская революция его не спасла. Всё это не то. Бальзаку нужно собственное детище, в котором он на свое усмотрение сможет размещать политическую критику, обзоры наук и искусств, художественных произведений.

Эта мысль не дает ему покоя и буквально через пять лет он снова возвращается к ней: ему нужна своя громогласная трибуна. Нужны только деньги. Но где их взять, если даже его на шумевшие романы прибыли не приносят, спонсоров нет, судьба к нему не благоволит.

Тогда за 10000 франков он продает И. Суверену право на издание своих ранних произведений, выходявших под псевдонимом Орас де Сент-Обен. Впрочем, этих денег явно недостаточно для быстрого вхождения в насыщенный всевозможными изданиями рынок и его утверждения в нем. Тут еще буквально через несколько дней на складе на улице По-де-Фер в пожаре сгорают экземпляры принадлежащих Оноре «Озорных рассказов», которые он напечатал в кредит и хотел продать.

Но сдаваться легко не в характере Бальзака. Он нетерпеливо мечется от одного инвестора к другому, обращается к различным буржуа, объясняя им свои шансы на успех, но в ответ, увы, получает только обещание «подумать».

В расстроенных чувствах он с большим пылом хватается за одного молодого человека с амбициями, который попросился к нему в сотрудники задуманного издания, заявив, что в будущем он как наследник отца-банкира надеется стать владельцем состояния в 22 млн. франков. Молодой человек желал бы возглавить в новой газете отдел моды.

Бальзака, который в мечтах уже видел себя капиталистом, дважды упрашивать не пришлось: только выслушав молодого человека и оценив его отнюдь не дешевый прикид, он завитал в облаках, уверенный в том, что именно этот молодой человек и выложит ему на блюдецке кругленькую сумму, которая станет площадкой для старта проекта. Конечно же он предоставит молодому человеку любое место в будущей газете, способное удовлетворить его литературные наклонности.

О потенциальном благотворителе Бальзак тут же сообщил своим друзьям-единомышленникам, которых задумал привлечь к сотрудничеству в новом издании, и в ознаменование открытия еще несуществующей газеты предложил устроить роскошный пир, за которым попытаться разузнать у банкирского сына, сколько именно сотен тысяч франков тот намерен пожертвовать на общее дело. Одна была загвоздка: ни у кого из друзей, включая Бальзака, денег даже на этот ужин не было. Правда, было известно, что один из присутствующих накануне заложил серебро своей матери в ссудной кассе. Возникает план: на один день занять 800 франков, серебро выкупить, украсить им пиршественный стол, а хорошему ресторатору заказать пышный обед. Увидев, что молодые люди трапезничают на серебре, ни один инвестор не сможет отказать им в пожертвовании!

Сказано — сделано.

Когда все яства были съедены, а бутылки с вином и шампанским опорожнены, Бальзак произнес вдохновенную речь о будущем задуманной им газеты и о той роли, которую будет играть в ней приглашенный молодой человек, поинтересовавшись в конце, чем все-таки конкретно хочет порадовать их сын банкира. На что тот, раскрасневшийся от выпитого, только пробормотал:

— Я поговорю о вашем деле с папенькой.

Присутствующие онемели. Получается, предприимчивый молодой человек просто поел за их счет, оставив всю компанию в дураках, а

Бальзака с новым долгом и еще дальше отодвинутой надеждой на открытие газеты.

Впрочем, в канун Рождества 1835 г. Бальзак все же за 140 франков приобретает шесть восьмых акций «Кроник де Пари», почти бездыханной еженедельной газеты (по сути журнала), которую в мае 1834 г. основал Уильям Даккет, человек сомнительной репутации, бизнесмен ирландского происхождения. Печатали газету Максимилиан де Бетюн и Анри Плон. Бальзак берет на себя обязательства нести все дальнейшие расходы по изданию, включая только оборотный капитал порядка 45000 франков (было напечатано сто акций по 1000 франков каждая, из которых была размещена только половина (у Бальзака — тридцать)).

Оноре несколько не смущает тот факт, что газета крайне легитимистского направления, едва влачит существование и о ней никто ничего даже не знает. С помощью нее он надеется приобрести собственный рупор, возможность писать о том, что казалось важным ему самому, и таким образом попасть на политическую арену (мысли о депутатстве и политической карьере вплоть до пэра Франции или какого-нибудь министра никак не оставляют его). Одно имя Бальзака, считает он, привлекает к газете внимание и поднимет на нее спрос. И потом, Бальзак-редактор всегда сможет полюбовно договориться с Бальзаком-директором, а Бальзак-автор получить приличный гонорар и беспрепятственное размещение любых своих материалов.

Деньги на составление и печать первых номеров в размере 15000 франков наличными ссудила приятельница матери Бальзака, госпожа Деланнуа. Она писала Оноре:

«Я чувствую, что ум Ваш не знает усталости и что обычные занятия не принесут Вам успеха. Я люблю ваш талант и Вас самого и не хотела бы, чтобы что-то стояло на пути Вашего таланта, а сами Вы мучились, когда я могу прийти на выручку».

К концу декабря пассив баланса Бальзака, включая долг матери, составляет уже более 100000 франков! Сумма непомерная! Чтобы ее заработать нужно было бы написать два-три десятка романов и при этом ничего не есть и не пить, ничего не покупать и не планировать. Но разве это возможно?

С 1 января 1836 г. газета стала выходить два раза в неделю, по воскресеньям и четвергам, в следующей редакции: главный редактор — Оноре де Бальзак, он же заведующий отделом иностранной политики; театральный отдел Жюль Сандо, беллетристика — Эмиль Р., серьезная критика живописи — Гюстав Планш, легкая критика — Жак де

Шодзэг, романы и новеллы — Раймон Брюккер, мелочи — Альфонс Карр. Анри Монье и Ипполит Домье обещали делать для газеты едкие карикатуры.

В качестве секретарей Бальзак принимает двух юных аристократов-легитимистов: маркиза де Беллуа и графа де Граммона (в угоду собственному снобизму, как подозревает С. Цвейг).

К работе в газете Бальзак привлекает своих друзей: Теофиля Готье, Виктора Гюго, Лоран-Жана, Леона Гозлана и др., а также начинающих талантливых поэтов и прозаиков (к примеру, в «Кроник де Пари» Шарль де Бернар, как подражание нашумевшему роману Бальзака, в нескольких номерах публикует свою «Сорокалетнюю женщину», новеллу, впоследствии имевшую тоже немалый успех).

Несмотря на отсутствие достаточных средств на издание газеты и пропуски сроков взноса арендной платы, некоторых вкладчиков товарищества Оноре, как знаменитый Лукулл, потчует всевозможными лакомствами: запеченной дичью, копчеными окороками, осетрами, спаржей и ананасами; по субботам у Верде устраивает изысканные обеды для редакторов своего издания, на которых они обсуждают следующие номера, сплетничают, перемалывают косточки собратьев по перу, радуются собственному успеху.

На этих пирушках Бальзак разыгрывал из себя капитана, и ему оказывали особые почести: сажали в огромное кресло, подавали затейливый прибор, а один раз даже увенчали его свежими цветами.

«Его лицо под этими цветами сияло, — вспоминал Верде, — это было лицо силена, на котором расцвела небывалая радость; оно пылало ярким румянцем. Он так оглушительно хохотал, что вся комната дрожала».

Было весело и непринужденно, но потом оказывалось, что все, включая Бальзака, приходили на обед без статей, с пустыми руками; тогда после десерта, кофе, вина и сигар все садились за работу, и к ночи весь подготовленный материал отправлялся в типографию, чтобы на другой день журнал увидел свет.

«В мечтах, — пишет С. Цвейг, — Бальзак уже видит себя властелином Парижа», газетным магнатом.

«Мое предприятие развивается великолепно», — спешит он похвастаться Э. Ганской. Но, увы, только в его буйном воображении.

Бальзак отдается газете со всей своей неутолимой энергией. Несмотря на массу привлеченных сотрудников, он почти самостоятельно делает весь номер, не пропуская ни одной мелочи: слухи и сплетни, литературные, политические и полемические статьи и заметки, гранди-

озные рекламы, а на десерт собственные новоиспеченные новеллы: «Фачино Кане», «Музей древностей», «Обедня безбожника» и др. Только с февраля по июль 1836 г. в качестве редактора им была написана сорок одна передовица.

Но, к сожалению, блестящее содержание нисколько не повлияло на рост подписчиков, конкуренция оказалась слишком большой: за полгода вместо ожидаемых 2000, которые требовались для рентабельности газеты, появилось только 300 подписчиков (в январе прибавилось 160, в феврале — 40, в марте только 19, а в июле — всего лишь 7).

В июле у «Кроник де Пари» осталось всего 228 подписчиков. Рекламодателей найти не удалось, а средств совладельцев явно оказалось недостаточно. К тому же стоимость одного номера «Кроник де Пари» составляла 76 франков, при том что «Пресс» Жирардена и «Сьекль» Дютака продавалась в пределах 40 франков за счет широкого размещения рекламы.

«Мы в оппозиции, проповедуя абсолютную власть», — пишет Бальзак в это время Ганской, один не теряя веры в свое издание.

Вскоре разочарованный Даккет решает продать свои акции «Кроник де Пари», но кроме Бальзака и Верде покупателей не оказалось, да и они заплатили ему только векселями.

Боясь, что теперь не будет постоянных выплат, стали отказываться работать сотрудники и увольняться секретари.

Даккет угрожал, сделать Бальзака банкротом, и тот вздыхал: «Жизнь слишком тягостна; она не приносит мне никакой радости». Да и судебная тяжба с Франсуа Бюлозом из-за «Лилии долины», невычитанную корректуру которой тот продал в один из петербургских журналов, подзатынулась, потребовала дополнительных расходов на судебные издержки.

Бальзак снова надеется выпросить финансовые займы у друзей, но на его просьбу откликается только его старый друг и по совместительству врач — доктор Наккар, что, однако, нисколько не спасает газету. Вдобавок 27 апреля некий «невежа — зубной врач, сочетающий свою мерзкую профессию с обязанностями главного сержанта» нагрянул к Бальзаку и за «прогул» дежурства в Национальной гвардии на целых восемь дней «запихнул в отель "Арико"», иными словами в особняк Базанкур, прозванный в народе «Отель на бобах», где помещалась тогда тюрьма национальной гвардии.

«Все мои замыслы унеслись прочь. Тюрьма чудовищна... — напишет он чуть позже. — Там холодно и нет огня. Тюремщики — люди из ни-

зов; они всю ночь играют в карты и орут во все горло. Ни минуты покоя».

Это событие получило широкую огласку. О нем заговорили вечерние газеты, а на другой день — утренние. Многие дамы расчувствовались; в тот же день ходили ходатайствовать за виновного, чтобы его освободили или, по крайней мере, смягчили ему наказание. Но, несмотря на ходатайства, тюремный срок ему пришлось отсидеть полностью, — слава Бальзака в те годы была еще недостаточной для решения всех проблем.

Его освобождают только 4 мая. Пребывание в тюрьме обошлось Бальзаку в 575 франков, — незапланированные траты. Жизненные передряги: тяжелая болезнь его ангела-хранителя госпожи де Берни, у которой не так давно сошла с ума дочь и вскоре после этого умер сын (от посещения ее Бальзак возвращается совершенно убитый); тяжба по процессу против Бюлоза, который хоть он и выиграл, изрядно потрепала ему нервы; требование издательницы госпожи Беше в двадцать четыре часа представить два тома «Этюдов о нравах», изложенное в предписании судебного пристава (за каждый просроченный день ему угрожал штраф в размере пятидесяти франков), — все это и многое другое, со стороны несущественное, доводит Бальзака до предела.

19 июня он принимает решение уехать в Саше к Маргоннам, где за три дня (23–26 июня) задумывает и набрасывает первые сорок страниц «Утраченных иллюзий». Но к вечеру 26 июня, вместе с супругами де Маргонн прогуливаясь по парку, изнемогая от жары, он остановился возле дерева, внезапно побледнел и без чувств упал на землю. С ним случился апоплексический удар, последствия которого были непредсказуемы.

В течение нескольких дней ни говорить, ни писать Бальзак не мог, у него проявились затруднения с речью, его охватила паника. По счастью, на следующий день ему стало лучше, остался лишь небольшой шум в ушах. 10 июля он возвращается в Париж.

«Все прежние устремления растаяли. Не хочется ни политики, ни журналистики. Попытаюсь избавиться от «Кроник де Пари»», — пишет он Ганской.

В июле 1836 г. Бальзак с новым долгом в 40000 франков вынужден был оставить руководство «Кроник де Пари». Проект под его руководством провалился, хотя газета еще с год продолжала выходить и Бальзак в ней печатался. Вместе с невыплаченными суммами за предыдущие его мероприятия в качестве типографа и печатника общий долг

на 1836 год составил более 200000 франков (часть госпоже Делануа, часть папаше Даблену, матери и др.).

В январе 1837 года Даккет возобновил попытку добиться возврата своих денег. Векселя, подписанные Верде, так и не были оплачены, и тогда Даккет выступил с иском сразу против Бальзака и Верде. На улице Марэ Бальзак значился коммерсантом, а потому ему грозил арест. Пока же у него отобрали тильбюри, стоявший в сарае на улице Кассини.

В начале февраля Бальзак записал в своей хозяйственной книге: «5 февраля. Привратнику МондеПьете — 1 франк за срочность. 6 — карета для поездки в МондеПьете — 4 франка. Привратнику выдано 2 франка. Привратнику с улицы Кассини, который прибежал сообщить, что увезли тильбюри, — 1 франк 25. 12 — званный обед. Уплачено Бюиссону 20 франков, взятых займы».

В июле 1840 года Дютак предложил Бальзаку стать его компаньоном и основать журнал «Ревю паризьен» — ежемесячное издание объемом в 125 страниц, которое предполагалось продавать по одному франку за экземпляр.

Бальзак уже забыл, в какие долги он влез и какие мытарства испытывал во время издания и после краха «Кроник де Пари», но вот в 1839 году Альфонс Карр основал сатирическую газету «Ле Геп» («Оса» (*Les Guêpes*)), крошечное, карманное обозрение. Первый номер ее тотчас был распродан в количестве двадцати тысяч экземпляров, а затем ее стали раскупать и по тридцать тысяч экземпляров. А он чем хуже? Его талант ничуть не меньше таланта Карра, и его полемическим статьям остроты и смелости не занимать!

Бальзак с головой погружается в новый проект.

По условиям договора он бесплатно предоставлял в распоряжение редакции рукопись, за что ему причиталось участие в прибыли. Технической стороной и администрированием занялся А. Дютак. Доходы решено было делить пополам.

Во вступительной статье Бальзак определил задачи нового издания: описывать «комедию управления», показывать, что делается за кулисами политической жизни, говорить правду в области литературы, где критике зачастую «недостает искренности», публиковать собственные произведения. В журнале он также намеревался поместить сравнительный этюд о разных родах поэзии.

«Журнал не ограничится обещанием привлечь самых знаменитых писателей. Он уже привлек их», — бросает Бальзак. В действительно-

сти же все материалы в нем, как и большинство текстов в «Кроник де Пари», практически готовил он сам.

А. Моруа отмечает: «В ежедневной прессе у Бальзака были опасные соперники: Александр Дюма, Эжен Сю, Фредерик Сулье. Они не отличались такой глубиной ума, как он, но им легче было применять рецепты газетной кухни: отрывки, фельетоны с продолжением. Бальзак еще фигурировал среди «маршалов фельетона», но уже с трудом удерживал в своей руке маршальский жезл. И вот «Ревю паризьен» должно было стать линией отступления».

Критические статьи Бальзака в журнале наполнены язвительности и негодования к тем, кто в угоду публике только зарывает свой талант в землю. К таким «популистам» прежде всего он относил своего бывшего близкого друга Анри Латуша, обвиняя его в неумении создавать характеры, выстраивать сцены, поддерживать интерес читателя.

Не устаивался его милости и Эжен Сю. На Альфреда де Мюссе Бальзак нападал за субъективную манеру повествования: когда автор начинает показывать в своем произведении самого себя и сообщать о самом себе. Но больше всех доставалось, конечно же, первому критику того времени — Сент-Беву, которого Бальзак сравнивает с моллюсками, у которых нет «ни крови, ни сердца... чья мысль, если только она есть, скрывается под противной беловатой оболочкой».

По мнению Бальзака, Сент-Бев, с его вялыми и робкими фразами, совершенно не способен раскрыть идеи автора.

О романе «ПорРояль» он писал: «Когда читаешь г-на Сент-Бева, скука порой поливает вас, подобно мелкому дождику, в конце концов пронизывающему до костей... В одном отношении автор заслуживает похвалы: он отдает себе должное, — он мал».

В «Ревю паризьен» Бальзак помещает и свою повесть «Принц богемы», где высмеивает Сент-Бева уже с художественной точки зрения.

Иные оценки вызывают у Бальзака Вальтер Скотт и Фенимор Купер, — он ими восхищен. Виктора Гюго неизменно хвалит, именую его «величайшим поэтом XIX века». Особняком стоит Мари-Анри Бейль (Фредерик Стендаль) со своей вышедшей тогда «Пармской обителью», на которую не обратили внимание ни читатели, ни критика.

«Никто не понял, никто не исследовал этот роман», — пишет он в сентябрьском номере журнала, в «Письмах о литературе, театре и искусстве». «Господин Бейль написал книгу, прелесть которой раскрывается с каждой главой...», «Создал произведение, которое могут оценить только души и люди поистине выдающиеся».

Одобрительного отзыва заслужил Фурье, сумевший претворить на практике добрые побуждения, систематизировать их и «впрячь в социальную телегу». Была издана работа Прудона «Что такое собственность». Журнал превращался, как Бальзак и мечтал, в трибуну собственных социальных идей.

Словно предвещая это, в первом номере журнала Бальзак публикует статью «О рабочих» и свой рассказ «З. Маркас» (это имя он нашел, читая вывески в квартале Сантье), выразивший отношение автора к режиму Июльской монархии.

«Молодежь обобрали, — говорится в рассказе. — Революция, которую она совершила, стала «добычей сов, боящихся дневного света. [...] Но опасность не за горами, и когда она настанет, молодежь снова поднимется, как поднялась в 1793 году, готовая на новые прекрасные свершения».

Зефирин Маркас умирает в 1838 году от нервной горячки, потому что «слишком глубоко влез в кратер власти». Умирая, он видит наступление Республики, когда, после смены двадцатого по счету министра, начнется агония власти.

И все же ожидаемого успеха журнал не принес, как и жизненно необходимой финансовой поддержки (как, скажем, субсидированная государством «Журналь де деба»). К 25 сентября (в июле, августе и сентябре) вышли в свет всего лишь три номера журнала. Расходы составили 7173 франка, доход — 5372 франка.

Дютак, посчитав, что дальше двигаться некуда, в сентябре отказался финансировать журнал. Сам Бальзак был не в силах продолжать его выпуск, хотя бы потому, что закон от 14 декабря 1830 г. обязывал управляющего газетой располагать «полной залоговой суммой, записанной на его собственное, частное имя», а у Бальзака в то время за долги был наложен арест на недвижимое имущество в его имении в Жарди и он совсем не располагал нужной суммой для выпуска журнала. И как оказалось, журнальная работа постоянно приковывала его к Парижу, требовала сосредоточения больше на публицистике, отнимала драгоценное время и силы на занятие художественным творчеством. Бальзаку пришлось признать, что очередной его предпринимательский проект провалился. Бывшие компаньоны разделили между собою убытки и мирно расстались. Больше Бальзак к мысли о собственном издании не возвращался.

АКАДЕМИЯ

В двадцатые-тридцатые годы XVII столетия во Франции в моду вошли салоны, кружки по интересам, частные академии различных направлений, где живо обсуждались новости Европы, научные открытия, литературные произведения, где блистали просвещенные умы, библиотекарши, любители изящной словесности, деятели культуры и искусства.

По различным причинам будучи не в состоянии бывать в подобных салонах, Первый министр Франции и одновременно кардинал Римско-католической церкви Ришелье учреждает свой литературный кружок на основе частного литературного кружка писателя-любителя Валантена Конрара, который изначально называют «рабочей академией», и уже 2 января 1635 года Людовик XIII жалует патент на создание Академии и она получает название «Французская академия» с разработанным и учрежденным уставом, составом и порядком выборов. Кружок превращается в официальный орган, король дарует его членам всевозможные привилегии, кардинал Ришелье становится его покровителем (с марта 1672 г. — глава государства). Членства в Академии удостоиваются лица, вносящие весомый вклад в прославление Франции, набираются путем кооптации из различных сословий и профессий (землевладельцы, промышленники, купцы, священники, врачи и пр.) и считаются абсолютно равноправными. Количество академиков, именуемых отныне «бессмертными» согласно девизу академии, введенному еще при Ришелье — «Для бессмертия», является числом постоянным (40), лица, принятые в число академиков, получают жалованье из королевской казны, новые члены избираются исключительно после кончины одного из них (с 1671 года заседания по приему новых членов Академии сделались публичными, а после смерти каждого академика претендент на его место по традиции произносил в собрании в его адрес похвальное слово). Целью сформированного учреждения провозглашается усовершенствование французского языка, как литературного, так и повседневного, общего, понятного для всех (для чего предполагается создание Словаря). Кроме этого Академия учредила ряд премий для поощрения наиболее выдающихся произведений, а также за красноречие и благородный поступок (на сегодняшний день их насчитывается около 60).

В годы Французской революции декретом Конвента от 8 августа 1793 г. Академия была распущена (как, впрочем, и другие академии), но восстановлена во времена Директории в качестве Французского института.

23 января 1803 г., в период консулата, произошла еще одна реорганизация (было закрыто отделение моральных и политических наук) и вместо трех отделений (классов) стало четыре: оставшееся отделение физики и математики, отделение французского языка и словесности, отделение древней истории и литературы и отделение изящных искусств.

В 1816 г. классы снова получили название академий, а в 1832 г. решением короля Луи-Филиппа I воссоздана Академия моральных и политических наук и структура Института приобрела вид пяти Академий, существующий до сих пор.

Само собой разумеется, каждый, хоть чего-то значительного достигший в определенной области (науки, промышленности, культуры, просвещения), стремился влиться в состав одной из Академий. Не остался в стороне и Оноре де Бальзак, уже ставший заметным литератором не только во Франции, но и за ее пределами. Его засыпают письмами поклонницы, произведения его бурно обсуждают, у него появляются постоянные издатели; роман «Сельский врач» попал в шорт-лист Монтионовской премии Французской Академии, присуждаемой за сочинения в пользу нравственности (1833 г.). Однако как всегда в жизни Бальзака, денег это ему не приносит; деньги как будто утекают у него сквозь пальцы, надолго не задерживаясь.

В апреле следующего года «Сельского врача» вычеркивают из списков Монтионовской премии, усталость и депрессия то и дело преследуют его, Бальзак понимает, что оплачиваемое государством кресло в Академии сняло бы массу его текущих финансовых проблем, по крайней мере, предоставило бы возможность писать, не задумываясь о хлебе насущном.

«...Двадцать четыре тысячи франков дохода по государственной ренте вот прекраснейшая в мире жизнь, так как я буду получать пятнадцать тысяч в Академии; к тому же мое перо, если я даже стану работать только шесть часов в день, всегда будет приносить мне двадцать тысяч франков в год в течение еще десяти лет, и это позволит мне скопить кое-что», — мечтает он, устремляя свои мысли в Россию, где ждет его новая зазноба — госпожа Ганская, с которой он хотел бы навеки заключить брачный союз.

И здесь опять возникает дилемма, ведь для того чтобы стать членом хоть какой-нибудь из Академий, ему недостает «материальной независимости», добиться которой он сможет только собственным трудом.

Не проходит и двух лет он снова возвращается к мысли о вступлении в святая святых:

«Итак, через два года я попробую пушечными выстрелами открыть себе двери в Академию».

«Я стараюсь только для того, чтобы знали, что я хочу быть избранным, это будет праздник, который я держу в запасе для моей Евы, для моего волчонка. Я нахожусь вне стен Академии, зато стою во главе литературы, которую туда не допускают, и, право, мне приятнее быть такого рода Цезарем, чем сороковым бессмертным. Да и добиваться подобной чести я не стану раньше 1845 года...»

Несчетное количество раз он подсчитывал, сколько это принесло бы ему денег: две тысячи франков жалованья, шесть тысяч франков за работу в «Комиссии по составлению Словаря», а вслед за званием академика ему, разумеется, дадут и титул пэра Франции — это ведь само собой разумеется.

С той же целью — быстро разбогатеть и стать финансово независимым (чтобы также попасть в Академию) — в 1837 году недалеко от Парижа он покупает в долг участок земли и лачугу в местности, именуемой Жарди, а с 1838 года решает всерьез заняться коммерцией и промышленностью. Неужели и теперь господа-академики отвернуться от него, он же владелец имения!

В декабре 1839 года Бальзак решает выставить свою кандидатуру, но сразу же снимает ее, уступая дорогу своему другу и коллеге по перу Виктору Гюго, считая, что тот быстрее займет академическое кресло, чем он.

Рассуждая так, Оноре недалеко отошел от истины, потому что в тот период (первая половина XIX века), несмотря на триумфальное шествие нового жанра, романы у просвещенной публики оставались пока еще не в чести, считались малопочтенными и второстепенными (даже в предисловии к «Человеческой комедии» Бальзак старается как можно меньше употреблять термин «роман», называя его то произведением, то трудом, драмой или историей нравов).

Надо сказать, что и Гюго баллотировался в академики в качестве драматурга, а не поэта или романиста, и все-таки в 1839 году так и не был избран (только в 1841 он наденет камзол академика и возьмет в руки шпагу, как один из атрибутов «бессмертного». Бальзак будет присутствовать на его избрании, слушать его вступительную речь).

И снова вопрос финансовый. Кредиторы по-прежнему досаждают хуже некуда. Жарди продано (пусть пока и подставному покупателю с целью дальнейшего его выкупа, — Бальзак не хочет совсем терять так

полюбившееся ему имение). Но появилась реальная надежда на осуществление давней мечты, потому что Эвелина Ганская наконец-то стала свободной — в прошлом году скончался ее муж.

Женитьба на Эвелине кажется ему решением всех проблем, в том числе и вступление в Академию.

В ноябре 1842 года он пишет ей:

«О! Как я жажду освободиться от проклятых обязательств! Кому, как не вам, я могу признаться, что ста тысяч франков было бы достаточно для уплаты всех моих долгов; и я вскоре сделался бы членом академии и уже года через три был бы обеспечен до конца дней своих суммой в пятнадцать тысяч франков ежегодно!»

Скорее всего уже после смерти академика Казимира Делавиня в декабре 1843 года, Бальзак начинает совершать первые визиты к академикам, памятуя о разговоре с Шарлем Нодье, который не так давно говорил ему при встрече:

«Дорогой Бальзак, в Академии за вас большинство. Но Академия охотно примет какого-нибудь политического злодея, который в анналах истории будет пригвожден к позорному столбу. Академия выберет даже мошенника, сумевшего благодаря огромному своему богатству увернуться от суда присяжных, но она падает в обморок при мысли о неоплаченном векселе, из-за коего должника могут посадить в тюрьму Клиши. Она безжалостна, бессердечна по отношению к гениальному чело- веку, если он беден или дела его идут плохо... Итак, постарайтесь приобрести положение путем женитьбы, или докажите, что у вас нет никаких долгов, или купите собственный дом, и вы будете избраны».

И еще говорил:

«Ах, друг мой, вы просили меня отдать за вас свой голос, а я отдаю вам свое место. Смерть подбирается ко мне...»

Альфред де Виньи вспоминает, как сам, будучи претендентом в академики, посещал «бессмертных» в свою поддержку (а личный визит к благожелательному к тебе электору в то время был обычной практикой). Некоторые из них были столь преклонного возраста, что их интерес не выходил за пределы собственного домашнего кабинета, а о современном литературном процессе знали в лучшем случае понаслышке, — как они могли судить о претенденте? (Де Виньи, кстати, отказавшись от пэрства с пенсионом, которое ему предлагал в свое время сам король, из-за всяческих интриг попал в Академию только через пятнадцать лет после своего отказа.)

Даже С.П. Шевырев, побывав в конце тридцатых годов в Париже и оставив свои воспоминания о встрече с Бальзаком, заметил:

«...академики между писателями Франции играют роль ночных птиц между дневными. Если по странному противоречию иным и хочется в эти покойные кресла, — это уже печальный признак того, что они устали, что им пора подремать с другими — и вольное призвание писателя превратится в официальный титул!»

Итак, Бальзаку выразили поддержку уважаемые люди, он воодушевлен, тут же пишет г-же Ганской:

«...Я обдумал, какое письмо послать каждому из четырех академиков, у которых я побывал. Заниматься прочими тридцатью шестью трупами глупо с моей стороны, мое дело закончить монумент, воздвигаемый мной, а не гоняться за голосами! Вчера я сказал Минье: "Я предпочитаю написать книгу, чем провалиться на выборах! Мое решение принято. Я не хочу попасть в Академию благодаря богатству. Мнение, которое царит в Академии на этот счет, я считаю оскорбительным, в особенности с тех пор, как его распространяют и среди публики. Когда я разбогатею — а я этого добьюсь сам по себе, — я ни за что не выставлю своей кандидатуры!»

Он пишет четыре письма своим сторонникам: Виктору Гюго, Шарлю Нодье, Дюпати и Понжервилю, и в 1844 году, в возрасте 45 лет, наконец-то выставляет свою кандидатуру. Но недоброжелателей у него оказывается гораздо больше.

«Его противники отыскивают сотни предлогов, чтобы отклонить его кандидатуру, — пишет Стефан Цвейг, — поскольку никто не решается всерьез оспаривать его права. Они заявляют, что его финансы находятся в расстроенном состоянии. Не может-де восседать под священным куполом человек, которого на улице, у подъезда нетерпеливо ожидают судебные исполнители и ростовщики. Они выдвигают в качестве препятствия его частые отлучки. Но всего честнее характеризует истинное положение вещей некий заклятый враг его и тайный завистник: "Мсье Бальзак слишком необъятен для наших кресел!"»

В результате голосования Бальзак терпит поражение, и кресло № 28 Казимира Делавиня достается Шарлю-Огюстену Сент-Бёву.

«Теперь я слишком хорошо знаю, что одна из помех моему успеху в Академии — это мое материальное положение», — объясняет он в следующем письме Шарлю Нодье, и просит писателя больше не протектировать ему. А ниже в отчаянии добавляет: «Если я не могу попасть в Академию по причине самой почетной бедности, то никогда не стану претендовать на место в ней в те времена, когда благосостояние даст мне на это право».

Первый отказ, однако, еще не так, кажется, сильно тревожит его — с первого раза, как мы помним, не был избран в Академию Гюго, до этого Ламартин; несколько раз отказывали в кресле Корнелю; да и Казимир Делавинь баллотировался на почетное место академика 16 (!) раз.

Правда, после неожиданной смерти Шарля Нодье в январе 1844 года, его кресло (№ 25) тоже ускользает от Бальзака, оно достается Просперу Мериме. Но азарт уже не отпускает писателя, тем более престарелых академиков в сообществе еще пруд пруди. Соблазн слишком высок, чтобы не попробовать его и в следующий раз. И потом, Бальзак никогда не чурался политики, а членство в Академии — кратчайший путь во власть с ее привилегиями, званиями, богатством, — не к этому ли он стремился всю свою сознательную жизнь?

В сборнике «Натуралисты-романисты» Золя приводит отрывок из письма Бальзака к г-же Ганской от 3 апреля 1845 года:

«Вот еще один академик умер, Суме; другие пять-шесть одной ногой стоят в могиле; может быть, судьба сделает меня академиком, несмотря на Ваши насмешки и возражения».

И далее:

«Кажется, г-жа Ганская действительно отговаривала его баллотироваться, потому что Бальзак многократно возвращается к этому вопросу. Будучи иностранкой, она, вероятно, не понимала, какую огромную силу имел и имеет до сих пор во Франции академический титул. В нашей стране, где талант получает признание только если он запатентован, буржуа поклоняется лишь тому писателю, на котором наклеена этикетка Академии. Книги такого писателя расходятся в гораздо большем количестве экземпляров, его особа становится как бы священной. Что Бальзак хотел вступить в Академию — совершенно ясно; в приведенной мною фразе чувствуется даже безотчетное желание увидеть, как смерть освобождает для него академическое кресло и широко распахивает перед ним заветную дверь».

Но, как-то, старики-академики не торопятся отправляться на тот свет, а недоброжелатели продолжают возводить вокруг Бальзака все новые и новые козни. Даже прежние друзья коварно смотрят вслед и мутят воду в Академии, как те же супруги де Жирарден, и ему приходится все чаще осторожничать, общаясь с ними.

4 июля 1848 умирает Шатобриан. Бальзак провожает его в последний путь в Сен-Мало, а 15 сентября отправляет в Академию письмо, в котором предлагает себя на освободившееся место.

После получения наконец визы и согласия со стороны г-жи Ганской, 20 сентября он уезжает в Россию, но мысли о вступлении в Академию совсем не оставляет.

Удаленность от Парижа, однако, не позволяет ему наносить личные визиты к академикам, чтобы заручиться их голосами, и тогда он рассылает им письма, а матери поручает развезти всем «бессмертным» его визитные карточки, на что г-жа де Бальзак сетует: «Ты мне в обрез отсчитал карточки для академиков. Скоро будет баллотировка. А не нужно ли было бы предпринять еще какие-нибудь шаги?»

По собственной инициативе пытается что-то предпринять зять Бальзака, г-н де Сюрвиль.

Бальзак пишет ему:

«Очень благородно с твоей стороны, что ты пошел к Виктору Гюго, но хлопотать за меня было бесполезно и было бы даже опасно, если бы я твердо не решил больше не выставлять свою кандидатуру в Академию. Гюго очень верно угадал, что я хотел оставить Академию в дураках».

Неизвестно, чего добивался Бальзак выставлением своей кандидатуры в академики на этот раз. Правда ли, что он, будучи уже заметным мастером и новатором, действительно хотел утереть нос Академии? Понимал ли, что интриги со стороны его клеветников, завистников и недоброжелателей никуда не делись и он повторно будет отвергнут, — остается вопросом открытым. Но то, что Академия в то время давно стала затхлой и инертной, занималась только тем, что ежегодно раздавала литературные премии да из года в год корпела над нескончаемым Словарем; что на живой литературный процесс во Франции никак не влияла и текущие тенденции в литературе не отслеживала, было ясно уже современникам. И продолжали литераторы стремиться под купол дворца Мазарини (как иногда называли Академию) скорее из мелкого тщеславия украсить себя титулом академика, надеть расшитый золотыми пальмами камзол и получить пожизненный пенсион, достаточный, чтобы больше никогда не задумываться о добывании хлеба насущного в поте лица своего.

Уставший от каждодневного непосильного труда, больной, измотанный решением семейных проблем (в том числе и проблем родственников), Бальзак стремился к тому же, и, бесспорно, как никто другой заслужил это право: право на безмятежное существование на закате своей жизни в тени своих бессмертных творений.

Но судьба поступила коварно с гением и на это раз. На выборах 1849 года на место Шатобриана (кресло № 19) (первый тур — 11 янва-

ря) за Бальзака подали голоса только Гюго, Ламартин, Понжервиль и Ампи; на выборах на место Жана Вату (кресло № 4) (18 января) — Гюго и Виньи.

Подавляющим большинством оба раза кандидатура Бальзака оказалась забаллотирована (вместо Шатобриана избран герцог де Ноай, вместо Вату — граф де Сен-При, автор «Истории завоевания Неаполя»).

В феврале того же года Бальзак пишет из Верховни своему близкому другу Лоран-Жану:

«А теперь, дорогой Л<оран>, если ты можешь узнать из достоверного источника, кто были те два академика, что подали за меня голоса при моем последнем провале, ты доставишь мне большое удовольствие, ибо я хочу их поблагодарить самолично. Не ошибись, потому что многие захотят быть в числе этих двух; я желаю знать точно.

Академия предпочла мне г-на ***. Вероятно, он лучший писатель, нежели я, но я куда учтивее его, потому что я отступил перед кандидатурой Виктора Гюго. И потом, г-н *** — человек степенный, а у меня, черт побери, есть долги!»

Больше Бальзак свою кандидатуру в Академию не выдвигал, у него теперь было предостаточно забот и на Украине: женитьба на родовой аристократке, миллионерше, женщине, которую, как ему кажется, он искренне любил долгие семнадцать лет.

Примечательно, что и похоронили Бальзака на кладбище Пер-Лашез между двумя академиками: Казимиром Делавином и Шарлем Нодье, словно признавая за ним законное право вечно находится в окружении «бессмертных».

ПОЛИТИК

По воспоминаниям сестры Бальзака, Лоры Сюрвиль, характером и наклонностями Оноре очень походил на своего отца, Бернара Франсуа, человека сильного, уверенного в себе и своих возможностях, опытного, профессионального.

Отец Бальзака интересовался всем новым, много читал, любил Монтеня и Рабле, ловко лавировал в жизненных передрыгах; в условиях частой смены режимов (Директория, Консульство, Империя, первая и вторая реставрации Бурбонов), выработал в себе осторожный политический скептицизм; будучи в молодости, как и большинство французов, вольтерьянцем, после 1815 года ради карьеры он стал католиком,

состоял в ложе франкмасонов. Вне зависимости от режима он всегда умел приспособиться.

В этом отношении Оноре был под стать отцу: он не избегал политической деятельности, наоборот, всю жизнь стремился окунуться в нее, но не плыть как щепка по течению, а самому управлять потоком. Поэтому, в отрочестве обожавший Наполеона (с восторгом встречавший его на параде в январе 1814 года), при Карле X, короле ультрароялистов, он становится либералом, а при ЛуиФилиппе, короле буржуа, — монархистомлегитимистом, выступает за крепкую королевскую власть, возвращение в страну иезуитов...

Монархист по убеждениям, оппортунист по необходимости, бонапартист по влечению восторженной натуры, вольтерьянец по духу и... вечный оппозиционер, выражающий в своих сочинениях самые противоречивые взгляды, порой прямо противоположные (на что указал даже сам Фридрих Энгельс).

В одном из его романов — «Жан-Луи» — даже усмотрели «бунтарский дух» и сочувствие Революции. Но... Не так все просто. Будучи выходцем из буржуазной семьи, с детства наблюдая образ ее жизни, чаяния и пороки, он возненавидел прежде всего паразитирующую, не производящую полезный для общества продукт буржуазию: банкиров и финансистов, в то же время сам стремясь попасть в аристократическую среду и даже сближаясь только с той частью женского пола, которая была, либо принадлежала в прошлом к высшей страте, остановив в конечном итоге выбор на польской аристократке из Украины с миллионным состоянием. Но если он и презирал современное ему общество, то вовсе не жаждал его уничтожить.

Как бы то ни было в дальнейшем, в ранней юности Бальзаку хватило ума после поражения Наполеона при Ватерлоо не уйти с некоторыми из своих товарищей по лицу Карла Великого, в котором он тогда учился, на баррикады в Венсенское предместье в защиту Империи. Поэтому он не был со скандалом исключен, благополучно окончил заведение и продолжил дальнейшее обучение в другом коллеже, а потом и в школе права. И хотя адвокатура во Франции всегда была прямой дорогой к политической трибуне, Оноре не пошел этой дорогой (как не пошел ею в свое время его собрат по перу Шарль Нодье). Он решает поступить по-своему.

Анна Анненская роняет: «Не написав еще ни одной строки, годной к печати, он в мечтах уже не довольствуется одной только литературной славой».

«Мысль покорить общество, чтобы "скромно закончить свою жизнь, сделавшись пэром Франции, министром и миллионером", — вторит ей А. Моруа, — с юных лет преследовала Бальзака».

Из переписки со своей сестрой Лорой в молодости:

«Я больше чем когда-либо озабочен своей карьерой по сотне причин, из коих скажу лишь о тех, что ты, быть может, не учиываешь. Наши революции далеко не окончены, судя по тому, как идут дела, я предвижу еще многие бури. Хороша ли, худа ли представительная система, она требует выдающихся талантов; во время политических кризисов непременно обратятся к великим писателям: разве не присоединят они к науке дух наблюдения и глубокое знание человеческого сердца?»

Если я чего-нибудь да стою (этого мы, правда, еще не знаем), то когда-нибудь смогу добиться не только литературной известности, но и прибавить к званию великого писателя звание великого гражданина — такое честолюбивое стремление тоже может соблазнить!..»

Уже в первой пьесе «Кромвель» Бальзак проявляется как автор, не чуждый вопросам политики. Вся пьеса, будто зеркальное отражение событий, насыщена мыслями и идеями, которые витали в то время в воздухе. Государственные учреждения с июня 1814 года выступали одновременно и за власть короля, и за свободу народа. Бальзак своей пьесой пытается сказать, что эта идея не чужда современной ему Франции, что стране в нынешнюю эпоху просто необходим такой образ правления, «где народ принимал бы участие в его (короля) верховной власти».

7 февраля, а затем 7 апреля 1825 Бальзак опубликовал две брошюры, мгновенно став в глазах друзейлибералов предателем и прихвостнем «Трона и Алтаря».

Первая брошюра превозносила права первородства, вторая ратовала за восстановление во Франции деятельности ордена иезуитов.

«Бальзак расценивал право первородства как «опору монархии, гордость трона и надежный залог счастья каждого человека и всех семей в целом». По праву первородства непременно полагалось пренебрегать интересами дочерей и младших сыновей. Такое положение дел ни в коем случае не следовало рассматривать как трагедию: общество найдет применение каждому. Старший сын получает наследство и поддерживает древние традиции, а младший отдает дань новым веяниям», — поясняет позицию классика П. Сиприо.

А Франция сможет встать на путь гармоничного развития, лишь доверившись иезуитам, — убежден Бальзак. Орден Игнатия Лойолы —

это «настоящая республика, у которой есть свои законы, свой глава, свои администраторы, своя полиция, свое правительство. Она напоминает корабль, бесстрашно бороздящий морские просторы».

С 1830 года герцогиня д'Абрантес оказывала сильное влияние на творчество Бальзака. Он стал меньше писать о жизни частных лиц, его увлекли общественные проблемы. Он сделал свой политический выбор и заинтересовался развитием промышленности.

В январе 1830 года, работая над «Вендеттой», Бальзак пришел к выводу, что «человеческий разум ищет новые пути для достижения великого социального принципа».

Именно в 1830 году он изложил свой символ веры: «Государству требуется один Бог, одна вера, один хозяин». Он хотел, чтобы были обновлены общественные институты и созданы новые партии наподобие того, как Наполеон создавал новых людей и новый общественный порядок.

16 мая Карл X подписал указ о роспуске Палаты депутатов. Король призвал избирателей прийти к урнам 23 июня и 3 июля.

26 июля редакторы всех газет, руководимые Тьером, подписывают протест против нарушения свободы печати.

«Правительство нарушило закон, мы не обязаны более ему повиноваться... Мы будем стараться издавать газеты не спрашивая разрешения... Сегодня правительство утратило законность, которую приобретает повиновение. Мы будем ему сопротивляться...»

Предложение Тьера ограничиться пассивным сопротивлением оказалось недействительным. Когда полиция насильственно попыталась закрыть газеты, на улицах начались волнения.

28–30 июля. Июльская революция, названная впоследствии «Три славных дня» («Свобода, ведущая народ». Делакруа).

За эти три дня были убиты 163 стража правопорядка и ранены 578. Бунтовщики потеряли 1800 человек убитыми и 4500 ранеными. В итоге толпа вернулась в свои мастерские и лачуги, Карл X отрекся от престола, но в течение всего царствования ЛуиФилиппа то тут, то там происходят вооруженные стычки.

«Я дошел до того, что смотрю теперь на славу, палату депутатов, политику, будущее, литературу как на ядовитые приманки, которые разбрасывают для бродячих псов...»

9 августа. Вступление на престол «короля банкиров» ЛуиФилиппа I, герцога Орлеанского, который пообещал окружить трон республиканскими институтами.

Он стал королем французов, но не милостью Божьей королем Франции. Монархия приобрела цензовый и одновременно парламентский характер. Церемония коронации была заменена церемонией принесения присяги. Правитель «клялся поступать в соответствии с подлинными интересами, счастьем и славой своего народа». Католическая религия перестала быть государственной, а для прессы была отменена цензура. Без лишнего шума во Франции установилось президентское правление, подобное тому, что существует и сегодня.

Однако Бальзак в мае 1830 г., прекрасно понимая, что творится в Париже, немедленно уезжает вместе с Лорой де Берни, которой уже 53 года, в Турень, где малышом жил у кормилицы.

В письме, адресованном Виктору Ратье, редактору «Силуэта», Бальзак ясно дал понять, что не желает иметь ничего общего с парижской сумятицей, он хотел остаться человеком вне общества. Но, оставшись в Туре до 10 сентября (не считая поездки на море 4 июня, где он в течение десяти дней с упоением загорал, плавал, ходил по горам), вопреки себе, Бальзак упускает счастливый случай (в этот раз интуиция его подвела). Он и подумать не мог, что Июльская революция сослужит добрую службу его собратьям по перу, «литературному братству».

Вчерашним журналистам, занимавшимся бумагомаранием и строчившим трактаты, путеводители, кодексы, неожиданным образом открылся прямой путь к власти. Его друг Эмиль де Жирарден, стал генеральным инспектором музеев и художественных выставок, затем депутатом; Фредерик Стендаль отправился консулом в итальянский Триест; начинавший драматург Александр Дюма получил должность хранителя библиотеки ПалеРояля; Проспер Мериме занял пост в министерстве торговли и общественных работ; Виктор Бозн, купивший в 1826 году «Фигаро», несколько недель возглавлял префектуру департамента Шарант; Филарет Шаль, известный критик и эссеист, стал атташе французского посольства в Лондоне, а Франсуа-Огюст Минье, журналист и историк, автор «Истории французской революции с 1789 по 1814 гг.» и «Истории Реформации», отказавшись войти в правительство ЛуиФилиппа, занял должность директора архива министерства иностранных дел; в конце 1833 года в палату депутатов изберут Ламартина, и он также начнет вести активную политическую деятельность.

Служить новому режиму вскоре будет означать извлекать выгоду для себя. Вот что упустил Бальзак, вот чего катастрофически ему не хватает: твердого приработка за спиной, который облегчит его занятия творчеством и принесет ему славу и как гражданину.

Осознав наконец свою оплошность, Бальзак пытается наверстать упущенное, вслед за литературной братией схватить птицу удачи за хвост, ведь, как ни крути, он теперь широко известный писатель, и не только во Франции, многие его уважают, — ему нужно баллотироваться в депутаты, и тогда он будет купаться в деньгах, как сыр в масле!

Вопрос о своей кандидатуре, как вспоминает Альберик Сегон, Бальзак принимал очень близко к сердцу. Но не все соглашались с желанием писателя проявить себя на иных, кроме литературы, поприщах. Даже близкие друзья порой не понимали его.

«К чему касаться высоких философских или государственных вопросов? — говорили они. — Оставьте это метафизикам и экономистам; вы человек воображения, этого у вас не отнимешь; не выходите за пределы того, в чем вы сильны. Романист не обязан быть ученым либо законодателем».

Такие речи крайне раздражали Бальзака, вспоминает его сестра Лора Сюрвиль; от того, что люди не осознавали его силы, гнев его удваивался.

Отрицание за ее братом деловых качеств уязвляло его даже больше, нежели отрицание его таланта, — вскользь признавалась она.

Хотя и талант писателя имел свои потенциальные преимущества. К примеру, он был уверен, мог прямоком привести его в Академию, а оттуда — в палату пэров. Из пэра можно было легко стать министром, а из министерского кабинета управлять Францией, — от одной только мысли этой дух захватывало!

С 26 сентября 1830 г. в «Le Voleur» почти каждые десять дней стали появляться Бальзаковские «Письма из Парижа» (они будут выходить до апреля 1831 г.). Этот его шаг наглядно доказывал, что Бальзаку описывать историю художественно явно уже недостаточно, он решает непременно войти в парламент и лично участвовать в политических битвах.

В «Письмах...» Бальзак высказывает свое новое политическое кредо. Он отстаивает необходимость наследственной палаты представителей (вроде палаты лордов в Англии, которая бы удерживала на расстоянии народ и короля), наличие сильных партий; призывает к укреплению границ — Алжира, Альп, Рейна (чтобы «парижские мостовые простирались до Рейна») — и — ни много ни мало — к захвату Бельгии.

Бальзак даже представлял себе, как Польша в союзе с Турцией, Швецией и Данией завоевывает Россию.

«Настал день, когда этот огромный снежный ком (Россия) должен развалиться на четыре части».

В «Письмах...» он также ратует за развитие промышленности и продвижение талантов, безразлично к какой прослойке бы они не принадлежали. Он считает, что в политику пробрались беспринципные, трусоватые личности, позволяющие всяким «гобсекам» только грабить страну.

В том же 1830 г. (после революционных событий) он высказывается за политическую необходимость и полезность католицизма (что выражается сильнее всего в его новелле «Иисус Христос во Фландрии»).

«В ходе любой революции управленческий гений проявляется в умении переплавлять людей и изменять порядок вещей, — рассуждает он в письме к Зюльме Карро от 28 ноября 1830 года. — Именно это показывает, что Наполеон и Людовик XVIII были талантливыми администраторами. Первый так и не был понят, второй был понятен сам по себе. Они оба поддерживали все существующие во Франции партии, первый — силой, второй — хитростью».

Если стремиться к благосостоянию масс, абсолютизм (то есть наибольшая возможная сумма власти) — единственное средство достигнуть этой цели.

«То, что мы называем Представительным правлением, — пишет Бальзак в своих заметках, — порождает вечные бури... А ведь основное качество правительства — устойчивость». Поэтому в нынешнем положении стране нужен молодой просвещенный патриот, который «обладает вдохновением, глубокими познаниями, высокой нравственностью и политическим сознанием».

Конечно же, в первую очередь Бальзак имел в виду себя. Выдающийся человек, даже если он прежде всего писатель, не может оставаться равнодушным к политической и религиозной жизни своей страны.

В те же дни он решительно присоединяется к оппозиции (хотя не проявляет особо активных действий, держась в зоне сочувствующих), становится номинальным владельцем поместья матери, а весной 1831 г. просит своих друзей в Фужере, Туре и Камбре (через «Газет де Камбре»), поддержать его кандидатуру на предстоящих парламентских выборах. В «Газет де Камбре» он пишет: ««Будущая Ассамблея обещает быть бурной. Она беременна революцией. Возможно, жители вашего округа предпочтут видеть среди депутатов парижанина, а не одного из вас».

В эти же дни он выпускает брошюру «Исследование о политике двух министерств» (Лаффита и Казимира Перье), где подробно разбирает политику действующей власти, и подписывает свое исследование

«О. де Бальзак, имеющий право быть избранным». Бальзак верил, что его «Исследование...» отдаст ему голоса избирательной коллегии. Однако, не взирая на все усилия, он так и не нашел поддержки (даже у благоволившего к нему генерала Поммереля в Фужере), ведь для выдвижения кандидат по закону должен быть как минимум реальным землевладельцем или иметь имущественный ценз 500 франков налога с доходов, чего у него никогда не было (в 1831 году он заплатил всего лишь 31,35 франков налогов).

И снова Бальзак нисколько не отчаивается. Как я уже писал выше (см. глава «Издатель»), вторая половина 1831 года стала для него, знаменательной: вышли «Шагреновая кожа», «Сцены частной жизни», «Философские повести и рассказы», «Озорные рассказы»; Бальзак внезапно приобретает шальной успех у читателей, вражду и зависть в литературных кругах и больше 14 тысяч франков гонорара за все опубликованные в этом году произведения, включая статьи в журналах и газетах, а также еще возможность на шесть тысяч набрать кредитов. До политики ли теперь? Но после огромных трат и неудач с различными издательскими проектами, Бальзак снова поворачивает голову в сторону политики.

Летом 1832 г. он узнает, что в Шиноне должны состояться дополнительные выборы. На них Бальзак ставит двойную ставку.

В салоне своей очередной любовницы Оливии Пелисье (бывшей любовницы Эжена Сю) Бальзак знакомится с главой активного крыла партии легитимистов, пэром Франции, герцогом Эдуардом де Фитс-Джеймсом, одним из самых заметных в то время политиков, еще в прошлом году обратившем внимание на его произведения, и надеется с помощью него пробиться в парламент.

Тут опять Бальзака призывают явиться на сборы Национальной гвардии, но теперь, в надежде быть избранным, он не скрывается, а покупает саблю за 6 франков и без промедления является на призыв (впрочем, в этот раз служить ему тоже не пришлось). Кроме того, поддерживаемый партией, он стал искать участок в Турени и одновременно подыскивать себе жену, естественно, богатую, а лучше молодую вдову с капиталом.

Попробовал было соблазнить племянницу герцога Фитс-Джеймса, маркизу де Кастри, от которой в сентябре прошлого года получил анонимное письмо, где она упрекала его за цинизм в «Физиологии брака». И хотя по ее приглашению в феврале 1832 г. он и прибывает в предместье Сен-Жермен, с женитьбой у него ничего не выходит, как не выходит и с другими богатыми невестами. Однако благодаря дружбе с мар-

кизой он начинает активно сотрудничать в легитимистской прессе (до конца 1832 г. Бальзак опубликовал почти сорок газетных статей и рассказов, и лишь два полноценных романа), чем сильно огорчает своих друзей-либералов.

Это сотрудничество с «правыми», впрочем, не сильно ему помогает. Местные избиратели проявили к кандидату от легитимистов Бальзаку полное равнодушие. Вдобавок по обвинению в участии в предпринятой герцогиней Беррийской попытке вызвать восстание в , герцога Фитс-Джеймса арестовывают, хотя и на короткий срок.

Аресты привели в восторг госпожу де Берни, которая писала Бальзаку: «Раз партия этих людей потерпела поражение, тебе следует избрать для себя другую». Она ненавидела легитимизм, потому что связывала его с именем своей потенциальной соперницы Анриетты де Кастри.

«Милый! — писала она дальше. — Ради всего, что тебе дорого, ради твоей славы, ради твоего будущего счастья, ради моего покоя (а ведь ты любишь меня) молю тебя, не верь им, не полагайся на них».

Дает о себе знать и его травма, когда в конце мая этого же года он выпал из своего тильбюри, ударился головой о мостовую, почти двадцать минут был между жизнью и смертью, потом несколько дней провёл в постели.

Врожденные видения и галлюцинации Оноре после этого участились и усилились.

Исследователи биографии писателя утверждают, что травма сильно повлияла на его дальнейшие мысли и суждения, Бальзак стал проявлять, как заметили некоторые близкие, даже какие-то провидческие способности в отношении своего будущего.

Как бы то ни было, выборы в Шиноне прошли без него. Избрания удостоился другой кандидат, и за революционными событиями 5 и 6 июня выздоравливающий Бальзак наблюдал из окон дома своей сестры на бульваре Тампль.

В июле он едет в Ангулем к Зюльме Карро, которая также отказывает ему в сближении. Но в том же июле из Ангулема он сообщает матери: «Члены "Конституционного кружка" сказали, что если я захочу, стать депутатом, они выдвинут мою кандидатуру несмотря на мои аристократические убеждения».

В сентябре он пишет Зюльме Карро: «Если ангулемцы захотят увидеть во мне своего депутата, то я очень хочу видеть в них моих поручителей». И еще (ей же): «Есть призвания, которым надо следовать, и что-то неодолимое влечет меня к славе власти».

Однако, даже несмотря на дополнительную поддержку председателя суда г. Ангулема, отца Альберика Сегона, и этот проект не осуществился. Зато всё чаще и чаще мечты стать политиком проявляются в его произведениях. Собственные устремления он переносит и на героев своих книг. К власти у него стремятся и Эжен де Растиньак, и Луи Ламбер, и Люсьен де Рюбампре и др.

Показательна в этом отношении его трилогия «История тринадцати» (1832), в которой сказалось еще одно из увлечений Бальзака: интерес к тайным обществам, идее солидарного обретения влияния и власти.

В одном из романов трилогии — «Герцогине де Ланже» — Бальзак утверждает, что народ может быть счастлив только в условиях монархического строя, первенствующая роль в котором должна принадлежать аристократии, избранным, которые смогут разумно управлять всеми классами в обществе и уничтожить общественные противоречия (современное ему дворянство, по его мнению, было не способно выполнить эту миссию).

Через несколько лет сам Бальзак, взбаламутив нескольких близких друзей, попытался создать подобное тайное общество — клуб, который называли «Красный конь».

Само собой разумеется, именно Бальзак, как вспоминает Теофиль Готье, путем аккламации был избран великим магистром ордена. В число его членов входили: сам Готье, Леон Гозлан, Гранье де Кассаньяк, Альфонс Карр, Луи Денуайе, Жан-Туссен Мерль. Они обязались при любых обстоятельствах поддерживать друг друга, немедленно откликаться на всякий призыв «конюшни». Их ключевой целью было — в короткое время захватить ключевые посты в издательской деятельности, в прессе, театре и политике.

Как видим, мысль покорить общество, чтобы «скромно закончить свою жизнь, сделавшись пэром Франции, министром и миллионером», не оставляет Бальзака ни на минуту.

Как пишет Готье дальше: «Когда требовалось согласовать какой-либо проект, согласовать определенные шаги, Бальзак посылал через аффидевита каждой лошади (это было жаргонное название, которое члены использовали между собой) письмо, в котором была нарисована маленькая красная лошадка с такими словами; «Конюшня, такой-то день, такое-то место»; место проведения менялось каждый раз, чтобы не вызвать любопытства или подозрений. Во всем мире, хотя мы все знали друг друга и по большей части были знакомы очень давно, нам

приходилось избегать разговоров друг с другом или обращаться друг к другу только холодно, чтобы исключить любую мысль о сговоре».

После четырех или пяти собраний «Красный конь» прекратил свое существование, потому что большинству «лошадей», как свидетельствует Т. Готье, стало нечем платить за овес у символической кормушки; и ассоциация, которая должна была захватить всё, была распущена, потому что ее членам часто не хватало пятнадцати франков, что является высшей ценой. К тому же, слишком разные оказались у них и взгляды на мир.

В 1833 году Бальзак издает роман «Сельский врач» — настоящий политический памфлет.

«В этой утопии, — пишет Тайяндье, — Бальзак излагал свою доктрину некоего просвещенного консерватизма, при котором религия призвана привить народу нравственность, а мудрая прозорливость властей — обеспечить ту меру благополучия, при которой он больше не думал бы о бунте». И дальше: «С этой первой из будущих "Сцен сельской жизни" в авторе крепло стремление не только описывать общество таким, как оно есть, но и указывать способы излечить его от недугов, которыми оно страдает. Романист выступает здесь в роли не просто рассказчика историй из жизни, но и мыслителя».

И хотя он еще продолжает мечтать о политике, усилия его в этом направлении все чаще сходят на нет.

Бальзак — госпоже Ганской. 16 мая 1836 года:

«За последние три дня во мне произошла очень большая перемена. Честолюбивые устремления исчезли. Я больше не хочу добиваться влияния с помощью палаты депутатов или журналистики. К такому решению я пришел, побывав на двух заседаниях палаты депутатов. Глупость ораторов, бессмысленность дебатов, почти полная невозможность одержать триумф среди столь жалкого сборища посредственностей вынуждают меня отказаться от мысли иметь дело с этой говорильней иначе как в качестве министра».

И в Академию он рвется исключительно потому, что «академики могут стать пэрами; я постараюсь скопить достаточно большое состояние, чтобы попасть в верхнюю палату и прийти к власти, опираясь на власть».

В романе «Выдающаяся женщина» («Чиновники») (1837) он дотошно разбирает французскую демократию от Наполеона до своего времени, бичует ее, предлагает в корне изменить административную систему, налоговое законодательство. Он еще как-то горит, как-то борется. Но уже в 1840 году политические амбиции Бальзака остывают, особен-

но после того как Дютак в сентябре отказался финансировать «Парижское обозрение» («Ревю паризьен»).

В 1842 году Бальзак, уже усталый и утомленный, видит перед собой, как пишет Цвейг, одну-единственную цель: он хочет упорядочить свою жизнь, сбросить время долгов, спокойно и неторопливо завершить свое гигантское творение «Человеческую комедию» и в конце концов завоевать г-жу Ганскую с ее наследственными (после смерти мужа) миллионами, добиться с нею социального равенства. Однако старый червь желания стать политиком продолжает шевелиться в груди писателя.

1848 год. Год очередной Французской революции. Февраль. Бальзак, больной и надломленный, накануне из России возвращается в Париж, но с началом восстания проникает с повстанцами в разграбленный дворец Тюильри (Шанфлёр заметил его в Маршалском зале) и успевает выхватить себе на память часть украшений и кусок драпировки трона свергнутого короля, а также школьные тетради маленьких принцев, внуков Луи-Филиппа.

Повстанцы, впрочем, на этом не остановились. Разграбив Тюильри, они ворвались в казармы, где завладели оружием, затем сожгли принадлежащий королю дворец в Нейи. Возрастает угроза открытого столкновения рабочих и буржуазии. На улицах появляются баррикады, со всех сторон несется «Да здравствует Республика!».

Бальзак опасается, что снова начнутся грабежи и погромы. Теперь он на стороне тех, кто может провести репрессии:

«Необходимо проводить безжалостную политику, чтобы государства твердо стояли на ногах... — пишет он. — Я, как и прежде, одобряю и тюремные застенки Австрии, и Сибирь, и прочие методы сильной власти».

Высмеивает он и ставший популярным лозунг «Свобода, Равенство, Братство»:

«У нас есть *Свобода* умирать с голоду, *Равенство* в нищете, *Братство* с Каином, вот каково Евангелие ЛедрюРоллена».

Выборы на основе всеобщего избирательного права были назначены на апрель.

18 марта письмом в «Журналь де деба» Бальзак официально объявляет о своем желании (в который раз!) баллотироваться в члены Национального собрания, а 19 апреля, в связи с включением в список кандидатов в члены Национального собрания от «Клуба всемирного братства», в газете «Конститюсьонель» излагает свои политические взгляды.

И снова провал — он собрал не больше двух десятков голосов, в то время как Ламартина только в Париже поддержало порядка 260 000 избирателей, а по всей Франции — больше полутора миллионов. Но Бальзак уверен: Ламартин продержится недолго.

События разворачивались с большой скоростью. Финансовый кризис почти разоряет Бальзака. В июне подняли восстание парижские рабочие. Их жестоко подавил генерал Кавеньяк.

Бальзак приветствует июньские дни 1848 г. и победу буржуазии, устанавливающей свою диктатуру во Франции, но разочаровывается в политике. Франция не захотела иметь с Бальзаком-политиком ничего общего. Что оставалось Бальзаку? Только амбиции.

«Доколе крепкая и мощная монархия не будет восстановлена, во Франции нечего будет делать», — пишет он своему зятю Сюрвилю.

Осенью 1848 года он снова уезжает на Украину.

«Я еду в Россию за миром и спокойствием».

«Пусть Европа делает все что ей заблагорассудится. Отныне я всего лишь частица имения Верховни» (в Верховне он пробудет почти 19 месяцев).

Некоторые исследователи утверждают, что Бальзак мечтал сделать также влиятельным политическим деятелем и при дворе Николая I, как в свое время сделался им известнейший французский легитимист Жозеф де Местр, автор «Петербургских вечеров», который провел в России в качестве сардинского посланника 14 лет. Но Петербург и в этом году к нему так же холоден, как был холоден в 1843, когда Бальзак пытался утвердиться здесь впервые.

Тогда он провел в Петербурге почти десять недель, но кроме разочарования ничего более не испытал — несмотря на популярность Бальзака как писателя в России, придворные круги Петербурга официально его игнорировали, Николая I он увидел исключительно «на расстоянии пяти метров» на параде в Красном селе.

В 1848 г. году по самоличному указанию верховного правителя за ним установили негласный строгий надзор, продлившийся вплоть до самого последнего дня его пребывания в России, с секретным наблюдением за образом его жизни, занятиями и связями в обществе (с регулярными донесениями в Петербург). И в России карьера Бальзака-политика, к сожалению, не удалась.

В заключение хочется добавить, что на протяжении всей жизни великого писателя у него будут возникать и рушиться попытки достичь финансового благополучия не сочинительством, а коммерческими про-

ектами. На фоне бурной общественной жизни Франции того времени, как фантом, будет появляться и исчезать наряду с вышеперечисленными — Бальзак-драматург, чьи пьесы оказывались под запретом или не находили благодарного зрителя; Бальзак-золотодобытчик, вознамерившийся разрабатывать серебряные рудники Сардинии; Бальзак-акционер, пачками скупавший бумаги ротшильдовской Северной железной дороги, Бальзак-спекулянт и фермер...

Он никак не может понять, что ему определен единственный путь в жизни — творчество. Каждый раз, при появлении малейшей возможности, он будет пытаться свернуть с него, и каждый раз судьба будет одергивать его, хватать, как своевольного, избалованного ребенка, за шкирку и возвращать на единственное место, где он был царь и бог, — к письменному столу. Его единственное предназначение — литература, главный труд его жизни — «Человеческая комедия», благодаря которой он и останется в Вечности.

Список использованной литературы

1. Анненская А.Н. Оноре Бальзак. / С. Пб.: тип. Ю.Н. Эрлих, 1895.
2. Бальзак в воспоминаниях современников. / М.: Худож. лит., 1986.
3. Брандес Г. Бальзак. / Журнал «Русская мысль», № 6, 1881.
4. Галенкова Е.В. Беспомощность и всемогущество в жизни и творчестве Оноре де Бальзака. / Журнал клинического и прикладного психоанализа, том II, № 3, 2021.
5. Грифцов Б.А. Как работал Бальзак. / М.: Гослитиздат, 1958.
6. Гроссман Л. Бальзак в России. / Журнал «Литературное наследие», т. 31, 1937.
7. Золя Э. Бальзак и его переписка. / Журнал «Вестник Европы», том I, 1877.
8. Золя Э. Собр. соч. в 26-и т., т. 24. / М.: Худлит, 1966.
9. Золя Э. Собр. соч. в 26-и т., т. 25. / М.: Худлит, 1966.
10. Золя Э. Собр. соч. в 26-и т., т. 26. / М.: Худлит, 1967.
11. История журналистики. Ч. 1: учеб. пособие / К.Н. Тендит, Н.В. Шелковникова. — Комсомольск-на-Амуре: ФГБОУ ВПО «КНАГТУ», 2012.
12. Ключина Е.В. Особенности французской периодической печати конца XIX — начала XX века. / Журнал «Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена», № 61, 2008.

13. Кучборская Е.П. Творчество Бальзака. / М.: Высшая школа, 1970.
14. Леткова Е. Любовь Бальзака. / Журнал «Северный вестник», № 4, 1894.
15. Мильчина В. Париж в 1814-1848 годах: повседневная жизнь. / М.: Новое литературное обозрение, 2013.
16. Моруа А. Прометей или жизнь Бальзака. / М.: Правда, 1988.
17. Робб Г. Жизнь Бальзака. / М.: Центрполиграф, 2014.
18. Сиприо П. Бальзак без маски. / М.: Молодая гвардия, 2003.
19. Сухотин П. Бальзак. / М.: изд-во и 1 тип. Жургазобъединения, 1934.
20. Сюрвиль Лора. Бальзак. / Журнал «Современник», № 9, 1856.
21. Тайяндье Ф. Бальзак. / М.: Молодая гвардия, 2013.
22. Труайя А. Бальзак. / М.: Эксмо, 2006.
23. Цвейг С. Бальзак. / М.: Молодая гвардия, 1961.

РАССКАЗ

Анатолий Сахоненко

Мурманск

ОСКОЛОК

«До»

Ночь, тяжёлым густым мазком художника, ложилась на полотно города — всего несколько минут, и серые вечерние тени растворились в этой всепоглощающей темноте, только на нескольких главных улицах и площадях неоновые вывески и ослепительная декабрьская иллюминация бросали вызов неизбежному её приходу. Там бурлила и была ключом предновогодняя кипучая деятельность — сияли витрины работающих допоздна магазинов, зазывалы, вырядившиеся в причудливые одеяния, так и норовили, невзирая на статус и возраст прогуливающих, завлечь их в свои увеселительные заведения, у бесконечных баров и ресторанов, эпатазирующих своими названиями, толклись вышедшие на перекур. Вдоль проспекта непрерывно неслась человеческая толпа, разделённая на две части направлением своего движения. Люди иногда не могли разминуться, врезались друг в

166

друга — чаще это заканчивалось грубоватыми, но всё же, взаимными извинениями. Но стоило отойти, от этого сосредоточия веселья и самобмана, в сторону буквально сто метров, как ты оказывался в другом мире. Здесь реклама светилась не так ярко, заманчивых мест было совсем немного и веяло непривычной умиротворённостью, а совсем редкие прохожие, словно недоумевая, как они здесь оказались, старались быстрее проскочить туда, куда их так влекло праздничное настроение. Здесь ночь вступала в свои права гораздо раньше.

По заснеженной улице большого северного города, с трудом переставляя ноги, медленно брёл старик. Со стороны казалось, что идёт вовсе не человек, а переваливается непонятный чёрно-серый шар, так много всего на нём было надето. Каким-то странным наростом смотрелся рюкзачок, горбом прицепившийся к спине. Для сохранения тепла, старику приходилось жертвовать скоростью движения, и укутываться во всё, что удалось раздобыть к началу холодов. Количество и своеобразие вещей могло поразить неискущённого наблюдателя. Зима выдалась с обильными снегопадами, снег был везде: падал на его старую, кроличью шапку, — отчего она разбухла от влаги и совсем не грела, на рукава куртки — их приходилось постоянно отряхивать, а тяжёлая, от налипшего снега, обувь превращала каждый шаг в маленький подвиг. Улицы, по которым он передвигался, были плохо почищены, — на тротуарах зачастую оставалась только узенькая тропинка для пешеходов, он же старался идти с краю, чтобы случайно им не помешать. От этого, ноги его были постоянно в снегу и всегда промокшие. Но старик знал — это меньшее из того зла, что могло с ним случиться. Идя посередине, можно было легко нарваться на неприятности — обычный прохожий спокойно мог отпихнуть его в сторону со своего пути, а он вряд ли бы удержался на ногах и тогда бы искупался в снегу целиком. Для своих маршрутов, он выбирал улицы подальше от центральных. Там тротуары были убраны от снега, но и свидание с полицией было гарантировано. Почему он так боялся полиции, старик и сам точно не знал. Где-то, когда-то, от своих товарищей по уличной жизни он слышал рассказы про то, как их брату, если кто попадал в отделение, запросто могли пришить какое-нибудь нераскрытое дело. В его голове смутно всплывали полузабытые слова, такие как висяк, глухарь, жмур — термины, которыми рассказчики щедро украшали свои истории, для придания им пущей значимости. За всё время, проведённое на улицах, он в полицию не попадал ни разу, но одна из встреч с ними закончилась для него знакомством с их дубинками и ногами, обутыми в грубые армейские ботинки. Он тогда легкомысленно, сам не помня как, оказался

на одной из ярко освещённых парадных улиц, и тычками дубинок был выдворен в ближайший переулок, где ему и добавили уму-разуму, чтоб неповадно было лезть, куда не следует. Целую неделю он провалялся в лёжку — больно было даже пошевелиться, не то, что идти на промысел. Благо случилось это летом, месяц, два позже — он бы не выкарабкался, скорее всего, замёрз бы.

И понял он, впервые так отчётливо, как мало ему нужно, чтобы потерять свою жизнь. Как она хрупка и невесома. Что всего пары уверенных ударов полицейской дубинкой, от довольного собой и своей властью молодчика, ему хватит за глаза. После этого урока он зарёкся — гулять только по незначительным улицам. А гулять, если так можно назвать его скитания, с наступлением осени было сродни жизни. Не двигаешься — не живёшь. К сожалению, это простое правило, дававшее шанс выжить, переставало работать с наступлением морозов. Тут уже одного движения становилось мало, — нужно было найти место, где можно их переждать, выбираясь только на поиски еды. Приходилось искать открытые подвалы, но чтобы туда проникнуть, нужно было подловить момент, когда кто-то входил или выходил из подъезда, да не нарваться при этом на агрессию со стороны жильцов. По счастью, те брезговали прикасаться к бездомным, поэтому, как правило, ограничиваясь своим социальным превосходством, использовали ненормативную лексику и оскорбления, чтобы выгнать их обратно, на улицу. Ну и угрозы полицией, само собой. Зимой, самой большой удачей было найти ремонтирующуюся или открытую по каким-то иным причинам тепло-трассу, — тогда они, дождавшись ухода рабочих, забирались туда, переночевать и согреться. Но так везло крайне редко. Некоторые из них, доведённые холодом до крайнего отчаянья, когда уже всё равно, когда из-за обмороженных конечностей не думаешь ни о чём, кроме как найти тепло, — мало, что соображая, абсолютно на автомате заходили в магазины, в торговые центры, или даже садились в общественный транспорт. Никакой существенной выгоды такой отважный поступок не приносил — даже при наличии денег, на покупку какой-то мелочи или билета на проезд, их всё равно заставляли выходить. Если продержишься в таком месте пять минут, то уже счастье. Хоть тёплым воздухом подышишь. Он вспоминал, как первый раз оказавшись в подобной ситуации и услышав в свой адрес — «Куда ты завалился, бомжара вшивый? От тебя всё сейчас провоняет, выметайся, а то охрану вызову!» — выйдя из магазина, не смог сдержаться и расплакался прямо на ступеньках. Резануло тогда — «выметайся» — так выметают мусор, и получается, мусором для них был он. Потом он, правда, привык — при-

вык, что у людей вызывает только чувство гадливости и отвращения. Свыкся с тем, что им удобней жалеть кошек и собак, к таким же как он, ни жалости, ни сочувствия нет. Не ударят, не сдадут в отделение — и то хорошо! Те же случаи, когда он всё-таки сталкивался с человеческим участием, остались в его памяти навсегда — он помнил всех, кто когда-то и чем-то ему помог. Пусть самой малостью, пусть чем-то для них несущественным, но для него это была настоящая помощь, пришедшаяся очень кстати. Девушка в зелёном плаще, с большой сумкой, перекинутой через плечо, по всему виду типичная студентка. Он надолго запомнил её худенькие руки, хрупкие плечи и непропорциональную им огромную сумку. Она покупала в ларьке на колёсах хот-дог и, заметив его жадный взгляд, которым он сопровождал процесс приготовления — как продавец укладывает сосиску на гриль, наливает соус, посыпает всё это дело жареным луком, — не задумываясь протянула ему и сам волшебный пахнущий, горячий свёрток, и сдачу, полученную в ларьке. Он, стоявший с полным ртом слюны, промычал что-то несуслазное в благодарность, она же, грустно улыбнувшись, убежала в сторону подъехавшего к остановке трамвая.

Как-то вечером, набродившись по городу до того, что уже не чувствовал своих ног, но толком так и не согревшись из-за сырой, промозглой погоды, он, увидев подъезжающий автобус, набрался смелости, и вдохнув поглубже, словно ухнул с разбега в реку — быстро зашёл в заднюю дверь. Час пик уже миновал, в автобусе ехало всего несколько человек, и все находились в передней части салона. Он видел, что кондуктор направился в его сторону, и единственная мысль, крутившаяся в тот момент у него в голове, была о том, чтобы расстояние до следующей остановки оказалось как можно больше. То, что его высадят, он не сомневался. Но случилось чудо, он иначе тогда это и не воспринял, — кондуктор, подойдя, молча, на него посмотрел — было видно, что он хочет что-то сказать, а потом, даже не спрашивая за проезд, ушёл к себе, на своё место у водительской кабины. Он проехал в тот раз до самой конечной, люди больше не заходили, и в конце маршрута они ехали уже вдвоём — он в конце автобуса, а кондуктор в начале. За полчаса он согрелся больше, чем за целый день хождения по городу. Ему очень хотелось сказать спасибо — для этого нужно было идти на выход через переднюю дверь, но он так и не отважился на это. Проанализировав всю ситуацию, он даже воспрянул духом, ему показалось, что он нашёл способ — можно поздно вечером выбирать пустой транспорт и в нём согреться. Однако первая же попытка повторить это, закончилась полным провалом — кондуктор, точнее кондукторша, толстая,

двигающаяся по салону, словно танк, дама, едва заметив, как он подсаживается в автобус, развопилась так, что он кубарем выкатился назад на остановку. И как обычно здесь присутствовали все их любимые выражения — и про то, что — «ты воняешь, невозможно дышать», и «куда лезешь, рвань подзаборная», и всегда обязательное — «я тебя в полицию сдам».

Но больше полиции он боялся молодых, уверенных в своей безнаказанности и силе, не знакомых с милосердием подростков. В среде бездомных это было самым страшным испытанием — если кому-то из них случалось вдруг встретиться с такой стайкой, лишённых моральных ограничений, переполненных, не знающей на кого выплеснуться агрессией, волчат. Ходили слухи, что они специально выходят на охоту — выискивают бомжей, и забавы ради, для звериного куража, до смерти их избивают. Полицейские же относились к бездомным по большей части равнодушно, и если тех не заносило в центр города, то просто не обращали на них внимания. На то, что на окраинах периодически находили трупы, полиция и вовсе закрывала глаза. А так, — не лезешь туристам и уважаемым гражданам под ноги, не занимаешься попрошайничеством — бродяжничай, сколько хочешь, пока сам не подохнешь.

Ещё одним страхом, сопровождавшим их жизнь, были дикие собаки, в последнее время заполонившие пригороды и промышленные районы. Встречи эти, чаще всего, происходили около мусорных контейнеров, куда бродяги собирались в надежде чем-нибудь поживиться, но и собаки крутились тут, — с той же целью. Бывало, приходилось буквально прыгать в бак с отходами, укрывшись там с головой — только так можно было спастись от набежавшей своры. Обывательские разговоры о том, что — «бомжи поели всех кошек и собак», конечно, не являлись правдой — кошку пойди ещё поймай, а от собаки и самому как бы ноги унести. В общем, встречи эти не сулили ничего хорошего — по слухам, одного их товарища, молодого ещё паренька по имени Яша, пропавшего пару лет назад, заела дикая стая. Если же кто-то из них отправлялся в промзону, к продуктовым складам, то такая встреча становилась неизбежной. И «хлебное» место могло легко стать смертельным. В тех краях дикие собаки бродили стаями по 10-15 особей и чувствовали себя по-хозяйски. Но контейнеры, куда выбрасывалась просроченная еда, были такой желанной целью, что иногда бездомные собирались в группу, вооружались «кто, чем мог» — палками, камнями, ржавыми железками, и всё же устраивали набег за добычей. Вот так, — под угрозой быть загрызенным насмерть, обуреваем диким страхом, с гноящейся и не заживающей, в отсутствии лекарств, раной от укуса, но зато с паке-

том еды в руках. И пусть еда эта далеко не свежая, уже с запашком, но это даёт тебе возможность не помереть от голода несколько дней, продержаться ещё какое-то время в этом мире. Таскаешься везде с этим пакетом, достаёшь из него понемногу, а припрятать где-либо боишься — слишком дорогой ценой он тебе достался.

Только для него, походы в промзону остались теперь в прошлом, здоровье и физическое состояние уже не позволяли идти на такой риск. Годы, проведённые на улице, давали о себе знать — он и на ногах то не всегда твёрдо стоял, от постоянного холода и сырости суставы ныли, пальцы, скрюченные артритом, слушались плохо, а глаза слезились и часто не видели дальше вытянутой руки. Летом, самочувствие было «куда ещё ни шло», а вот с приходом осени его начинал мучить сухой, непрекращающийся по несколько часов кашель. Он выворачивал лёгкие наизнанку, — в попытке откашляться надрывался до ломоты в теле, до резкой боли в груди. Кашлял так, что темнело в глазах, колотила дрожь, а сердце готово было выскочить наружу. Ему не хватало воздуха, руки и ноги покрывались испариной, и подступала такая слабость, что казалось — «вот и всё». Внутренне он уже смирился с тем, что когда-нибудь, в один из таких приступов, у него или не выдержит сердце, или он задохнётся. И такой исход представлялся ему даже подходящим — по крайней мере, без лишних мучений и страданий.

Город продолжал шуметь и развлекаться — все куда-то торопились и все никуда не успевали. В торговые центры — за подарками и продуктами к праздничному столу, в рестораны и бары — сбросить наконец-то напряжение, накопленное в течение всего года, в кинотеатры — отвлечься от серой действительности, погрузившись в иллюзорный мир, произведённый киноиндустрией, в заведения совсем сомнительного характера — разбавить свою опостылевшую, изрядно уже надоевшую, домашнюю жизнь. Людей подгонял страх — страх не успеть, не получить от жизни сполна, страх, что ты проведёшь праздники не как все, страх ударить лицом в грязь перед знакомыми и родственниками. Ведь ничто так не двигает торговлю, как зависть и желание быть «не хуже других».

Старик, усердно обходя весь этот шум и гам, вышел на тихий, засыпанный снегом бульвар, расположенный в отдалении от центра. Здесь, по всему променаду, были расположены уютные скамеечки с высокими спинками и глубокими сиденьями. Многочисленные деревья с густой листвой, летом дававшей отличную тень, сейчас стояли полностью обнажёнными. В сезон, бульвар этот был переполнен — люди неспешно прохаживались, сидя на скамейках, пили кофе, мамы выгуливали

своих чад, а собачники четвероногих друзей, служащие окрестных учреждений выходили в обеденный перерыв перекусить на свежем воздухе. Но зимой, особенно по вечерам, здесь было безлюдно и как-то таинственно — свет фонарей освещал лишь небольшие участки, создавая, то тут, то там, укромные уголки, окружающие предметы приобретали самые причудливые формы, а голые деревья выглядели неживыми и пугали своей чернотой. Вообще создавалось впечатление некой потусторонности. Изредка, абсолютную тишину нарушали еле слышные, проезжающие где-то совсем далеко, машины.

Сегодня у его похода была конкретная точка назначения — на Майской улице недавно был открыт пункт ночлега, для всех, кому негде было переночевать в такое холодное время. Там можно было получить скромный ужин и остаться до утра, потом он закрывался до следующего вечера. Такие центры появлялись в городе каждую зиму, но почти всегда в новых местах. Как он слышал от волонтеров, работающих здесь, не хватало финансирования, аренда помещения стоила недешево, да и горожане не особо хотели, чтобы в их доме или рядом находился приют для бездомных. Немало времени уходило на поиск места и согласование, поэтому и открывались они, когда зима уже была в самом разгаре. Вот туда он сегодня и направлялся, предвкушая еду и тепло, а может быть и встречу с кем-то из старых знакомых, не только из соратников по бродяжничеству, но, и это было особенно приятно, из числа волонтеров. Волонтеры менялись редко — людей, желающих тратить своё время на помощь бездомным, зачастую больным и увечным, дышать их запахами, убирать за ними, и не получать за это ни копейки, было немного. Большинство из них он помнил не только по именам, но и по чертам характера — одни из них были не общительны, молча выполняли свои обязанности и также молча уходили, другие наоборот, охотно разговаривали с проходящими, интересовались их здоровьем, проблемами, иногда делились и своими новостями. Одни, занимаясь волонтерством, считали, что выполняют некую миссию, помогая нуждающимся, другие заполняли, таким образом, пустоту, образовавшуюся в их жизни, а кто-то и вовсе, пытался искупить перед самим собой вину, за плохие дела, когда-то им совершённые. Был среди волонтеров мужчина лет сорока — у него в аварии погибла вся семья, жена и двое детей, он же, находясь за рулём, каким-то чудом остался жив, отделавшись лишь царапинами. Он приходил каждый день, как часовой был всегда на посту, брался за самую грязную работу, никому ни в чём не отказывая. Но трудно от него было услышать хотя бы пару слов, если это не касалось его обязанностей. Подавляющее же большинство

волонтеров были студенты, которым подобная работа засчитывалась в разные программы, связанные с общественной деятельностью. Старик особенно любил, когда на дежурстве была молодёжь, он подсознательно тянулся к ним, ему нравилась их непосредственность и оптимистичный настрой, их неуёмное желание привнести в мир что-то хорошее. Глядя на них, он снова видел себя молодым, как когда-то много лет назад. Когда он был сильным и здоровым, верил в добро и справедливость. Когда жизнь, открывающаяся впереди, казалась светлой, и не расставила ещё свои капканы и ловушки.

Оказавшись на бульваре, через который проходила его дорога, он прикинул оставшееся расстояние и решил передохнуть. Быстрым шагом до его цели оставалось минут двадцать ходу, но ноги начали заплетаться, не слушались и уже не могли поддерживать такой темп. Он окинул взглядом скамейки — ни одна не была занята, доковылял до ближайшей, куда не падал свет фонаря, и смахнув с неё снег, постарался устроиться с наибольшим удобством. Усевшись на скамейку, и подложив под спину свой рюкзачок, он сразу почувствовал, что невероятно устал, руки и ноги словно онемели, как будто по ним проехал каток. Всё его тело налилось свинцовой тяжестью, а в голове расплзлся противный, склизкий морок. Ему вдруг так сильно захотелось прилечь, расслабить уставшее тело — он понял, что сидя, отдохнуть не удастся, а вот вытянуться в полный рост будет самое то. «Десять минуток полежу, отдохну, а там отправлюсь дальше» — опасаться, что кто-то его прогонит, не было причин, бульвар по-прежнему был пуст. Скамейка идеально подходила для принятия горизонтального положения — достаточно длинная, чтобы не торчали ноги и с просторным углублением между сиденьем и спинкой, куда он с удовольствием и поместился. Лёжа на спине с открытыми глазами, он наблюдал, как огромные пушистые снежинки летят из зияющей пустоты тёмного, зимнего неба. Периодически они приземлялись ему прямо на нос, щёки или лоб, и тогда он, ленив, пошевелить рукой, дул на своё лицо. Так прошло какое-то время, часов у него не было, но он понимал, что те десять минут, выделенные им самому себе на «полежать», истекли, и нужно собираться. Не хотелось опаздывать — был расчёт занять кровать поближе к батареям отопления, и несмотря на то, что он не чувствовал себя ни капельки отдохнувшим, он решил уже вставать, как вдруг услышал поскрипывание снега. Кто-то шёл по пустынному бульвару, и через мгновение шаги затихли у соседней, парной, той на которой он лежал, скамейке, обращённой в противоположную сторону. Он хотел подняться, дать понять подошедшему, что тот здесь не один, но что-то его удер-

жало, сковало все его члены так, что он даже не дёрнулся. «Может кто-то из собачников вывел своего...дела сделать» — мелькнула мысль, но собаку то, слышно не было.

— Давай, вот здесь присядем, тут вроде потемнее, никто не увидит, да и само место зимой глухое! — он понял, что гостей было двое, и почему-то ещё сильнее сжался, словно стараясь слиться со скамейкой.

— Да, место ты выбрал самое, что ни на есть конспиративное, захочешь — никого не встретишь, при всём желании — второй, как будто усмехнулся.

— Ничего, вернее будет, дополнительная осторожность не повредит — первый явно не был настроен на легкомысленный тон. Потом слышался звук сметаемого снега, и они сели, но не так, как сел бы отдыхающий, вольготно откинувшись назад, а аккуратно пристроившись на краешке скамейки.

— Смотри, это его фотография, снимок сделан вчера. Узнаешь его сразу. Он мужик представительный, да и одевается всегда как английский лорд — трость, пальто, не удивлюсь, если под пальто смокинг. В общем, не перепутаешь. Вот он выходит из офиса и садится в машину. Охранники всегда идут — один спереди, другой сзади, «шкафы» ещё те, закрывают его полностью, но когда охранник открывает дверь, то на несколько секунд появляется обзор. Это тот момент, который ты не должен упустить.

— Ясно, не учи учёного. Не первый и не последний, надеюсь! — принимавший заказ, вероятно, был человек с юмором. Юмор у него, правда, был мрачноватый. — Я так понял, что времени на выполнение в обрез?

— В этот раз, да. Срок поджигает, через три дня он вылетает за границу, нужно успеть. Поэтому информацию первичную уже собрали. Полететь он не должен! — заказчик был по-деловому сух.

— Ок, завтра осмотрюсь, но расположение для выстрела лучше чердака или крыши напротив, всё равно не придумать. Во сколько он выходит и откуда, что за место? — старик, понимая, что стал невольным свидетелем разговора наёмника с заказчиком, лежал мертвое мёртвого, покрываясь холодным потом и почти совсем перестав дышать — «только бы ни закашляться, ведь убьют и не поморщатся даже...»

— Офис на Лодейном, 49, это самый центр, бывший особняк Щербаковой. В шесть он всегда выходит — как по расписанию, с парадного входа. Машину подают минут за пять, не раньше. Утром он там с вось-

ми часов, редко, когда опаздывает, но целиться сложно — один охранник уже стоит у входа, а второй вылезает из машины сразу вслед за ним и прикрывает сзади. Если будешь работать с дома напротив, то утром времени на выстрел почти нет, поэтому шансы предпочтительней вечером. Кстати, там во дворе какой-то сад или парк небольшой, а дальше проходные дворы. Можно легко уйти. Есть, конечно, ещё загородный дом, но там и сигнализация, и весь периметр под контролем, вариант у офиса явно привлекательней.

— Хорошо, я разберусь! Аванс? — теперь уже и голос исполнителя, подытоживающего разговор, стал серьёзным.

— Вот, здесь и за срочность, как договаривались! — на мгновение повисла пауза, затем разговаривающие встали, старик услышал, как один из них сказал — «расходимся в разные стороны» — опять заскрипел снег, прошло несколько минут, и на бульваре снова воцарилась звенящая тишина.

К страху, бросающему его в холодный липкий пот, добавился теперь ещё и сильный озноб, пробиравший с ног до головы: зуб не попадал на зуб, а сердце бухало так, что наверно слышно было на всём бульваре. Но он всё лежал, боясь даже привстать — вдруг они ушли не слишком далеко, вдруг кто-то из них обернётся, мало ли причин, чтобы обернуться, да увидит, что их подслушивали. Поэтому он решил, чтобы уж совсем наверняка, переждать ещё какое-то время. Недолго, минут пять, ну десять от силы.

«После»

Позже, отогревшись в приюте, попросив на добавку вторую тарелку супа и даже приняв аспирин, который ему предложили, смерив его температуру, отдав одежду в сушилку и уютно расположившись на мягкой, чистой постели, он предался размышлениям. Понятно, что он стал свидетелем передачи заказа киллеру. Приятно было осознать, что удача в этот раз была на его стороне, что только благодаря ей, он не расстался сегодня с жизнью. Но сейчас, в полной безопасности, его мысли устремились дальше. Он стал соображать, что можно сделать с информацией, так неожиданно им полученной. Знание того, что вот послезавтра, возможно, убьют человека, а он никак не попробует это предотвратить, сверлила ему мозг. Угрызения совести, такие немодные в его кругу, где каждый день стояла только одна задача — задача выживания, вдруг стали явственно его терзать. Поначалу, он подумал посоветоваться с кем-то из волонтеров, тем более он уже встретил старых

знакомых, и даже успел перекинуться с ними словами приветствия. Но потом отклонил этот вариант, здраво рассудив, что кроме как обратиться в полицию, они ничего предложить не смогут. А идти туда ему не хотелось ни при каких условиях — «проблем сам себе наживу». Он ворочался с боку на бок, перекладывая в голове разные решения с одной полки на другую, сначала загораясь идеей, а через минуту уже остывая к ней. И вот где-то в глубинах его сознания родилась мысль, показавшаяся ему поначалу чересчур смелой, даже дерзкой для человека в его положении. Но чем дольше он её прогонял через многочисленные «за» и «против», тем больше она ему нравилась. Нужно только собраться с духом, пересилить себя и отмести все сомнения. Основное, что ему не нравилось в этой задумке, — то, что решившись на неё, он полностью отдавался в руки других людей, людей из незнакомого и даже враждебного ему мира, от которого он всегда старался держаться в стороне и в силу своего социального статуса не ждал от него ничего хорошего. Да и главное правило в жизни — во всём полагаться исключительно на свои силы — в этом случае было бы тоже нарушено. Но совесть, вставшая заслоном от всех малодушных колебаний, и робкая надежда на благополучный исход дела, может быть даже перспектива на что-то хорошее, хоть и туманное, привели его к выводу, что этот вариант единственно правильный.

Утром, проснувшись раньше всех, наскоро выпив чаю с бутербродом — небольшой завтрак предлагался всем переночевавшим и, лишив себя удовольствия ещё чуточку понежиться в кровати, он отправился в сторону центра. Путь он держал по адресу Лодейный, 49. План его действий был максимально прост — спозаранку, пока ещё улицы относительно свободны от прохожих, добраться до места и, укрывшись в том самом садике, расположенном в соседнем дворе, дожидаться часа, когда будущая жертва покушения прибудет в свой офис. Дальше, он был в этом уверен, ключевым было подойти на расстояние достаточное для того, чтобы быть услышанным. Чтобы охранники, те самые «шкафы», дали ему возможность сказать слова, что он приготовил. Фраза, им придуманная, должна была сразу обратить на него внимание и дать время для подробного рассказа. Всю дорогу к месту встречи, он твердил её про себя, переставлял в ней местами слова, желая придать ей большей убедительности, и пытался спрогнозировать её эффект. Он надеялся, что она получилась хлёсткой, способной возбудить интерес, но и подать её нужно было чётко и без запинки. Прокручивал он в голове и описание человека, на чьё спасение отправлялся, — сложно было представить, что можно обознаться в такой ситуации, но чем чёрт

не шутит — перестраховаться не помешает. Посмотрев на часы на Думской башне, ему пришлось поторопиться — лучше прийти раньше и обождать, чем вообще не успеть. Думать о том, что делать, если никто сегодня не приедет, не хотелось вовсе.

Сергей Аркадьевич Авросимов, крупный и успешный предприниматель, владеющий производственными цехами и торговой сетью, где реализовывалась продукция этих цехов, был, по мнению людей его знавших, человеком слова. Никогда не сворачивающий с намеченного им пути, он всегда упорно двигался к поставленной цели. Не однажды случалось ему переступить через досадные препятствия в своих делах, нисколько не смущаясь тех последствий, которые настигали людей, создавших ему эти препятствия. Он всегда тонко чувствовал, где его ждёт успех, за какое дело можно браться, а где отойти в сторону, уступив конкуренту. Говоря по-простому, он был человеком с деловой хваткой. Зная — «где, что и почём». На кого можно надавить, не стесняя себя в средствах, а кому и предложить кусок пирога, если не получается проглотить его целиком. Досадливо морщившийся, когда при нём звучало сакральное — «цель оправдывает средства», сам он предпочитал именно такой способ ведения дел. Но старался это не афишировать, оборачивая сомнительные с точки зрения нравственности и закона дела в красивую обёртку социальной ответственности и заботы о городских нуждах. Через всё он мог переступить, на всё закрыть глаза, если это приводило к увеличению прибыли или поднятию рейтинга. Одно лишь было у него слабое место — он был человеком слова, и в жизни своей несколько раз сильно обжёгся, когда давши его, — не мог, не умел от него отказаться, что влекло за собой немалые издержки, моральные или финансовые. И последствием этого стало то, что слово своё он держал теперь при себе, доставая его на свет только в крайних случаях. Насытившись коммерческими успехами, не видя для себя ничего иного, кроме как преумножать свой капитал, — что уже не могло его удовлетворить, он два года назад принял решение начать политическую карьеру. В числе первых шагов этой новой для него концепции, стало открытие в городе приютов, для бездомных и лишённых минимальных бытовых условий людей, где они могли бы не только переночевать, но и получить сносное питание. Решение человека, никогда ранее не интересовавшегося политикой, всегда показательно от неё отстранявшегося, произвело в сферах, приближённых к городской власти, лёгкий переполох.

Сегодня он как обычно, как во все будние дни, подъехал к своему офису ровно в восемь часов — этому графику он изменял только во

время командировок или выездов за границу. Очередная такая поездка была намечена на эту неделю, и он планировал провести необходимые совещания, призванные, по его твёрдому убеждению, простимулировать работников на время его отсутствия. Подчеркнуть всю ответственность, на них возложенную. Он вообще, если не проводил деловых встреч на стороне, предпочитал, в течение рабочего дня, находиться в офисе, чувствуя себя капитаном на мостике корабля.

Машина плавно затормозила на своём привычном, законном месте, охранник, дежуривший возле дверей, сделал ровно три шага вперёд и открыл дверь. Вся процедура перехода из машины в парадное была отработана до мелочей и занимала не больше минуты. Он вышел на мостовую и сделал первый шаг по направлению к дверям, сзади шумно вывалился, постоянно находившийся рядом, личный телохранитель. В этот момент и прозвучали слова, нарушившие его обыденный, никогда не меняющийся утренний распорядок:

«Завтра в вас будут стрелять, вас заказали, и вы не должны никуда улететь».

Он удивлённо обернулся в сторону откуда прозвучала эта странная фраза, и увидел до смешного жалкое, не заслуживающее никакого мало-мальского внимания, человеческое существо. Это был явно бродяжничающего вида старик, одетый, если не в лохмотья, то во что-то очень к ним близкое — в задрипанную, местами рваную куртку, у которой кое-где уже вылезал синтепон, а рукава растрепались до ниток и соревновались между собой в степени загрязнения. На голове его обосновалась старая шапка-ушанка, вытертая настолько, что непонятно из какого меха она была когда-то изготовлена. В дополнение ко всему, шея старика была в несколько слоёв замотана в совсем нечто невообразимое, — шарф ни шарф, или может раньше это называлось кашне, теперь же стало засаленной тряпкой. Ботинки на ногах были такого вида, что уже не просили «каши», а просто искали встречи с мусорным баком — изъеденные дорожными реагентами, они всего-навсего создавали видимость обуви и едва ли могли защитить в холодную или сырую погоду. Перед ним был типичный опустившийся бомж, из тех, что редко забредают в эту часть города. На секунду его охватило раздражение — так бывает, когда чувствуешь укус комара уже пьющего твою кровь, но моментально взяв себя в руки, он продолжил движение. И вот тут, подходя к двери, заблаговременно открытой охранником, он встал как вкопанный, потеряв связь с реальностью, как будто его оглоушили — этот ничтожный, грязный бродяжка знал, что он должен куда-то лететь. Этого не могло быть, но это было так. В голове закрутились все-

возможные объяснения этому невероятному факту, попытки найти ему логическое обоснование сменялись с калейдоскопической скоростью. Он повернулся назад и, сделав шаг навстречу говорившему, спросил:

— Извините, это вы мне? — это прозвучало глупо, вероятность, что тот обращался к кому-то другому, была нулевой. Вряд ли это адресовалось кому-то из его охраны.

— Да, конечно вам. У меня есть сведения, касающиеся покушения на вас — старик, увидев, что привлёк внимание, немного успокоился.

— Но откуда у вас такая информация? Кто вы такой? — он сознавал нелепость всего этого разговора, но уйти вот так, ничего не выяснив, не мог. При любых других обстоятельствах он бы просто прошёл мимо.

— Я никто, просто оказался в нужное время, в нужном месте. Хочу вас предупредить.

— Хорошо, думаю на улице не желательно разговаривать на такие темы. Давайте зайдём в холл, и там вы мне всё расскажите! — предложение было подано настолько утвердительно, что не подразумевало даже и мысли от него отказаться. — Поднимите, пожалуйста, руки! — и он кивнул охраннику, который достал сканер и стал водить им по одежде старика, стараясь не пропустить ни одного сантиметра.

Они прошли внутрь. Он, пропуская странного посетителя вперёд, сам на мгновение задержался, чтобы выдержать расстояние и не сильно к нему приближаться. В холле у старика слегка закружилась голова, от обилия ярких светильников, великолепия мраморной лестницы, ведущей на второй этаж, запаха кожи, который источали новенькие кресла, расставленные среди растущих в кадках декоративных пальм.

— Вот, здесь вы можете всё спокойно и обстоятельно рассказать. Присесть вам не предлагаю... ну... сами понимаете! — он обвёл гостя круговым жестом руки, как бы давая понять, почему не может посадить его в кресло.

— Да, я всё понимаю! — тот, казалось, и не думал обижаться — Я могу и так вам рассказать, но прежде...могу ли я рассчитывать на вознаграждение?

— Ах, ну да, вознаграждение...Что же вы хотите? За свою информацию! — он даже улыбнулся, наконец-то разговор стал ему понятным, шедшим на его родном языке.

Старик выглядел смущённым, может быть, он уже пожалел, что спросил о награде, но отступить было поздно: — Если вы можете,...надеюсь для вас это по силам...за вас бы свечку в церкви...до конца жизни...мне бы комнатку где? Самую маленькую...на старости под крышей пожить.

С трудом выговорив свою просьбу, он словно потух, опустив глаза вниз.

— Давайте мы вот как поступим — вы мне даёте информацию, я её проверяю — поймите, я же не могу первому встречному на слово верить! Ну а ваша просьба... это вполне выполнимо. Если всё, как вы говорите, то и с жильём решим, и насчёт небольшого пенсионера можно подумать! — заметив, что собеседник, никак не реагируя на его слова, выглядит совсем поникшим, бизнесмен добавил — Не переживайте, я даю слово! Никто вас обманывать не собирается!

Сергей Аркадьевич, смотревший на мир сквозь призму денежных отношений, привыкший к тому, что и люди, его окружающие, мыслят одними с ним категориями, не мог даже представить, что несчастный бродяга, пришедший предупредить его об опасности, не боится, что его обманут, а чувствует себя очень неловко в этой обстановке. А что-то просить решился, лишь увидев ту роскошь, в которую так неожиданно попал.

Не больше пяти минут понадобилось старику, на пересказ того, что было услышано вчера на бульваре. Затем Сергей Аркадьевич, оставив его одного, о чём-то долго переговаривался с охраной, отойдя с ними в глубину холла. После этого он вернулся обратно, решение было принято.

— Сейчас мои сотрудники отвезут вас в гостиницу, снимут вам номер. Пока мы будем всё проверять, поживёте там. Ребята за вами приглядят. Если всё подтвердится, то значит это дня три. До моего отъезда. Ну а потом, я поручу ваше устройство своему помощнику, дам ему все необходимые указания.

Он пытался предусмотреть все возможные ситуации — предпринять меры по нейтрализации киллера, а если так ничего и не произойдёт, то всё же выяснить у старика, откуда тому известно про отъезд за границу. И хотя интуиция подсказывала ему, что скорее всего тот его не обманывает, что на самом деле всё именно так, как старик рассказал, однако же привычка предугадывать развитие событий наперёд не оставляла никаких других вариантов, кроме как держать старика в поле своего зрения. Что касается дальнейшей судьбы своего спасителя, то он определённо решил в ней участвовать — чёрной неблагодарностью было бы выкинуть его снова на улицу, и не стоило так искушать фортуна, пославшую ему предостережение в лице этого человека.

Старик, вот уже третий день, жил в номере недорогого отеля, находящегося на параллельной той, где располагался офис, улице. Номер был небольшой, однокомнатный, но с телевизором, двупальной крова-

тью и ...о, чудо, собственной ванной. В таком же номере, только напротив, жил его «личный» охранник, звали его Вадим. Это был высокого роста, громадный, как скала, совершенно необщительный парень. Который и заселил его в этот номер. Показал, как и что включать, сложил все его обноски в мешок, а чуть позже принёс ему новую одежду: рубашку, брюки, куртку на меху и кожаные ботинки, немного не в размер, но зато замечательно тёплые и высокие настолько, что при ходьбе в них не должен был попадать снег. Правда за три дня, ни ботинки, ни куртку так и не довелось проверить в деле, так, как из номера он никуда не выходил — таково было распоряжение начальства, но он нисколько и не расстраивался. Проведя на улице ни один год, он радовался крыше над головой, и казалось, мог бы провести в таком номере остаток жизни. Он наслаждался теми вещами, которые были ему недоступны уже много лет — теплом и уютом жилья, удобной кроватью, достаточно большой, чтобы лежать на ней и вдоль и поперёк, свежей едой, принесённой Вадимом в пластиковых коробочках из ближайшей столовой. Еда эта была намного вкусней той, что давали на ужин в приюте для бездомных, а уж о просрочке из контейнеров и вспоминать не хотелось. Телевизор не выключался сутки напролёт, он засыпал, когда уже глаза ничего не могли разобрать на экране, и просыпался под утреннюю развлекательную программу. Детективы, мультики, спорт, какие-то ток-шоу, новости — он жадно смотрел всё, заново открывая для себя мир. Но из всех удобств, вне конкуренции для него была горячая вода — он принимал ванну два раза в день, долго стоял под душем, меняя напор и температуру воды, блаженствовал под горячими струями — поворачивая к ним своё измождённое, худое тело, то одной стороной, то другой. К нему вернулось давно им забытое ощущение чистоты и комфорта. И совершенно не волновало его то, что он закрыт на ключ, а ключ от номера у его охранника. Вадим, несмотря на свой устрашающий вид, был, судя по всему, добрый малый — он хоть и не обсуждал ничего, кроме самых неотложных дел, но иногда проявлял внимание, спрашивая, не нужно ли чего-нибудь ещё. Старик удивлялся — разве можно что-то ещё хотеть? Но всё-таки было приятно — давно он не чувствовал, что кому-то небезразличен, что кто-то им интересуется.

Наслаждение жизнью продолжалось уже три дня, а на четвёртый приехал некто Андрей, правая рука шефа. Во всяком случае, именно так его представил Вадим. Отчасти он был копией своего патрона — такое же модное пальто, идеально подогнанное по фигуре, до блеска начищенные туфли, костюм из дорогой, качественной ткани. Уверен-

ный, многозначительный взгляд, а выражение лица словно подразумевало интеллектуальное превосходство над окружающими. И отточенная, принципиальная вежливость в общении. Он привёз с собой хорошие новости — информация вся подтвердилась, а недоразумение, как понял старик, этим нейтральным словом Андрей обозначил попытку покушения, благополучно улажено. Шеф уже в самолёте, — он его проводил, а из аэропорта отправился прямо сюда.

— У нас с вами много дел, мною получены относительно вас чёткие указания. Нужно определиться с жильём, посмотреть варианты. Также Сергей Аркадьевич назначает вам денежный пенсион, для этого необходимо открыть счёт на ваше имя. Ну а начинать будем с документов, какие у вас есть, а какие придётся восстанавливать — сказав всё это, он стал прощаться, добавив перед уходом — Завтра я заеду в девять утра и начнём. Будьте, пожалуйста, готовы!

Вадим, присутствовавший при их разговоре, широко улыбаясь, пожал старику руку — Рад за вас, надеюсь, теперь всё наладится! И выйдя из номера, в этот раз не закрыл его на ключ.

Старик вздохнул, но впервые за долгое время, вздох этот стал не признаком уныния, а был радостным и счастливым. Сердечное участие людей, которые и знали его всего-то три дня, лилось бальзамом на его душевные раны. Наконец-то, спустя столько лет, перед ним открывались восхитительные перспективы — своя крыша над головой и пусть небольшие, но верные деньги, вместо постылых улиц, постоянного чувства голода, необходимости ночевать, где придётся, а зачастую и под открытым небом, вместо ненависти и презрения окружающих. А если жильё будет не хуже этого номера, то вообще грех жаловаться. Он с удовольствием растянулся на кровати и даже не вспомнил про телевизор, — мечтательная улыбка блуждала по его губам, приятные мысли о том, чем он будет заниматься в новой жизни, каким содержанием её наполнит, весело кружились в голове и, сталкиваясь между собой, рождали всё новые планы и фантазии. В какой-то момент этого буйства мечтаний, он вспомнил про своих товарищей, про ночлежку, и дал себе слово тоже стать волонтером. Но это конечно после того, как он сам устроится! Теперь он по-настоящему поверил в то, что удача повернулась к нему лицом. Может Сергей Аркадьевич даже даст ему скромную должность, ведь не такой уж он и старый, силы у него ещё есть — за это время, проведённое в человеческих условиях, он почувствовал, как они возвращаются. Одна прекрасная картина сменялась другой!

Большой северный город потихоньку просыпался, чёрное бездонное небо обретало с рассветом новые краски — сначала свинцового от-

тенка, потом грязновато-серого, ну а затем, с появлением солнца, и бледно-розового. Шумно заработала на кухне кофеварка — видимо жена уже встала, а возле кровати, туда-сюда, звонко зашлёпали собачьи лапы. Все его надежды выспаться в выходной день, были коварно развевяны этой, давно спевшейся между собой, парочкой. Парой сук, как он их про себя называл. Одна из них, которая собака, рано по утрам желала только одного — гулять, но ради этого была готова на любые подлости, вроде тех, что подходя к постели, начинала теревить одеяло, прихватив его зубами, или настойчиво тыкалась мокрым, холодным носом прямо ему в лицо. А могла применить и язык. Задача была одна — разбудить его как можно раньше и вывести на прогулку. Да, наверное, именно так — это она его выводила гулять — неслась вперёд, а он плёлся еле-еле сзади, нисколько не разделяя её собачьего восторга. А вторая, это жена — три года назад она завела себе подружку, принесла домой щенка ретривера, но обязанность с ней гулять вменила почему-то ему. Как он ни пытался перераспределить эту почётную миссию, настаивая, что будет гулять только по вечерам, ничего из этого не вышло. Жена утверждала, что Дэзи, так она назвала собаку, с ней гулять не любит, та же всячески ей в этом подыгрывала. А зачем? Благо гулять они ходили совсем близко, — на бульвар, расположенный рядом с их домом. Постепенно, жена и собака объединились в оборонительно-наступательный союз, число их совместных манипуляций, направленных против него, росло в геометрической прогрессии.

Так и сегодня утром, несмотря на ранний час, увильнуть не удалось. Он встал и, потягиваясь на ходу, ещё не до конца проснувшись и не полностью овладев координацией, отправился на кухню, попутно натываясь на собаку, которая вертелась под ногами, старательно показывая, как она ему рада. Там он получил из рук жены чашку крепкого чёрного кофе и подошёл к окну. На улице было почти уже светло, вечерашние сугробы ещё больше увеличились в размерах — снегопад, если и брал паузу, то ненадолго, а потом заряжал с новой силой. По телевизору, работавшему по утрам всегда, шла программа городских новостей. Он прислушался к ведущей, потом взял пульт и добавил звук —

«Только что, прямо во время эфира, пришла новость с пометкой срочно. Как стало известно нашему спецкору из источников в МВД города, сегодня ночью, в своём загородном доме был убит известный предприниматель, кандидат в депутаты законодательного собрания Сергей Аркадьевич Авросимов. По предварительной информации преступник нашёл способ проникнуть на территорию особняка и, ликвидировав охранника, застрелил бизнесмена тремя выстрелами в упор. По

счастливей случайности больше никто не пострадал, семья погибшего находится в отъезде. Ждём новых подробностей».

Довольно ухмыльнувшись — всё прошло без сучка и задоринки, хоть и пришлось в этот раз поступиться некоторыми принципами, — он не стал слушать остальные новости и отправился в прихожую. Там уже раздавалось нетерпеливое поскуливание — Дэзи, в ожидании своего любимого хозяина, даже поставила лапы на дверь, как будто могла её открыть. Весь её вид словно говорил — «Ну, не испытывай же моё собачье терпение! Выводи скорей!»

Через пару минут они были уже на улице и направлялись к месту их прогулок. Ещё издали он увидел — у одной из скамеек, в самом центре бульвара, необычное скопление людей. Само по себе их количество, да ещё в такую рань, было событием из ряда вон, но то, что все они собрались в одном месте, и при этом были заметно взволнованы, что-то горячо обсуждали, делало ситуацию совсем загадочной. Он надел собаке намордник и отцепил её от поводка, чем она не преминула тут же воспользоваться, стремительно влетев в ближайший сугроб, а сам подошёл посмотреть, что же там всё-таки стряслось.

Оказавшись среди людей, со всех сторон обступивших скамейку, он увидел, что всё их внимание приковано к находившемуся на ней предмету. Поначалу он сразу и не разглядел, что там — всё было покрыто толстым слоем пушистого, свежее выпавшего снега, но присмотревшись к форме, к очертаниям, у него исчезли все сомнения — на скамейке, скорчившись, лежал человек. И вся его предсмертная поза — ноги, поджатые так, что колени почти упирались в живот, руки, сложенные крестом на груди, лицо, опущенное к этим рукам в тщетной надежде сохранить остатки тепла, — всё это говорило о том, что последним усилием в его жизни была попытка согреться. Попытка, несмотря на всё отчаянье, с которым она предпринималась, оказавшаяся неудачной. Человек замёрз насмерть, и замёрз, судя по размерам снежной шапки, накрывшей уже остывшее тело, много часов назад. Вероятно, устав идти, он недооценил коварство умиротворяющего зимнего пейзажа, и поддался опрометчивому желанию прилечь, ненадолго закрыв глаза, — дать себе минуту отдыха. Здесь и нашёл своё последнее пристанище. Никто его не ждал и нигде он не был нужен. Никто не обеспокоился его отсутствием и не отправился на его поиски. Человек замёрз посреди большого, миллионного города — в самом его центре, в непосредственной близости от тёплых уютных квартир, дорогих ресторанов, переполненных торговых центров и продуктовых супермаркетов. Замёрз в то время, когда рядом, всего в пяти минутах ходьбы, люди продолжали

заниматься своими делами — совершали покупки, обсуждали планы и меню, выпивали и напряжённо думали, как развлечь себя на долгожданных выходных, дарили подарки близким и поздравляли друг друга с новым годом. Замёрз, потому что не хватило сил добраться до места, где бы он получил временную, но всё же, передышку. Маленький шанс на что-то для себя лучшее.

Краем уха он слышал, о чём говорили присутствовавшие — о том, что покойника первой увидела пенсионерка, вышедшая пораньше в булочную, за горячим хлебом, что полицию и скорую уже вызвали, но что-то они долго едут, что очоурившийся, судя по всему бомж. Да, кто-то употребил такое слово. Одни доказывали, что замёрз, так, как пьяный, другие наоборот — что если бы был под градусом, то ничего бы и не случилось. Кто-то вспомнил, что в прошлую зиму тоже был подобный случай. Прозвучало традиционное — «меньше бомжей, чище и спокойней». Но тут же — «что какой-никакой, А ВСЁ ЖЕ, ЧЕЛОВЕК». Всё это было неинтересно. Он перевёл взгляд на Дэзи и улыбнулся. Она брала от жизни всё, что могла взять здесь и сейчас — её радостные прыжки поднимали вверх настоящие снежные фонтаны. Она то переворачивалась на спину, но тут же подскочив, начинала вертеться вокруг себя, то опустившись на передние лапы и выставив их вперёд, пробиралась через сугроб, пока вся морда не оказывалась в снегу. Тогда она начинала звонко фыркать и смешно трясла головой, стараясь его стряхнуть. Она была довольна и счастлива — по какой-то, непонятной ей, причине, прогулка сегодня длилась дольше обычного. Он устал вздохнул и пошёл ей навстречу, лелея про себя надежду, что вернувшись домой сможет ещё немного поваляться в кровати. Ведь надежду никто и никогда не отнимет. А снег всё шёл и шёл, не останавливаясь, и казалось весь мир, куда ни посмотри, состоит из одного только снега. И нет ему ни конца, ни края.

ПОВЕСТЬ

Сергей Калабухин

Коломна

«СЕЗАМ, ОТКРОЙСЯ!»

Первая встреча

Свою первую жертву Витька Крест увидел, как только свернул в знакомый переулок. Толстая девица брела по тротуару, упёршись взглядом в сотовый и что-то набирая на клавиатуре. Потёртая сумочка из синего, под цвет джинсов, кожаменителя болталась на левом плече. Витька двинулся навстречу толстухе, бросая быстрые, но внимательные взгляды на окна домов, двери подъездов и припаркованные машины. В переулке кроме них с девицей пока никого не было. Сблизившись со своей жертвой, Витька одной рукой выхватил у неё сотовый телефон и, одновременно, другой рванул к себе сумку. Но тонкий ремешок, вопреки ожиданиям, не порвался, и толстуха судорожно вцепилась в него, ошеломлённо глядя круглыми и жёлтыми, как у совы, глазами на грабителя.

— Отцепись, дура! — рявкнул тот угрожающе и снова рванул сумку к себе.

— Отдай... — сдавленно прошипела в ответ девица и неожиданно сильно дёрнула ремешок, притянув Витьку к себе, но потянулась при этом не к сумке, а к сотовому.

Несколько секунд они, пыхтя от усилий, топтались на тротуаре, как борцы на арене. Девица обеими руками вцепилась в Витьку, пытаясь разжать его пальцы, крепко сжимающие телефон.

— Вот зараза! — выругался Крест, безуспешно пытаясь оторваться от вцепившейся в него ненормальной девки. Краем глаза он увидел появившиеся в конце переуллка силуэты людей. Отпустив сумочку — чёрт с ним, с кошельком, — Витька рванулся в знакомый проходной подъезд, таща за собой повисшую на его руке толстуху. Удивительно, что та, столь яростно борясь с грабителем, при этом почему-то не кричала и не звала на помощь, лишь жарко дышала Витьке в лицо и одуряющее воняла смесью пота, жасмина и чего-то ещё, что ошеломлён-

ный неожиданным отпором Крест даже не пытался определять. Из-за царившего в подъезде полумрака, оба чуть не грохнулись на грязный бетон пола, споткнувшись о ступени, ведущие к площадке первого этажа. Спасли перила, на которые Витька налетел со всего маху. От резкой боли в ушибленных рёбрах, Крест охнул, потом выматерился и со злостью ткнул толстуху свободной рукой в мягкий живот. Та жалобно квакнула, ослабив хватку. Витька, наконец, вырвался и обеими руками с силой оттолкнул от себя согнувшуюся от боли девку. Видать, при этом он нечаянно нажал на какую-то кнопку, потому что экран зажатого в его руке телефона ярко вспыхнул в сумраке подъезда, раздался громкий звук, будто рядом ударили в гонг. Не теряя времени, Крест бросился ко второму выходу.

— Стой, дурак! — услышал он отчаянный крик рванувшейся за ним толстухи.

Дверь распахнулась, яркий свет летнего солнца ослепил Витьку. Он остановился, зажмурившись, и вдруг почувствовал на своём плече пальцы настигнувшей его настырной девицы. Не оглядываясь, Крест лягнул её, отбрасывая назад, в полумрак подъезда, и бросился бежать.

— Стой! — вновь услышал он отчаянный крик толстухи, и свернул за угол дома в ближайший проулок. Он знал этот район питерской Колмны, как содержимое собственных карманов, и потому летел по улице, не особо глядя куда, стараясь только не сталкиваться с прохожими, силуэты которых всё отчётливее различал сквозь пелену слёз, неожиданно обильно поливших из глаз от обиды на неудачу и боли в ушибленных рёбрах.

Но вскоре слёзы высохли, глаза приноровились к яркому солнечному свету, и Витька невольно замедлил бег, а потом и вовсе остановился. Он не знал эту улицу! Вместо многоэтажек вокруг теснились одно-двухэтажные дома, да и сама улица резко сузилась. По ней шли, громко разговаривая, группы людей. Витька отчётливо слышал каждое слово, но смысл сказанного понимал с трудом. Это был не русский и не украинский, хотя явно родственный им язык.

— Что за фигня? — удивился Крест. — Куда это я попал?

Нет, он слышал, конечно, что во многих городах России в связи с наплывом китайцев появились «чайна-тауны», где ни русскую речь не услышишь, ни вывеску на русском языке не увидишь, но чтобы в Питере появилась целая улица каких-то непонятных славян... Да и одеты они тут все как-то странно. Не современно, что ли. Женщины в простеньких платьях, мужики в мятых брюках и белых рубашках. До сих пор Витька считал, что знает свой район от и до. Откуда здесь взялись

и эта странная улица, и её обитатели? Это не новострой какой-нибудь. Стены домов все обшарпаны, краска дверей облупилась, окна какие-то допотопные, ни одного стеклопакета! Словом, этим строениям не менее тридцати, а то и сорока лет! Вывески, вроде, написаны на кириллице, но смысл их Витька понять не мог.

— Александр Палыч, ну когда же мы пойдём на завод? — вдруг раздался сзади недовольный юношеский голос.

Витька резко обернулся. Его обгоняла странная троица. Впереди, явно торопясь куда-то, семенил небритый мужик невысокого роста, в мятых, как у всех на этой улице, серых брюках и несвежей голубой рубашке, с закатанными по локоть рукавами. За ним, как цыплята за курицей, шли два парня. Один — высокий и тощий, славянской внешности, со сползающими с длинного носа массивными очками. Другой — среднего роста крепыш, явный азиат, с чёрными, блестящими на солнце волосами. Оба были в настоящих (Крест в этом понимал) американских джинсах фирмы «Lee» и цветастых теннисках.

— Александр Палыч... — тянул очкарик.

— У нас же срок командировки через три дня кончается, — на чистом русском языке поддержал его азиат.

— Да не гудите вы! — хрипло огрызнулся мужик. — И так башка после вчерашнего раскалывается...

— У вас это «вчерашнее» уже вторую неделю длится! — с упрёком воскликнул очкарик. — Мы так радовались, что на практику в Белоруссию едем, а тут...

— Не волнуйтесь, ребятки, — успокаивающе прогудел мужик. — Сейчас зайдём в пивнуху, выпьем по кружечке...

При этих словах Крест, шагавший, как привязанный, за странной троицей, почувствовал, что у него тоже внезапно пересохло в горле. Белоруссия! Вот он, оказывается, где. Но как он сюда попал?

Троица русскоговорящих неожиданно свернула к какой-то забегаловке, и Витька машинально вошёл вслед за ними.

Давно Крест не бывал в таких гадюшниках. Десяток высоких круглых металлических столиков заполнял почти всё помещение. Стульев не было. За прилавком разливала янтарную жидкость по кружкам толстая румяная тётка. Она страшно блестела металлическими зубами, громко смеясь и перешучиваясь на певучем белорусском языке с двумя подвыпившими мужиками, очевидно, давно и прочно оккупировавшими один из столиков у открытого настежь окна. За удивительно чистым стеклом витрины горками лежали кольца жёлтых сушек, кубики ржаных сухариков, блестела чешуёй вобла.

Вошедшая тройца расположилась за одним из столиков в центре зала. Крест пристроился за соседним. Пить хотелось страшно, но белорусских рублей у него не было, впрочем, как и российских, и Витька сделал вид, что кого-то ждёт.

«А не предложить ли мне буфетчице или этой тройце сотовый телефон толстухи?» — подумал он и тут же отмёл эту мысль. Всем нутром, или, говоря по-научному, шестым чувством, Крест понимал, что ему нельзя сейчас действовать опрометчиво, не разобравшись в здешней ситуации и порядках. Ведь у него даже паспорта с собой не было! Витька, идя на дело, оставил документы дома, хоть это и не имело никакого значения. Попадись он на месте преступления, устанавливать его личность ментам долго бы не пришлось.

— Александр Палыч, — нудил очкарик, — мы уже вторую неделю в Светлогорске, а на заводе ни разу не были. У нас же практика, а что мы кроме рабочей общаги и этой пивнухи видели?

— У вас командировочные ещё остались? — хитро прищурился мужик.

— Есть немного, — вытащил из кармана джинсов несколько мятых бумажек и горсть монет азиат.

— Вот и неси сюда пиво, — приказал ему мужик, и тот покорно пошёл к прилавку и вскоре вернулся с четырьмя полными, почти без пены, кружками в руках и тремя воблами.

— Не горюйте, хлопцы, — повеселел мужик, опустошив одним махом первую кружку. — Завтра ходим на завод, покажу вам цех...

— Вы каждый день так говорите, — хмуро ответил очкарик. — А сами пьёте с утра до ночи...

— Нам же не просто цех посмотреть надо, — поддержал товарища азиат, очищая от чешуи рыбу. — Мы должны схему автоматической системы управления процессом производства кирпича нарисовать. Иначе нам практику не зачтут.

— Не бойсь, Андрюха! — взял вторую кружку мужик. — Я же сказал: завтра ходим на завод. — Теперь он пил маленькими глотками, не торопясь. — Пока вы будете гулять по цеху, я быстренько смотаюсь в архив и возьму для вас эту схему. Скопируете её, и все дела! Вам даже не придётся напрягаться, изобретая свою.

— Это было бы здорово! — заулыбался азиат, переглянувшись с очкариком. — Мы, честно говоря, устали от этого пивного городка. Домой хочется.

— А я не понимаю, что вам тут не нравится? — искренне удивился мужик. — Это же рай, а не город! Выйдешь на улицу, на каждом углу

стоят автоматы с пивом, как у нас в Москве с газировкой. Нет мелочи — рядом из ящиков продают бутылочное пиво. Плати продавщице и пей, сколько хочешь. Пустые бутылки она же у тебя и примет назад, даже мыть их не обязательно. В любой магазин зайдёшь — там разливное пиво. Не говоря уже про кафе и пивнушки, вроде этой. Наверно, они все соединены специальным трубопроводом, по которому вместо воды течёт пиво. Вон, посмотрите за прилавок: труба выходит прямо из стены, на ней закреплён маленький бочонок с обычным краником внизу, из которого продавщица всем наливает пиво. Целый день наливает, я следил, а оно не кончается! Где вы такое ещё увидите? Вот мои ребята и отрываються.

— Но сколько же можно пить? — воскликнул очкарик. — Девятый день уже не просыхаете. Вчера с завода женщина в общагу приходила, спрашивала, когда мы, наконец, к монтажу установки приступим.

— Эх, ребятки, — вздохнул мужик. — Молоды вы ещё! Мы в командировках всегда так: сначала пьём, пока не кончатся казённые деньги, потом вкалываем в две смены, чтобы уложиться в сроки. Привыкайте, студенты!

— И откуда здесь столько пива? — пробурчал очкарик. — Городокто, вроде, промышленный, большинство жителей на заводе работает.

— Да нам-то какая разница? — засмеялся мужик. — Ты, Серёга, наслаждайся жизнью, пока есть такая возможность. Что ты всё ноешь?

— Мне в Москву надо, а мы здесь без дела торчим. И Андрея родные в Крыму заждались.

— Да чего делать-то летом в Москве? — удивился мужик. — Вот Андрюха — молодец: Крым сейчас — самое то! Море, вино, женщины... Эх, я б тоже от путёвочки в санаторий не отказался.

— Андрюхе санаторий без надобности, — засмеялся очкарик. — Живёт он там.

— В самом Крыму? — не поверил мужик.

— Да, — смущённо улыбнулся азиат. — В Судаке. Там много корейцев живёт. Видели фильм «Начальник Чукотки»? Его у нас снимали. Мы чукчей изображали, парились на жаре в ихних шубах. Я тоже там мельком появляюсь в роли ребёнка.

Витька слушал эту ахинею и прикидывал, как ему незаметно вытащить у лопуха-очкарика кошелёк, торчащий из заднего кармана джинсов. И вдруг в раскрытую настежь дверь заведения вошла давешняя толстуха. Короткие русые волосы у неё были растрёпаны, пара верхних пуговиц на блузке вырвана с мясом, и в распахнувшемся вороте белели крепкие груди, стянутые полупрозрачным лифчиком. «Четвёртый но-

мер, не меньше», — машинально отметил Витька. Бежать было некуда, и он обречённо ждал крика: «Держи вора!». Но девица молча подошла к его столику, игнорируя удивлённые взгляды и матерные комментарии полупьяных мужиков, и шипящим шёпотом потребовала:

— Отдай, а то хуже будет!

Конечно, Крест мог вновь оттолкнуть настырную дуру и попытаться смыться, но он уже понял, что происходит что-то невероятное. Из родного Питера его каким-то образом мгновенно перенесло в белорусский Светлогорск. Куда тут бежать?

— Сначала скажи, что происходит? — ответил Крест девице.

— Ты мне будешь ещё условия ставить? — хищно оскалилась та. — Сдохнуть в местной тюрьме хочешь? Отдавай украденное немедленно, тогда я помогу тебе вернуться домой.

— Замётано! — поймал её на слове Витька. — Держи свой сотик.

Он протянул ей телефон, который до сего момента так и был крепко зажат у него в кулаке. Та жадно схватила прибор и начала внимательно осматривать со всех сторон.

— Всё в порядке? — поинтересовался Витька. — А теперь объясни, что происходит?

— Объяснить? — насмешливо хмыкнула толстуха. — С какой стати?

— Ты же обещала! — напрягся Крест. — За базар надо отвечать.

— Я обещала вернуть тебя домой, — огрызнулась девица. — Пошли отсюда.

— Подожди, — удержал её Витька. — В горле ужасно пересохло. Давай по кружечке возьмём?

— Ты что, совсем ничего до сих пор не понял? — презрительно посмотрела на него толстуха. — Нам не на что купить это пиво.

— Да ладно! — недоверчиво фыркнул Витька. — Имеешь такойavorоченный сотик, а на кружку пива денег нет?

— Ты что — идиот? — удивилась девица. — Здесь совсем другие деньги.

— Доллары, что ль? — не поверил Крест.

— Ага, евро! — съязвила толстуха. — Ты знаешь, какое сегодня число?

— Конечно, знаю.

— Товарищи, — вдруг повернулась к троице за соседним столом девица. — У вас свежая газета?

— Вчерашняя, — извиняющее развел руки с зажатыми в них кружкой пива и куском рыбы Александр Палыч. — Воблу, вот, завернуть взяли...

— Это не важно, — нетерпеливо отмахнулась толстуха. — Можно нам посмотреть?

— Пожалуйста, — Александр Палыч поставил кружку, вынул из кармана брюк свёрнутую в трубку газету. — Андрюха, передай девушке.

— На, прочти дату, — сунула толстуха газету Витьке.

— Двадцать второе июля, — прочёл тот. — Всё правильно.

— Ты год посмотри!

— Одна тысяча девятьсот семьдесят седьмой, — не поверил собственным глазам Крест. — Это что, шутка такая?

— Ты сам выбрал эту забегаловку, — ехидно усмехнулась девица. — Верни людям газету, и пошли отсюда.

— погоди! — решился Витька.

Он свернул газету трубочкой, подошёл к корейцу, с интересом смотрящему на толстуху, и тихо спросил.

— Слышь, друг, пивком не угостишь, а то я сегодня совсем пустой, а у подруги просить, сам понимаешь, запахло...

— Пойдём, — с готовностью отставил тот свою полупустую кружку и направился к стойке. Витька, подмигнув недоумевающей смотрящей на него толстухе, поспешил за корейцем. Вскоре они вернулись с четырьмя кружками пива и воблой.

— Знакомьтесь, — весело сказал Витька. — Это — Андрей, студент из Москвы, а это...

— Лена, — поспешила выручить его девица. — Студентка из... Ленинграда.

— Серёга, иди сюда! — повернулся к очкарику кореец.

— Иди, — великодушно кивнул тому Александр Палыч. — Ваше дело молодое...

— Это — Сергей, — представил очкарика кореец. — Мы тут вместе на практике. А вы?

— А мы здесь проездом, — больно пнув под столом Витьку, улыбнулась новым знакомым толстуха. — Нам уже пора...

— Да, ладно, успеем! — перебил её Витька, с блаженным видом ставя на стол наполовину осушённую кружку. — Давай хоть пиво допьём. У меня в горле была такая сушь, аж глотать больно.

— Нам надо идти, — сверкнула в его сторону глазами толстуха.

— Ну чего ты ломаешься? — разозлился Крест. — Попробуй хоть. Пиво тут на удивление хорошее, я даже не ожидал. Пей, вряд ли ещё когда удастся попробовать такое.

Студенты, молча, смотрели на них. Кореец взял воблу, с хрустом оторвал ей голову и начал ловко очищать от чешуи. Очкарик мелкими глотками пил своё пиво.

Толстуха решительно взяла кружку, осторожно отхлебнула и, скривившись, с отвращением поставила назад.

— И как вы только пьёте эту гадость?

— Не понравилось? — удивился Витька. — Тогда я допью.

Под удивлёнными взглядами студентов, он сначала осушил свою кружку, а потом присосался к отставленной Леной.

— А что за прибор передал вам Виктор? — вдруг спросил очкарик Лену.

— Какой прибор? — повернулась к нему та. — Когда?

— Ну, когда вы вошли, — смутился Сергей.

— Да, я тоже видел, — поддержал друга кореец. — Такая маленькая плоская вещичка с большим экранчиком и кнопочками. Новая модель калькулятора?

— Ах, это, — широко улыбнулась Лена. — Это сувенир, игрушка. — И опять довольно чувствительно пнула под столом Витьку. — Поторопись!

— Всё, всё, уходим, — торопливо допивая пиво, кивнул ей Крест. — Извините, мужики, но нам, действительно уже пора уходить.

— Мы вас проводим, — решительно ответил кореец. — Нам всё равно делать нечего, правда, Серый?

— Сам ты — серый! — недовольно огрызнулся очкарик. — Я ж тебя «Дрючей» не зову? Конечно, проводим, — подтвердил он, смущённо взглянув на Лену, и неожиданно покраснел.

Они вывалились из душной забегаловки и в нерешительности оставались посреди улицы. Лена явно не хотела вести неожиданных сопровождающих к нужному им с Витькой месту.

— Ну вот, — зло посмотрела она на него. — Из-за твоего дурацкого пива у меня теперь отвратительный привкус во рту. Что теперь делать?

Конечно, Крест правильно понял её вопрос, но как отделаться от студентов, придумать не мог. Он, неожиданно для себя, довольно сильно захмелел, и в голову ему не шло ни одной мысли.

— Тут недалеко есть кафе, — нерешительно сказал очкарик. — Там продают лимонад.

— Точно! — обрадовался кореец. — Есть ещё ситро и «Байкал». Или вам больше нравится мороженое?

— Ну что ты молчишь? — повернулась к Витьке Лена.

— Это... мужики... — начал Крест.

— Мы угощаем, — понимающе подмигнул ему кореец. — Идёмте, Леночка, тут совсем рядом.

И решительно взяв девушку под руку, он повёл её по залитой солнцем улице. Очкарик немедленно пристроился с другой стороны. Витька сплюнул в пыль горькую тягучую слюну и поплёлся следом. «Вот настырный азиат! — зло подумал он. — Ну, погоди!». Что именно «погоди», Крест не знал. Толстуха явно надеется, что он как-нибудь избавит их от неожиданных сопровождающих. Витька посмотрел на идущую впереди оживлённо беседующую троицу и обмер. Толстуха исчезла! Солнце, просветив бесформенную блузку, обрисовало классические формы языческой богини: высокий полный бюст, узкую талию и широкие бёдра.

Разоблачение

Алёна ругала себя матерно. Не вслух, конечно. Внешне она старалась выглядеть весёлой, время от времени кокетливо косила глазом то на семяющего слева низенького азиата, то на сопящего справа длинного и тощего очкарика. Сзади тащится следом за ними этот придурок Витька, из-за которого Алёна оказалась где-то в чёртовой глуши советской Белоруссии. Ну, надо же было так вляпаться! Как она теперь оправдается перед Сергеем Ивановичем?

Перед мысленным взором Алёны возникло умное лицо профессора Владимирова, его всё понимающие, любящие глаза.

«Что же ты, Алёнушка, — явственно услышала она его укоризненный голос. — Я доверил тебе ценный прибор, созданию которого посвятил всю свою жизнь, а ты так меня подвела!»

Алёне хотелось завывать в полный голос и отлупить, как следует, пыхтящего за спиной доморощенного грабителя. Может, натравить на Витьку этих двух навязчивых студентов, прилипших к ней с непрошенной помощью? А куда они, собственно, её ведут? Как она теперь найдёт дорогу к порталу? Алёна резко остановилась.

— Слушайте, мальчики, что-то мне не хочется сидеть в такую жару в душном кафе. В этом городишке есть парк?

— Парк? — удивлённо переглянулись кавалеры.

— Ну, или сквер, — Алёна небрежно поиграла воротом блузки, то распахивая её, то прикрывая, имитируя отсутствующий веер, и с удовлетворением увидела, как побагровевший от смущения тощий очкарик уставился на её грудь. — Жутко хочется посидеть у фонтана.

— Тут рядом есть такой сквер! — радостно воскликнул азиат. — А в нём небольшой работающий фонтан.

— А как же лимонад? — вдруг хрипло спросил Витька Крест.

— Там всё есть, — махнул рукой кореец. — И лимонад, и мороженое.

И, по-хозяйски взяв Алёну под руку, Андрей Чен решительно потянул её в ближайший переулок. «Вот и прекрасно! — с удовлетворением вздохнула та. — Часть проблемы возврата домой решена». Алёна точно знала, что портал находится в пяти минутах быстрой ходьбы от сквера с фонтаном. Потому что, когда ослеплённая злостью, болью и солнцем она выскочила из тёмного подъезда, то бросилась в погоню за дерзким грабителем, как оказалось, не в ту сторону. Узкая извилистая улица вывела её в небольшой тихий сквер с журчащим посредине круглым фонтаном. По узким асфальтовым дорожкам неторопливо прогуливались мамы со спящими в колясках детьми, на лавочках вязали и о чём-то тихо переговаривались старушки, небольшой ветерок шелестел листьями тополей и аккуратно подстриженных кустов акации. Поняв по удивлённым лицам и укоризненным взглядам, что до неё тут никто не нарушал установившийся порядок, Алёна развернулась и помчалась в обратную сторону...

— Вот и сквер, — услышала она радостный возглас азиата. — Вы проходите к фонтану, а я сбегая за... — он вопросительно посмотрел на Алёну. — Так вам, Леночка, лимонад или, может, лучше мороженое?

— И того, и другого, — грубо вмешался Витька Крест. — И можно без хлеба!

— О, цитата из «Винни Пуха», — засмеялся Чен. — Мой любимый мультфильм. Помните, к чему привело медвежонка обжорство в гостях у Кролика?

— Мороженого достаточно, — улыбнулась корейцу Алёна.

— И мне, — кивнул другу Сергей.

— А мне — пива, — криво усмехнулся Крест.

— Может, хватит? — яростно сверкнула на него глазами Алёна.

— Ну, раз уж мы теперь никуда не торопимся... — ехидно осклабилась Витька.

— Тогда пошли со мной, — предложил ему Чен. — Я один всё не донесу.

Крест вопросительно взглянул на Алёну. Та в ответ раздражённо дёрнула плечом и отвернулась к фонтану. Хмыкнув, Витька кивнул Андрею, и они направились к виднеющемуся неподалёку павильону кафе.

Алёна молча пошла вокруг фонтана, ища место, где слабый ветерок смог бы хоть немного остудить её разгорячённое тело влажной прохладой. Очкарик плёлся рядом, не решаясь начать разговор. Он явно чувствовал себя не в своей тарелке без поддержки разбитного азиата. Алёна была рада, что стеснительный студент не мешает ей спокойно осмотреться. Вскоре она увидела аллею со «знакомыми» старушками. Что ж, путь к portalу теперь ясен, осталось избавиться от очкарика с корейцем и...

— Вот и мы! — сияющий от радости Чен протянул Алёне холодный брикет. — «Крем-брюлле».

— Спасибо! — благодарно улыбнулась ему Алёна. Она аккуратно освободила от красочной упаковки зажатое меж двумя толстыми жёлтыми вафлями сладкое лакомство и с удовольствием лизнула краешек.

— Давайте присядем, — предложил Сергей, услужливо выхватывая из пальцев Алёны липкую бумажку упаковки, чтобы бросить её в ближайшую урну, и вскоре вся компания устроилась в тени высокого, «плачущего» белым пухом тополя.

Витьке места на скамье не хватило, и он остался стоять, облокотившись спиной о ствол, время от времени отхлёбывая из горлышка зажатой в руке бутылки холодное горькое пиво.

— А всё же, Леночка, — спросил Чен, быстро покончив со своей порцией мороженого. — Что это за штуку передал вам Виктор в пивной?

— Так калькулятор же! — удивлённо посмотрела на него Алёна.

— Мы с Серёгой — технари, — засмеялся Андрей, и его узкие глазки превратились в щёлочки. — Считать много приходится, так что повидали много разных калькуляторов: и простых, и для инженерных расчётов.

— Ну и что?

— Экранчики у всех узкие и длинные, чтобы побольше цифр поместилось, — снисходительно пояснил кореец. — А у вашего прибора экран чуть ли не в пол корпуса и цветной вдобавок!

— Ну, что ты пристал, — возмутился очкарик. — Сказано тебе: калькулятор, значит — так и есть. Не телефон же!

— Прокололась-таки! — сплюнул Витька Крест и бросил опустевшую бутылку в кусты.

— Ты куда бросаешь? — возмутился Чен. — Вот же, рядом, урна стоит!

— Да пошёл ты! — ощерился на него Крест.

— Чего?! — вскочил кореец.

— А ну, тихо оба! — тоже встала Алёна. — Вот только драки мне тут не хватало.

Она повернулась к Витьке.

— Хочешь здесь насовсем остаться?

Крест молча сжал кулаки, на его узких скулах вздулись желваки.

— Так чего мы здесь прохлаждаемся? — сквозь зубы выдавил он, наконец. — Валим отсюда!

— Лена, — вдруг тихо сказал Сергей, глядя на девушку сквозь толстые стёкла очков огромными глазами. — Кто вы? Откуда?

— Нам, действительно, пора, — Алёна бросила недоеденное мороженое в урну, села на лавочку, машинально достала из сумочки упаковку влажных салфеток, вытащила одну и начала тщательно вытирать пальцы рук.

Витька Крест выругался, и Алёна поняла, что вновь совершила ошибку. Сергей дрожащей рукой взял с её колен красочную пачку салфеток и прочёл:

— Изготовитель И Пэ Петров Вэ А, место изготовления — Россия, город Санкт-Петербург, дата изготовления — май две тысячи четырнадцатого года...

— Вас не учили, что брать чужие вещи без разрешения нельзя? — Алёна вырвала у очкарика из рук салфетки и сунула пачку в сумочку.

— Носовые платки у нас не в моде, — зло выкрикнул Витька Крест. — И джинсы продают в основном китайского производства. Может, на деньги наши посмотреть хотите? Давай, умная ты наша, покажи им. Чего уж теперь скрывать? Наверняка у тебя есть, это я сегодня — пустой...

— Заткнись! — вскочив, взвизгнула Алёна. — Если б не ты...

— Тихо, тихо, — вклинился между ними кореец. — Не надо кричать, люди вокруг. Скандал и милиция, как я понял, вам ни к чему?

— Да, — беря себя в руки, благодарно улыбнулась ему Алёна. — Спасибо вам за всё, мальчики, но нам действительно пора домой.

— Домой — это куда? — забыл о своей стеснительности очкарик.

— Вот именно! — поддержал друга кореец. — Хотелось бы услышать, наконец, хоть один правдивый ответ.

— Домой — это в Питер, — сквозь зубы прошипела Алёна. — Мы не шпионы и не преступники. По крайней мере — я.

— В Питер, значит, — задумчиво протянул очкарик. — Не в Ленинград. И там всё у вас другое: не такое, как здесь или в Москве. Две тысячи четырнадцатый год и странный калькулятор...

— На телефон намекаешь? — усмехнулся Витька Крест и повернулся к Алёне. — Раскололи они тебя. Что будем делать?

— А всё ты! — с ненавистью посмотрела на него Алёна. — Пивка ему захотелось на халяву выпить...

— Самое интересное, мужики, — обратился к замершим в изумлении студентам Крест. — Мне тоже очень хочется узнать, что это за «телефон» такой у неё в сумочке, и как я оказался в этом паршивом городишке?

— А вы, разве, не вместе? — пробормотал очкарик.

— Вместе, — кивнул Витька. — Но врозь.

— Как это?

— Не важно. Ну что, красавица, пытать тебя мы, конечно, не будем — люди кругом, и вообще. Может, сама, добровольно расскажешь?

— С какой стати? — обвела всех троих насторожённым взглядом Алёна, крепко прижав к себе сумочку. — Прощайте, мальчики. А ты, Виктор, можешь пойти со мной или остаться здесь. Навсегда. Выбирай!

Она пошла в сторону нужного ей выхода из сквера, но решительный голос Креста её остановил.

— Ты нам здесь и сейчас всё расскажешь, или...

— Или что? — повернулась к нему Алёна, кипя от злости.

— Или тоже останешься здесь, — нагло усмехнулся ей в лицо Крест. — Вот накинусь на тебя сейчас на глазах всех этих старух и молодых мамаш, те, конечно, моментально вызовут милицию. Воспользоваться прибором я тебе не дам. Так что, как ты любишь говорить: выбирай!

Когда Алёна молча вернулась и села на лавочку, а кореец и очкарик заняли свои места по бокам, Витька Крест вновь прислонился спиной к дереву. Он не понимал собственных поступков: зачем было останавливать девицу, задерживать её в этом парке? Что ему на самом деле важнее: рассказ Алёны или возможность побыть с ней подольше? Что если там, в Питере, она убежит, и Витька её больше никогда не увидит? Он же ничего о ней не знает!

Все молчали, ожидая, пока девушка успокоится и решится всё рассказать.

— Да, мы из будущего, — наконец выпалила Алёна, нервно кусая пухлую нижнюю губу. — Никаких подробностей тамошних реалий от меня не ждите — на это нет времени. Вот только если этот... — девушка презрительно мотнула головой в сторону Витьки. — Если он решит остаться здесь, тогда и расспросите его.

— С чего ты решила, что я не хочу вернуться? — удивился Крест.

— Не очень-то ты торопишься! — с горечью ответила Алёна и вызываясь вздёрнула растрёпанную головку. — И потом, думаешь, я буду молчать о твоём нападении?

— В полицию побежишь? — насмешливо скривил губы Крест и сплюнул. — И что ты им расскажешь? О краже машины времени? О путешествии в прошлое?

— О попытке ограбления! — взвизгнула девушка.

— У тебя что-то пропало? — деланно удивился Витька. — Есть свидетели нападения?

— Тихо, тихо, — вмешался кореец. — Не надо шуметь, мы и так привлекаем ненужное внимание. Оставьте свои разборки на потом. Леночка, расскажите о главном: как вы сюда попали?

— Вот именно! — поддержал его Крест. — Выкладывай, что за «телефон» у тебя в сумочке.

— Ты мне ещё будешь приказывать?! — вскочила разъярённая Алёна.

— Леночка, успокойтесь, — попытался удержать её за руку кореец. — А ты, Витя, помолчи, не раздражай девушку. Может, ещё пивка хочешь?

— Хватит с него! — раздражённо выдернула свою руку Алёна, но всё же вновь села. Её лицо покраснело, объёмистая грудь бурно вздымалась и опадала, будто девушка только что пробежала кросс.

— Так где же вы взяли этот странный «телефон»? — неожиданно подал голос очкарик. — Судя по реакции и вопросам Виктора, путешествие во времени и для него стало неожиданным сюрпризом. Я прав?

— Ещё как! — буркнул Крест. — Я такое только в фантастических фильмах видел.

Все парни дружно уставились на Алёну.

— Мне его дал... один человек, — неохотно ответила девушка. — Я действительно учусь в одном из питерских вузов. Вам необязательно знать, в каком. Как и имя профессора, руководителя моей практики на одном секретном предприятии. Во-первых, я давала подписку о неразглашении...

— Так не пойдёт, — решительно сказал Чен. — Мне всё равно, где вы, Леночка, учитесь и проходите практику. Оставьте свои секреты при себе. Но хотя бы в общих словах расскажите нам...

— Да врёт она всё! — прервал корейца Крест. — Сами подумайте: кто пустит какую-то студенточку в секретное учреждение? И уж тем более, доверит ей «машину времени»?

— Сам ты врешь! — вспыхнула Алёна. — Мой... руководитель практики работает в том учреждении, он — один из его основателей. И параллельно преподаёт в нашем институте. Сергей Иванович — учёный с мировым именем!

— Сергей Иванович, значит? — желчно хмыкнул Крест. — А ты — его лучшая и, наверно, любимая студентка и ученица? А может, не только студентка, раз он так тебе доверяет?

— Это не твоё собачье дело! — прошипела Алёна, с ненавистью глядя на Витьку. — Скажешь ещё слово, и я оставлю тебя здесь.

— Не надо ссориться, — попросил Чен. — Мы здесь не для того, чтобы лезть в вашу личную жизнь...

— Вот и не лезьте! — отрезала Алёна. — Профессор... заметил меня ещё на вступительных экзаменах. Предложил перейти на факультет, где он читает свой курс. Мне было всё равно — я тогда ещё не знала, кем хочу стать, чем заниматься. Просто жила рядом с тем институтом.

— А теперь, значит, не живёшь... — с неожиданной для себя горечью тихо сказал Витька.

— Сергей Иванович постоянно следил за моими успехами, — проигнорировала его реплику Алёна. — Выделял среди других студентов. Вскоре мы полюбили друг друга...

Витька громко хмыкнул.

— Да, полюбили! — вызывающе посмотрела на него Алёна. — Но это вовсе не значит, что он продвигает меня исключительно по этой причине. Я всегда сама всего добивалась: школу закончила с золотой медалью и в институте честно сдаю все зачёты и экзамены. А рассказываю вам всё это только для того, чтобы вы поняли, почему Сергей Иванович доверил мне Локатор.

— Ладно, ладно, — успокоительно прогудел Чен. — Мы вам верим. Давайте о главном: зачем этот секретный профессор дал вам Локатор?

— Это опытный экземпляр, — остывая пробурчала Алёна. — Первый и пока единственный. Его надо было испытать...

— И «папочка» вынес опытный экземпляр «машины времени» из секретной лаборатории и доверил его испытание любимой студентке! — саркастически воскликнул Крест и захохотал.

— Да, Лена, — смущённо улыбнулся очкарик. — Звучит несколько... фантастично, что ли.

— И тем ни менее, всё так и было, — спокойно ответила Алёна. — Но, если вы мне не верите, стоит ли рассказывать дальше?

— Стоит, — твёрдо сказал Чен. — А почему профессор сам не испытал прибор в лаборатории?

— Испытал, — вздохнула Алёна. — Результат был отрицательным.

— Не понимаю, — искренне удивился очкарик. — А что же, по мнению профессора, вы-то могли сделать? И как тогда оказались здесь, если «машина времени» не работала?

— Всё дело в том, что Локатор — это не машина времени, — смущённо посмотрела на него Алёна. — По крайней мере, никто не ожидал, что он может ею стать. Его создавали для поиска порталов.

— Каких ещё порталов? — спросил Чен. — Это ещё что за зверь?

— Вряд ли я смогу вам это объяснить, — улыбнулась Алёна. — У вас нет даже минимума необходимых базовых знаний. Это всё равно, что рассказывать первокласснику о логарифмах.

— Да брось ты выпендриваться! — взорвался Крест. — Никто не требует от тебя технических и научных подробностей. Портал — это просто вход, дверь в иной мир или другое время. Как он работает, нам сейчас абсолютно по барабану.

Алёна недовольно посмотрела на Витьку, презрительно дёрнула плечом и продолжила рассказ.

— Ну, ладно. Вы знаете, что люди постоянно куда-то исчезают или появляются из ниоткуда?

— Как это? — недоверчиво спросил Чен.

— А так, — вздохнула Алёна. — Идёт себе человек по улице и вдруг исчезает! А однажды целый полк английских солдат маршировал к линии фронта, зашёл в какое-то серебристое облако и пропал. С тех пор этих солдат никто не видел. Но известны случаи и внезапного появления исчезнувших людей, но совершенно в другом месте и даже времени.

— Ну, ты нам ещё про «Летучего голландца» расскажи! — хмыкнул Крест.

— И рассказала бы, да времени нет, — раздражённо огрызнулась Алёна, — Словом, подобные случаи — не редкость, и они известны с незапамятных времён. Есть множество теорий на этот счёт, но мой... — девушка с вызовом посмотрела на Витьку. — Сергей Иванович считает, что наш мир пронизан межпространственными и межвременными туннелями, как кусок сыра дырами. Каждая «дыра» — вход в такой туннель. Их, конечно, не видно невооружённым глазом, так как нам доступны только три измерения: длина, ширина и высота. Время можно считать четвёртым, но мы пока не умеем им пользоваться. Но, возможно, существуют и пятое, и шестое, и...

— Не лезь в дебри, — прервал Алёну Крест. — Всё равно не поймём. Давай ближе к делу.

— Почему это не поймём? — недовольно покосился на Витьку очкарик.

— Действительно, Витя, — поддержал друга кореец. — Тебя же просили помолчать.

Крест махнул рукой и сел прямо на траву, показывая, что готов слушать рассказ Алёны хоть до утра.

— Словом, Локатор — это индикатор порталов в межпространственные тоннели, — сказала Алёна. — В лаборатории он не сработал, значит — там портала нет. Вот меня и попросили походить с ним по городу.

— Наверде сапёра, ищущего мины в поле, — пробормотал очкарик.

— Да, — кивнула Алёна. — Я уже вторую неделю прочёсываю улицы Питера, а сегодня на меня неожиданно накинута этот...

Девушка махнула в сторону Виктора.

— Красиво лепишь, — скривился Крест. — Одно только не понятно: каким образом мы с тобой здесь оказались?

— Ты в армии служил? — насмешливо спросила Алёна.

— Пока нет. А что?

— Значит, не знаешь почему, когда отряд солдат вступает на мост, раздаётся команда идти не в ногу?

— Ты не уходи от темы...

— Я и не ухожу, — снисходительно усмехнулась Алёна. — Просто пытаюсь объяснить первоклашке, что такое логарифмы.

— Ну-ну, — буркнул Крест. — Валяй.

— Вы, Леночка, на резонанс намекаете? — вмешался очкарик.

— Конечно, — с удивлением посмотрела на него Алёна.

— У нас в институте есть военная кафедра, — пояснил кореец. — Поэтому мы знаем, что слаженный ритм поступи отряда солдат может войти в резонанс с колебаниями моста и тем самым разрушить его. Поэтому и даётся команда идти не в ногу.

— Очевидно, испускаемый Локатором сигнал вошёл в резонанс с частотой поля портала, и тот открылся, — сказала Алёна. — Другого объяснения у меня нет.

— И ты думаешь, здешний портал тоже откроется? — спросил Крест.

— Ну, пропустил же он нас сюда, — пожала плечами Алёна.

— А ты уверена, что мы вернёмся именно туда, откуда «стартовали»? — не унимался Крест.

— Уверена! — сверкнула в его сторону глазами Алёна. — В средние века в одном из тибетских монастырей жил парнишка-китаец по имени,

допустим, Ли. Однажды он исчез и вернулся назад только через несколько лет. Монахам он рассказал невероятную историю о том, что побывал в будущем. Описал современные города, самолёты и автомобили. Мальчишке не поверили, но записали его рассказ, и он дошёл до наших дней.

— Ну и что? — скептически хмыкнул Виктор.

— Эта история всплыла потому, что в одном из современных китайских городов из ниоткуда появился тот самый средневековый мальчишка Ли. Он говорил на древнем диалекте, с невероятной точностью описал монастырь, его порядки и назвал имена давно умерших монахов, якобы живших там. А через какое-то время этот мальчик исчез точно так же внезапно и необъяснимо, как появился. И, как я уже сказала, хроники монастыря говорят о том, что парнишка вернулся именно туда, откуда пропал. В любом случае, у нас с тобой, Витя, просто нет другого выхода. Пока не попробуем — не узнаем.

Алёна решительно встала.

— Больше мне вам, мальчики, сказать нечего. Пора возвращаться...

В погреб

Сам дом Алёна запомнила хорошо: его стены были недавно покрашены жуткой поносно-жёлтой краской. Соседние дома тоже не радовали глаз, но, по крайней мере, гамма их расцветки была более приятной: бледно-голубые и светло-розовые. «Цвета детской неожиданности», по выражению Алёниной мамы, был только один. Так что перепутать дом они не могли. Но вот, в каком из двух подъездов находится портал, Алёна не запомнила и в нерешительности застыла, как тот Буриданов осёл между двумя охапками сена.

— Ну, чего задумалась? — недовольно спросил Витька. — Локатор то тебе на что?

«И правда, — облегчённо вздохнула Алёна. — Чего это я туплю?». Она достала из сумочки прибор, включила его и пошла к ближайшему подъезду.

Крест поспешил за ней. «Чёрт её знает, эту чокнутую, — подумал он. — Ещё смоемся без меня». Витька обогнал Алёну и картинно-галантно распахнул перед ней скрипучую дверь. Последнее, что он увидел, прежде чем шагнул в полумрак подъезда, это две напряжённо застывшие посреди улицы фигуры московских студентов. А через мгновение его оглушил близкий взрыв...

Затащив ошарашенных Алёну и Витьку в пустой гараж, где уже жались друг к другу с десяток мужчин, женщин и детей, коренастый небритый мужик в грязных камуфляжных штанах и покрытой пятнами пота и крови зелёной футболке хрипло проорал:

— Какого чёрта вы выскочили на улицу во время обстрела?

— Да мы... — промямлил Витька.

— А вы чего стоите? — повернулся к окружающим мужик. — Не знаете, что делать?

Он, нагнувшись, рывком поднял крышку погреба.

— Давайте, быстро, спускайтесь. Сначала женщины и дети.

— Шмель, там темно, — дрожащим голосом сказала девушка в джинсах и светлой блузке, заглянув в яму.

— Вот, держи, — мужик вынул из кармана штанов огарок свечи и зажигалку. — Электричества нет, сами знаете. Нацагды неделю назад здешнюю подстанцию разбомбили.

Девушка зажгла свечу и ловко спустилась по крутой лестнице.

— Тут всё есть! — послышался из погреба её повеселевший голос. — И свечи, и запасы. Наверно, хозяева прятались...

Очередной взрыв прогремел совсем рядом, и по металлической двери гаража дробью застучали осколки камней. Мимо застывшей в ступоре Алёны протиснулась к погребу молодая женщина в коротком цветастом платье, крепко прижимая к груди мальчика лет пяти.

— Погоди, остановил её Шмель. — Дай мне мальчика, я подержу.

Но ребёнок испуганно посмотрел на него огромными недетскими глазами и ещё крепче прижался к матери.

— Ничего, — сказала женщина и начала неловко спускаться вниз. — Не впервой.

За ней, причитая, полезла в погреб грузная старуха. Снаружи продолжали грохотать взрывы. Оттолкнув Алёну, к спасительной яме бросились двое.

— Давай, сынок, быстрее! — послышался срывающийся от волнения мужской бас, и по крутым ступенькам вниз шустро сбежал парень лет двадцати, а затем сунулся и заботливый папаша.

— Ты что ж делаешь, гад? — яростно зашипел Шмель. — Я ж сказал: сначала женщины и дети!

— Дома у себя командуй! — огрызнулся щуплый седой мужик и исчез внизу.

— Люси, соседки моей нет! — подошла к яме худенькая старушка. — И дочки её...

— Чёрт! — выругался Шмель и чуть приоткрыл дверь гаража. — В машине остались. Девчонка, слышно, плачет, а мать не видать. Наверно на полу лежит. Если ранена, один я обоих не дотащу. Кто со мной?

Люди молча подходили к яме и суетливо спускались вниз, стараясь не смотреть на Шмеля.

— Я пойду, — неожиданно для самого себя сказал Витька и шагнул к двери.

— погоди, — остановил его Шмель. — Скоро обстрел закончится, и у нас будет несколько минут, пока укропы будут перезаряжать свои «грады». Тебя как зовут-то?

— Крест. А тебя — Шмель?

— Да. Ты сидел что ли?

— Нет, — удивился Витька. — С чего ты взял?

— А чего ж тогда Крестом назвался? Кликухи — они как татуировки: о многом рассказать могут.

— С детства так прозвали, — буркнул Витька. — Фамилия у меня — Крестовский, а имя — Виктор. А ты почему Шмель?

— А я — Николай Шмель, — протянул руку мужик. — Будем знакомы. Многие ополченцы кликухи используют: Бес, Моторола, Рязань, Самсунг. А мне с фамилией повезло — ничего придумывать не надо.

— Так ты — ополченец?

— Нет, — нахмурился Шмель. — Я до войны на маршрутке в Донецке шоферил. А как укропы на Донбасс полезли, хотел в ополчение записаться, но меня в штабе попросили иной работой заняться. Машину для этого дела мне начальство таксопарка оставило. Словом, спасаю беженцев. Сначала из Славянска возил, теперь — отсюда. Маршрут известный: через Донецк к Изварино, а там уже Россия. Обратным рейсом беру добровольцев и гуманитарку. Слышь — тихо стало. Пора!

Шмель решительно распахнул дверь гаража и бросился к стоящей на дороге «Газели». Витька поспешил за ним. На улице дышать было трудно: в воздухе висела плотная смесь дыма и пыли. Остро пахло гарью и порохом. Левый бок машины был весь в пробоинах. Нырнув с разбега вслед за Николаем в распахнутую дверь, Витька чуть не ткнулся лицом в безжизненное тело в камуфляже на переднем сиденье. В ноздри ударил запах крови. Крест застыл, с ужасом глядя на кровавую маску, бывшую ранее лицом. Посреди салона машины багрово блестела лужа, от неё вглубь вели красные следы ботинок.

— Ну, что застыл? — рявкнул Шмель. — Помоги мне. Самсунга не спасти: его убило сразу, первым же взрывом.

— Самсунга? — тупо спросил Витька, заставляя себя шагнуть в скользкую, страшную лужу.

— Наш сопровождающий через блокпосты, — пояснил Шмель, осторожно отрывая плачущего ребёнка от тела лежащей на полу женщины. — Как теперь поедём? Одна надежда на то, что меня уже везде и так в лицо знают. Принимай!

Шмель сунул Витьке в руки белокурую девочку лет четырёх. Тот неловко принял её и затоптался на месте, не зная, что делать дальше.

— Чёрт! — послышался сдавленный вскрик Николая. — Она без сознания. Одному мне её отсюда не вытащить.

— Я отнесу ребёнка и вернусь, — предложил Крест.

— Не успеем, — с досадой прохрипел Шмель, пытаясь поднять с пола тело довольно полной женщины. — Сейчас укропы опять долбить начнут.

— Давайте девочку мне, — вдруг раздался голос Алёны.

Витька оглянулся. Девушка стояла в дверях, решительно протягивая к нему руки.

— Ты откуда здесь? — удивился он.

— Какая разница? — прошипел Шмель. — Отдай ей ребёнка и помоги мне вытащить раненую.

Они успели спуститься в подвал за секунду до того, как гараж вновь содрогнулся от грохота взрывов. При колеблющемся свете старенькой керосиновой лампы и нескольких свечей, воткнутых в пустые бутылки из-под вина, погреб казался довольно большим и даже уютным. Вдоль стен стояли стеллажи, на которых виднелись ряды разномастных стеклянных банок, наполненных различными соленьями, компотами и соками. Посреди подвала на двухместной софе, покрытой цветастым байковым одеялом, уложили раненую женщину. В глубине на разложенном диване, паре кресел и брошенных прямо на пол толстых матрацах устроились испуганные пассажиры маршрутки.

— Доктор, идите сюда! — крикнул Шмель. — Нужна ваша помощь.

К удивлению Алёны, с матраца поднялся седой грубиян, оттолкнувший её от люка, чтобы его сын смог без очереди спуститься в подвал. Теперь это был совершенно иной человек: спокойный, решительный и как бы даже увеличившийся в росте.

— Свет! — пробасил он, и Шмель быстро поднёс ближе керосиновую лампу.

— Ты поняла, где мы? — тихо спросил Алёну Витька, оттянув её в полумрак более-менее свободного угла.

— Не глупей тебя! Нас вместо Питера в Новороссию закинуло, — по привычке огрызнулась Алёна, и успокоившаяся, было, на её руках девочка вновь захныкала от страха. — Не бойся, маленькая, — девушка ласково прижала ребёнка к груди. — Тётя не ругается на дядю: дядя хороший, он твою маму спасал.

— Зря старался... — упавшим голосом сказал Витька. В животе у него завязался тугой клубок, а к горлу подкатила горечь.

Алёна проследила его взгляд. Доктор молча накрывал с головой невесть откуда взявшейся грязной серой простынёй раненую женщину. Шмель стоял рядом, сжимая и разжимая кулаки. Громко запричитала старуха, но на неё шикнула женщина в цветастом платье: «Мама, не пугайте детей!», и та отвернулась к стене, зажимая рот, но её плечи продолжали трястись от рыданий.

— Если б её сразу в больницу... — жалко пробурчал доктор и перекрестился. Он опять ссутулился и усох.

— А кто б её там спасал? — зло ощерился Шмель. — Ты же вот сбежал! И не ты один...

— Да, бегу! — вскинулся доктор. — Я уже жену на днях похоронил: вышла из дома, хотела в магазин за продуктами сходить, а тут — арт-обстрел. В двух шагах от родного дома по кускам собирать пришлось. И я решил: хоть сына от этой проклятой войны спасу. Пусть в нормальной стране живёт, а сюда мы уже всё равно никогда не вернёмся. Некуда нам возвращаться. Да что я перед тобой оправдываюсь? Ты ж сам вон уже сколько таких, как я, в Россию вывез, да и сейчас везёшь...

— Ты себя с ними не равняй, — махнул рукой в сторону затихших женщин и детей Шмель. — Одно дело — бабы, дети и старики, а другое — врач и молодой здоровый парень. Ты в больнице нужен, чтобы раненым жизнь спасать, а твой сын — в ополчении должен Родину от бандерлогов и нацгадов защищать, за мать свою мстить, а не...

— Родину? — взревел доктор. — Моя Родина — Советский Союз! Я и мой сын — люди гражданские. Пашка даже в армии не служил, что он может? Погибнуть в первом же бою? Нет уж! Пусть российская армия воюет. Путин обещал нас защитить — и где его войска?

— Ишь ты, какой хитрый! — зло усмехнулся Шмель. — На Донбассе миллионы здоровых мужиков и парней, а сколько из них в ополчении воюет? Несколько тысяч! А остальные чего ждут? Думаешь, Путин — дурак? Пошлёт своих солдат жизни класть за тех, кто сам себя защищать не хочет?

Женщина в коротком цветастом платье встала с кресла, взяла за руку сына и, подойдя к спорщикам, укоризненно сказала:

— Угломонитесь, чего уж теперь кричать? Дайте лучше пройти.

Те расступились, и женщина подошла к Алёне.

— Вот, сынок, ты всё сестрёнку хотел, — сказала она мальчику и протянула ко всё ещё всхлипывающей девочке полные загорелые руки.
— Анечка, иди ко мне.

Та энергично освободилась от объятий Алёны и вскоре стояла рядом с мальчиком.

— Тётя Маша, а где мама? — спросила она.

— Мама должна была вернуться к папе, — присела рядом с детьми женщина и прижала их к груди, пряча выступившие слёзы. — Просила тебя пожить с нами, пока она за тобой не придет. Ладно?

— Ладно, — покорно кивнула девочка.

— Ну, пойдёте, там кресло для нас разложили, отдохнём перед дорогой, — женщина повела детей назад, мимо софы с прикрытым простынёй телом.

— Мама, а если мы попросим Бога, он выключит войну? — вдруг спросил мальчик, косясь на проступившие на простыне пятна крови.

— Конечно, сынок, — ответила Маша. — Вот до церкви доберёмся и помолимся. Бог нас обязательно услышит.

Алёна вдруг повернулась к Витьке и, дрожа, прижалась к нему, пряча лицо на его груди. Он неловко обнял её, чувствуя, как горячо намокает от её слёз его рубашка.

— Ну, что ты? — бессвязно забормотал он. — Всё будет хорошо...

К ним подошёл Шмель и протянул вскрытую трёхлитровую банку яблочного сока.

— Вот, попейте, — хрипло произнёс он. — Прошлогодний, судя по этикетке, но вполне себе ничего. Есть ещё грушевый, сливовый и вишнёвый, если хотите. Хозяева этого подвала капитально запаслись...

Алёна отстранилась от Витьки, вынула из сумочки салфетку и быстро вытерла мокрое лицо.

— Спасибо, — жалко улыбнулась она, принимая тяжёлую банку. — Вот, расклеилась я что-то. Тяжёлый выдался день...

— Извините, ребята, воды мало, — виновато сказал Шмель. — Нашли неполную пятилитровую бутылку, отдали детям и их матерям.

— Всё нормально, — буркнул Витька, следя, как Алёна пытается пить из банки сок. Зубы её стучали о стекло, по подбородку на грудь стекали густые жёлтые струйки.

— Ну, вот, — вздохнул Шмель. — В моей машине освободилось два места. Вы как: останетесь здесь или, может, махнёте с нами туда, в Россию?

— Спасибо за предложение, Коля, — серьёзно ответил Крест, переглянувшись с Алёной. — Мы подумаем.

— Не ожидала я, что уголовник станет рисковать своей жизнью ради посторонней женщины, — тихо сказала Алёна, когда Шмель отошёл.

— Я — не уголовник, — обиделся Крест.

— А кто же ты? — удивилась та и отдала Витьке банку с соком. — Грабишь на улице беззащитных девушек...

— Ну, уж и беззащитных! — ухмыльнулся Крест. — Удивляюсь, как это мне удалось вырваться из твоих рук.

Он тоже приложился к банке и остановился только тогда, когда почувствовал, что больше не может влить в себя ни капли. Поставив полупустую банку на ближайшую полку, Крест с удовлетворением почувствовал, что яблочный сок наконец-то смыл так мучивший его последние минуты противный привкус пороха и крови.

— И много ты «зарабатываешь» грабёжом? — искоса взглянула на него Алёна.

— Ты — моя первая жертва, — невесело признался Крест. — Так что, считай сама...

— Врёшь! — не поверила Алёна. — Кто же ты тогда?

— Студент, как и ты, — вздохнул Крест.

— Ищи дуру! — вспыхнула Алёна. — А как же все эти твои уголовные «замётано» и «за базар надо отвечать»?

— Я ж для тебя — грабитель и вор, — улыбнулся Крест. — Пришлось соответствовать образу. К тому же, уголовный жаргон, после всех этих бесконечных бандитско-ментовских сериалов, что идут по телевидению, скоро вообще заменит русский язык. Все начнут «ботать по фене».

— И на кого же ты учишься? — спросила Алёна, всё ещё недоверчиво глядя на Витьку.

— Перед тобой, как это ни странно, будущий филолог.

— Кто?! — аж подпрыгнула девушка. — Филолог? Может, ты ещё и стихи пишешь?

— Пишу, — не стал отрицать Витька. — Но проза мне ближе.

— А ну, прочти что-нибудь! — потребовала Алёна. — Хотя, нет, не надо: откуда я знаю, что ты своё читаешь? Сочини прямо здесь и сейчас!

— Ты что, с ума сошла? — опешил Крест. — О чём?

— Да вот обо всём этом, — кивнула девушка на жмущихся друг к другу, вздрагивающих от взрывов пассажиров маршрутки. — Что, слабо?

— Ну, ладно, — усмехнулся Витька. — Слушай.

Встав, он глубоко вздохнул и начал громко читать стихотворение, отбивая ритм взмахом правой руки.

Порешил Кощей расчётно-точно:
«Захочу, и всем устрою мрак!»
Только вот стоит и днём и ночью
На его пути Иван-Дурак.

О себе не слишком-то боля,
Но за брата, за родного, враз
Он, душой и взглядом тяжелея,
Врежет супостату в наглый глаз.

В Крым пошёл Иван к родному брату,
Сели за стол, похлебали щей.
Вместе легче биться с супостатом,
В злом бессилье мечется Кощей.

Набирайтесь, братья, доброй силой.
На Майдане поселился вор.
Крым теперь опять навек с Россией,
За Украину завтра разговор.

— Здорово! — воскликнул Шмель. — Повезло крымчанам. Скорее бы и нам...

— Бросьте вы эту агитацию! — прервал его врач. — Где эти братья? Мы им поверили, а теперь вот сидим в подвале, как крысы.

— Тише вы! — шикнула на них Маша, прижимая к себе уснувших детей.

— Неужели, действительно, твоё? — понизив голос, спросила Алёна вновь севшего рядом с ней Витьку.

— Моё, — скромно потупился Крест. — Но, честно говоря, это не экспромт, — признался он. — Хотя, написано недавно: в марте на волне всеобщей эйфории накатал.

— Всегда завидовала творческим людям: писателям, художникам, композиторам, — вздохнула Алёна. — И чего тебя понесло в грабители?

— «На счётчике» я, — мрачно ответил Витька. — А расплачиваться нечем.

— Как это? — не поняла девушка. — На каком счётчике?

— В долги влез, — пояснил Крест. — Поддался сдору на эту всеобщую моду на всяческие нетбуки, айфоны и айпады. Опять же, все курсовые и рефераты надо делать на компьютере, а клянчить всё время ноутбук у соседа по общаге надоело. Да и послал тот меня открытым текстом — ему в интернете охота по сайтам полазить, в игры по сети поиграть, а тут я со своими просьбами. Вот и взял кредит на покупку всего этого добра, а отдавать нечем. К тому же ещё и проценты набегали немалые. Начались звонки из банка, потом письма с угрозами суда, а пару месяцев назад ко мне в общагу открыто заявились бандиты, которым банк толи продал мой долг, толи просто нанял их, чтобы выбить из меня деньги. Словом, отделали меня так, что мама не горюй!

— Не может быть! — ужаснулась Алёна.

— Се ля ви! — развёл руками Крест. — Забрали всё: и ноут, и принтер, и айфон, а сумму долга ещё и увеличили — типа, им я тоже теперь за хлопоты должен. Дали месяц сроку и назначили свои проценты за каждый день — «поставили на счётчик».

— И тогда ты пошёл грабить, чтобы вернуть им деньги? — догадалась Алёна.

— Не сразу, — вздохнул Крест. — Сначала, отбросив гордость, обегал всех своих друзей и знакомых. Никто ничего не дал. Большинство — такие же, как я, нищие студенты, с трудом сводящие концы с концами. А те, у кого денежки есть, только посмеялись и предложили попытать счастья в карточной игре — новичкам, типа, везёт! Я, дурак, согласился. Одолжил немного денег, чтобы было, что ставить на кон, и поначалу мне, действительно, везло. Меня подбадривали, а ставки незаметно росли, и в результате я теперь должен немалую сумму и этим шулерам.

— И тогда ты пошёл грабить? — с сочувствием спросила Алёна.

— Нет, — отрицательно качнул головой Крест. — Попытался найти хоть какую-нибудь работу. Но это оказалось практически невозможно: днём надо ходить на лекции, а вечерние и ночные работы давно и прочно застолбили гастарбайтеры. Разовые приработки меня не спасли.

— А у родителей гордость не дала помощи попросить?

— Нет у меня никого, — признался Крест. — Отца вообще никогда не видел — тот сбежал ещё до моего рождения. Мама погибла, когда мне и пяти лет не было — шла по краю тротуара, а какой-то пьяный подонок не справился с управлением своей машины. Бабушка умерла в прошлом году. Есть, конечно, ещё какие-то родственники, но я с ними

практически не общался и даже адресов их не знаю. Только на похоронах и встречались...

— На что ж ты живёшь?

— Сдаю квартиру таджикам, торгующим на базаре сухофруктами, — признался Крест. — Не на стипендию же! Я даже ездил в свой захолустный городок, просил у жильцов заплатить вперёд за несколько месяцев, но те только руками развели — всё заработанное, дескать, сразу переводят в доллары и отправляют на родину, семьям.

— И тогда... — неуверенно начала Алёна.

— Нет, ещё не тогда, — скривил губы в жалкой улыбке Крест. — Сначала бандиты вновь хорошенько отмузузили меня, потом, видя, что взять с меня нечего, отвезли в другой банк, где мне моментально оформили новый кредит. Я тут же полностью расплатился с бандитами, потом — с карточными игроками, но понял, что, когда придёт срок возврата кредита, ко мне снова заявятся всё те же костоломы.

— И вот уже тогда...

— Да, — кивнул Крест. — Так я из студента превратился в неудачливого грабителя.

— Да уж, — хмыкнула Алёна. — Ты — явный неудачник!

— Зато я встретил тебя, — неожиданно вырвалось у Витьки, и он смущённо отвернулся и потянулся за банкой с остатками сока.

— Выходим! — вдруг громко скомандовал Шмель. — Похоже, на сегодня укропы закончили. Надо быстрее сматываться отсюда.

Он первым поднялся по лестнице и откинул крышку люка. За ним неуверенно полезли остальные.

— Как думаешь, — спросил Алёну Крест, помогая девушке встать. — Может, мне не возвращаться в Питер, а остаться здесь? По крайней мере, погибну за настоящее дело...

— Попробуй только бросить меня одну в такой ситуации! — яростно сверкнула глазами девушка. — Не отчаивайся, — сбавила она тон, увидев, как потемнел от обиды Крест. — Мы обязательно что-нибудь придумаем. Серёжа... профессор Владимиров наверняка поможет тебе, у него большие связи. По крайней мере, устроит на работу в свою организацию — ты же теперь полноправный участник важного эксперимента!

— Не нужно мне ничего от твоего профессора! — зло буркнул Крест и, осторожно взяв у Маши спящую девочку, полез наверх...

Тела погибших положили на обочине дороги, рядом с иссечённым осколками деревом и накрыли одеялом, чтобы не пугать детей. Потом

женщины какими-то тряпками начали спешно затирать кровавые лужи на полу маршрутки. Шмель обошёл машину, попинал чудом уцелевшие шины, проверил, как заводится мотор.

Алёна и Витька стояли у входа в гараж, наблюдая, как доктор с сыном расчищают покрытую воронками дорогу от упавших ветвей дерева.

— Обманул китаёза, — тихо буркнул Крест. — Как нам теперь домой вернуться? Может, действительно, с беженцами поехать?

— А я верю китайцу, — упрямо тряхнула чёлкой Алёна. — Наверно, мы не в тот подъезд вошли. Надо попробовать вернуться в Белоруссию.

— Ты запомнила, где портал? — тихо спросил Крест.

— Должен быть где-то здесь, — неуверенно ответила Алёна. — Мы вышли, и Шмель почти сразу затащил нас в гараж. Он что-то говорил про дом.

Это был так называемый «частный сектор» — либо какой-то посёлок, либо окраина города. Вдоль узкой дороги за высокими заборами стояли одноэтажные кирпичные дома, окружённые большими участками садов и огородов. Большинство из них было полуразрушено и, по-видимому, давно покинуто жителями. Рядом с их гаражом был только один дом. Вернее — обгорелые развалины без крыши и передней стены. Даже двери не было, откуда они могли бы выйти.

— Доставай Локатор, — предложил Крест.

Алёна покорно вынула из сумки прибор и включила. Табло осветилось, по нему побежали какие-то цифры.

— Он должен быть где-то здесь, — неуверенно указала девушка в сторону дома.

И тут они оба увидели. В паре метров от них воздух переливался и дрожал, как над костром или раскалённым асфальтом. Витька оглянулся. Шмель с кем-то говорил по рации, которую он несколькими минутами ранее достал из кармана «разгрузки» Самсунга. Автомат погибшего Николай держал в левой руке.

— Если уходить, то сейчас, — сказал Витька. — Пока не приехали за телами. Шмель нас ни о чём не спрашивал, а вот другие...

— Уходим по-английски, — кивнула Алёна. — Не прощаясь.

И, взявшись за руки, они дружно шагнули в колеблющееся рядом марево портала...

Конечно, это была всё та же знакомая им улица «пивного» белорусского городка. Московских студентов поблизости уже не было, и Витька с Алёной, крепко сжимающей в руке работающий Локатор, под удивлёнными взглядами сидящих на лавочке старушек быстро пробе-

жали несколько метров, обогнув небольшой палисадник с полужасохшей клумбой, и буквально вломились в соседний подъезд...

Новый старый знакомый

Их взяли сразу, как только они появились в полумраке проходного питерского подъезда. Двое крепких парней профессионально вывернули Витьке руки за спину, согнув его самого так, что он чуть не ткнулся носом в собственное колено. Звонко клацнул холодный металл наручников. Резким рывком один из громил вернул Креста в вертикальное положение, а второй тут же ловко вставил в распахнутый от неожиданности и боли рот Витьки кляп.

— Что вы делаете? — возмущённо вскрикнула рядом Алёна. — Кто вы такие?

— Тихо, Леночка, — раздался в ответ спокойный властный голос. — Всё в порядке, не кричи.

В дверях одной из квартир первого этажа стоял высокий грузный мужчина в мятых белых брюках и светло кремовой рубашке с короткими рукавами.

— Серёжа! — удивлённо-радостно воскликнула Алёна и тут же смущённо поправилась: — Сергей Иванович, что тут происходит?

— Отпустите её, — приказал профессор Владимиров двум парням, крепко держащим Алёну за руки, и те послушно освободили девушку. — Я знаю, у тебя сегодня был очень трудный день, — Сергей Иванович брезгливо взглянул на заляпанную кровью и яблочным соком блузку Алёны. — Иди домой, отдохни...

— Никуда я не пойду, — сверкнула глазами Алёна. — Мне нужно тебе... вам столько рассказать, объяснить...

— Потом, — нетерпеливо отмахнулся от неё профессор. — Сейчас не до тебя. Костя, отвези её домой.

— Я никуда не поеду! — решительно повторила Алёна и оттолкнула парня, попытавшегося вывести её на улицу. — Сначала объясните, что здесь происходит?

— Как хочешь, — равнодушно отвернулся от неё профессор и шагнул к Витьке. — Ну, здравствуй, Виктор. Давно я тебя ищу. В машину их! — приказал он парням. — Обоих. Едем на базу.

Окна в роскошном лимузине профессора были закрыты чёрными, под цвет кожаной обивки сидений, шторами, и Крест не видел, куда и по каким улицам их везут. Алёна, надувшись, сидела рядом, а профес-

сор вальяжно развалился напротив, с интересом разглядывая пленников.

— Ехать долго, может, пока поговорим? — предложил он и, нажав кнопку, отделил кабину шофёра от салона звуконепроницаемой перегородкой. — Готов ответить на все ваши вопросы, чтобы не тратить на это время в дальнейшем.

— Вы сказали, что давно искали меня, — ответил Крест. — Зачем? Разве вы меня знаете?

— Недостаточно, — кивнул профессор. — Потому мне и понадобилась помощь Леночки, чтобы тебя найти.

— Моя помощь? — непритворно удивилась Алёна. — О чём это ты? Я же искала портал...

— Ты искала человека, способного открыть портал, — усмехнулся профессор. — Вот его.

— Меня? — хмыкнул Крест. — У кого-то тут явно поехала крыша!

— Не понимаю, — пролепетала Алёна. — А как же Локатор?

— Вы, конечно, знаете о существовании дальтоникиков? — спросил профессор. — Это люди, не различающие цвета. Для них, что красный, что зелёный — всё едино. Так вот, если воспользоваться этой аналогией, то большая часть человечества — «дальтоники». В том смысле, что видит только нашу действительность. Но есть и небольшой процент людей, которые способны в определённых обстоятельствах увидеть вход в параллельный мир, портал. Мы называем их «сезамами». Потому что они могут не только видеть порталы, но и открывать и даже проводить сквозь них обычных людей. И самое удивительное в том, что сезамам для этого не нужны технические устройства! Да-да, моя милая, наивная Леночка, Локатор — не может открыть портал. Ты, Виктор, верил, что прибор работает, и бессознательно открывал порталы, и это помогло вам с Леночкой вернуться назад.

— Почему я? Может, это Алёна? Ведь в самый первый раз я ничего не знал о Локаторе, принял его за обычный сотовый телефон, так что ни во что подобное верить не мог.

— Разумеется, прибор работает, — снисходительно пояснил профессор. — Но он воздействует не столько на портал, сколько на мозг сезама. Это обычный катализатор и усилитель определённых частот излучений головного мозга. Мы, обычные люди, сигнал Локатора не воспринимаем, а вот на тебя он подействовал. Да ещё, наверно, и стрессовая ситуация, опасность быть пойманным внесли свою лепту. Эффект, как говорится, налицо: ты открыл портал, причём — неоднократно, раз уж вы сумели вернуться. Именно ты, Витя, являешься сезамом, потому

что Леночку мы проверили в первую очередь, а потом и всех без исключения сотрудников нашей организации, — скривился профессор Владимиров.

— Каким образом? — не поверила Алёна. — И почему я раньше ничего не слышала о сезамах?

— А ты действительно веришь, что я допустил тебя ко всем своим секретам? — насмешливо усмехнулся профессор. — Ты нужна нам была только в качестве наживки для выхода на Виктора и знала только то, что я позволил тебе знать. Мне даже пришлось разыгрывать из себя влюблённого идиота, чтобы занять твою голову проблемами, далёкими от порталов, и избегать неудобных вопросов.

— Мерзавец! — вспыхнула Алёна.

— Ну-ну, — поморщился профессор. — Давай обойдёмся без взаимных оскорблений. Ты ещё заплачь...

— Не дождёшься!

— Вот и славно, — удовлетворённо вздохнул профессор и повернулся к Виктору. — Терпеть не могу женских истерик. Как я рад, что ты — мужчина.

— Не могу сказать того же о вас, — угрюмо ответил Крест, бросив на Алёну сочувственный взгляд.

— Ну, надо же, — удивился профессор. — Да ты, оказывается, джентльмен! А у меня при первой нашей встрече много лет назад в советской тогда ещё Белоруссии почему-то сложилось о тебе мнение как о мелком воришке, наглom попрошайке и хаме. Не помню, чтобы ты особо любезничал в то время с Леночкой. И она вот тебя почему-то защищает теперь, а тогда, могу поклясться, люто ненавидела.

Витька с Алёной с недоумением смотрели на профессора.

— О чём это ты? — наконец, вымолвила девушка. — Откуда...

— Ну, не тупи, дорогая, — вздохнул профессор. — Это же я был тем тощим студентом-очкариком, что познакомился с вами в белорусской пивнушке, а потом провожал в парк и к portalу.

— Ты — тот студент? — всё никак не могла поверить Алёна.

— Да, я теперь не так строен и кучеряв, — вздохнул Сергей Иванович, погладив одной рукой округлый животик, а другой наполовину лысую голову. — И очки мне давно не нужны — небольшая операция на глазах в клинике Святослава Фёдорова. Но это, действительно, я был тем скромным и стеснительным студентом. Ваша история произвела на меня просто огромное впечатление, заставила сменить институт и специальность, через много лет найти тебя, Леночка, и постараться удержать рядом с собой.

Это было не просто! Что я знал о тебе? Студентка одного из питерских вузов в две тысячи четырнадцатом году. Фамилия — неизвестна. Имя — возможно, вымышленное. А о Викторе — вообще ничего! Кроме того, за десятки прошедших с нашей первой встречи лет я основательно подзабыл вашу внешность. Три года я прочёсывал все питерские вузы, пока не увидел тебя, Леночка, на приёмных экзаменах в собственном институте, и только тогда вспомнил, что именно так, по твоим словам, мы и должны были встретиться! Оказалось, ты нас тогда в Белоруссии не обманула, рассказала правду. И это дало мне первое доказательство того, что я иду верным путём, и вскоре ключ к порталам окажется в моих руках.

Однако, когда был создан первый прототип Локатора, и мы убедились, что он не может открыть портал, я понял, что это сделал кто-то из вас двоих. Ты оказалась обычной девушкой, и нам пришлось заняться поисками Виктора. Однако, когда и в каком именно переулке он на тебя нападёт, я не знал, а потому, пока ты блуждала по городу с Локатором в руках, за тобой непрерывно следили мои люди. Когда вы исчезли, мне позвонили, я тут же приехал, и мы ждали вашего возвращения прямо в том проходном подъезде. Но вас всё не было и не было, и мне пришлось снять квартиру у местного алкаша, чтобы не маячить на глазах у жильцов, возбуждая ненужное любопытство и беспокойство. Мы ведь всего пару часов тогда в Белоруссии провели вместе, не больше. Что же случилось с вами обоими? Где вы задержались на целых пять суток?

— Пять суток? — удивился Крест. — А что случилось с вашим другом-азиатом?

— С Андрюшей-то? — вздохнул профессор. — Он недавно погиб. На Донбассе.

— На какой стороне?

— На нашей, конечно!

— А вы — на какой? — не унимался Крест.

— Я — патриот России, — пристально глядя Витьке в глаза, ответил профессор.

— Я тоже, — усмехнулся Крест. — И всё же хотелось бы более конкретного ответа, потому что одни патриоты с радостью говорят: «Крым — наш!», а другие, тоже патриоты, с негодованием кричат: «Руки прочь от братской Украины!».

— А ты, Виктор, не так прост, как мне казалось, — удивлённо сказал Сергей Иванович. — Конечно, я — из первых, как и Андрюша Чен. Он был, как вы знаете, русским корейцем, крымчанином. Институт, как

я, менять не стал — не чувствовал в себе необходимых для другой специальности способностей. Но и по выбранной ему поработать не удалось: его распределили в КГБ. Отказываться от подобных предложений в то время было не принято. Зато это позднее помогло нам найти первого сезама. К сожалению, мы его быстро потеряли, но успели в достаточной степени изучить. Вот почему, Леночка, я всегда точно знал, что ты — обычный человек.

— У вас был живой сезам? — удивлённо воскликнула Алёна. — Когда? И почему я об этом ничего не слышала?

— Ты и не могла слышать, — усмехнулся профессор. — Это случилось, когда тебя ещё и на свете не было. К тому же, зачем отягощать твою прелестную головку излишними знаниями?

Алёна насупилась и отвернулась.

— Как это произошло? — стараясь отвлечь девушку от неприятных мыслей и вернуть разговор в кровно интересующее его русло, спросил Крест.

— Андрей Чен работал в Москве, а я, как вы знаете, перебрался в Ленинград, — с готовностью начал рассказ профессор Владимиров. Ему, видимо, давно хотелось хоть с кем-нибудь поделиться своей тайной, чего он не мог позволить себе ранее. Крест и Алёна оказались единственными людьми, перед которыми он мог открыться почти полностью. — Но мы не теряли связи. Однажды он неожиданно позвонил мне и попросил срочно приехать к нему в Москву. У меня в то время было полно дел, но Андрей произнёс в качестве причины только одно слово — «сезам», и я, бросив всё, поспешил к нему.

По долгу службы Чен курировал одну подмосковную психушку, в которую наши спецслужбы направляли «на лечение» всяких там диссидентов и тому подобных неугодных властям людей. Но были там и обычные больные. Словом, об одном из таких психов Андрею и рассказал главврач больницы.

Представьте себе: зима, февральская метель, мороз около двадцати градусов. На одной из улиц Коломны — не нашей, питерской, а старинной, подмосковной — машина чуть не сбивает невесту откуда взявшегося прямо на дороге полуголого человека, одетого в тонкую, мокрую насквозь накидку и сандалии. По-русски этот неизвестный не говорит, а его тарабарщину тоже никто из окружающих не понимает. Документов, конечно, никаких при нём нет. Сначала его доставили в местную больницу, и там совершенно случайно выяснилось, что он говорит на древнегреческом языке! Один из профессоров-филологов коломенского пединститута как раз лежал в той же палате на соседней койке.

Бред соседа так поразил его, что он потребовал немедленно вызвать психиатра.

Словом, вскоре странный незнакомец оказался в кагэбэшной психушке. Чен нашёл соответствующего специалиста, и тот, наконец, перевёл невероятный рассказ неизвестного о себе. Того звали Аякс, родился и вырос он в древнегреческом Коринфе, был матросом на корабле местного купца. Однажды на пути к Криту их галера попала в бурю и затонула. Когда Аякс погрузился в воду и уже начал прощаться с жизнью, то неожиданно оказался в нашем мире.

Никто, конечно, в его историю не верил. Кроме Чена и меня. И мы решили рискнуть: пошли в соответствующий отдел КГБ, занимавшийся всяческими сверхъестественными явлениями — телепатия, телекинез и тому подобное. Рассказали свою историю, то бишь — про встречу с вами, гостями из будущего, в Белоруссии во время студенческой практики. Андрей Чен явно рисковал тогда своей карьерой, как и я, впрочем. Но, во-первых, нас было двое, рассказывавших абсолютно одинаковую историю, а во-вторых, мы предложили для доказательства своих слов провести эксперимент. У нас же был живой сезам — Аякс, и мы точно знали, где находится портал — тот дом в Белоруссии, в котором вы исчезли практически на наших глазах. Шансы на удачу были довольно высоки, и вскоре наша небольшая группа прибыла в Светлогорск.

Однако, там мы столкнулись с неожиданной трудностью. За десять прошедших лет город изменился. Те двухэтажные дома снесли, а сквер превратили в парк с детскими аттракционами. Было лето, воскресенье, кругом бегали дети, у лотков с мороженым и напитками толпились покупатели. Мы бродили по парку, стараясь определить, где же раньше был тот чёртов дом. Аякс, впервые вышедший из психушки в большой мир, смотрел вокруг с детским восторгом и жадностью первооткрывателя. Наша группа тоже вызвала у окружающих сильный интерес. Жара под тридцать градусов, а трое здоровых крепких мужчин парятся в костюмах: Чен и двое охранников прятали под пиджаками кобуры пистолетов. Мне было легче в обычных летних брюках и рубашке с короткими рукавами, переводчица с древнегреческого тоже не особо страдала в своём пёстром сарафане. А вот Аякс явно маялся в непривычной одежде — больничная пижама за полгода несколько примирила его с необходимостью носить «варварские штаны», но тесные джинсы и ярко-красная тенниска (чтоб не потерялся в толпе в случае чего) явно напрягали грека. Мне ещё пришлось тащить первый вариант Локатора, который был в то время весьма громоздким и тяжёлым.

Врачи, конечно, предварительно исследовали Аякса по всем возможным параметрам. Единственное, что мы нашли — необычное излучение мозга. У других людей оно тоже есть, но на несколько порядков слабее. Локатор и должен был улавливать наличие этого излучения. И он его фиксировал — Аякс же был рядом! В спешке и волнении я как-то упустил это из виду. Грек был живой помехой для работы Локатора в плане поисков портала. Когда я это понял, то выключил прибор и предложил охранникам увести Аякса из парка в служебную квартиру КГБ. Те вздохнули с явным облегчением.

Мы остановились у киоска и взяли напоследок кто мороженое, кто бутылку холодного лимонада. Аякс с восторгом откусывал пломбир и счастливо улыбался дородной переводчице, передавшей ему лакомство. Какой-то ребёнок лет пяти промчался мимо нас на трёхколёсном велосипеде и вдруг, наехав на корень дерева, вспучивший тонкий асфальт дорожки, упал и громко заплакал. Аякс бросился к нему и... исчез!

На несколько секунд мы все замерли, не веря своим глазам. Испуганный малыш закричал ещё громче, и наступил всеобщий хаос. Охранники метались по парку в поисках пропавшего грека, Чен отгонял людей от упавшего с велосипеда мальчика, мать ребёнка рвалась на помощь орущему благим матом сыну, переводчица громко звала Аякса, а я, вновь включив Локатор, лихорадочно крутил ручки настройки.

Вот так мы нашли и потеряли первого сезама. Зато доказали высокому начальству, что не выдумали свою историю. Мне создали все условия для работы над усовершенствованием Локатора, Чен прочёсывал психушки в поисках пришельцев из прошлого или будущего, но тут вдруг случилось то, что мы давно с Андрюхой ждали — распался СССР, а с ним был ликвидирован и КГБ.

— И на кого же вы работаете сейчас? — спросил Крест.

— В первую очередь на себя, — чуть помедлив, ответил профессор Владимиров. — Но ты, Витя, прав: за мною по-прежнему стоят весьма могущественные люди, и я получаю в полной мере необходимую финансовую поддержку, не говоря уже о защите. Но об этом мы...

Лимузин затормозил и остановился.

Предложение

— Ты на удивление здоровый человек, Витя, — просматривая что-то на экране монитора, сказал профессор Владимиров. — Это только предварительные результаты осмотра. Завтра утром, натошак, мы возь-

мём у тебя анализы крови, мочи и тому подобное и проведём более подробные исследования. Но и то, что есть сейчас, весьма меня радует. Нынешняя молодёжь, к сожалению, очень часто уже с раннего детства обременена различными хроническими заболеваниями, а вот ты — молодец!

— Рад это слышать, — хмуро буркнул Крест. — Где Лена?

— Лена? — недоумённо посмотрел на него Сергей Иванович. — Причём тут Лена?

— Я просто хочу знать, всё ли с ней в порядке?

— Да что с ней сделается! — пренебрежительно взмахнул рукой профессор. — Ну, поревёт немного, потом успокоится. Лучше давай поговорим о деле.

— Поговорим, — согласно кивнул Крест. — После того, как я увижу, что с Леной всё в порядке.

— Ты что, влюбился, что ль, в эту дурочку? — удивился Сергей Иванович.

— А если и так? — с вызовом посмотрел на него Крест.

— Что ж, — задумчиво побарабанил пальцами правой руки по подлокотнику кресла профессор. — С одной стороны это несколько осложняет дело, но с другой...

Он достал из ящика стола пульт. Вспыхнул висящий в простенке между закрытыми жалюзи окнами плоский экран телевизора. Сергей Иванович нажал ещё пару кнопок, и на экране появилось изображение небольшой пустой комнаты. Широкая двуспальная кровать, застеленная розовым покрывалом, занимала большую её часть. У окна стояло изящное трюмо, заставленное множеством разнообразных флаконов, тюбиков и коробочек. Сергей Иванович вновь нажал кнопку на пульте, и спальню на экране сменила столь же пустая гостиная. Большой угловой диван и два низких кресла, тоже все розового цвета, между которыми стоял небольшой столик. На столике возвышалась хрустальная ваза, наполненная фруктами, янтарно отсвечивала жидкость в изящном графинчике, радужно переливались в лучах света высокие бокалы. Раздражённо буркнув что-то неразборчивое, Сергей Иванович нажал новую кнопку, и на экране появилась большая круглая ванна, наполненная бурлящей водой и кипельно белой мыльной пеной, сквозь которую кое-где розовело тело лежащей с закрытыми глазами Алёны.

— Как видишь, с ней всё в порядке, — усмехнулся Сергей Иванович и подмигнул оторопевшему от неожиданности Витьке. — Что, хороша девочка?

— Выключите это! — побагровел Крест. — Извращенец! У вас там и в туалете, небось, камера стоит...

— Надо же, какие мы нежные! — с издёвкой протянул Сергей Иванович, выключая телевизор. — Голых девок, что ли, раньше не видел?

— Что вам от меня надо? — сквозь зубы процедил Крест.

— Ну, наконец-то правильный вопрос! — с удовлетворением воскликнул профессор Владимиров. — Я предлагаю тебе работу.

— Подопытным кроликом?

— Фи, Витя, ты меня разочаровываешь, — покачал головой Сергей Иванович. — Конечно, мы сначала, действительно, проведём кое-какие исследования. Ты — один из сезамов! Нам надо как можно точнее знать, чем вы отличаетесь от обычных людей. Но основной твоей работой будут путешествия во времени. Ну же, отвлечись, наконец, от голых баб и подключи мозги, напряги воображение в нужном направлении. Представь, что мы сможем сделать, зная прошлое стоящих у власти людей и будущие события! Правители любой страны станут нашими клиентами или марионетками.

— Мечтаете о власти над миром? — криво усмехнулся Крест. — Лена считает вас научным светилом, а вы, оказывается, всегда стремились только к богатству и власти.

— Кому в наше время нужна научная слава? — презрительно хмыкнул профессор Владимиров. — Тем более, у нас, в России? Большинство моих коллег давно уехали работать за границу. Деньги — это только первый этап нашего с тобой сотрудничества. Тебе больше не придётся грабить незащищённых девушек на улице — достаточно знать, как будет меняться курс акций на бирже. Мы с тобой станем очень богатыми людьми, Витя! А уж потом придёт очередь власти над миром.

— Мне понятно, профессор, зачем вам нужен я, — сказал Крест. — Но вот зачем мне вы?

— Резонный вопрос, — согласно кивнул Сергей Иванович. — И как бы ты сам на него ответил?

— Никак, — развёл руками Крест. — Потому и спросил.

— Ты, Витя, пока — никто. Чтобы начать действовать, тебе нужны: — профессор Владимиров поднял руку и начал загибать пальцы, — первоначальный капитал для покупки акций и необходимого снаряжения; база, куда можно без опаски возвращаться; защита от бандитов и правоохранительных органов; консультации знающих людей; связи в административных и силовых структурах и много чего ещё. Всё это есть у меня. И всё это я могу направить как в помощь, так и во вред, так что тебе со мной лучше дружить, а не враждовать. Ведь теперь я знаю, кто

ты, и скоро буду знать всё не только о тебе, но и обо всех твоих родственниках и друзьях. Ты меня понимаешь?

— Вполне, — напрягся Крест.

— Ну, не надо хмуриться, — примирительно прогудел Сергей Иванович. — Я пока не собираюсь с тобой воевать. Наоборот, предлагаю взаимовыгодное сотрудничество. Ну, согласишься, Витя, я потратил на твои поиски немало времени и средств и теперь имею право на достойную компенсацию. Кроме того, именно я открыл твои неординарные способности и сейчас предлагаю тебе такие перспективы, о которых ты раньше даже мечтать не мог! Неужели, всё это не стоит если не дружбы, то хотя бы сотрудничества?

— А если я не соглашусь? Ведь вы действовали по собственной инициативе, я вас ни о чём не просил и, следовательно, ничего вам не должен.

— Не должен, значит, — сокрушённо покачал головой профессор Владимиров. — Что ж, тогда мне придётся заставить тебя возместить мне все расходы на твои поиски. И пока ты будешь это делать, но, заметь, уже как раб, а не полноправный партнёр, я буду искать другого сезама, более разумного и сговорчивого.

— Мне надо подумать, — тяжело выдохнул Крест.

— Конечно! — фальшиво улыбнулся профессор. — Я люблю в людях это качество. Думай, только не долго.

— А что будет с Леной?

— С Леной? — заинтересованно взглянул на Витьку Сергей Иванович. — Мне она больше не нужна, но, как говорится в подобных случаях, она слишком много знает.

— Вы немедленно отпустите её домой! — жёстко потребовал Крест. — Живой и здоровой. Иначе, можете сразу забыть о каком-либо нашем сотрудничестве.

— Ты мне угрожаешь? — изумился профессор Владимиров. — Ты — мне?!

— Нет, не угрожаю, — ответил Крест. — Предупреждаю. Конечно, вы можете меня убить, но вот заставить работать на себя...

— Тебе не жалко своих родных?

— У меня их нет, — горько усмехнулся Крест. — Я — сирота!

— Да, это меняет дело, — озабоченно пробормотал профессор Владимиров и вновь нервно забарабанил пальцами правой руки по подлокотнику кресла. — Мы проверим...

— Отпустите девушку, — настойчиво предложил Крест. — Она вам не опасна: кто ей поверит, если что?

— Ладно, — неожиданно согласился Сергей Иванович. — Я её отпущу. Сразу, как только мы с тобой придём к соглашению.

— Не надо впутывать в это дело Лену! — процедил Крест. — Вы и так использовали её в своих гнусных целях, испортили ей жизнь, испоганили чувства...

— Вот только не надо читать мне мораль, — взвизгнул профессор Владимиров. — Ничего я ей не поганил. Она сама выбрала свою судьбу, насильно её никто ни к чему не принуждал. Наоборот, я помогал ей во всём, обеспечил отличные оценки на экзаменах, дал прекрасную специальность...

— Она и сама не дура! — возмутился Крест. — Окончила школу с золотой медалью.

— Брось, Витя! — презрительно скривился профессор Владимиров. — Эта медаль ничего не значит. Системы обучения в школе и институте — разные. Тупо вы зубрить урок и ответить на пятёрку — это одно, а практически самостоятельно изучить материал за целый семестр и сдать экзамен — совершенно иное. В институте не столько зубрить, сколько понимать суть пройденного предмета надо.

— Отпустите Лену! — упрямо набычился Крест. — Наши дела её теперь не касаются.

— Хорошо, — кивнул Сергей Иванович. — Пусть так. Но ты сам сейчас связал её судьбу с нашим соглашением. Всё зависит от тебя! Либо ты соглашаешься на моё предложение, и я сам отдаю тебе девчонку в качестве дополнительного бонуса, раз уж она тебе так нравится, либо...

— Либо что? Убьёте нас?

— Не сразу, — хищно оскалился профессор Владимиров. — Сначала я заставлю тебя возместить мне все расходы. С процентами!

— Каким образом?

— В той психушке, Витя, где я когда-то нашёл первого сезама, есть один очень специфический пациент. Маньяк. Он сначала сдирает со своей жертвы кожу, потом насилует получившийся окровавленный кусок обезумевшего от боли мяса, затем режет всё ещё живое тело на куски. На его счету около двух десятков женщин — точное число жертв даже он сам не помнит. Я привезу его сюда и отдам в его руки Лену. А ты будешь сидеть рядом с ними, прикованный к стене, и смотреть. И умрёшь только после неё, если только раньше не согласишься на мои условия. Вот так вот, Витя!

— Подонок!

— Считаешь себя лучше меня? — презрительно скривился Сергей Иванович. — Напрасно — ведь это ты заставляешь меня идти на столь грязные меры. Думаешь, мне они доставляют удовольствие? Так что чистеньким тебе, Витя, остаться не удастся. Ни физически, ни морально. Я не требую от тебя немедленного ответа. Хотел подумать — думай. У тебя столько времени, сколько потребуется моим сотрудникам, чтобы полностью исследовать тебя, сделать все необходимые анализы и тесты. Ну, а Лена, конечно, тоже пока погостит здесь. Я могу даже поселить вас вдвоём в том номере, что ты видел. Но не сегодня — завтра утром твои анализы не должны иметь посторонних примесей.

— Ну вот, дорогая, мы, наконец, наедине, и можем поговорить откровенно, без лишних свидетелей.

Профессор Владимиров попытался обнять и притянуть к себе Алёну, но та резко оттолкнула его.

— Не прикасайся ко мне! Где Виктор?

— И ты туда же? — удивился Сергей Иванович. — Надо же, как вы, оказывается, сблизилась с этим уголовником.

— Он не уголовник!

Сергей Иванович обошёл девушку, устало опустился в кресло, взял стоявший на столике графинчик и наполнил два бокала янтарной жидкостью.

— Иди сюда, садись, — улыбнувшись, предложил он. — В ногах, как говорится, правды нет, даже в таких красивых, как у тебя.

Алёна возмущённо фыркнула, захлопнула входную дверь, и, плюхнувшись в другое кресло, повторила вопрос:

— Где Виктор?

— Отдыхает, — пожал плечами Сергей Иванович. — Завтра вы с ним увидите, а пока расскажи мне ваши приключения.

— Вот завтра и расскажу, — упрямо сжала пухлые губы девушка. — А сейчас оставь меня: я устала и хочу спать.

— Что ж, — недовольно посмотрел на неё Сергей Иванович. — Я уйду, если ты так хочешь, но сначала скажу тебе одну важную вещь. Этот идиот, Крест, кажется, всерьёз влюбился в тебя.

— С чего ты взял? — растерялась Алёна. Она ожидала теперь от профессора Владимирова чего угодно, но только не таких слов.

— Ну, у нас с ним был сейчас соответствующий разговор. Мне пришлось придерживаться принятой роли, уж больно этот парень ревнив.

— Какой роли? — не поняла Алёна.

— Ну, той, что я разыграл при встрече, — ухмыльнулся Сергей Иванович. — Что вроде как никогда не любил тебя, а просто использовал как наживку. Надеюсь, дорогая, ты не поверила в это?

Алёна как-то неопределённо хмыкнула, бросив на профессора странный взгляд.

— Ну, не сердись, — попросил тот, пододвигая девушке наполненный бокал. — Давай выпьем за встречу.

— Это всё, что ты хотел мне сказать? — не прикасаясь к предложенному бокалу, холодно спросила Алёна.

— Анечка, этот Крест мне очень нужен, — не замечая её тона, внушительно произнёс Сергей Иванович. — То, что он влюбился в тебя, облегчает дело. Ты должна уговорить его на сотрудничество со мной. Ну, пококетничай с ним, построй глазки, даже дай себя поцеловать...

— Может, и в койку с ним лечь?

— Дорогая, ты — умная женщина, и сама сумеешь установить необходимые границы, — лстыиво улыбнулся Сергей Иванович. — Повторяю: мне нужен этот парень! Ну, сделай это ради нашей любви. Хотя бы попытайся...

— Нашей любви? — яростно сверкнула на него глазами Алёна. — Совсем меня за дуру принимаешь? Ты «начал играть роль» ещё до того, как узнал о чувствах Виктора ко мне. Да, я была доверчивой душой, но отныне больше не хочу иметь с тобой никаких дел. И Виктору посоветую то же самое.

— Ну, что ж, — устало вздохнул профессор Владимиров. — Ты не оставляешь мне выбора. Да, игры закончены. Вы с Крестом слишком много знаете, поэтому у вас сейчас есть выбор между мучительной смертью и добровольным сотрудничеством со мной. Ему я это уже объяснил, теперь знаешь и ты. Надеюсь, вы действительно так умны, как считаете сами, чтобы сделать единственно правильный выбор.

Залпом выпив свой бокал, Сергей Иванович с трудом выбрался из низкого кресла и вышел, громко захлопнув за собой дверь.

Все точки над i

— Ты? — глаза Алёны радостно вспыхнули.

Крест шагнул в комнату, девушка внезапно бросилась к нему, обняла горячими голыми руками за шею, прижалась всем телом, и в следующее мгновение разум покинул Виктора...

— Я думала, что уже больше никогда не увижу тебя, — всхлипнула Алёна.

Витка ощутил на груди горячую влагу её слёз.

— Ну, что ты? — ласково перебирая пушистые волосы девушки, сказал он. — Теперь всё будет хорошо.

И вдруг до него дошло, что они лежат совершенно обнажённые в той самой розовой спальне, которую неделю назад показывал ему на экране своего телевизора профессор Владимиров. Крест напрягся и постарался нашарить на полу сброшенное одеяло.

— Что случилось? — подняла с груди Витки голову Алёна и тревожно посмотрела на него огромными мокрыми глазами.

— Тут везде видеокamеры, — смущённо ответил Крест. — Этот поддонок всё видит...

Алёна нахмурилась.

— Ну и чёрт с ним! — вдруг улыбнулась она. — Забудь о нём. Пусть смотрит! Я не хочу наши последние счастливые минуты отравлять мыслями об этом негодяе.

— Почему последние?

— Сейчас мы с тобой делаем то, что хотим сами, а что будет потом? — печально вздохнула Алёна. — Даже если мы останемся живы, нашу любовь ждёт не расцвет, а умирание...

Слёзы вновь наполнили её глаза.

— Ну, что за мысли? — прижал к себе всхлипывающую девушку Виктор. — Я тебе обещаю: всё у нас будет хорошо. Вот увидишь!

— Не обманывайся, милый, — отстранилась Алёна и вытерла лицо краем простыни. — Это ты им нужен, а я... я жива до сих пор только потому, что обещала соблазнить тебя и уговорить на сотрудничество с ними. Как видишь, я своё обещание сдержала...

— Что за чушь ты несёшь! — возмутился Крест. — Никогда я в это не поверю. Я люблю тебя! Не знаю, как и когда это произошло, вряд ли с первого взгляда, но уже там, в Белоруссии, я всячески бессознательно старался оттянуть наше возвращение в Питер, не хотел расставаться с тобой...

— Я тоже тебя люблю, — сквозь слёзы улыбнулась Алёна. — Ужасно испугалась тогда, в гараже, когда ты вместе со Шмелём пошёл вытаскивать из машины раненую женщину и её дочку. Но окончательно всё поняла, когда тот именитый мерзавец, что сейчас подсматривает за нами, предложил мне выбор между мучительной смертью и твоим соблазнением. Я твёрдо решила умереть. Разбить фужер или бутылку с вином и вскрыть себе вены в ванне. Меня удержали не видеокamеры, о

которых я тогда даже не подозревала, а жгучее желание хотя бы ещё разок увидеть тебя.

— Вот и умница, — вновь прижав к себе девушку и баюкая её, как ребёнка, хрипло сказал Виктор. Ком в горле мешал ему говорить. — Вот и молодец, что дождалась меня. Теперь у нас всё будет хорошо...

— Ну, что ты говоришь? — резко отстранилась Алёна. — Ничего хорошего у нас больше никогда не будет! Даже если ты согласишься на все их условия, что ждёт меня? Я — тот канат, которым эти нелюди собираются привязать тебя, чтобы ты не сбежал при первой же возможности. Значит, меня либо навсегда запрут здесь, либо окружают круглосуточным наблюдением и охраной. Комнаты Зимнего дворца превратятся для меня в казематы Петропавловской крепости. Сейчас любовь для нас важнее свободы, но время будет идти, и неволя капля за каплей начнёт подтачивать нашу любовь и, в конце концов, убьёт её. Я не хочу узнать, кто из нас не выдержит первым. Лучше умереть здесь и сейчас, пока мы любим друг друга.

— Не будем спешить, — мягко предложил Виктор, не желая спорить далее. — Умереть мы всегда успеем. А пока давай отпразднуем нашу встречу. Честно говоря, я ужасно хочу есть! Ты иди, прими душ, а я пока закажу нам что-нибудь вкусное.

Алёна покорно встала и ушла в ванную комнату. Виктор быстро оделся и тут же услышал в гостиной звонок телефона. Он вышел из спальни и, взяв трубку, услышал глумливый голос профессора Владимира:

— Какая трогательная сцена! Bravo! Я наслаждался каждым мгновением.

— Не сомневаюсь, — сдерживая ярость, ответил Крест. — Небось, и записали на память?

— Давай о главном, — перешёл на деловой тон профессор Владимир. — Я правильно понял: ты принял решение и будешь с нами сотрудничать?

— Я отвечу вам после ужина.

— Что ж, подождём, — нехотя согласился Сергей Иванович. — Я лично распоряжусь, чтобы вам подали самые лучшие блюда. Но не стройте иллюзий: вам не удастся совершить позднее коллективное самоубийство! Об этом я тоже позабучусь.

— Самоубийство? — с иронией произнёс Крест. — Не дождётесь! Мы с Леной ещё всех вас переживём. И не надо никаких деликатесов: пусть принесут обычную здоровую пищу из натуральных продуктов. Вы же знаете, что мы с Леной предпочитаем, не так ли?

Не дожидаясь ответа, Крест повесил трубку и стал внимательно осматривать комнату...

— В фильмах во время таких сцен на столе обычно горят свечи, в бокалах искрится дорогое вино, а тарелки полны различных деликатесов, — сыто откидываясь в кресле, сказала Алёна.

— Это я попросил принести нам привычные блюда, — улыбнулся ей Виктор и, допив своё пиво, громко крикнул: — Эй, надзиратели! Стол можно убирать.

Алёна удивлённо посмотрела на него, но в следующее мгновение понимающе нахмурилась. Входная дверь бесшумно открылась, вошёл охранник, быстро переставил опустевшую посуду на сервировочный столик и выкатил его прочь.

— И что же дальше? — грустно спросила Алёна. — Ты уже дал им ответ?

— Умирать сейчас я не собираюсь, — спокойно ответил Крест. — И тебе не дам.

— Понятно, — вздохнула девушка. — Что ж, будем жить. Но не забудь, милый, то, что я говорила тебе раньше про баланс между любовью и тягой к свободе. Как только я замечу...

— Не будем сейчас об этом, — прервал её Виктор. — До сегодняшнего дня я жил мечтою о тебе. Она казалась мне недостижимой, потому что я был уверен, что в лучшем случае безразличен тебе, а в худшем — противен. Решил для вида согласиться на сотрудничество с этими упырями, последний раз увидеться с тобой, а потом просто нырнуть в первый же портал и исчезнуть.

— И как бы ты жил потом, зная о своих необычных способностях?

— Скорее всего, вернулся бы в Донбасс, — признался Крест. — Ведь я могу спасти многих людей: детей, женщин, стариков, раненых ополченцев.

— Значит, я теперь ещё и невольная причина их гибели? — с горечью прошептала Алёна.

— Конечно, нет! — с жаром воскликнул Крест. — Не мы с тобой их убиваем.

— Но ты мог бы их спасти! — стукнула себя крепко сжатым кулачком по колену Алёна. — Если б не я...

— От судьбы не уйдёшь, — вздохнул Виктор. — Я ж не единственный сезам в этом мире, но что-то не слышал о необъяснимых массовых появлениях где-либо беженцев с Донбасса. Все идут через официаль-

ную границу. Скажи, если б была такая возможность, ты бы вернулась со мной в ту кровавую мясорубку?

— Конечно! — воскликнула Алёна. — Лучше погибнуть, спасая людей, чем зачахнуть в золотой клетке.

— Ты уверена? — настойчиво продолжал спрашивать Крест. — Подумай: людей ведь там не только убивают, но и калечат.

— От судьбы, как ты сказал, не уйдёшь, — махнула рукой Алёна.

— Что ж, — Крест встал, подошёл к входной двери и запер её на ключ и массивный засов. — Слышите, профессор? — весело крикнул он. — Вот мой ответ. Вы целую неделю изучали меня, и я тоже изучал себя. Уже два дня, как я могу видеть и открывать порталы без помощи вашего электронного стимулятора. И один из них находится прямо здесь, в этой комнате.

Зазвонил телефон, а дверь сотрясли удары охранников.

— Спасибо, профессор, что вы отвели нам с Алёной свои личные апартаменты. В отличие от других номеров, здесь мощная стальная дверь и пуленепробиваемые окна. Наверняка где-то есть и замаскированный вход в более надёжное убежище с запасами воды, продуктов и всего необходимого для выживания. Приготовились к возможному нападению или не доверяете собственной охране?

Крест подошёл к продолжавшему звонить телефону и, сняв трубку, аккуратно положил её рядом с аппаратом. Теперь тишину нарушали только ритмичные удары чем-то тяжёлым в дверь и крики охранников.

— Не вздумайте трогать родных Лены, — с угрозой сказал Виктор. — Иначе, я вернусь и уничтожу вас всех. Мне теперь будет нетрудно это сделать, ведь вы сами обрисовали несколько способов, которыми хотели с моей помощью избавиться от личных врагов и конкурентов. Прощайте! Надеюсь, мы больше никогда не встретимся.

Крест театрально взмахнул рукой, и вместо двери в спальню в воздухе замерцала серебристая завеса.

— Я не знаю, что нас ждёт там, — протянул он руку изумлённо смотрящей на него Алёне. — Но это — свобода! Ты идёшь?

— С тобою — хоть на край света!

Счастливо улыбаясь, девушка встала с кресла, и, крепко взявшись за руки, они дружно шагнули в мерцающее марево...

Александр Зубенко

Краматорск, Донецкая обл.

ТАЙНА ЛУННОЙ БАЗЫ «ТИХО БРАГЕ»
(Из цикла «Необъяснимые аномалии»)

Глава 1

2198 год. Лунная база колонистов.

Блок управления третьего сегмента. 22 часа 13 минут по вахтенному журналу.

— Какое, говоришь, там давление снаружи барокамеры? — переспросил Винсент, делая шаг в сторону от фронтального экрана во всю стену, передававшего изображение лунной пыли, поднятой во время посадки лунного модуля, прибывшего с Земли несколько часов назад.

— Понятия не имею, — озадаченно откликнулся помощник дежурного Браун, справедливо полагая, что именно в его дежурство, ко всем чертям полетели наружные генераторы, выйдя из строя как раз во время посадки. — Наружные датчики словно сошли с ума, зашкаливая все мыслимые и немыслимые показатели. — Он добросовестно почесал затылок, как бывало с ним в минуты крайнего раздражения. — Совершенно сбит с толку. При посадке всё казалось в порядке, затем внутренние датчики барокамеры взбесились, показывая нешуточный всплеск гравитации, будто нас посетило какое-то мощное излучение, вырвавшееся из глубин кратера.

— Какого кратера? Их тут много в прилегающей зоне моря Спокойствия, каждый по два, два с половиной километра в поперечнике. Кратер Торричелли, как ты знаешь, находится недалеко от нас, в заливе Суровости. Остальные три — Армстронга, Олдрина и Коллинза — ещё ближе.

— Вот из этой троицы и вырвалось на поверхность что-то неизвестное, неведомое нам, непривычное.

— Поясни.

Браун приблизился, склонился над монитором, вывел изображение трёхмерной голограммы, развернувшейся панорамой над пультом управления, раздвинул её руками, молвив озадаченным голосом:

— По всем данным наружных зондов наблюдения, мы сейчас принимаем сквозь обшивку купола громадную дозу излучения непонятной

энергии, а точнее, какой-то органической материи. Представляешь, командир? Ор-га-ни-чес-кой! — последнее слово он выдавил из себя едва не по слогам. — Жи-вой материи!

Винсент уставился на него недоумённым взглядом, не совсем понимая, о чём речь.

— Какой... — запнулся он. — Как это, органической?

— Живой! — повторил младший сотрудник. — Биоценозная протоплазма. Как бабушкин кисель, поданный на завтрак.

— Давай без метафор, друг мой, — поморщился начальник лунной станции. — У меня итак голова раскалывается после сеанса с Хьюстоном. С каких пор у нас на Луне может быть что-то органическое? В течение полутора столетий её колонизации, ни разу не было отмечено никакой формы жизни, ты это прекрасно знаешь. Даже пресловутых бактерий. Луна мертва со времён её первых посещений наших астронавтов, в честь которых названы кратеры моря Спокойствия. Она пуста и жизненно недееспособна, это знает каждый школьник.

— Да? — с издевкой парировал Браун. — Тогда пусть мне этот школьник объяснит, каким таким паровозом взбесились все датчики обнаружения инородных форм жизни? Они ведь именно на это и настроены. На выявление белковой или углеродной материи.

— Ты хочешь сказать, что андроиды полтора столетия молчали, не выявив под грунтом ни одной бактерии, а сейчас изъявили желание поделиться открытием? С каждым новым поколением колонистов они стали умнее, так выходит?

— Или просто эту материю что-то или кто-то разбудил. — Браун осёкся. — Прости, командир, но другого эпитета не нахожу. Именно разбудил. Они, видимо, находились в своеобразном анабиозе ещё со времён зарождения Луны четыре миллиарда лет назад. Точнее, бактерии появились, очевидно, позднее, как и у нас на Земле, спустя пару миллиардов лет, но эволюционировать не имели возможности из-за отсутствия воды с подходящей атмосферой. Так и остались в зачаточном состоянии первичного «бульона», как учёные называют ту субстанцию, из которой начал эволюционировать весь животный мир нашей планеты. А здесь не было ни воды, ни атмосферы. Бактерии так и зачахли, превратившись за миллиард лет в окаменелые останки реголита. Теперь их что-то побеспокоило, они начали подавать признаки жизни, вот андроиды со своими датчиками и зафиксировали всплеск биоценозного излучения. Я не химик, не биолог, тут, пожалуй, тебе гораздо доступнее объяснит Элла, заведующая нашей лабораторией.

— Но ведь это противоречит всем постулатам физики, химии и прочих наук вместе взятых! — едва не схватился за голову Винсент. — Проснувшиеся, как ты говоришь, бактерии? Здесь? На Луне? Почти у нашего носа, рядом с базой колонистов?

Он принялся мерить шагами помещение пульта управления, то и дело бросая взгляды на голограмму, показывающую развёрнутую карту моря Спокойствия с тремя почти одинаковыми кратерами, над которыми светились названия: «Армстронг», «Коллинз», «Олдрин».

— Это же... — он осёкся. — Это же переворачивает с ног на голову все наши прежние представления о спутнике ещё со времён Галилея с Коперником! Луна не пустая? Её реголит содержит следы микроорганизмов?

— Так точно, командир. Крошечный микромир, способный активизироваться в жутко холодной среде, близкой к вакууму. А чему тут удивляться? Помнится, Элеонора показывала мне микроскопических тихоходок у нас на Земле, способных выжить в расплавленной лаве вулкана или минусовой температуре до двухсот градусов. Тоже такие себе организмы, которые могли бы существовать здесь на Луне. Она, кстати, и заказала их образцы с Земли, которые доставил этот модуль, подняв вихри грунтовой пыли четыре часа назад. После его спуска и начали зашкаливать датчики андроидов.

Винсент на миг задумался, всё ещё недоверчиво косясь на мониторы с развернувшейся голограммой.

— И что мне прикажешь докладывать в Хьюстон? Что нами обнаружена новая форма жизни? Здесь, повторяю, под нашими ногами? На Луне???

Последние слова он протянул, словно вбил молотком гвозди.

— Хорошо. Зови Эллу, сам можешь идти отдыхать после дежурства. Сдай смену Триту, он уже вызовет всех остальных.

С этими словами он отпустил дежурного по смене, прошёл сквозь изображение голограммы, уселся в кресло, ожидая прихода Элеоноры, старшего научного сотрудника отдела микробиологии. Попутно вызвал по внутренней связи Трита, главного инженера базы, в двух словах объяснив ситуацию. Тот выдохнул в микрофон:

— Ничего себе заявочка! Микробы у нас на Луне? Ты не ошибся, командир?

— Я-то могу и ошибаться, но датчики андроидов, судя по всему, не врут. Браун всё высчитал верно. Мы получаем сигнал обнаружения инородного присутствия, Трит. И присутствие это настолько необычное, неизвестное науке, что необходимо собрать в рубке весь научный

состав базы. Сейчас придёт Элла, а ты вызови всех остальных. Я проверю ещё раз голограмму и показания андроидов. Они сейчас в кратере Коллинза, как раз выведу их световые маркеры на экран. Посмотрим, что именно они там зафиксировали.

С этими словами Винсент отключил внутреннюю связь, вызвав в рубку старшего анроида. Многофункциональный автомат с множеством насадок и конечностей, похожий на некий агрегат с кристаллическим экраном вместо головы, вкатился внутрь, произнеся металлическим голосом:

— Вызывали, Винсент?

— Да, Слип, вызывал, — обернулся тот через плечо, указав глазами на голограмму. — Твои датчики тоже фиксируют поступающее из кратеров излучение?

— Так точно. Первый импульс поступил четыре часа восемнадцать минут сорок три секунды назад, когда спустился на площадку земной модуль.

— Отчего же ты молчал целых четыре часа? Ситуация-то по протоколу неординарная, подразумевающая собой сразу же оповестить начальника базы, где бы он ни находился.

— Я подумал, что это не так важно...

— Ты «подумал»? — оборвал его Винсент, едва не заорав злобно на невозмутимого робота. — Ты, бездушная машина, имеющая пусть и штучный интеллект, ты можешь ещё «думать»? Твоя обязанность, докладывать вышестоящему начальству, иными словами, своим хозяевам, а думать и принимать решения — это уже, прости, привилегия человечества. Тех существ, что тебя создали. Или в твоей программе не существует протокола?

— Прости, Винсент. Но это, как ты говоришь, излучение совершенно не представляет угрозы колонистам с точки зрения правил безопасности. Это не радиация, не выброс вулканической деятельности, не падение метеорита и не сотрясение лунного грунта, от которого может пострадать база. Поэтому протокол не сработал. Моя штучная матрица посчитала этот всплеск гравитации не слишком глобальной угрозой.

— Да? А что ещё «посчитала» твоя матрица? Может, она возьмёт на себя обязанности выносить решения вместо своих хозяев? Что ей придёт в следующий раз в её искусственный мозг? Заблокировать всю станцию, отключить генераторы или деактивировать защитный купол?

В этот момент в рубку начали входить один за другим шестеро сотрудников управления базы. Последними присоединились Трит с Элеонорой, которую тот по пути успел поставить в известность. Начальник

базы принял от них доклад, отпустил невозмутимого робота, и все вместе принялись обсуждать сложившуюся ситуацию, выводя на голограмме необходимые показания приборов. В соседней кают-компании отдыхали трое пилотов, прибывших на Луну с земным модулем космического агентства НАСА.

Таково было положение дел на первые сутки обнаружения неизвестной материи, высвободившейся из глубин одного из кратеров моря Спокойствия.

Непонятный феномен чего-то неведомого и необъяснимого с точки зрения науки только начинал вступать в первую фазу своего существования.

А между тем...

Лунная база колонистов «Тихо Браге» была расположена в районе моря Спокойствия недалеко от залива Суровости. Названная в честь знаменитого датского астронома 16-го века, она входила в комплекс лунных станций, разбросанных по обеим сторонам естественного спутника Земли ещё со времён её освоения полтора века назад. Станции имели собственные названия по именам великих учёных прежних столетий. На обратной стороне Луны находились базы Китая, России, Австралии и Индии. На видимой стороне сетью из шести станций были раскинута базы США, Германии, Франции, Великобритании и Японии. Последняя шестая, о которой идёт речь, была интернациональной и самой крупной из всего лунного комплекса. Она строилась уже в нынешние времена, считаясь самой молодой в международном проекте освоения Луны, подчиняясь космическому агентству НАСА и Хьюстону в частности. Остальные станции находились в море Облаков, в море Гумбольдта, в море Холода и в море Влажности. Японская располагалась у подножия Гемских гор. Каждая имела штат от сорока до шестидесяти человек, а описываемая база «Тихо Браге» насчитывала уже до сотни колонистов, не считая роботов и андроидов, существовавших на Луне по мере её заселения. Автоматы постоянно пополнялись и заменялись новыми усовершенствованными поколениями, которых с Земли доставляли специальными рейсами грузовых транспортов.

Земля как планета давно перешагнула рубеж цивилизации Первого типа по шкале Кардашёва, подразумевая под этим понятием полное освоение материнской планеты, её спутника и частичное освоение Солнечной системы. На Марсе тоже обитали колонисты, заселённые столетие назад в построенный марсианский купол у подножия горы Олимпа.

Параллельно освоению Марса и Луны, на астероид Церера, на спутник Сатурна Титан и на планету Венера были высажены первые десанты научных сотрудников с десятками роботов-агрегатов, подразумевая в будущем постепенное заселение новыми колонистами. Готовилась колонизация Ганимеда и Энцелада. Энтузиастов хватало с избытком. На Земле прекратились войны, и наступил Золотой век освоения ближнего космоса, методично и целенаправленно приближаясь к намеченной цели XXIII-го века, а именно: войти в фазу Второго типа цивилизации по шкале Кардашёва, когда вся Солнечная система полностью будет во власти человеческого разума, используя её ресурсы во благо развития нынешнего конгломерата, населявшего сейчас планету Земля.

Базы лунных колонистов, названные в честь Кеплера, Джордано Бруно, Скиапарелли и Карла Сагана, общались между собой внешними антеннами связи, установленных андроидами при их строительстве. Каждый сегмент комплекса был накрыт защитным куполом энергетического экрана, способным выдерживать и поглощать фильтрами крупные осколки метеоритов, а под каждой базой находились бункеры, уходящие вглубь реголита на десятки метров. Посредством роверов и луноходов научные сотрудники и простые семьи колонистов посещали друг друга, приезжая в гости. Каждые полгода желающие отправлялись на Землю в кратковременный отпуск, пролетая на челноках строящуюся на орбите сферу Дайсона, которая позднее займёт гигантское пространство между Меркурием и Солнцем.

На Луне существовало 15 тысяч кратеров диаметром более десяти километров, а всего их насчитывалось порядком трёхсот тысяч, порою, настолько мелких, что не были видны в телескопы. Реголит, покрывающий поверхность естественного спутника, представлял собой остатки вулканических пород, базальтовыми наплывами покрывающий весь каменный шар, до этого, как казалось учёным, совершенно мёртвый и пустой. Базальтовые моря были раскиданы по всему спутнику Земли, внутри которых сплошными группами и цепочками находились давно изученные, как предполагалось, кратеры.

И вот, как оказалось, изученные, да не настолько глубоко и основательно, чем следовало. В двухкилометровых кратерах Коллинза, Олдрина и Армстронга в море Спокойствия внезапно был установлен некий всплеск гравитации, позднее переросший в излучение какой-то неведомой, да ещё и органической протоплазмы. Материя, высвободившаяся из глубин базальтовых отложений, поставила в тупик весь научный совет лунной базы, совершенно не зная, что докладывать в Хьюстон.

Винсент, собравший совет как начальник лунной станции, подробно обрисовал ситуацию, выводя на экранах и голограмме показания андроидов, находившихся в данный момент в кратере Коллинза. После его разъяснений взял слово Трит, старший инженер базы.

— Насколько мы знаем, старший автомат Слип не поставил нас в известность о вырвавшейся на поверхность непонятной материи. По каким-то причинам у него не сработала заложенная в память программа протокола, имеющая строгое правило тут же докладывать о необъяснимых аномалиях.

— Штучный интеллект матрицы вышел из строя? — спросил один из биологов. — Устаревшая модель, я знаю Слипа. Давно пора заменить новым поколением, да привыкли к нему, жалея сдавать на свалку.

— Придётся сдать старичка, — вздохнул Картер, младший навигатор, одного с Брауном возраста.

— Я дам указание своим сотрудницам из лаборатории, проверить его функциональность, — предложила Элеонора, готовясь взять слово вслед за Тритом. — Жалко Слипа. Почти три десятка лет на Луне, считай старожил, таких уже не осталось — все были заменены по мере строительства базы.

— Хорошо, — согласился Винсент. — Пусть Полина с Анной проверят его состояние. Вернёмся к нашим баранам, точнее, проблемам. Что ещё, Трит?

— Не знаю, командир, стоит ли упоминать Брауна, первого заметившего неполадки с датчиками.

— А что с ними?

— По его словам, показания словно взбесились, выдавая бешеную амплитуду плясок шкалы.

— Это он мне уже доложил. Что ещё?

Трит замялся, косясь на фронтальное изображение голограммы.

— Никто не заметил, как ведут себя роботы? Присмотритесь к их движениям, — он указал рукой надвигающиеся автоматы в процессе их работы в карьере. Каждый из десятков андроидов сгружал в передвигающийся агрегат образцы лунного грунта, отсеивая и просеивая ненужные образования базальта, оставляя необходимые фрагменты. Весь карьер на голограмме был усеян всевозможными приборами, прожекторами, лентами эскалаторов, по которым двигались вагонетки. Чуть поодаль стояла будка дежурного оператора, но она уже несколько месяцев пустовала: в контроле за механизмами не было необходимости, поскольку они никогда не выходили из строя.

Не выходили до сегодняшнего дня.

— На что хочешь обратить внимание? — спросил биолог.

— На их движения. Смотрите, — он приблизил изображение, раздвинул его лазерной указкой, увеличил одного из роботов, выделив световым маркером. — Возьмём ближайшего к нам. Ничего не замечаете? Он будто теряется в пространстве, перестав ориентироваться. Натывается на камни, останавливается, крутит экраном как головой, пытаясь осознать, где находится.

— Потеря запрограммированной памяти? — спросил кто-то. — Такое бывало и раньше. При необходимости сразу заменяли новым поколением. Но ведь это одиночный случай.

— Если бы одиночный, — хмыкнул Трит. — Присмотритесь к другим автоматам.

Каждый из присутствующих раздвинул для себя трёхмерную панораму, увеличив нескольких андроидов, пометив их световыми маркерами.

— Точно! — воскликнул биолог. — Ощущение, что они вслепую тикают непонятно куда, вместо того, чтобы работать по заранее заданной программе.

На дублирующем фронтальном экране во всю стену было видно, как несколько андроидов, будто подчинённые какой-то инородной команде, все как один, почти синхронно, повторяя зеркально свои движения, бродили по карьеру, натыкались друг на друга, замирали, останавливались, вращая экранами, словно искали нужный маршрут передвижения. Иные, споткнувшись о выступающие камни, падали, поднимались, и как не в чём ни бывало, продолжали бессмысленно передвигаться до следующего падения. Эскалаторная лента с пустыми вагонетками по-прежнему вращалась по кругу, однако необходимый грунт уже не сбрасывался в отсеивающий агрегат.

— Чёрт подери! — выругался кто-то из присутствующих. — Что с нашими андроидами? Что-то сбilo им программу, заложенную нашими операторами.

— Я проверил запись голограммы, как только Винсент поставил меня в известность, — пояснил Трит. — Инцидент, прямо скажем, непривычный для нас. Такого прежде не случалось. Я имею в виду столь массово, чтобы сразу целая группа бурильных роботов вышла из строя. Одновременно, в один день, в один час.

— Как это, в один час? — изумился биолог.

— Они вышли из строя сразу целой группой, — взяла слово Элеонора. — Я уже успела просмотреть «самописец» компьютерной матрицы. Будто подверглись какому-то внутреннему проникновению извне. Не из

нашего головного компьютера. Им что-то мешает контролировать свои действия. Что-то такое, что пока нами невыяснено.

— Что-то... — Трит помедлил, — или *кто-то*.

Заметив уставившихся на него учёных, зловеще и загадочно добавил:

— И это «что-то» или «кто-то» абсолютно не из нашей базы.

Наступила звенящая тишина. Был слышен мерный тихий гул работающих вентиляторов, нагнетающих чистый воздух в отсеки и секции базы. Едва уловимо вибрировала голограмма, продолжая показывать шатающихся и падающих в нелепых позах автоматов.

— Японцы? Китайцы? Русские? — донеслось с кресел.

— А какой смысл? — призывая к тишине, поднял руку Винсент. — У нас со всеми дружеская атмосфера, мы не конкуренты и друг другу не мешаем. У каждой базы колонистов своя территория и свои собственные функции работ. Каждая подчиняется определённому отделу, но все вместе мы подчиняемся Хьюстону, а тот в свою очередь — астрономической обсерватории НАСА. — Он помедлил, иронично показав пальцем в потолок, где гудели кондиционеры. — Нас бы уже предупредили отсюда. Однако все молчат, следовательно, пока не знают. Инцидент, очевидно, произошёл только на нашей территории, в море Спокойствия и заливе Суровости. О данных с других кратеров андройды пока тоже молчат.

— Может, и у них произошли сбои протокола?

— Раз промолчал Слип, то и им, вероятно, была дана команда, обойти протокол стороной.

— Кем была дана команда?

— Вот это мы и пытаемся выяснить, — невесело подвёл итог командир. — Каждый сейчас возьмёт на себя определённую функцию проверки систем загрузки памяти того или иного автомата. Элла займётся Слипом, подключив в помощницы Полину с Анной.

— Если понадобится, — добавил Трит, — придётся выехать к месту событий.

— Иными словами, к кратерам Коллинза, Олдрина и Армстронга? — поднимаясь следом за остальными, спросил кто-то из научных сотрудников.

— Да. Остальные кратеры, похоже, пока в порядке. Импульс материи показывают только андройды этих трёх кратеров.

— А Торричелли?

— Там тоже пока в норме. Тем более туда вчера отправились два оператора, забрать назад кое-какое оборудование. Они выходили на связь с Брауном, передали, что всё в порядке.

— Так, когда всё же проявились первые симптомы неповиновения? — спросил, выходя, биолог.

— Как раз четыре с лишним часа назад. Когда спустился модуль с образцами тихоходок на борту.

— Элеонора заказала?

— Да, — вставила девушка. — Хочу посмотреть, как они будут себя вести в условиях вакуума и низкой температуры.

— Ты хочешь этих крошек выпустить на поверхность в качестве эксперимента? — ужаснулся молодой навигатор Картер. — Но они же передохнут, обморозившись!

— Эти, как ты говоришь, крошки, — улыбнулась микробиолог, — переживут и тебя и меня и всех вместе взятых. Они просто созданы матушкой-природой для подобного выживания. Чем хуже условия окружающей среды, тем ярче выражается их сопротивляемость. Они, дружок мой, настоящие герои, если можно так определить их повышенную функцию жизнедеятельности.

С этими словами микробиолог поспешила следом за покинувшими рубку учёными.

Картер остался один.

...Тут-то ЭТО и произошло.

В кают-компании было тихо. Трое пилотов с Земли отдыхали, набираясь сил перед отбытием на родной космодром собственной планеты. Ничего не предвещало перемен их планов, когда внезапно красным мигающим светом завертелись огни оповещения безопасности.

В это время в лаборатории между девушками-помощницами Элеоноры происходил следующий разговор:

— Датский астроном Тихо Браге, в честь которого названа наша база и кратер на Луне, — поясняла Полина, проверяя запаянные колбы с замороженными тихоходками, — известен, прежде всего, обнаружением сверхновой звезды, в тогда ещё далёком тысяча пятьсот семьдесят втором году.

Её коллега по лаборатории Анна слушала рассеянно, отвлекаясь на непривычный далёкий гул, возникший несколько секунд назад. Она ещё не успела сопоставить этот шум с внезапно загоревшимися лампочками тревоги, однако не перебивала свою подругу. Обе лаборантки

были из России, прикреплённые к данной интернациональной базе космическим агентством НАСА, совершенно не подозревая, что ждёт их впереди.

— Первые научные работы он опубликовал за два года до своего открытия, — продолжала поучать младшую подругу Полина, передавая ей контейнер с колбами. — Поставь, пожалуйста, в реостат: возвратится Элла, примемся за опыты. Так вот, — навела она окуляр электронного микроскопа на чашку Петри, в которой находились клетки бактерий, — спустя пять лет он открыл ещё и комету, за что был произведён в королевские астрономы, имея на тот момент собственную обсерваторию, едва ли не лучшую на то время в мире.

— Это он изобрел знаменитые астрономические таблицы? — прислушиваясь к гулу за стеной, рассеянно поинтересовалась Анна.

— О да! — удивилась Полина, полагая, что её младшая подруга до этих пор совершенно не имела понятия о датском учёном. — Ты знаешь о нём? — вскинула она брови.

— Где-то слышала, где-то читала, что-то попадалось на Земле. Помоему, он был учителем Иоганна Кеплера?

— Верно! Начиная с тысяча шестисотого года. Надо же, девочка моя! А я тут распинаюсь, склоняясь к мысли, что открою тебе что-то новое. А ты, оказывается, и без меня всё прекрасно знаешь.

— Ну, положим, не всё. Ты же старше, — улыбнулась Анна, в свою очередь, наводя окуляр соседнего микроскопа. — А значит и умнее. Я, например, не знаю, как он умер.

— Ну, это не секрет, — протянула Полина. — Его попросту отравили.

— Как, отравили?

— Очень просто. Историки полагают, что ему был подсыпан яд, и ни кем-нибудь, а кем-то из близких, окружающих его друзей.

— Уж не Кеплером ли самим? — сыронизировала Анна, всё внимательнее прислушиваясь к гулу за дверьми. — Ученик и учитель. Старо как мир. Нерон и Сенека, Моцарт и Сальери, Амати и Страдивари...

— Вот тут-то как раз и нет доказательств. Известно только, что в волосах после вскрытия нашли ртуть...

Договорить она не успела. Чашка Петри, вздрогнув на столе, покатилась, упав на пол. Завыла сирена. По лаборатории прошла акустическая волна, словно прошла насквозь все стены. Девушек подбросило, они схватились за руки, приборы покачнулись, где-то в глубине станции прогремел взрыв, отчего обеих отбросило в разные стороны. Посыпались колбы, раскрылась морозильная камера, помещение наполни-

лось гудящей сиреной тревоги. Откуда-то из стыков обшивки повалили струйки чернеющего на глазах дыма. С потолка автоматически, сработав миниатюрными катапультами, упали прикреплённые респираторы. Пожарная система включила автономно настроенные пульверизаторы распыления воды. Всё перемешалось внутри помещения: гул перекрывал сирену, струи распылителей обдали девушек с ног до головы, и обе сотрудницы, не помня себя от страха, кинулись прочь, пытаясь разблокировать двери.

— Господи! — отплёвываясь и зажимая рот руками, прохрипела Полина. — Что там случилось? Откуда взрыв?

Анна кашляла, едва раскрывая затёкшие глаза. Вода спадала с потолка сплошными струями, заливая лицо, комбинезоны и обувь. Внезапно дверь раскрылась и им в объятия чуть не вывалилась Элеонора, такая же мокрая со следами ожогов на одежде. Девушки от потрясения вначале не поняли, что именно произошло. Элла обмякла у них на руках, протонав:

— Скорее на выход! Немедленно! — поперхнувшись, она добавила распухшими губами, — на станции пожар. Глобальный! Охвативший всю базу целиком. Полная эвакуация! — и лишилась чувств.

— Мамочки! — взвизгнула Анна. — Пожар? Здесь? На лунной базе?

Времени терять было нельзя. Полина, как более опытная, встряхнула подругу, прокричав в самое ухо:

— Вытаскиваем Эллу! Быстро! Ты за руки, я за ноги. Потом будем разбираться, откуда пожар. Погоди! — она бросилась внутрь, сорвала три респиратора, метнулась к холодильнику, швырнув в карман несколько колб с образцами тихоходок. Так же ускоренно прыгнула назад, едва не поскользнувшись в потоках воды. Кругом продолжало гудеть, красные лампы тревоги мелькали в брызгах, отбрасывая на стены причудливые тени. Подхватив старшую сотрудницу за руки и ноги, обе девушки с усилием вытащили обмякшее тело в коридор.

— Надень на неё маску! — крикнула Полина. — И сами наденем.

Они натянули респираторы, проволокли Элеонору по полу, вывалились все втроём из блока лаборатории и, захлопнув за собой дверь, повалились навзничь, хватая ртом удушающий воздух. Где-то раздавался свист вырывавшегося наружу кислорода.

— Прорвало обшивку! — сквозь маску прокричала Полина. — Кислород с чудовищным давлением устремляется за пределы купола. Нас сейчас засосёт круговоротом вихря! Хватай Элеонору, будем тащить, пока не выберемся в соседний отсек. Там есть внутренняя связь.

Волоча безвольное тело за собой, они продвигались ползком к наружной двери. Отплёвываясь и хрипя, Полина кричала:

— Я приведу в чувство Эллу, а ты выйди на связь с пультом управления. Кричи что есть мочи, зови на помощь! Наверняка там кто-нибудь окажется: Трит, Картер, Винсент или Браун.

— У меня есть датчик вызова андроидов, — отдуваясь, едва прохрипела Анна. — Можно вызвать Слипа.

— Вызывай!

Обе девушки ввалились в комнату кают-компаний, где уже никого не было. При первых признаках пожара все трое пилотов поспешили к очагу возгорания, где бросились помогать колонистам, спасая необходимое оборудование.

Полина кое-как прислонила Элеонору к косяку двери, приводя в чувство искусственным дыханием. Старший лаборант открыла глаза, непонимающим взглядом уставившись на девушку. Попутно набирая код вызова старшего андроида на рукаве своего комбинезона, Анна уже кричала в микрофон внутренней связи:

— Кто слышит меня? Ответьте! Картер, миленький, где ты? Браун, помогите нам! Элла без сознания, мы в кают-компаниях!

— Браун, Картер, где вы? На помощь!

— Вызываю сотрудников базы! Кто-нибудь, ответьте!

И так несколько раз с короткими перерывами, вызывая только младших сотрудников базы, справедливо полагая, что у Винсента с Тритом сейчас забот хватало и без них. Однако динамики молчали, выдавая в пропитанный дымом воздух лишь гудения, свист и завывания магнитных помех.

В одну секунду в дверях возник силуэт Слипа. Невозмутимый автомат, получив вызов от одного из своих хозяев, тотчас поспешил на помощь, определив местонахождение девушек по внутреннему, встроенному в память матрицы навигатору.

— Вызывали, Анна? — осведомился он металлическим голосом, в котором совершенно не отмечалось паники.

— Помоги Полине! Она приводит в чувство Эллу. Принеси аптечку!

— Аптечка всегда со мной, — подкатываясь к приходящей в себя Элеоноре, достаточно подобострастно парировал он. — Забыли?

Выдвинув из нагрудного отсека что-то похожее на контейнер, робот достал капсулу с нашатырным спиртом, протянул Полине и обвёл экраном пустую кают-компанию. При этом на дисплее бежали пунктирующие и пляшущие линии состояния кислорода, процент угарного газа и прочие показатели внутреннего климат-контроля.

— Что случилось на базе? — прерывистым голосом, проверяя вместе с ним пульс Элеоноры, почти прокричала Полина. — Откуда возник пожар?

— Я думал, вы знаете, младший лаборант.

— Думать будешь потом. Отвечай, старая ржавая банка! — обозлилась девушка. — Где очаг возгорания? Где все сотрудники и семьи колонистов?

— В техническом секторе третьего сегмента вспыхнули резервуары нагнетателей воздуха, отчего пламя стало быстро распространяться под внутренней обшивкой, — ответил тот, несколько не отреагировав на оскорбительное замечание. — Достаточно быстро оно проникло в следующие отсеки, захватив по пути несколько технических помещений. Добравшись до генератора наружной антенны, напор пламени проник в раздаточный блок агрегата, сдетонировав взрывом. Давление подскочило, взорвались резервуары с кислородом. Пострадавших нет, если не учитывать множество ожогов. Колонисты эвакуированы в соседний четвёртый сегмент. Технический персонал азы во главе с Трином и Винсентом сейчас пытаются погасить пламя. Там же и остальные андройды.

— Колонисты все эвакуированы?

— Так точно, — отчитался Слип. — Я должен был присутствовать рядом, но получив вызов Анны, поспешил к вам. Это всё, младший лаборант?

— Спасибо. Помогите перенести Элеонору на кушетку. Останешься здесь вместе с Анной, наблюдая за состоянием старшего лаборанта.

— Мне необходимо быть у очага пожара.

— Тебе необходимо быть у пострадавшего хозяина! — решительно процедила сквозь зубы Полина, всё больше раздражаясь на старого робота. — Или забыл протокол? При любых обстоятельствах бросать все дела, если рядом пострадал человек. Ясно? Ни агрегат, ни твой сородич, ни кошка, ни собака, а че-ло-век!

Последнее слово она произнесла по слогам, вплотную приблизив мокрое лицо к мерцающему экрану автомата.

— Аня, проследи, чтобы он занялся Элеонорой, приводя её в чувство. Останешься здесь. Выходи на связь каждые десять минут, чтобы тебя было слышно в тех отсеках.

— А ты?

— Я туда, — махнула она рукой в сторону двери. — Заменю Слипа. Как понадобится, вызову кодом. Девушка приложила к груди Элеоноры ухо, потом вскочила и спешно направилась к двери. Глаза у Элеоноры

снова были закрыты. Анна бессильно опустилась возле неё, наблюдая, как робот колдует с какими-то медицинскими препаратами.

Там они и остались, совершенно не подозревая, что произойдёт дальше на их родной, но теперь уже чужой базе.

Отчего чужой?

А вот это теперь и стоило выяснить всем обитателям лунного модуля под названием «Тихо Браге». ...В воздухе витало что-то тревожное, нагнетающее и зловещее по своей сути.

Глава 2

Залив Суровости близ кратера Торричелли. Спустя сутки после описанных событий. Кабина лунного ровера.

— Говорю тебе, база не выходит на связь почти сутки. Там что-то произошло. Андроиды передают повышенную степень аварийной ситуации.

— Пробовал запасную частоту?

— Пробовал. Молчит база, молчат роботы, прикреплённые к ней.

— Думаешь, наружная антенна вышла из строя?

— А чёрт его знает. Но такого прежде никогда не было. Японская база в эфире, российская, китайская на той стороне тоже слышны. У всех всё в порядке. Одна «Тихо Браге» молчит. Неужели никто не поднял тревогу? Хотя бы «Джордано Бруно» — ближайшая к ним?

— А когда по графику связь с нашей базой?

— Сегодня вечером.

— Вот и поднимут.

— Что поднимут?

— Тревогу, как ты сказал. Сутки ещё ничего не значат. Вот когда вторые сутки будут молчать, тогда уже и сам Хьюстон забеспокоится.

Переговариваясь таким образом, двое астронавтов в скафандрах выпрыгнули из ровера на поверхность лунного грунта, принимаясь осматривать повреждённые провода ограждающей границы карьера. Утяжелённые ботинки не давали им подпрыгивать от слабой силы гравитации. Кругом сновали молчаливые андроиды, вдали у самого кратера виднелась будка оператора, но их никто не встретил.

— Странно, — пожал плечами первый астронавт, тридцатилетний Карлос, родом из далёкой испанской провинции, уже третий год посещающий Луну во время доставки сюда новых андроидов, заменяя ими

старые, постепенно выходящие из строя. — Тревор должен был вроде встретить, но я его что-то не вижу.

— Залёг где-то с фляжкой коньяка, — хохотнул более молодой Ульрих, прибывший в интернациональную команду лунного модуля из Швеции. Оба были друзьями — не разлей вода, и никогда нигде не появлялись отдельно. Вот и сейчас они прибыли к карьеру раскопок вместе, куда их направили два дня назад для проверки кратера Торричелли. В их обязанности входили постоянные инспекции на тот или иной прикрепленный объект для проверки работоспособности андроидов. Оба были механиками, а Карлос по совместительству и биохимиком.

— Думаешь, напузырился опять? — в шутку переспросил он.

— А чего думать? Все прекрасно знают его слабость к коньяку, особенно если ты здесь один, среди пустыни и кратеров, далеко от начальства, в окружении бездушных механизмов. С кем общаться? С кем разделить вечер с ужином? Вот и прикладывается, хорошо, что наш Винсент не докладывает в Хьюстон. Свой мужик, наш парень. Прежний начальник базы уже давно бы выгнал Тревора куда-нибудь на Землю, приглаживать не за роботами, а в зоопарке за жирафами.

— Почему именно за жирафами? — оглядывая тысячелетние насыпи от падения метеорита, усмехнулся Карлос.

— Это я утрировано, — в тон ему с усмешкой посмотрел по сторонам Ульрих. — Не за жирафами, так за носорогами. Или, скажем, обезьянами.

— Это верно. Старый начальник был ещё тот себе на уме, не в пример нашему Винсенту.

Приметив их из-за насыпи и уловив маяки датчиков, подкатил старший андроид.

— Фред, верно? — попытался вспомнить кодовое имя Ульрих, цепким профессиональным взглядом сразу примечая некоторую странность в его движениях. На протяжении пяти лет механик уже наловчился с первого взгляда определять те или иные неполадки автомата, возникающие в процессе их изнашивания. Этому роботу было никак не меньше двух десятков лет.

— Так точно, я Фред, — проскрежетал металлическим голосом стареющий механизм. Экран, при этом обращенный в сторону Карлоса, мерцал едва заметным тусклым светом, очевидно, от нехватки заряда аккумуляторных батарей.

— На меня смори, не на него, — повернул к себе экран астронавт. — Стареешь, братец мой. Не пора бы на отдых?

— Никак нет, мастер-механик. Ещё есть порох в пороховницах... — пытаюсь подражать человеческому смеху, проскрипел тот. Звук был похож на раздавленную поездом консервную банку.

— Ты глянь! — захохотал Ульрих, толкнув Карлоса в бок. — Это ржавое ведро ещё способно иронизировать. — Обернувшись к андроиду, смерил его недобрым взглядом:

— Сколько на Луне?

Карлос в это время к чему-то присматривался, выводя на голограммном изображении планшета силуэты остальных работающих автоматов. В карьере раскопок прилегающего кратера их было больше двух десятков. Кругом перекачивались вагонетки, змеилась в желобах эскалаторная лента, ворочались и шевелились всевозможные механизмы. Здесь, как и на других кратерах, приписанных к базе «Тихо Браге» производились раскопки, доставляя на поверхность образцы лунного реголита вперемежку с отходами базальтовых наслоений. Здесь, как и везде работали сплошные агрегаты, контролируемые оператором, которого астронавты сейчас не видели. Карлос заметил некую нелогичность в движениях андроидов, но пока ещё не успел понять, в чём она заключается. Наблюдая в панораме голограммы за их передвижениями, он начинал смутно выделять их нелепые позы, когда автоматы останавливались все разом, одновременно, в одну секунду, словно прислушиваясь внутри какой-то, неслышимой астронавтам команде, зато сразу чувствуемой механизмами. Будто кто-то командовал. Но кто? И каким образом? Оператора-то не видно. А роботы тем временем, секунду постояв, словно на что-то наткнувшись, тотчас, как ни в чём не бывало, продолжали двигаться дальше, чтобы снова вслепую на что-то наткнуться.

— Сколько стаж на Луне? — продолжал допытываться Ульрих, не замечая пока ничего подозрительного. Перед ним стоял просто-напросто старый автомат, изживший положенный срок эксплуатации, которого необходимо было заменить новым поколением, из-за чего они сюда, собственно, и прибыли с инспекцией.

— Двадцать один земной год, — с готовностью проскрипел стареющий механизм, — восемь месяцев, четырнадцать дней, шестнадцать часов, девять минут, тридцать две секунды...

— Довольно! — поморщился Ульрих. — Этак ты мне и до тысячных долей секунд дойдёшь. — Ясно, что почти двадцать два земных года.

Фред осёкся, поникнув тусклым экраном, по которому как морщины пробежали изогнутые линии изобар, гипербол и парабол различных графиков. Автомат, казалось, чувствовал своё скорое отстранение от

работ, а там где отстранение, сразу подразумевалась обычная примитивная свалка. Не здесь, не на Луне. Свалка утилизации пришедших в негодность роботов находилась на астероиде Церера. Это было самое банальное кладбище. Кладбище отживших роботов.

Поэтому и дрожал сейчас голос Фреда, хоть и был металлическим.

— Ладно, — сжалился над «стариком» Ульрих. — Пока посмотрим, на что ещё годен. Показывай своё хозяйство. И вызови, кстати, сюда Тревора. Мы его отчего-то не видим. Отдыхает?

— Никак нет! — взбодрившись от радостной новости, что его тут же не отправят в утиль, поспешил ответить Фред. При этом его экран как-то загадочно мигнул, расплылся кривыми линиями по краям, выдав вверх амплитуду кривой линии. — Вон, — указал конечностью по направлению к будке, — идёт вас встречать. — При этом конечность изогнулась десятками насадок. — Он не отходит от передатчика, пытаясь связаться с базой.

— У тебя тоже нет связи со своими собратьями на базе? — махнув Тревору в приветствии, сразу стал серьёзным Ульрих. Карлос пока молчал, наблюдая за приближающимся сотрудником. Тот спешил, не обращая внимания на впопыхах застёгнутый скафандр.

— Никак нет. Связь оборвалась сутки назад.

— Как и у нас, — вздохнул Ульрих. — Чертовщина какая-то. Может, Тревор что-нибудь объяснит. Ладно, иди, продолжай работать, позже встретимся, — отослав робота, повернулся он навстречу Тревору. Тот уже жал руку Карлосу. После взаимных приветствий, добравшись до будки, они сняли в герметическом помещении костюмы защиты, расположились за столом, рассказывая друг другу последние новости.

Будка оператора представляла собой довольно унылую картину полного одиночества. Диван, холодильник, компрессор. В углу — генератор энергии, нагнетатели воздуха, стол, старые кресла, пара полочек на стенах, да огромный экран видеофона. Вот и вся, собственно, холостяцкая обстановка, если не считать пристроенного сбоку склада с продуктами. Там же находился крошечный одноместный луноход для объезда территории, которым Тревор почти никогда не пользовался.

— Фред нам уже сказал, что связь с базой пропала и у вас, — продолжил Карлос, с удовольствием потягивая горячий кофе, щедро разбавленный коньяком. От такого угощения грех было отказать, учитывая полное одиночество их коллеги, на которое тот, впрочем, не жаловался.

— Да, — ответил Тревор. — Последний раз я выходил на связь с Элеонорой из блока лаборатории.

— Почему именно с ней, а не с Тритом или Винсентом? — вскинул брови Карлос.

— Командир с инженером были заняты. Браун отдыхал после вахты, Картер где-то бродил по станции, как всегда бездельничая. А Элеонора доложила мне, что прибыл посадочный модуль с Земли, доставив новых роботов и каких-то... — он осёкся, вспоминая подходящее определение, — каких-то... тихоходок, что ли.

— Знаем, — вставил Ульрих, делая большой глоток из горячей кружки. — Она заказывала их для проведения эксперимента, смогут ли эти букашки приспособиться к вакууму на Луне.

— Букашки? Так это насекомые?

— Что-то вроде того. Микроскопические организмы, способные выживать в любой агрессивной среде, даже без воздуха.

Тревор щёлкнул пальцами:

— Так вот о чём она мне взволнованно пыталась объяснить!

— О чём?

— По её словам, как только спустился модуль, в каких-то прилегающих к базе кратерах сразу активизировалась некая материя, органическая причём, которая до этого покоилась в анабиозе подлунного грунта несколько сотен миллионов лет. Иными словами со времён палеозоя на Земле.

— Ого! — протянул Ульрих. — Этого мы не знали. Как раз выехали оттуда на инспекцию. Что дальше? Продолжай.

— Она подозревала, что эти тихоходки, замороженные в колбах, каким-то образом повлияли на активность тех самых бактерий, что находились в состоянии анабиоза миллионы лет под поверхностью Луны. Как только спустился модуль, высвободившаяся из недр Луны неизвестная субстанция, якобы начала окутывать всё пространство кратеров, выводя из строя приборы, оборудование и самих роботов.

— И после этого связь сразу оборвалась?

— Да. Внезапно. Она ещё успела сказать, что направится в лабораторию к Полине с Анной. Хотела проверить состояние этих самых тихоходок: вдруг они тоже активизировались.

— И что?

— И всё. Послышались какие-то отдалённые крики, что-то где-то не то упало, не то взорвалось, но шум грохота я слышал отчётливо. Она обернулась на экране, махнула мне рукой и связь оборвалась. Изображение исчезло.

— Не отключилась, а именно оборвалась?

— Да.

Наступила долгая пауза. В будке стояла тишина, лишь мерное гудение кондиционера слышалось в пристроенном коридоре.

Спустя минуту Карлос тревожно заметил:

— Там на базе у них что-то произошло. Что-то такое, что заставило оборваться связь, не выходя в эфир уже вторые сутки. Причём, андройды тоже молчат, не отзываясь на позывные Фреда и его собратьев. А это дело уже пахнет керосином.

— Катастрофой, ты хочешь сказать?

— Именно.

В это время Ульрих, наблюдавший в иллюминатор за снующими туда-сюда андроидами, задумчиво спросил:

— Слушай... а что с твоими автоматами?

— Ты о чём?

— Не заметил в последнее время ничего странного?

Тревор на миг задумался, вглядываясь в монитор, на котором были изображены показания внутреннего состояния роботов. Четыре из двадцати экранов светились тревожным красным цветом. Это означало, что с автоматами не всё в порядке.

— Либо сбой программы, либо простая неполадка, — пожал он плечами. — Такое бывало и раньше. На то я здесь и присматриваю за ними, устраняя мелкие неисправности. Эти консервные банки давно пора заменить.

— Для этого мы и прибыли с инспекцией, — размышляя над чем-то, поднял палец Ульрих. — Ты говоришь, бывало и раньше. Но не у четверых же сразу — посмотри на их датчики.

Тем временем красным цветом засветился ещё один монитор, за ним ещё, следом ещё.

— Господи! — спешно поднялся Тревор. — Что происходит? Они словно отключаются сами собой.

— Взгляни в окно! — подался вперёд Ульрих. Карлос подсел к пульту мониторов, бегая пальцами по сенсорной клавиатуре. — Ничего не замечаешь?

Следуя взглядом за Ульрихом, оператор уставился выкатившимися от недоумения глазами на то, что тот показывал.

А посмотреть было на что...

Пять или шесть роботов, собравшись в группу, замерли на месте в самых нелепых позах, будто наткнувшись на невидимую преграду. Кто с занесённой в шаг нижней конечностью, кто с выгнутым вперёд кор-

пусом, кто вообще привалился к насыпи, не производя никаких движений.

— Их будто обесточили! — вырвался у Тревора вздох изумления. Он готов был поклясться, что ещё минуту назад все агрегаты были в порядке, однако сейчас, спустя какую-то минуту, сразу несколько автоматов пришли в полную негодность.

— Мы этого и ожидали... — задумчиво протянул Карлос, выдержав эффектную паузу для нагнетания таинственности.

— О чём ты? — непонимающе обернулся Тревор.

— Если все андроиды вышли из строя на тех кратерах близ базы, то почему они не должны выйти из строя здесь, у тебя?

— Ты хочешь сказать, что они ломаются... — он запнулся, — *повсеместно?* — последнее слово было растянуто едва ли не по буквам. — Везде? По всей Луне?

— Насчёт всей не знаю, мы ещё не связывались с русскими, китайцами и другими. Но то, что старший андроид Слип на нашей базе начал подавать признаки неповиновения, это мы заметили ещё прежде, чем покинуть станцию. Оттого спешно и отправились инспектировать карьеры раскопок, на которых работают остальные автоматы. Первым по плану объектом оказался твой. Теперь мы видим, что с твоими парнями не всё в порядке.

— Уж не думаете вы, что эти неполадки — результат высвободившейся из недр Луны какой-то там непонятной протоплазмы, активизировавшейся при подлёте земного модуля?

Механики переглянулись.

— Хорошая мысль! Точно! — воскликнул Ульрих. — А ведь верно! Сначала тихходки, прибывшие с Земли на посадочном модуле. Затем неисправность Слипа, который не поставил в известность Винсента с Тритом о выбросе в окружающую среду непонятной органической материи. Следом выход из строя всех автоматов... — он прервался на миг, взглянув в иллюминатор, — или почти всех. И следствие всему — полная утеря связи со всем внешним миром.

— Я уже пробую связаться с индийской базой, — оповестил Карлос, пробегая пальцами по пульту управления.

— Молчат?

— Молчат.

— Китайская, японская...

— Пробую. Всё напрасно. Из нашего ровера тем более не выйдет. Тут хоть стационарный передатчик, а наш слабее в разы.

— Русских пробовал?

— Молчат. Весь эфир — сплошной вакуум. Тишина, даже обычной статики нет. — Карлос в бессилии откинулся на спинку кресла. — Вызовите сюда Фреда. Может у него получится связаться со своими братьями.

Через несколько минут в «операторскую» вкатился Фред, минуя герметический коридор перехода. Сверху сработали пульверизаторы обеззараживающего раствора, обдав автомат струями пара.

Было что-то неуловимо неправильное в его движениях, как показалось Ульриху.

— Ты в порядке, парень? — спросил он, пытливо вглядываясь в изъеденный помехами экран на месте лица.

— Так точно, мастер-механик, — проскрипел тот, изобразив на экране графическую улыбку смайлика. — Тревор проводил профилактику, все жизнедеятельные функции работают в норме... нор... в нор... в нор-ме. — И запнулся, сам, очевидно, удивлённый заиканием. — Прости... простите, вре-вре-вре-менная неполадка. Га-гадость какая... температура за бортом... хо-хотите анекдот... анне... анне... кдот? Шла Маша по шоссе... по шоссе... третьим лишним выйдет прах... Очуметь, какая задница... пойду наверх при-прилягу... ус-ус-устал безмерно... покидаю вас наве-навечно...

Экран пошёл змеиными полосами, прерываясь пунктиром.

— Бедный Йорик... ты ли эт-то друг Горацио? — конечности автомата изобразили жест, держащий в руках невидимый череп из трагедии «Гамлет». — Быть или не-не-не б-б-быть... вот в чём воп-вопрос...

Потом прижал насадки к корпусу, словно в порыве чувств коснулся груди:

— О, Эсмеральда, лю-любовь моя! Не твой ли я наве... навеки?

И замер, бликнув напоследок смайликом. Вся тирада была произнесена металлическим голосом в одном тоне, без остановок и эмоций, запинаясь по слогам, словно скрипела ржавчина железной обшивки. Все трое с недоумением уставились на застывший автомат, пока Ульрих, наконец, не произнёс:

— Всё. Кранты. Кина не будет, как говорил один актёр в старых фильмах. Заговаривается и бредит.

— Да он же сломался! — чрезвычайно медленно, опешив, протянул Тревор. — Я только вчера проверял его матрицу.

— Вчера ещё не действовало, — загадочно откликнулся Карлос, поднимая обвисшую конечность Фреда. Она болталась словно бельевая верёвка, не подавая никаких признаков «жизни» в кавычках.

— Что не действовало? — уставился на него Тревор.

— То, что вывело из строя все автоматы в кратерах Коллинза, Олдрина и Армстронга. То, что мы ещё не знаем. То, что посетило нашу базу сутки назад. То, с чем нам только предстоит столкнуться.

В полной тишине все трое стояли, переводя тревожные взгляды с робота на окно, с окна на аппаратуру, с аппаратуры на себя самих. Никто толком не понимал, с чем именно им предстоит столкнуться, но то, что активность этой материи, вырвавшейся из лунного реголита, каким-то образом связана с появлением на базе тихоходок, уже не возникало сомнений. И то, что эта непонятная субстанция каким-то образом выводит из строя все механизмы в пределах её досягаемости, тоже предстала перед ними непреложным фактом.

Гипотеза о простых неисправностях автоматов сразу быстро скончалась.

А между тем на лунной базе «Тихо Браге» происходило следующее...

Глава 3

Жилые и технические блоки третьего сегмента лунной базы «Тихо Браге». Спустя сутки после посадки транспортного модуля Земли.

Браун, сдавший дежурную вахту и успевший пообедать, направился к себе в каюту, по пути размышляя о непонятной энергии, вырвавшейся из недр подлунного грунта. После разговора с Винсентом у него остался какой-то тревожащий душу осадок. Что-то непонятное и странное, по его мнению, начало происходить на базе с момента посадки земного модуля, на борту которого находились контейнеры с замороженными тихоходками. Что-то неизвестное, зыбкое и эфемерное, казалось, пробралось на базу, проникнув сквозь силовой купол, минуя систему охраны, внешнюю обшивку и датчики показания андроидов. Каким образом это произошло, ни он сам, ни командир, никто другой пока не знали. Но то, что это каким-то необъяснимым образом связано с прибывшими земными тихоходками, он уже не сомневался. Вернуться сказать командиру? Но он сам только оттуда. Пожалуй, лучше отдохнуть после смены, а потом уже связаться с Элеонорой.

С такими мыслями он и уснул, добравшись до своего жилого блока, где кроме него отдыхали ещё несколько колонистов, закончив смену. Кивнув им в приветствии, он надел наушники, включил систему быстрого сна и провалился в сладкие грёзы гипноза.

...А спустя несколько минут на базе уже начался аврал.

Прерванный тревожной сиреной гипнотический сон разорвал его сознание на две части: одна осталась по ту сторону сновидений, другая была в уши нестерпимым воем оповещения опасности. Вскочив с постели, едва не оборвав прикреплённые к вискам электроды, он бросился на шум, где в одних трусах столкнулся с Полиной, младшим сотрудником лаборатории, помощницей Элеоноры. Соседние каюты, как они по морскому обычаю называли свои каморки для отдыха, были пусты. Кроме них двоих никого не было. Коридор извилистым лабиринтом терялся в дымной завесе, сквозь которую проглядывались спящие силуэты андроидов. Всё гудело, свистело и, казалось, стонало от непомерного грохота. Где-то сочилась вода, отключились генераторы накопления воздуха, перейдя в аварийный режим ожидания.

— Почему не разбудили? — заорал Браун, уставившись на Полину, которая сама ему что-то кричала, пытаясь преодолеть голосовыми связками рёв механизмов. Она, как и он была растрёпана, на комбинезоне виднелись свежие разрывы, девушка едва держалась на ногах от потрясения.

— Где дублирующий андроид? — прокричал он, бросаясь назад, хватая брюки и влезая в них. — Где дежурный по коридору робот? Что ты здесь делаешь? И что, к чертям собачьим, тут происходит?

Вопросы неслись сплошным потоком. Бедная девушка, увидев молодого помощника инженера, едва не взорвалась слезами. Схватив его за руку, бессильно прижалась к плечу. Он оттащил её к выходу в соседний отсек, буквально впихнув внутрь, и оба тут же оказались в герметически закупоренном техническом цехе с множеством приборов. Цех был пуст, как и все ближние помещения. Здесь не так шумело, и не так сильно просачивалась гарь. Полина всхлипнула.

— Ну-ну, девочка моя, — погладив по волосам, попытался он успокоить. — Расскажи, что случилось. Отчего дым и гарь, отчего вопит сирена? Где все?

Сбивая фразы и заикаясь, она в двух словах рассказала всё что знала. Как к ним ввалилась Элеонора, как они с Анной перетаскивали бесчувственную девушку в коридор, уложили на диван, оставив в качестве санитара старшего андроида Слипа. Как она сама бросилась по коридорам искать кого-нибудь, но кроме него, Брауна, так никого и не встретила. База словно вымерла. Ни в одном отсеке, ни в одном переходе, блоке, секции или помещении никого не было.

— Везде пусто? Куда все подевались?

— Не знаю. Такое ощущение, что мы во всём сегменте базы остались одни. Внутренняя связь оборвалась ещё накануне взрыва. Начался пожар...

— погоди! — перебил её опешивший Браун. — Какого взрыва?

— По словам Эллы, когда она ворвалась к нам в лабораторию, в одном из раздаточных блоков произошёл взрыв, воспламенив резервуары с кислородом. Как это произошло, она не знала, тотчас потеряв сознание у нас на руках.

— Сейчас она в порядке?

— Да. Анна со Слипом приводят её в чувство. После них я никого не видела.

— Ты бежала из лаборатории по главному коридору?

— Бежала, заглядывала в секции с отсеками, кричала, звала на помощь. Бросилась в столовую, но и там никого.

— Тогда где все, в пень его колоду? — озадаченно протянул он. Потом спохватился, выскакивая наружу:

— У нас же есть андройды! Они-то должны знать, что, чёрт возьми, здесь происходит!

Выглянув в задымленный коридор и активировав лазерный вектор у себя на рукаве, он вызвал кодом ближайшего андроида. Было видно в дыму, как тот внезапно выпрямился, бросив на пол какую-то спасаемую рухлядь, крутанулся вокруг своей оси, тут же покотив по направлению к ним.

— Вызывали, младший помощник инженера? — проскрипел металлический голос.

— Да. Почему взорвались резервуары? Какова угроза распространяемого пламени? Каков ущерб пожара? Где все сотрудники базы?

— Отвечаю по порядку, — невозмутимо произнёс автомат. — Накопительные резервуары взорвались из-за проникшей внутрь неизвестной материи, которая продолжает поступать из-за пределов защитного купола. Ориентировочные координаты местонахождения эпицентра органики — кратеры Коллинза, Олдрина, Армстронга. Но туда нет связи.

— Это я знаю. Дальше!

— Пламя удалось погасить. Угроза глобального пожара миновала. Остаточные клубы дыма поглощаются нашими агрегатами-пылесосами. Вытяжка работает, температура стабилизируется, давление в норме, кислород на базу поступает, жертв нет.

— Каких жертв, едрит тебя в пень! — заорал Браун. — Я спрашиваю, где все? Понимаешь ты, старое ржавое ведро? Куда подевались сотрудники и колонисты?

Автомат внезапно изменился в «лице», если так можно было назвать его экран, мигнул графиками разбегающихся линий, прошёлся по корпусу дрожью и, заикаясь, заверил:

— Всё в поряд... поряд... порядке. Жертв нет. База... база работает в аварийном режи... режиме. Протокол соблюда... прото... протокол соблюдается. Никаких поврежде... поврежде... повре...

И умолк, бессильно свесив конечности. Застывший экран погас, из корпуса послышался выходящий свист воздуха. Под нижними конечностями расплылось пятно масляной жидкости.

— Что за чёрт! — бросился к поникшему роботу Браун. — Он что, обездвижился? Протекает маслом?

Полина в это время смотрела через плечо Брауна широко раскрытыми глазами. Дым постепенно рассеивался, гул уступал место нависающей в каждом углу зловещей тишине, а на её глазах, за спиной парня, в нелепых позах, почти одновременно, синхронно, будто подчиняясь какой-то неведомой внутренней команде, один за другим на пол сплошными рядами... валились андройды.

— Господи! — прошептала она в паническом страхе.

— Что? — резко обернулся Браун.

— Посмотри на роботов! Они... они...

Девушка указывала рукой поверх его плеча.

— Они падают!

И выдохнув, недоуменно перевела взгляд на Брауна:

— Все! Одновременно, в одну секунду, друг за другом!

В ужасе она прижала руками рот, чтобы не кричать. Готовый вырваться наружу безудержный вопль так и остался внутри грудной клетки, не найдя выхода своим эмоциям.

— Действительно, — озадаченно уставился в корридо помощник Трита. — Согнулись в позе эмбрионов, не подавая признаков жизни. Эй! — толкнул он застывшего андроида. — Как там тебя?

Тот вяло пошевелился, проскрежетав, словно заученный текст на шпаргалке экзамена:

— Кодовое имя Чак. Номер про-проток-кола двадцать дробь двенадцать. Что же-лаете на... на ужин? Устрицы, крабы, ка-кальмары...

— Какие нахрен кальмары! — взорвался Браун. — Тебя зовут Чак? Ты можешь говорить?

— Го... говорить, — повторил за ним робот. — Гово... рить. Го... — и умолк окончательно, сползая всем корпусом на пол. Маслянистое пятно расплылось по полу. Запахло перегоревшей проводкой.

— Ничего не выйдет! — бессильно опустив руки, произнесла Полина. — Они вышли из строя таким же образом, как и те автоматы на трёх кратерах. Их будто отключили от сети. Одновременно. Всех разом. — Она секунду помолчала, приводя мысли в порядок. — Починить сможешь?

— Раз плюнуть! — обозлился Браун. — Только когда? Времени в обрез, а нам нужно ещё найти хоть кого-нибудь, кто сможет нам объяснить, куда и почему, к чертям собачьим, мог исчезнуть весь контингент нашей базы? Сама говоришь: ни Картер, ни Трит с Винсентом, ни все остальные, никто не выходит на связь. А тут ещё механизмы объявили забастовку, — попытался пошутить он.

В это время в нагрудном трансивере Полины послышался скрипучий голос Слипа:

— Внимание! Вызываю младшего сотрудника лаборатории. Вызываю младшего сотрудника лаборатории!

Девушка встrepенулась как от укуса пчелы и, округлив глаза, поспешно выкрикнула:

— Слышу тебя, Слип! Почему ты, а не Анна?

На том конце в трансивере послышались какие-то звуки удаляющегося эха, словно кто-то кричал, стремительно отдаляясь от микрофона.

— Анны нет, — невозмутимо отчеканил металлический голос.

— Как... — поперхнулась Полина. — Как это... нет? А где она? Где Элеонора?

— Их нет, — повторил голос.

Браун решительно вырвал переговорной устройство из комбинезона девушки, прокричав:

— Говорит помощник старшего инженера базы.

— Я знаю тебя, Браун, здравствуй!

— К чертям приличия! Говори, где твои хозяева? Где сотрудницы лаборатории?

— Я уже сказал младшему сотруднику — их нет.

— Да господи, едрит тебя в пень! Отвечай, куда они ушли? Ты всё ещё в лаборатории?

— Нет, — тихо подсказала дрожащая Полина. — Мы перенесли Эллу в соседний блок. Значит, и он с ней.

Браун кивнул:

— Ты всё ещё в блоке?

— Так точно.

— Куда ушли Элла с Анной?

— Они не ушли.

— Тогда что сделали?

— Их... — на том конце голос помедлил, будто подыскивая подходящие слова.

— Да говори же, ты, старый ржавый пылесос! У нас нет времени!

— Боюсь, вы не усвоите. Не могу сформулировать подходящую фразу, понятную вам.

— Говори как есть! — крикнула Полина.

На том конце, казалось, возникла продолжительная пауза.

— Ну-у? — почти проорал Браун, выходя из себя.

— Их нет. — Голос Слипа потерял всякий оттенок тембра, превратившись во что-то безликое, чужое и отдалённое. — Их... *изъяли*.

Потом, секунду спустя, повторил с ударением:

— ИЗЪЯЛИ.

Воцарилась тишина. В течение нескольких секунд Полина то открывала, то закрывала рот в безмолвном крике, не в силах произнести ни звука. Она в каком-то отрешении смотрела на Брауна, ожидая, что тот что-нибудь произнесёт, но парень казался отрешённым не менее её, не обращая больше никакого внимания на происходящее вокруг. Он стал похож на безвольный манекен, пустым сосудом стоящий сейчас перед Полиной. Встряхнув головой, отгоняя внезапно нахлынувший панический страх, девушка дрожащим голосом протянула по буквам:

— Как... изъяли? Что это за слово, мы не понимаем.

— Я же говорил, что не поймёте. Изъяли — значит ЗАБРАЛИ.

— К... кто... забрал? Куда?

— Выхватили из пространства, увлекая тела в какую-то неизвестную мне субстанцию. Анна сидела с Элеонорой, старшей сотрудницей лаборатории. Погасло аварийное освещение. Мои датчики показали небывалый всплеск чужеродной энергии. Она проникла сквозь силовой купол, прошла сквозь наружную и внутреннюю обшивку сегмента, возникла на базе в том самом месте, где произошел взрыв с пожаром. Распространилась по всем отсекам и секциям, изъяв из окружающего пространства всех, кто были в пределах её досягаемости. Чужеродная материя из кратеров поглотила в себя всех колонистов без исключения. Исчезли Картер, Трит, Винсент, остальные сотрудники. База полностью опустела. Последними из нашего измерения были изъяты сотрудницы лаборатории. Мои датчики показывают, что сейчас в нашем сегменте базы мы остались одни. Органической жизни больше нет. Кроме... — он замолчал. — Кроме нас троих, если учитывать что я автомат, на базе осталась только ещё одна органическая жизнь. Остальные растворились в пространстве.

— Что за органическая жизнь? — выбивая дробь зубами, переспросила ошеломлённая Полина.

Слип выдержал эффектную паузу, дверь в блоке отъехала в сторону, и он возник перед двумя сотрудниками собственной персоной, продолжая говорить в микрофон:

— Тихоходки.

Оба уставились на него непонимающим взглядом.

— Простите, младший сотрудник, и вы простите, помощник инженера. Я общался с вами на ходу, покинув отсек лаборатории, учитывая, что вам понадобятся мои услуги. Что прикажете?

Полина спустя секунду пришла в себя.

— О каких тихоходках ты только что упомянул?

Слип изобразил на экране загадочную улыбку:

— О тех, что у вас сейчас в кармане.

Она уставилась на него недоумённым взглядом.

— У меня в кармане?

— Да. Те колбы из замороженного контейнера, что вы успели захватить с собой, покидая в респираторе задымленную лабораторию.

Полина машинально, чисто рефлекторно потянулась к карману комбинезона, вытащив наружу три продолговатые запаянные колбы. Браун перехватил их, поднеся к глазам напротив светящихся ламп аварийного освещения. Внутри была мутная жидкость, но больше Браун ничего не разглядел.

— Они как высшие белковые бактерии, — пояснил Слип, наблюдая за сотрудниками. — Их видно только в микроскоп. Дееспособный организм, способный выживать в любой среде вплоть до вакуума. Настоящее чудо природы. Совершеннейший симбиоз сразу нескольких видов микроорганизмов планеты.

— И что? — непонимающе поднял брови помощник Трита. — Причём тут исчезновение всего контингента базы, и каких-то букашек? И, кстати, если на то пошло, почему эта неизвестная, как ты говоришь, материя не тронула нас с Полиной? Все исчезли, а мы остались? Причина есть?

— Есть.

— Какая?

Автомат сделал значительную паузу.

— Причина была в кармане у Полины.

Девушка переглянулась с Брауном, совершенно не понимая смысла.

— В моём кармане?

— Да. Вы только что вытащили эту причину наружу. Вас не тронули из-за тихоходок.

...И умолк.

Браун хотел ещё что-то спросить, точнее, не что-то, а целый каскад вопросов, вертевшихся бешеным калейдоскопом у него в голове, но тут же заметил некую странность, заставившую его обернуться к остальным обездвиженным автоматам. Странность заключалась в том, что старый, проверенный годами Слип, замер на месте таким же образом что и все остальные. Ни движений, ни звука. Его будто отключили, выдернув из сети шнур, если бы этот шнур, разумеется, существовал. Такое бывает, когда внезапно выключаешь приемник. Бац! — и тишина. Замерший в одну секунду корпус робота стал похож на монументальную скульптуру где-то в хранилищах земных музеев. Он сразу как-то исчах, сморщился, поник экраном, отчего потерял всякий элегантный вид, бывший до этого его главным отличием от остальных механизмов.

— Ты что-нибудь понимаешь? — испуганно произнесла Полина, обходя робота вокруг, поднимая бессильно упавшую конечность и заглядывая в пустой экран, где прежде светилась улыбка смайлика. Сейчас там ничего не было: ни смайлика, ни ломаных пунктиров, ни подсветки.

— Понимаю только то, что нам срочно необходимо наружу. Все автоматы, в том числе и наш Слип вышли из строя. По какой причине — здесь мы явно не узнаем, нужно надеть скафандры и выбраться за пределы силового купола. Если мы, по его словам, остались в нашем сегменте только вдвоём, то нужно проверить все «самописцы» главной матрицы базы, наружные датчики обнаружения чужеродного проникновения внутрь, и самое главное... — он помедлил, оглядывая помещение в поисках боксов со скафандрами, — самое главное, просто орать в эфир! Вопить что есть мочи, пытаясь выйти на связь с остальным миром. Не важно, с кем: русскими, китайцами, немцами, японцами! Этим займёшься ты. Вызывай всех. Вызывай Хьюстон, вызывай Землю, вызывай даже, едрит его в пень, форпосты Марса и Титана! Поднимай на ноги всё человечество!

— А ты?

— А я, пожалуй, наведаюсь в раздаточный блок второго сегмента. Там на выходе ниши со скафандрами. Если какая-то инородная материя проникла на базу, забрав куда-то с собой наших сотрудников, то и нам здесь оставаться опасно. Ещё не знаю, какое отношение имеют эти чёртовы тихоходки к трагедии, но держи их пока при себе. — Он протянул колбы, опустив их в карман Полины. — Позднее с ними разбе-

ремся, когда хотя бы узнаем причину исчезновения людей. Попытаемся добраться до посадочного модуля. Пилотов нет, но управлять я умею — сдавал экзамены пилотирования на астрономических курсах. Если будет молчать вся Луна целиком, если похожий инцидент коснулся всех лунных баз глобально, то запрёмся в модуле, взлетим и покинем этот мерзкий спутник к чертям собачьим! — он перевёл дух. — Но это в том случае, если не выйдут на связь все остальные базы. Не забудь и про наших механиков, отправившихся с инспекцией к кратеру Торричелли в гости к Тревору. Может их не коснулось всеобщее исчезновение. — Он немного подумал, направляясь к выходу, обращаясь явно к самому себе: — И как прикажете называть этот непонятный жуткий феномен? Смертью? Гибелью всех сотрудников? Они погибли? Или, как сказал Слип, переместились в какое-то иное измерение?

Глаза его оставались округлёнными от потрясения.

— Чертовщина какая-то! — встряхнул он головой. — Так или иначе, я бегу к скафандрам и возвращусь в пульт управления, а ты пока вызывай всех, кого сможешь. И надень респиратор — в коридорах ещё полно дыма.

Переступая через безвольные корпуса валявшихся в нелепых позах автоматов, они расстались, спешно направившись в разные стороны коридора: Браун налево к выходу из портала второго сегмента, Полина — направо, где располагался узел управления базой. Там стационарные передатчики. Там связь. Там — их последние надежды выжить. Тихоходки мирно покоились в колбах её кармана. Слип так и остался на месте, безмолвно прислонившись корпусом к внутренней обшивке отсека.

...В воздухе витало предчувствие чего-то нехорошего.

Глава 4

Кабина лунного ровера. Третьи сутки после посадки транспортного модуля Земли. 19 часов 42 минуты по лунному часовому поясу.

— А я тебе говорю, что там уже никого нет! — продолжая начатый спор, горячился Ульрих.

В кабине ровера их было трое.

Покинув безжизненный теперь карьер и оставив пустую будку оператора, они втроём вместе с Тревором спешно направились к лунной базе. Прицепив к вездеходу сзади маленький луноход, астронавты оставили в кратере всех застывших андроидов. Ни один автомат не пода-

вал признаков жизни, ни один не проводил их светящимся экраном; даже Фред остался в будке, привалившись к стене, так и не dokonчив своей последней фразы.

Тревор сидел в глубине салона, едва не со слезами на глазах провозжая взглядом свой, теперь уже чем-то чужой объект. Все трое решили немедленно законсервировать место раскопок, так и не узнав причины выхода из строя сразу всех агрегатов, включая роботов. Внезапно остановились эскалаторы, замерли вагонетки, застопорились отсеивающие фильтры, полностью потеряв работоспособность. Сами по себе погасли десятки мощных прожекторов, окружающих карьер раскопок по периметру. Замерли все механизмы, так или иначе принимавшие участие в раскопках. Кратер Торричелли стал безмолвным, как, впрочем, и сама Луна.

Ульрих напряженно всматривался в неясные силуэты вывороченных базальтовых наслоений, окружавших метеоритные кратеры со всех сторон. Карлос вёл вездеход по уже проложенной колее. Настроение у всех было тревожное: никто по-прежнему не знал, что произошло на базе. Передатчики молчали, так и не выйдя на связь с остальными станциями. До третьего сегмента базы «Тихо Браге» было ещё шесть часов пути.

— Ты же помнишь, как нам на Земле в Хьюстоне при инструктаже рассказывали о необъяснимых аномалиях здесь, на Луне? — обернулся Ульрих к Тревору. Тот кивнул, прильнув лицом к иллюминатору. Вспоминая, небрежно бросил:

— Много чего рассказывали. Всё не упомнишь.

— Прежде всего, нам тогда дали понять, что, прибыв на Луну, мы столкнёмся здесь с нечто неординарным, совершенно сбивающим с толку всех научных сотрудников НАСА. Почему, к примеру, вся видимая сторона Луны испещрена кратерами разных размеров, но одинаковой — повторяю — одинаковой глубины? Помнишь? — он уже обернулся к Карлосу. — На обратной стороне Луны такого нет. Более пятнадцати тысяч кратеров самых крупных размеров и более двухсот тысяч размерами меньше, но глубина у всех одинакова! Не почти одинакова, а идеально пропорциональна, словно вымеренная гигантской неведомой линейкой. У всех кратеров. У ВСЕХ! — повторил он с ударением, словно впечатал в воздух новое для науки открытие. — Как можно назвать этот необъяснимый феномен природы? Тысячи метеоритов вонзались в Луну миллионы и миллионы лет. Они прилетали из космоса, совершенно непохожие друг на друга, отличаясь массой, конфигурацией, составом, формами и размерами. А кратеры оставляли после себя совершен-

но идентичные по глубине. Ведь не может более крупный метеорит полукилометрового размера оставить после себя воронку, в точности по глубине похожую на ту, что оставил после падения какой-нибудь камешек размером с бильярдный стол! Это абсурд. Это не вяжется ни с какими постулатами физики. Космические гости падали на поверхность под разными углами и с разной скоростью. Так почему всегда воронки были одинаковы в глубину?

— А сам как думаешь? — сыронизировал Тревор, постепенно приходя в себя после прощания с карьером, где он провёл в тихом безмятежном одиночестве несколько месяцев вахты.

Ульрих, казалось, пришёл в полное смятение.

— Я думаю, — повысил он значительно голос, — что Луну просто-напросто... — он выдержал паузу, произнеся по слогам, — её просто подвергли *бомбардировке*.

— Че-го-о? — протянул Тревор, вскидывая недоуменно брови.

— Её *бомбардировали*, — повторил по слогам Ульрих.

В салоне возникла нешуточная пауза. Карлос обернулся через плечо, встретившись с Тревором взглядами.

— Бомбарди... — осёкся тот. — Откуда бомбардировали?

— С Земли! — победоносно заключил Ульрих.

— Отку-да-а?

— С ЗЕМ-ЛИ!!! Оглох что ли? Или впервые сталкиваешься с подобой теорией?

— Это не теория, друг мой, — едва не расхохотался оператор андроидов. — Это бред сивой кобылы. Ни один уважающий себя учёный не подпишет под таким утверждением. Насчёт одинаковой глубины кратеров всем давно известно, ты прав.

— И что? Есть какие-нибудь другие гипотезы?

Тревор замялся, скосив глаза в иллюминатор, за которым мелькали камни, поднятая пыль и другие фрагменты лунного реголита.

— Есть? — повторил молодой механик.

— Ну, положим, пока нет, — нехотя отозвался Тревор. — Но это пока. Учёные как раз стоят на пороге открытия каких-то доказательств, опровергающих прежние выдвинутые гипотезы. В том числе и твою «бомбардировку с Земли», как ты выразился. Сам посуди: если бы с Земли бомбардировали Луну, возникает первый вопрос — зачем? Вторым вопросом — когда? И третий, самый важный вопрос — кто? Иными словами, для чего это было нужно?

— А ты не слышал о потерянных со временем цивилизациях? — парировал Ульрих. — Сотни миллионов лет назад, скажем, в палеозой-

скую эру, на заре зарождения динозавров, существовала такая себе цивилизация... — он прищёлкнул пальцами, — положим, Тапробан. Я читал на Земле о такой. Позднее она покинула нашу планету, переродившись в плазмодную, улетевшую в соседнюю галактику. Могла развернуться околоземная война между двумя космическими метрополиями, средоточием которой была ещё молодая тогда Земля. Форпост противников располагался на Луне, тогда только ещё формирующемся спутнике. Вот тапробанцы её и бомбардировали. Отсюда и одинаковой глубины воронки. Отсюда и повторяющиеся друг за другом кратеры, словно по нашему естественному спутнику Земли гасили из всех орудий. Причём, залпами! Десятки кратеров располагаются настолько ровно, что по ним можно чертить лучевые векторы, будь я математиком. От одного крупного, веером и лучами расходятся более мелкие. Что, как не чистая геометрия в её виде?

Ульрих умолк, обводя восторженным взглядом товарищей, ожидая бурю оваций.

Оба астронавта едва сдерживали смех, как это бывает после долгих мучительных треволнений, когда организму срочно необходима эмоциональная встряска.

— Ты ещё скажи, что твои тапробанцы остались частью здесь на Луне, а частью расселились по галактике, — попытался в шутку урезонить его Карлос.

— И скажу! — высокомерно заявил механик. — Забыли, как в НАСА некоторые учёные предполагали, что Луна полая изнутри? Что она пустая? Точнее, напичканная всевозможными бункерами, амфитеатрами, цехами, колодцами, шахтами? Что наш спутник является искусственным объектом, созданным тапробанцами, а отнюдь не простым круглым мёртвым куском камня, отколовшимся от Земли на заре формирования её как космического тела? Под лунной поверхностью, пустой и унылой, возможно сейчас законсервировать целый конгломерат инородной цивилизации со своей сногшибательной технологией. Какие-нибудь автономные бункеры, ждущие своего времени, когда вернутся хозяева, расконсервировав их. А тут мы — нате вам, пожалуйста, здравствуйте, не ждали? Какие-то букашки с примитивной техникой по отношению к ним.

Тревору с Карлосом начинало казаться, что их младший сотрудник всё же в чём-то прав, возможно, гораздо больше чем некоторые учёные. Вот только в чём именно?

А Ульрих тем временем продолжал развивать свою мысль, переключившись на неоспоримые факты:

— Положим, до последнего посадочного модуля с Земли, на Луне не производились эксперименты с органической жизнью. Водоросли и лишайники не в счёт. Предшественница Элеоноры, биохимик Лея с марсианского центра генетики, прилетев сюда, как вы знаете, высадила в одном из кратеров в грунт реголита несколько десятков спор марсианских мицелий. Они, разумеется, не прижились, Лея улетела обратно на Марс. И тут! — он поднял вверх палец, — в Хьюстоне возникает внезапная идея, пришедшая кому-то в голову, отправить Элеоноре в её лабораторию каких-нибудь микроорганизмов, попробовав поэкспериментировать с ними на лунном грунте. Заметьте, уже не водоросли с лишайником, а полноценные биологические организмы, пусть и низшие по классу, но выше по статусу, скажем, той же инфузории тифельки. Выбор падает на никому не приметных тихоходок. Их запаивают в контейнеры. Отправляют на Луну. Модуль совершает посадку. Тихоходки на его борту.

Ульрих сделал эффектную паузу.

— И вот тут-то на нашей базе начинает происходить что-то странное, зловещее и непонятное. Сначала совершенно непредсказуемо и необъяснимо вырубаются все андроиды. Причём, одновременно, друг за другом, будто отключаются от сети, следуя каким-то внутренним указаниям. Следом за роботами исчезает вся связь. Мы не слышим ни соседние базы, ни роботов, ни Хьюстон, ни любую станцию на Земле. До нас не доходят векторные лучи форпостов Марса и Титана, направленные к местности моря Спокойствия и залива Суровости. Карьерный робот Фред не может связаться со своими собратьями не только на нашей базе, но и на лунных базах русских, китайцев, японцев. Он сам оказывается обесточенным, как и остальные механизмы. И причинами всему этому, как я склоняюсь к мысли, являются прибывшие на Луну тихоходки.

Он немного подумал и добавил:

— Прибывшие к Элеоноре с посадочным модулем Земли. В её лабораторию.

И спустя секунду закончил:

— Каким-то образом, неизвестным и неведомым нам, эти замороженные в анабиозе тихоходки активизировали некую органическую материю в форме простейших бактерий, миллионы лет находившихся под слоями лунного реголита в своеобразной спячке. Три дня назад при посадке модуля эта неведомая нам субстанция активизировалась и, по словам Брауна в его дежурство, высвободилась из недр трёх кратеров: Коллинза, Армстронга и Олдрина.

— Очевидно, и у моего кратера Торричелли тоже, — после паузы согласился Тревор. Теперь было не до смеха. Молодой механик оказался далеко не глупым парнем, заткнув своими доводами обоих астронавтов, фигурально выражаясь, за пояс.

— Откуда такая начитанность, друг мой? — удивился Тревор, в то время как Карлос сделал остановку на обед. Ровер замер у основания скалы, разделявшей поток вулканической застывшей лавы некогда потухшего миллионы лет назад вулкана.

— Просто интересуюсь всем, что связано с Луной, — отмахнулся Ульрих. — Плюс новая информация и факты утери связи. Сложил одно к одному — получился ребус.

— И ребус этот нам только предстоит решать, — невесело заметил Карлос. — Луна — луной, кратеры — кратерами, а перекусить необходимо, ребятки мои. До базы ещё пять часов ходу. И неизвестно, встретят ли нас там хлебом-солью, или же придётся ужинать пару суток спустя.

Они перебрались в салон к Тревору, распаковали вакуумные упаковки, разместились, прижавшись спинами к внутренней обшивке вездехода, и принялись за обед.

Как оказалось позднее, они и не подозревали, что эта скромная походная трапеза в салоне вездехода на фоне базальтовых отложений в скалистых ущельях Луны, будет их последним спокойным принятием пищи.

Вокруг была вакуумная тишина, такая бывает в пустом космосе, если учесть, что спутник Земли был по-прежнему мёртв и пустынен.

Так думали астронавты. Так считало всё человечество. Так подразумевала собой вселенская природа, некогда сотворившая разум на планете Земля.

А между тем на базе «Тихо Браге»...

Полина напрасно вызывала все станции остальных сегментов, разбросанных по обеим сторонам Луны. Молчали узлы связи, молчали андрониды, молчал Хьюстон, не отвечала Земля. После безуспешных попыток связаться хоть с кем-то, даже с простым роботом, находящимся за пределами купола, она предупредила по трансиверу Брауна, что всё бесполезно. Пусть поспешит со скафандрами, она заканчивает и присоединится к нему в раздаточном блоке. Там в морозильниках хранится провизия, которую они намеривались захватить с собой на случай непредвиденных обстоятельств, если по каким-то причинам возникнет за-

держка. До Земли лететь всего ничего, но кто знает после всего случившегося — с таким ли желанием их отпустит от себя Луна?

Полина начала уже сопоставлять естественный спутник Земли с неким живым организмом, способным иметь собственный разум.

Спустя минуту она развернула трехмерную голограмму, вывела вектором кратер Торричелли, вызвав в эфире:

— Карлос! Слышно меня? Ульрих, Тревор, ответьте! Вызывает «Тихо Браге». Говорит Полина. Если не слышите, «самописец» сохранит эту запись, вставив в память главной матрицы компьютерного сервера. Говорит Полина, младший сотрудник лаборатории. На базе произошло нечто из ряда вон выходящее. Сквозь силовой купол внутрь третьего и второго сегментов проникло что-то постороннее, органическое по своей сущности, вызванное, очевидно, прибывшими с Земли микроорганизмами. Три образца замороженных тихоходок нам с Брауном удалось сохранить после вспыхнувшего пожара. Был взрыв в кислородных накопителях. Раненая при взрыве Элеонора оставалась под присмотром Анны и Слипа, старшего андроида. Я спешно отправилась к пульту управления в надежде встретить там кого-нибудь из сотрудников базы. Но, по словам Слипа, вышедшего позднее на связь, всех обитателей базы, включая колонистов, посетила какая-то неизвестная энергия. По всей видимости, та самая материя, высвободившаяся из недр лунных кратеров Коллинза, Олдрина и Армстронга. Слип применил непонятное мне определение «изъяди». Так он сказал. Цитирую: «Их изъяди. Забрали в иную реальность, иное чужеродное пространство». Теперь мы с Брауном на базе совершенно одни. Связи нет ни с Землёй, ни с остальными лунными станциями. Попытаемся выбраться на орбиту с помощью посадочного модуля Земли и облететь другие сегменты, заодно пролетев над кратером Торричелли, куда вы отправились. Если прослушаете запись и появится возможность ответить, ради всего святого — дайте о себе знать!

Полина вытерла рукавом вспотевший лоб и, откинувшись на спинку кресла, закрыла в слезах глаза. Потом наклонилась к пустому экрану, закончив:

— Мальчики, ответьте, пожалуйста! Карлос, Тревор! Ульрих, родненький мой, подай голос!

В голограмме что-то задрожало, изображение пустого карьера кратера Торричелли покрылось рябью, всколыхнуло помехами и через секунду распалось. Свернувшись своеобразной точкой сингулярности, бликнув напоследок, изображение голограммы исчезло теперь уже окончательно. Наступила абсолютная тишина. Где-то в коридорах сочи-

лась вода, и это был единственный звук, что она слышала. Полина слезящимися глазами машинально оглядела помещение. Ничего не тронуто, всё на месте. Никаких признаков спешного отступления или паники. Казалось, научные сотрудники во главе с командиром Винсентом только что вышли перекурить, оставив незавершённую работу. Вентиляторы и кондиционеры подавали воздух в аварийном режиме, вытяжки убрали постороннюю гарь, всосав её фильтрами. Не было только людей. Не было привычных, везде снующих автоматов. Не было Слипа, не было ни-ко-го...

И тут внезапно, именно в эту минуту, один из секторов голограммы ожил, засветившись матовым светом. Секунду спустя панорама развернула прыгающую картинку, очевидно, передававшуюся из какого-то сегмента, куда связь до этого была недоступна. Подёргиваясь помехами, в трёхмерном изображении возникло расплывающееся лицо... о, боже! Полина едва не лишилась чувств от нахлынувшей радости. Господи! Что это? Галлюцинация? Она бредит? Ради всех святых!

— Мамачки... — заикаясь, вскочила она с кресла. — Картер! Мальчик мой! Где ты?

Во всю панораму развернувшейся голограммы, на расстоянии вытянутой руки, на неё смотрело лицо... Картера. Астронавт-навигатор выискивал взглядом, пытаясь сфокусировать настройку изображения. Было видно, что ему тоже мешают помехи, бешено пляшущие по ту сторону экрана. Прищурившись и наведя ракурс, увидев, наконец, девушку, он восторженно заорал:

— Поля! Ангел дней моих суровых. Ты ли это, образ божества?

Младший лаборант тихо сползла по спинке кресла, теряя сознание. Слёзы счастья брызнули из глаз, ещё секунда, и она бы провалилась в небытие.

— Картер! Миленький! Спаси меня... —

И зарыдала.

— Уже бегу, девочка моя! — прокричал астронавигатор. — Насилу нашёл хоть кого-нибудь. Ты одна?

— Здесь одна, — едва слышно прошептала Полина. Начиная приходить в себя, встрепенулась и поспешно добавила: — Но где-то рядом в соседнем отсеке Браун.

— Браун? — вскричал Картер. — Вот жук! Молодчага что остался жив... — и осёкся. — Точнее, не исчез, не пропал, не сгинул как все.

— А где все? — Полина светилась от радости, но тут же глаза заволгло печалью. — Ты сказал, «остался жив»? Значит... значит все

мертвы? Винсент, Трит, Элеонора, Анна, остальные сотрудники и колонисты... все мертвы? Ты это хочешь сказать?

— Нет-нет, цветочек мой! — поспешил добавить тот. — Просто они сейчас... как бы это сформулировать... их что-то переместило в иной вектор пространства. Я так сразу не смогу объяснить. Впрочем, оставайся на месте, я мигом. Через десять минут буду у тебя. Кое-что захвачу с собой, и к вам. Вызови Брауна, я не могу поймать его световой маркер. Не знаю, где он.

— Сейчас вызову! Он отправился во второй сегмент за скафандрами.

— За скафандрами? — было видно сквозь помехи, как у Картера от удивления вытянулось лицо. Впрочем, это могло быть и искажением, поскольку рябить стало гораздо сильнее. Картинка стала расплываться, превращаясь в бесформенный силуэт чего-то неопределённого.

— Мы теперь на базе одни, — отчего-то добавила Полина. — Но ты сам-то где? Я теряю картинку.

— Да в лаборатории же! Не узнаёшь родные пенаты? — он развернул ракурс голограммы на той стороне, но девушка уже потеряла его из виду.

— Ты в моей... — она осеклась. — Ты в нашей лаборатории?

— Так точно! Забежал к вам во время пожара, но никого не застал. Позднее я узнал, что именно произошло, и куда исчезли наши коллеги. Схватил колбы с тихходками...

— Погоди! — перебила она, стараясь уловить последние слова, прежде чем связь окончательно испортится. — Ты... ты знал о тихходках? Что именно они являются причиной проникновения внутрь чего-то нам неизвестного и неизвестного?

— Знал. Потому и остался нетронутым. Меня... — Картер по ту сторону сделал паузу. — Меня *не забрали из-за них. Не изъяли.*

Последние слова он протянул по слогам. Потом спешно закончил:

— Но об этом позднее, когда встретимся. Передай Брауну, что я бегу!

Голос пропал, экраны мониторов погасли одновременно. Полина лихорадочно набрала код светового маркера Брауна. Услышав его тревожный голос, едва пролепетала в микрофон:

— Картер жив... — и без чувств упала, вжавшись в спинку кресла.

Именно в этот момент в расположение базы въезжал лунный ровер с тремя пассажирами на борту.

...Станция «Тихо Браге» встречала их абсолютным молчанием.

Пошли пятые сутки с момента посадки земного модуля с прибывшими на Луну микроорганизмами. Шестеро уцелевших сотрудников базы собрались в общей столовой на военный, как они предполагали, совет. После взаимных бурных приветствий, граничащих с безудержной радостью, астронавты лунного сегмента приступили к обсуждению сложившейся ситуации. О том, чтобы выйти с кем-то на связь по ту сторону силового купола не могло быть и речи. В качестве примера можно было привести полное отключение всех передающих и принимающих устройств, хотя наружная антенна была в порядке. Как только Карлос остановил вездеход, Тревор первым делом проверил её работоспособность. Не выявив никаких повреждений, все пришли к выводу, что источником отсутствия связи является не узел антенны, а нечто противоположное. А вот что именно являлось причиной, они как раз и обсуждали, встретив чудом уцелевшего Картера как полноправного героя произошедших событий.

Перебивая друг друга, смеясь и сжимая в объятиях, все шестеро понимали, что теперь им ждать помощи неоткуда, полагаясь только на свои собственные силы. Разместившись за общим столом и поужинав, они пили горячий кофе, разбавленный небольшими порциями коньяка. Тревор сразу направился к холодильникам, зная заранее, где и в каком месте хранились запасы этого благородного напитка, предназначенного как раз для таких неординарных ситуаций.

— Итак, что мы имеем на данный момент? Раз наружный блок антенны в порядке, — заявил Карлос, взявший на себя обязанность старшего командира уцелевшей группы, — то поступим так, как изначально предполагал Браун. Вынужден признать, что мы не сможем в ближайшее время связаться не только с колонистами других станций, но и с Хьюстоном и с самой Землёй в целом. Мы отрезаны от всего внешнего мира. Нас каким-то образом оградили от остальной цивилизации, заблокировав все системы компьютерной матрицы. Картер уже проверил все узлы связи: ничего определённого пока сказать не можем. В точности известно, что некая органическая материя, вырвавшаяся из глубин трёх соседних кратеров Коллинза, Армстронга и Олдрина, проникла на станцию, выведя из строя всю внутреннюю и внешнюю аппаратуру. Купол теперь не ограждает нас от проникновения извне. Ограждает нас от мира своеобразный такой себе кокон, появившийся буквально ниоткуда, устремившись навстречу тихоходкам, запаянным в морозильные контейнеры. Иного определения не приходит на ум. Будем плясать отсюда, опираясь на столь зыбкие непроверенные факты.

Он перевёл дух.

— У кого какие мнения? Выкладывайте всё, что посчитаете необходимым, даже полную ересь, не боясь показаться смешным. Иногда абсурдные мысли, возникающие спонтанно, спасали жизни многим исследователям. Опустим все произошедшие события, мы их уже знаем друг от друга достаточно. Только факты и план дальнейших действий, способных сохранить нам жизнь.

Заметив удивление во взгляде Ульриха, поспешил добавить:

— Да-да, друг мой. Прежде всего, теперь наша собственная безопасность. Иначе и не назовёшь. Поскольку весь наличный состав базы, по словам Слипа, был КЕМ-ТО или ЧЕМ-ТО перенесён в иную реальность... — он сделал паузу, — не хочется называть это «смертью», — то и нам необходимо срочно подумать об эвакуации. Браун как раз это и предполагал, прежде чем мы собрались все вместе.

Карлос обвёл всех взглядом.

Ульрих сидел с кружкой в руках, Браун бегал пальцами по сенсорной панели планшета, Тревор проверял на голограмме схему расположения секций и кают данного сегмента базы, Картер глядел влюблёнными глазами на Полину, но все внимательно слушали своего старшего коллегу.

— Начнём по порядку, — подмигнул он девушке. — Что у тебя, девочка моя? Ты теперь одна во всём мужском коллективе. Будем оберегать, и следить за тобой как за зеницей ока, — и улыбнулся.

Полина встала, выложив на стол три колбы. Картер вынул из кармана ещё две, присоединив к ним.

— Тихоходки, — начала младший сотрудник лаборатории, зардевшись от всеобщего внимания. Подняв на свет, предала по колбе каждому. — Простым языком, если убрать научные термины, просто «водяной медведь».

— Ничего себе медвежата! — хохотнул Картер. — Даже не видны без микроскопа.

На него шикнули, и он предпочёл замолчать. Браун поспешил в пульт управления.

— Размером чуть больше «инфузории туфельки» или простейшей амёбы, — продолжила девушка, распечатывая одну из колб. Браун вернулся с электронным микроскопом и тремя чашками Петри. Вынув пинцетом из распечатанной колбы что-то похожее на слизистый замороженный сгусток, Полина переложила вязкую субстанцию в чашку, поставив её под окуляры прибора. Все по очереди склонились над микроскопом, но пока ничего определённого не увидели.

— Немного подождём, — пояснила биохимик. — Это замороженный образец водной тины одного из озёр на Земле — любимое местопребывание наших чудесных крошек. Сейчас растает при комнатной температуре, а я пока их обрисую с точки зрения микробиологии.

Картер метнулся к выходу и через пару минут принёс ещё один прибор, проворчав Брауну:

— Мог бы и два захватить!

Распечатав вторую колбу, таким же образом вынули пинцетом следующий образец. Теперь все склонились сразу над двумя микроскопами.

Полина тем временем поясняла:

— Строение простейшее, на уровне микроорганизмов. Восемь лапок...

— Точно! — возгласил Тревор, перебив её, наводя окуляр на чашку Петри. — Вижу лапки! — потом удивлённо, — бесы меня возьми! Они уже двигаются! Ещё не успели, как следует разморозиться, а поди ж ты... ожили! Кругом кристаллики льда, а они шевелятся, пытаются пробраться к мутной жидкости.

— Мутная жидкость — это капля тины, увеличенная в тысячи раз. Их любимая среда обитания в любых водоёмах, — пояснила микробиолог.

— Не перебивай, пожалуйста! — обозлился на Тревора Картер.

Полина продолжила, пока каждый попеременно, настраивая под своё зрение окуляры, склонялся над прибором.

— В начале двадцать первого века, а точнее — в две тысячи седьмом году — были впервые отправлены в космос. При этом они находились на внешней обшивке корабля.

— Именно на внешней, я так понял? — поднял брови Тревор, подливая в кружку коньяк. От благородного напитка он выглядел подобревшим и слегка рассеянным.

— Правильно понял, — улыбнулась Полина.

— И вернулись, как ни в чём не бывало, словно прокатились в свадебное путешествие? — сыронизировал Картер.

— Как ни в чём не бывало, — подтвердила девушка. — При неблагоприятных условиях эти милые создания обволакиваются своеобразной капсулой, впадая в нечто среднее между криптобиозом и длительной спячкой. Что только с ними не делали: и кипятили в кислотных растворах, и обжигали огнём, и закупоривали в герметические миниатюрные центрифуги с безумно низким давлением. Всё напрасно. Спустя некоторое время они снова оживали, назло всем, производя потомство.

Как полагают, их репродуктивные органы способны пережить ядерную зиму, а то и крайне низкую температуру, близкую к абсолютному нулю. Иными словами в минус двести семьдесят один градус по Цельсию.

Она прервалась, давая возможность коллегам пристальнее рассмотреть микроскопическую жизнь, кишашую под окулярами микроскопов.

— Но почему только тихоходки? — спросил Картер. — Почему только эти водяные медвежата, как ты их окрестила?

— Не я. Окрестили их простые люди, не имеющие к науке никакого отношения. Когда они стали доступны в микроскопы, простые обыватели, увидев их изображения в журналах, интернете и прочих источниках прежних времён, дали им такое забавное название.

— Да, но почему только они были выбраны в качестве посетителей на Луну? В этой капле жидкости из озера должны сосуществовать, как минимум, ещё амёбы, инфузории, коловратки всякие, да и прочие микробы. А я никого больше не вижу, — заявил удивлённо Картер.

— Их и нет там. Вакуумными помпами микроскопических размеров все ненужные бактерии были удалены, оставив только необходимых тихоходок. Остальные в вакууме просто бы погибли.

— А эти выживают?

— А эти выживают, — печально улыбнулась девушка. — Но нам от этого не легче. Именно из-за них, почувствовав их прибытие на Луну, и высвободилась та самая материя, о которой мы до сих пор ничего не знаем. И именно из-за них, как это не банально звучит, нас с тобой не тронули, не «изъяли», или как сказал Слип — «не выдернули из пространства». Тебя, меня и Брауна. Остальные, — она обвела рукой присутствующих, — находились на кратере Торричелли. Элеонора с Анечкой как раз и хотели приступить к эксперименту, выпустив тихоходок в грунт одного из кратеров — неважно какого: Коллинза, Олдрина или Армстронга. Вот оттуда-то и вырвалось на свободу что-то неизвестное и неподвластное нашему разуму. Бедные девочки...

Она грустно поникла головой, усаживаясь на место:

— У меня всё.

Наступила пауза. Слышался только мерный тихий гул работавших приборов.

Спустя минуту Карлос решительно отодвинул микроскопы, обведя всех взглядом:

— Хорошо. Спасибо, девочка моя. К этому вопросу ещё вернёмся. Кто следующий? У кого какие предложения, кроме того, что сейчас услышали?

Картер внезапно осенился идеей, иронично протянув почти по слогам:

— Ти-хо-ход-ки... — немного подумал, затем почти проорал:

— Точно! Клянусь халатом моей бабушки. Братцы, а ведь забавно получается! Тихоходки в первом слоге имеют сочетание «тихо». И база наша названа «Тихо Браге». И в том и в другом случае сочетание одинаковое.

Все невольно обратили внимание на молодого навигатора. Тревор кашлянул от удивления, едва не расплескав содержимое кружки.

— Ещё одна рюмка, дружище, — заметил Браун, — и из твоих мыслей можно будет плести коврик для туалета.

— К чёрту коврик! — обозлился тот. — Избавь меня от труда переваривать неуместные шутки Картера, в то время как неизвестно куда исчезли наши товарищи. Мы по-прежнему не знаем, живы они или погибли! А этот парень вставляет свои сомнительные доводы куда надо и не надо.

— Мудрые слова, сэр! — нисколько не обидевшись, подмигнул ему навигатор. — Но с коньяком завязывай. Хотя бы потому, что неизвестно ещё, сколько нам предстоит тут куковать, ожидая следующего транспорта с Земли. Не забыл, что связь пропала? Вызвать сами помощь не сможем.

— Хьюстон без нас поймёт, что связь пропала. А когда очухаются, сопоставив с полным молчанием всей Луны, сразу пошлют несколько модулей.

— Возможно, и не всей Луны, — вставил Ульрих.

— Что, не всей?

— Не всей Луны, как ты сказал. Русские, китайцы и все остальные, может, и продолжают общаться с Землёй, как ни в чём не бывало. Может, у них ничего неординарного и не произошло. Тихоходок-то доставили только к нам, на нашу базу «Тихо Браге». А у них всё по-прежнему идёт своим ходом: колонисты занимаются своими делами, совершенно не подозревая о нашем инциденте.

— Предлагаешь откинуть пока версию Брауна подняться на орбиту? — спросил Карлос.

— Сам предложил высказывать все приходящие на ум идеи. Предлагаю на ровере вначале посетить с дружеским визитом ближайшую к нам русскую базу, а уж потом, сообразно результатам, составлять новый план. Пока Хьюстон придёт в себя от нашего молчания, пока готовят челноки с посадочными модулями, пока соберут экипажи, пока вылетят — пройдёт дней пять. За это время мы узнаем, что произошло

на соседних базах. Они ведь до сих пор не знают, что у нас пропала связь.

Воцарилась тишина. Каждый обдумывал предложенный Ульрихом вариант. Прежний план Брауна тихо скончался, уступив место новому. При упоминании русской базы Полина вся подалась вперёд. Она, как и её подруга Анна, были направлены на базу «Тихо Браге» в качестве интернациональной программы от международного агентства НАСА. К концу двадцать второго столетия все инфраструктуры на Земле, включая и космические, постепенно переходили в общее международное пользование. Те базы, что ещё имели свой собственный контингент, оставались последними на Луне, предполагая в ближайшее будущее так же перейти в международное пользование. Так сейчас было на форпостах Титана. Так было на Марсе. Так было на строящемся гигантском объекте сферы Дайсона. Везде команды были интернациональными. Иными словами, здесь, на Луне, база «Тихо Браге» была первой интернациональной, по примеру которой к ней должны были присоединиться остальные станции. Потому и заволновалась Полина, надеясь на возможность посетить собственную станцию.

— А что... — спустя некоторое время поддержал Ульриха Карлос. — Вполне выполнимая идея. Трое сядут в ровер, остальные будут ждать известий. Вездеходом и обоюдной связью займётся Браун, это по его части. Проверим двусторонние векторы направления радиоволн. Если всё в порядке и будем слышать друг друга, немедленно выдвигаемся к русским. Вопрос только, кто войдёт в группу?

— Я! — решительно встала Полина. — Возьму с собой две колбы с тихоходками. Если там на станции всё в порядке, предоставлю им образцы. В общем-то, в НАСА так и предполагали: сначала Элеонора выпусти их в грунт обозначенных ранее кратеров, затем поделится образцами с другими станциями. Преподнесёт в качестве своеобразного сувенира.

— Значит, НАСА не предупредило остальных колонистов на станциях?

— Выходит, что нет. Хотели сделать сюрприз. По большому счёту «Тихо Браге» считается главным форпостом Луны, следовательно, все первые опыты и эксперименты должны по протоколу проходить сначала на ней, а уж потом привлекать другие базы.

После некоторого молчания Карлос согласился.

— Да. Это резонно. Хорошо, Полина, войдёшь в состав группы. За рулём ровера будет Картер, поскольку Ульрих мне понадобится здесь, если вдруг случится что-то из ряда вон выходящее.

Картер просиял, послав девушке воздушный поцелуй, отчего та притворно поморщилась.

— Остаётся назначить третьего, — задумчиво оглядел всех Карлос. — Браун или Тревор? Тревор или Браун?

Выручил Тревор, отставляя кружку со слегка ослотившимися глазами.

— Двое самых молодых сотрудников станции, если к ним присоединится ещё и Браун, старше едва ли на пару лет — не совсем удачное решение. Так что возглавлю группу я, как более старший по возрасту и по времени пребывания на Луне. Разумеется, если никто не против.

— Добро пожаловать в нашу скромную обитель, — хохотнул Картер. — Не обещаю, что во всём буду слушаться тебя, но коньяк отбирать намерен.

— Не дорос ещё, младенец, — отмахнулся Тревор. — Лучше приглядывай за объектом своих воздыханий, — лукаво указал он на Полину, которая зарделась ярким румянцем. — Я и без тебя справлюсь со своими недугами. А вот что касается указаний, то будь добр исполнять их беспрекословно.

— Он прав, — строго посмотрел на Картера Карлос. — Миссия, возложенная на вас, не терпит никаких непредвиденных осложнений. Тревор старший, вы с Полиной — в подчинении.

Шестеро уцелевших сотрудников базы ещё долго обсуждали намеченный на утро план. Картер с Ульрихом отправились в ангар к вездеходу, осмотреть его состояние. Полина приготовила постели для сна, Тревор запасся изрядным количеством фляжек с коньяком, а Карлос с Брауном продолжали попытки наладить контакт с вышедшей из строя главной компьютерной матрицей базы.

Спустя какое-то время все валились с ног, едва добравшись до постелей. Выезд ровера наметили на 6:00 утра по земному времени. Трое должны были остаться на базе, трое выехать в расположение русской базы, находящейся в море Гумбольдта. Вездеходом до станции было часов шесть пути, предполагая в дороге неприятные встречи с базальтовыми разломами, трещинами и ущельями. Лунный реголит был не слишком приветлив для колонистов.

С тем и уснули.

...И над всем над этим, за пределами силового купола, в полнейшей черноте бездонного космоса, над кратерами Армстронга, Коллинза и Олдрина продолжало вырываться из глубин какое-то непонятное матовое свечение, которое астронавты на базе, разумеется, не видели.

Глава 5

Море Гумбольдта. Спустя восемь дней после посадки земного модуля. 14 часов 18 минут по общепринятому лунному времени. Русская база колонистов «Курчатов».

Лунный вездеход въезжал в расположение станции «Курчатов», опоздав по графику на два с лишним часа. Картеру, Тревору и Полине пришлось преодолеть три сотни километров, находясь в салоне ровера, сделав единственную остановку для принятия пищи. Была ещё одна остановка, совершенно незапланированная, когда их транспорт едва не соскользнул колёсами в одно из ущелий, отчего-то необозначенное на картах поверхности. Казалось бы, за полтора столетия освоения естественного спутника Земли, вся верхняя её часть была изъезжена андроидами вдоль и поперёк. Географические карты были испещрены всевозможными знакомыми кратерами, желобами, ущельями, впадинами. Попадались участки с белыми пятнами, но и они были давно просканированы зондами, приборами и прочей аппаратурой. Роботы побывали везде, где была хоть какая-то возможность спуститься вглубь, обследовав едва ли не каждый камень лунного реголита.

— И вот те на! — констатировал Картер, выводя рулями управления загнутый вираж, чуть не провалившись в образовавшийся провал карстовых пещер. — Откуда он взялся? На карте навигатора не обозначен и в помине. Полина, ангел мой, выведи, пожалуйста, голограмму.

— Я сам, — откликнулся Тревор, раздвигая лазерной указкой графическую панораму компьютерной развёртки. Полина в это время держала связь с Карлосом, передавая всё, что они проезжали и видели в иллюминаторы.

— Едва не съехали колёсами в воронку, — комментировала она. Карлос выглядел на экране озабоченным. Было видно, как он развернул у себя идентичную голограмму, сверяясь с графическим изображением схемы.

— Ты права. Этого ущелья прежде не существовало. Колебаний поверхности не фиксировалось, значит это не какой-то разлом при трясении грунта. «Самописец» матрицы ввёл координаты в базу данных?

— Так точно! — откликнулся Картер, с трудом выравнивая положение вездехода, накренившегося над зевом пещеры. — Чёрная дыра какая-то.

— Хорошо. Следуйте дальше. Мы с Брауном займёмся вычислением координат, записав данные для рапорта в Хьюстон.

Это было три с половиной часа назад.

Сейчас вездеход въезжал в распахнутые ворота русской базы «Курчатов».

— Тишина, как в гробу... — озадаченно произнёс почти шёпотом Картер, направляя вездеход к видневшемуся во дворе ангару. Двери были раздвинуты, из ангара не выходила ни одна колея, по которой можно было бы определить недавно выехавший ровер. Но это исключалось. Все четыре вездехода, приписанные к базе, находились на местах, видимые при подъезде снаружи.

— Безлюдно как-то... — в тон ему прошептала Полина. Девушка во все глаза смотрела на знакомые боксы, секции, пристройки, стараясь уловить хоть какое-то движение. Всё напрасно. База казалась пустынной.

— И тут все вымерли что ли? — попытался пошутить Картер, но осёкся, сообразив, что может навлечь гнев своих товарищей. Остановив вездеход, надел шлем скафандра, откидывая крышку люка. Остальные последовали его примеру. Спрыгнув на грунт, на котором лежал слой давно не тронутой пыли, Тревор немедленно огляделся, задрав голову к наружной антенне.

— Похоже, целая. Никаких видимых повреждений.

Они перешли на связь по трансиверам.

— Карлос, слышите меня?

— Слышим. Включи нагрудные камеры.

— Уже включили, — подтвердил Картер. — Пусто как в желудке у негра. Никто не встречает, не предлагает сто грамм, — он покосился на Тревора, подмигнув.

Рассредоточившись, держа фонари в руках, все трое медленно направились к главному входу, озираясь по сторонам. Грунт под подошвами был нетронутым.

— Такое ощущение, что здесь не ходили несколько дней. Неделю как минимум, — комментировал Тревор, подходя первым к переходному коридору.

— А сколько прошло после прибытия тихоходок? Шесть суток, — уточнила Полина.

— Точно! — озарился догадкой Картер. — Почти неделя! Но... — он осёкся. — Но, позвольте! Неужели эта гадость из кратеров добралась и сюда? Расстояние-то громадное! Ветром же её не могло сюда занести, я так полагаю? Откуда на Луне ветер без атмосферы?

— Все предположения после, — прервал Карлос. — Входите внутрь. Только осторожно. Нам неизвестно, что здесь могло произойти.

— Да ежу понятно, — загорячился Картер. — Ясен пень, такая же хрень, как и у нас.

— Значит, кто-то должен быть уцелевшим. У нас ведь мы уцелели?

— Да. Но при нас были тихоходки, поэтому нас не тронули. А сюда этих «медвежат» ещё не успели передать, — изобразил он пальцами кавычки.

— Не торопись, — урезонил Карлос. — Сейчас Ульрих настраивает голограмму, и мы будем видеть расширенную развертку вместе с вами.

— Я удивился ещё при въезде на станцию, — глубокомысленно заявил Тревор. — Задумался кое о чём.

— О чём? — голос Карлоса подверглся каким-то помехам.

— О том, что так легко проехали границу силового купола. Ты же знаешь, что ровер должен был остановиться, подвергнувшись сканированию на предмет наличия чужеродной среды. К тому же нас не встретил дежурный андроид. На любой станции у границ купола всегда дежурит андроид. Он не меняется годами. А нас никто не встретил. Вот об этом я и думал. Думал и курил.

— Они так накурили в салоне, что атомные часы на приборной панели едва не остановились, — попыталась в шутку пожаловаться Полина, но было слышно, как от волнения дрожит голос.

— Да, с андроидами, вероятно, та же проблема, что и у нас, — согласился Карлос. — Браун тут советует, чтобы вы сразу продвигались к узлу связи. Мы теряем видимость ваших нагрудных камер. А в пульте управления есть мониторы с матрицей голограммы.

— Как раз входим в карантинный блок. Плохо слышим вас, — повысил голос Тревор, переступая порог обеззараживающего коридора. Их обдало газовыми струями дезинфекции, с шипением вырвавшимися из пульверизаторов.

— Хотя автоматика работает, — удивился Картер.

— Полина! Пока Тревор настроит с нами связь из пульта управления, возьми с собой Картера и доберись до лаборатории, — голос Карлоса на том конце постепенно стал забиваться помехами.

— Мне понадобится код доступа, там двери на блокировке. Без кода они не откроются.

— Но вы же с Анной как раз с этой станции перевелись к нам. Не помнишь код?

— Его сто раз сменили. Коды в лабораторию и в атомный генератор станции меняются ежемесячно.

Карлос замолчал, казалось, что-то обдумывая на том конце связи.

— Ты права, я и забыл. Винсента бы сейчас к нам. Нашего командира. Он как начальник станции должен был знать все меняющиеся коды. Хьюстон в первую очередь присылает их каждому начальнику базы.

В трансиверах послышался голос Ульриха, подключившегося к беседе:

— Слушайте, у меня тут возникла мысль. Станция названа в честь русского учёного, верно? И кратер есть такой. Около кратера Курчатова располагается цепочка воронок поменьше. Именно цепочка. Ну, вы знаете, это такие непонятные образования аномалий, что не дают покоя учёным уже второе столетие с момента их обнаружения в телескопы. Помните, сколько выездов было сделано туда на роверах? Андрониды не покидали объекты годами, пытаюсь выяснить причину их идеальной математической точности. Так вот, — Ульрих кашлянул в микрофон, собираясь с мыслями. — Таких цепочек, как вы знаете, несколько десятков. А площадь Луны сопоставима с площадью России, на территории которой находится всего двадцать воронок от метеоритов. На видимой же стороне Луны их около двухсот тысяч. Подобные цепочки прямых на удивление линий есть у кратеров Артамонова, Грэгери, Гумбольдта, Курчатова. Каждый длиной от сотни до двухсот двадцати километров. Мало того, эти кратеры пересекаются окружностями друг с другом, чего совершенно не должно быть при падении их друг на друга.

Слово «пересекаются» он произнёс по слогам, выделяя ударением.

— К примеру, кратер Аполлон имеет диаметр пятьсот километров, но глубину всего три километра. И такую же глубину имеет кратер Артемьева, хотя диаметр в пять раз меньше. Я уже упоминал о таком феномене Тревору. Все кратеры на видимой стороне Луны, независимо от размеров и пересечений между собой, имеют одинаковую глубину — три километра плюс минус. Кратер Бельковича в двести пятнадцать километров и кратер Аль-Харезми в пятьдесят шесть километров углублены на всё те же три километра. И так во всех морях Луны. Море Холода, море Кризисов, море Дождей, море Ясности и Гумольдта, где вы сейчас находитесь — все они испещрены почти идеально ровными цепочками воронок, пересекаясь друг с другом. И заметьте, как известно, на обратной стороне Луны совершенно нет морей. Они находятся только на нашей стороне, видимой с Земли. Эрозия почвы отсутствует из-за несуществующей атмосферы.

Он перевёл дух.

— Я к чему это клоню...

— Знаю, — перебил Тревор. — Ты уже рассказывал. Некая цивилизация, позднее покинувшая Землю, якобы подвергала бомбежке поверхность тогда ещё молодой Луны. Не более чем очередная гипотеза...

— Тихо! — внезапно подняв руку, прервал их Картер. — Что-то слышу!

Они миновали несколько отсеков, уже войдя в главный коридор сегмента, который разветвлялся бесчисленными лабиринтами в разные стороны. Полина теперь шла впереди, указывая дорогу в качестве полноправной хозяйки. Следом двигался Картер, замыкал Тревор. Повсюду светились неоновые указатели на русском языке, к которому привычен любой астронавт, поскольку русский язык считался в пределах космоса международным. Так повелось ещё со времён прежних устаревших миссий «Союз-Аполлон». Так было на первых международных станциях МКС, так было на Марсе, так было на сфере Дайсона, на других форпостах Солнечной системы. Все надписи, указатели и пояснения писались славянским шрифтом. К этому привыкли.

— Слышите? — занервничал Картер, прикрыв трансивер рукой, чтобы с той стороны не доносилось шума. — Никто ничего не улавливает?

Полина остановилась, прислушиваясь. Впереди маячили коридоры, сплошным лабиринтом расходившиеся от них по обе стороны сегмента. Картер, шедший последним, прервав беседу с Ульрихом, тоже встал как вкопанный, ещё не успев сообразить, отчего так внезапно прислушался Картер. Отхлебнув из фляги, он посмотрел в сторону, куда указывал Картер. На его лице появилась тень задумчивости.

— Или меня подводит слух, — прошептал молодой навигатор, — или действительно слышен звук какого-то работающего механизма.

Полина решительно шагнула в правый рукав коридора, куда вёл указатель «Пульты управления», и от неожиданности замерла. Тревор поспешил вперёд, обогнув Картера. Невероятная догадка обожгла его мозг, ему стало не по себе. Присев, он тупо уставился на лежащего в нелепой позе андроида, экран которого был холодно устремлён к потолку.

— Вот те нате, болт в томате! — выглянул из-за плеча Картер. — Живой что ли?

— Это ОН издавал тот звук, что ты слышал, — поднимая корпус автомата, пояснил Тревор. — Издавал скрежет, елозя бессмысленно конечностями по полу. Я сразу озарился догадкой, что он придёт в себя, как только мы возникнем рядом.

— А почему он должен придти в себя? Мы же только вступили внутрь базы.

— Именно что, вступили, — кивнул Тревор. — Помоги поднять. Полина, активируй, пожалуйста, его матрицу. Вот так. Спасибо.

Андроид дёрнулся, экран пошёл полосами.

— Ты знал заранее? — удивился Картер. — Ещё до того, как мы обнаружили это ржавое ведро?

— Не знал, но предполагал. Мне пришла мысль, что если мы обнаружим хоть одного робота, то при нашем появлении он непременно активизируется, даже если будет полностью отключён.

— По какой такой причине, позволь узнать?

— По причине... — Тревор загадочно прищурился, выдерживая эффектную паузу, чтобы его слышали все, в том числе и Карлос с Ульрихом.

— Ну же... не тяни! — взмолился Картер. — Какая причина?

— А причина, друг мой... причина — в тихходках.

— В чём... тьфу ты, в ком??? — ошарашено осёкся навигатор.

— В ти-хо-ход-ках! — по слогам повторил Тревор.

И умолк.

В трансиверах воцарилась полнейшая тишина.

...Они находились на русской базе без малого пять часов.

Пришедший в себя автомат, активировав память штучной матрицы, выложил им в записи голограммы всё, что произошло на станции.

Так и не обнаружив ни одного тела, ни одного живого организма и больше ни одного робота, все трое, обыскав станцию вдоль и поперёк, расположились, наконец, в креслах пульта управления, с волнением наблюдая за развернувшимся трёхмерным изображением. Робот комментировал, они смотрели. К мониторам были подключены и Карлос с Брауном. Ульрих отсутствовал, отправившись подготавливать следующий вездеход. Их бледные встревоженные лица были видны в мониторах. После того, как Тревор упомянул тихходок в качестве причины ожившего робота, всем стало ясно, что именно из-за этих организмов может придти в себя любой, кто окажется в зоне их нахождения. Каким образом это могло произойти, не знал никто. Но Полина выдвинула идею, что та самая материя, неведомая им, высвободившаяся из недр кратеров, при появлении тихходок выдаёт в пространство какую-то порцию неизвестной энергии, способной привести в чувство любой организм, будь он живым или синтетическим. Если бы на месте робота

оказался кто-либо из колонистов русской базы, он таким же образом пришёл бы в себя, совершенно не помня, что с ним произошло. Абсурд, конечно, с точки зрения науки, но иных объяснений никто не находил. Остановились на том, что эта невидимая лунная материя в сочетании с земными тихоходками создаёт некий, непонятный человечеству симбиоз, способный управлять пространством и состоянием тех, кто в данный момент находится в радиусе их действия. Так решили Полина с Картером. Так решил Тревор. Так решили Браун, Ульрих и Карлос. Их всеобщий вывод был очевиден: чужеродная материя или в данном случае лунная органическая протоплазма, веками находившаяся в криптобиозе, в сочетании с земными микроорганизмами способна манипулировать пространством. Ни больше, ни меньше. На то она и чужеродная, как выразился Браун.

Потеряв всякое представление о времени, все трое наблюдали за развернувшейся голограммой. То, что они увидели, заставило их позабыть обо всём остальном.

На картине мелькали объёмные кадры сменяющих друг друга кратеров. Тут и там возникали картины раскопок, производимых в карьерах. Очевидно, робот был из числа работников карьеров, только недавно появившийся на базе, отчего в его памяти и остались записи карьерных работ.

— Перекрути дальше, — приказал Тревор автомату. — Остановись на моменте, когда эта субстанция впервые проникла внутрь вашей станции.

Робот повиновался, ускорив голограмму как в ускоренной съёмке старого кинофильма. Промелькнули эпизоды его возвращения на базу, несколько будничных обыкновенных дней, проведенных им за уборкой территории. Теперь запись показывала людей за их повседневной работой. Несколько десятков колонистов занимались кто чем придётся. Мелькали кадры отбытия к карьерам исследовательских групп, посещение столовой, отдых, спортивные развлечения, сеансы связи с Хьюстоном и другими базами. Ремонт роверов, наладка внешней антенны, профилактические работы с кислородными накопителями...

— Останови! — вдруг воскликнула Полина, с волнением подавшись вперёд, едва не опрокинув кресло. Панорама замерла на миг, потом развернулась в режиме реального времени. Показалось помещение пульта управления. Перед фронтальным во всю стену экраном сидели несколько человек, беседуя на какую-то тему. Всё было тихо, мирно и не предвещало ничего необычного.

— Узнаёшь кого-то? — озабоченно спросил Карлос на экране монитора.

— Командир наш... — тихо прошептала девушка. — Инженер базы, несколько колонистов из группы сотрудников раскопок. Некоторых не знаю, вероятно, появились уже после нашего с Анной отбытия.

Картина передала изображение входящей сотрудницы, чуть старше Элеоноры, нёсшей в руках какие-то приборы.

— Наша старшая лаборатории, — на глазах Полины навернулись слёзы. — Именно она рекомендовала нас с Анной в состав международной базы «Тихо Браге». Благодаря ей мы попали в наш, теперь общий коллектив. — Она смахнула слезу.

Компьютерная развёртка показала следующий день. Потом следующий. Пока робот, наконец, не заявил металлическим голосом:

— Момент истины. Четырнадцать часов восемнадцать минут дня ис. Спустя тридцать две минуты после посадки земного модуля.

На развернувшейся голограмме было видно, как она разделилась надвое, по обеим сторонам которой продолжали проецироваться картины происходящего.

— Я разделил для удобства на две части, — пояснил автомат. — Чтобы вам было ясно происходящее в карьере кратеров Коллинза, Армстронга, Олдрина и, собственно, на самой базе.

Картер с удивлением поднял брови, решив разбавить гнетущую атмосферу:

— «Собственно»? Ты употребляешь такие замысловатые обороты речи?

— Мой штучный интеллект старается походить на вас, люди, — невозмутимо парировал робот.

— А как имя твоё, интеллект ты наш ржавый?

— Сэм.

— А точнее?

— Номер тридцать шесть дробь восемь по протоколу...

— Тише вы! — осадил их Тревор, видя, как Полина с трепетом вглядывается в картины, развернувшиеся вокруг всех присутствующих.

Первая часть разделившейся надвое голограммы показала карьер раскопок одного из кратеров. Вторая была сейчас внутри базы, в одном из её сегментов.

Именно тут они и увидели ЭТО.

...Вначале заглохли двигатели посадочного модуля Земли. Спустя несколько минут из модуля выкатился один из андроидов, неся к луноходу небольшой контейнер. Остальные роботы занимались разгрузкой транспортных секций челнока. Астронавты сели в другой луноход, напавшись вслед за первым в расположение их станции.

— Контейнеры с органическими микроорганизмами доставляются на базу «Тихо Браге», — комментировал Сэм.

Картина направила ракурс на один из кратеров.

— Спустя семь минут после посадки, — в полнейшей тишине продолжал комментировать робот, меняя изображения голограммы. — Кратер Коллинза. Именно из его недр, из трёхкилометровой глубины впервые был зафиксирован всплеск чужеродной среды. К исходу тридцать второй минуты, инородная субстанция добралась сюда.

Полина ахнула.

Дальше изображение поплыло в её глазах, застилаясь безудержно вырвавшимися слезами. Всё, что произошло потом, она помнила смутно, едва не лишившись чувств. Картины мелькали, закружившись в круговороте криков, нарастающей паники и полного недоумения. Остолбнев от неожиданности, колонисты наблюдали, как на их глазах, буквально в секунды, в пустоту исчезали их коллеги, словно выхваченные из пространства чьей-то невидимой рукой. Командир базы напрасно старался вызвать Землю или соседние станции. Было видно, как он что-то кричит в микрофоны, но ответа не получал. Все лунные станции замолчали в один миг. В одну секунду. Только что были рядом, и вдруг — раз! — какая-то пропасть, материализация какой-то воронки портала, крики ужасов и... пустота. Ни человека, ни его зыбкого силуэта. В один миг один за другим исчезали сотрудники, начиная с командира и заканчивая последним колонистом. Голограмма показывала, как люди в панике метались между секциями, но застигнутые на месте какой-то чужеродной силой, тотчас проваливались в образовавшуюся воронку, которая тут же исчезала. Везде и повсеместно на базе целыми группами валялись на пол обездвиженные роботы, следом за колонистами исчезая в пустоте. В воображении Полины невольно возникал трагический исход: где-то в отсеках и блоках сегмента проникает НЕЧТО, что заставляет людей исчезать бесследно. Они охвачены ужасом и беззащитны перед невидимым чужеродным гостем. Пропадает связь со всем миром. Останавливаются разработки карьеров. Луна обволакивается прозрачным коконом, а из вырвавшейся на поверхность органической протоплазмы высвобождается какая-то субстанция, заставляя людей

буквально проваливаться сквозь землю. Несколько мгновений и всё было кончено. Последним кадром голограммы был ракурс, наведённый на дежурного андроида, исполнявшего обязанность сторожа возле границы силового купола. Он растворился на глазах у Полины, превратившись в точку сингулярности. Бликнул и исчез. В одну секунду. В один миг. База стала необитаемой.

— Так вот почему нас не встретил дежурный андроид... — едва не пролепетал потрясённый Картер.

— Вам видно было? — повернулся к экрану не менее потрясенный Тревор.

На лице Карлоса лежала тень задумчивости. Теперь они увидели всё. На их родной базе, очевидно, произошло то же самое, подобным образом изъав из пространства всех сотрудников, кто не был в зоне доступности тихоходок.

После долгого молчания слово взял Браун.

— Разреши, командир? Ты ведь теперь у нас старший.

— Прошу.

Было видно, как на экране Карлос откатился с креслом чуть назад, уступая место помощнику Трита. Появившееся лицо нашло глазами Полину:

— Ты как?

— Дышу потихоньку, — печально улыбнулась девушка.

— Смотри, что мне пришло в голову, это как раз по твоей части. Ты заметила, что у этой материи, неизвестной нам, практически нет никакого инкубационного периода! Эта органическая сущность — назовём её так — выживает в лунном вакууме точно так, как выжили тихоходки в открытом космосе на внешней обшивке корабля, стартовавшего с Земли. Помнишь, ты об этом упоминала?

Микробиолог кивнула, начиная понимать, к чему клонит Браун. Тот продолжил, обводя взглядом притихшего Картера и Тревора, всё ещё устремлённого глазами в потухшую голограмму. Картер хотел было спросить Сэма, как он сам-то оказался единственно уцелевшим на базе, но решил выслушать сначала друга.

— Я думаю, так, — махнул тот рукой. — Смотрите, какая «кухня» вырисовывается. Тихоходки прибыли на Луну в контейнерах, верно? — Он загнул палец. — В контейнерах были портативные морозильники, — второй палец. — В них металлические гильзы, в которых находились колбы, — третий палец. — Мы их не открывали, но лунная материя уже... — он осёкся, подыскивая подходящее слово, — будто почувствовала их присутствие, буквально за несколько минут выходя из состоя-

ния криптобиоза, в котором покоилась миллионы лет. — Четвёртый палец ждал своей очереди. — Выходит, что эти два совершенно непохожих по своей структуре организма — лунный и земной — всё таки каким-то необъяснимым образом связаны друг с другом, — он загнул четвёртый палец. — Раз они чувствуют присутствие друг друга, не говорит ли это о том, что...

— Что они одного вида, одного класса, одного и того же... происхождения!!! — перебив его, вскричала озаренная Полина. Глаза её сияли. — Точно! Эти две абсолютно разные формы жизни имеют общий источник появления на свет! Общую молекулярную структуру! Общее ДНК и один и тот же генетический код!

Браун торжественно загнул последний палец:

— Что и требовалось доказать...

По обеим сторонам экрана послышались возгласы удивления, сменившиеся бурным восторгом.

— Ну-у ты и дал маху, дружище! — приветствовал его Картер. Посыпались поздравления. Полина послала молодому инженеру воздушный поцелуй, подводя итог:

— А если они одной генетической формы, если они происхождением с Земли, то мы сможем провести расширенный анализ этой неведомой нам органики. Подумать только! — всплеснула она руками. — Эта субстанция, одного вида с тихоходками, попала на Луну ещё на заре её зарождения. Каким образом — вообще не понять! Откуда-нибудь из времён палеозойской эры, а то и ранее.

— Я же говорил вам о цивилизации Тапробан! — послышался на экране голос Ульриха, только что вернувшегося из ангара. — Несколько сотен миллионов лет назад, во времена палеозоя, они населяли Землю, будучи её полноправными хозяевами. Потом, очевидно, посещая тогда ещё молодой спутник, занесли какие-то формы жизни с собой. А со временем, отчалив в другую галактику, попросту забыли о них. Те не приспособились без атмосферы и впали в своеобразную спячку.

— В криптобиоз, — поправила Полина.

— Да. Верно. Об этом я читал на Земле в нашумевшей в своё время книге Джорджа Леонарда. Как же она называлась... — он прищёлкнул на экране пальцами. — Кажется, название было: «Кроме нас на Луне есть кто-то ещё»... или что-то в этом роде. Помнится, в двадцатом веке некие структуры НАСА даже запрещали её издавать, боясь огласки. Но я откопал её в архивах матрицы. Это мы сейчас уже давно знаем обо всех или почти всех аномалиях здесь. А тогда он только изучал их, предоставляя читателям информацию о так называемых загадочных объ-

ектах в форме «латинского креста» в кратере Кеплера или тех же цепочек, о которых мы говорили. Были так же упоминания о неких иероглифах, схожих с руническим алфавитом. Всё это нам давно известно, но в те времена... — он мечтательно закрыл глаза, очевидно, вспоминая дни своего досуга на Земле, читая книгу. — Вот и выходит, что эти неизвестные нам бактерии, родственные тихоходкам, попали на Луну с тапробанцами. Потом, когда те покинули Землю, спали себе миллионы лет, лежали под накапливающимся веками грунтом, никому не мешая, пока в один далеко не прекрасный день...

— С посадочным модулем не прибыли их «сородичи» в кавычках, — закончил за него Тревор, отхлёбывая из кружки. — Теперь всё становится на свои места. И эти в кавычках «сородичи» имеют способность изменять свою структуру, сообразно окружающей среде. Они мутировали, превратившись из микроорганизмов в некое подобие газовой материи, оставив, тем не менее, схожесть с тихоходками в их строении ДНК.

— Согласна. Нужно будет только взять где-то образец пробы... — запнулась Полина.

— Ты хотела сказать, — пришёл на помощь Карлос, — что мы даже не знаем, какова она на вид?

— Да, — кивнула девушка, внезапно принимая озабоченное выражение лица. — Какова на вид, из чего состоит, похожа ли на микробы или бактерии? Может, как предположил Тревор, их структуры сродни газовым субстанциям.

— А может, эта протоплазма вообще на каких-нибудь медуз похожа, — хохотнул не к месту Картер, — или на водоросли. В микроскопическом виде, я имею в виду.

— погоди! — осёк его Карлос. — Нам необходимо узнать, где и в каком месте мы теперь сможем взять пробы воздуха. Испарения или лучи, как их там, что она выделяет из себя, непременно должны хоть в мизерном количестве присутствовать здесь, на базе. Вот только где?

— Нет ничего проще, — подал голос андроид, хранивший до этого молчание.

Все с удивлением уставились на него.

— Ты... — запнулся Картер, — как там тебя...

— Сэм.

— Да. Сэм — точно. Так ты знаешь, где эта субстанция сейчас находится?

— Мои датчики обнаружения потусторонней материи активированы в районе кратера Коллинза. Оттуда она пришла, туда и вернулась, за-

брав с собой весь живой контингент базы с остальными андроидами. На вашей базе её тоже сейчас нет.

— Погоди! — ошарашено выкатил глаза молодой навигатор. — Так ты хочешь сказать, что эта, распространяющаяся гадость, будь она хоть кем — хоть медузой, хоть водорослей — способна распространяться... *це-ле-на-прав-лен-но-???* — протянул он по слогам. — Куда ей душе угодно?

— Так точно.

— Она что... — обвёл он всех недоумевающим взглядом, едва не поперхнувшись. — Она... она что... РАЗУМНА???

Робот, казалось, на секунду замялся. Потом, следуя какому-то собственному внутреннему голосу, загадочно проскрипел:

— В некотором роде.

В помещении и на экранах воцарилась полная и абсолютная тишина.

В воздухе разлилось предчувствие чего-то нехорошего. Что-то зыбкое, зловещее и не совсем понятное для астронавтов обволокло их со всех сторон.

...Тут-то и произошло то необъяснимое, что заставило события происходить с невероятной быстротой, наваливаясь друг на друга в геометрической прогрессии по принципу домино.

Вот как это случилось...

Глава 6

Море Гумбольдта. Лунная база колонистов «Курчатов». 23 часа 04 минуты по «самописцу» главной матрицы сегмента.

— Так как ты всё-таки выжил, друг мой Сэм? — интересовался Картер, когда в дискуссиях наступил перерыв.

Взвесив все за и против, команды обеих баз решили немного отдохнуть. Предстоял выезд сразу двумя вездеходами к кратеру Коллинза, чтобы на месте взять образцы проб, заодно захватив с собой тихоходок. Полина теперь замещала Элеонору в её опытах, следовательно, эксперимент с выпуском микроорганизмов в лунный грунт необходимо было закончить, во что бы то ни стало. На «Тихо Браге» подготавливали ровер, на «Курчатове» готовились к их встрече. Соединившись здесь, два вездехода должны будут отправиться в расположение кратеров-близнецов, прихватив с собой Сэма, оставив русскую базу под присмотром автоматики. После всех треволнений никому не хотелось де-

лить группу и терять своих товарищей. Полина ушла в свой бывший отсек, посмотреть — что изменилось за её отсутствие. Тревор вернулся к вездеходу, а Картер просто бездельничал, намериваясь выпытать у робота его чудесное «воскрешение из мёртвых» — как он обозначил для себя термин.

— Не может же быть, что все твои собраты подверглись «изъятию», а ты один остался лежать обездвиженным? — допытывался он в шутку, проверяя терпение старого механизма. Робот оставался невозмутимым, не обращая ровным счётом никакого внимания на молодого навигатора.

— По какой причине ты остался на базе, пусть и в нерабочем состоянии, в то время как твои товарищи превратились из консервных банок в усыхающую пыль?

— Мастер-навигатор, очевидно, шутит?

— Я? Помилуй бог, дружище! Где я, а где шутки? Почему не отвечаешь? Скрываешь от нас?

— Никак нет. Когда ваш вездеход появился в расположении базы «Курчатов», мой штучный интеллект с заложенной в него программой передал, что с вами прибыли тихоходки. Программа запустилась сама собой, без вмешательства матрицы...

— Это ты мне рассказываешь уже своё чудесное «исцеление» — если можно так назвать твоё возвращение к жизни. А меня интересует, как ты во-о-бще-е оказался единственным, кто остался на «Курчатове». Усёк? — слово «вообще» он выдел ударением. — погоди, вот доберёмся до кратера Коллинза, тогда всё станет ясно. А может, нам сначала посетить моих соотечественников, базу «Карла Сагана»? Впрочем, нет, это пускай решают Карлос с Тревором. А ты давай, выкладывай, что там у тебя в базе данных.

— Извольте, сейчас поясню, — прислушиваясь, казалось, к чему-то, проскрипел Сэм. Затем внезапно голос изменился тревожной интонацией:

— Внимание всем! Ощуаю агрессивную среду! Опасность для базы! Ощуаю агрессивную среду! Опасность для базы! Шла Маша по шос-се... и сосала суш-ку... На дворе трава... на тра-ве Внимани... ощуа... вни... внима-ааа...

Голос прервался, скатившись октавой до самых низких регистров, доступных человеческому слуху. Автомат замер, подняв в движении конечность, не успев опустить её на место, словно хотел оградить хозяина от чего-то, что не вписывалось в его штучный интеллект.

Тут-то ЭТО и произошло.

...Вопреки всем установленным правилам безопасности алгоритм матрицы не сработал сиреной, не подал никакой команды, переводя всю станцию в режим аварийной ситуации. Не загорелись красные лампы оповещения, не заблокировались двери, не выстрелили автоматические пульверизаторы обеззараживания воздуха. Казалось, вообще ничего не произошло, если бы ни замерший на месте робот с высоко поднятой конечностью. Картеру даже на миг показалось, что это старое ржавое ведро решило сыграть с ним шутку — настолько всё нереально выглядело. Но когда он сам почувствовал, что его тело начало приобретать какую-то непонятную негу, граничившую с невесомостью, то сразу обомлел, не в силах что-либо крикнуть. Всё поплыло перед глазами, почувствовалось непонятное удушье, будто из пространства одним заходом выкачали весь кислород. Проваливаясь в некое подобие небытия, не чувствуя собственного веса, он краем глаза заметил расплывающееся по экрану монитора искажённое лицо Карлоса. Тот что-то кричал, прерываемый электрическими разрядами внезапных помех, что-то орал в микрофон, надрывая голос, но Картер уже ничего не слышал. Его оторвало от пола, подняло в пространстве и проволокло к стене, лишая способности самостоятельно двигаться. Словно какая-то неведомая сила обволокла ослабленное тало со всех сторон, превращая его в своеобразный прозрачный кокон. Так бывает, когда в испуге просыпаешься во сне, чувствуя, как нечто неприятное парализует всё твоё сознание, пронеслось у него в голове. Пронеслось и исчезло.

— Картер! — кричал кто-то, врываясь в помещение. — Что с тобой?

— Я... — прохрипел навигатор, пытаясь сфокусировать зрение на вбежавшем коллеге, но ничего не выходило. — Меня расплющивает давлением... — Перед глазами плясали круги, всё расплывалось, расплываясь на атомы и нейтроны.

— Пресвятая дева Мария! — кричал голос. — Что со мной?

Кричал Тревор. Он смотрел на исчезающего в пустоте Картера: на то что оставалось от него, постепенно растворяясь в воздухе. Ботинки, комбинезон, тело, голова с выкатившимися от ужаса глазами. Они растворились последними, так и не успев различить своего друга. Зрачки Картера мигнули и пропали. Всё заняло не больше нескольких секунд.

При виде столь чудовищной картины нервы Тревоора стали сдавать. Вдруг его с силой рвануло вверх.

— Полина! Не подходи-и! Немедленно в ровер! Прячься там. Нас уже не спасти. Возвращайся к нашим. Срочно-о!

Тревоора куда-то тянуло в сторону, он продолжал кричать в трансивер, расплываясь в точке пространства каким-то неясным бесформен-

ным силуэтом. Если бы сейчас здесь был Ульрих, он непременно сравнил бы расплывающиеся очертания Тревора с сюрреалистической картиной Сальвадора Дали, на которой великий мастер изображал расплавленные часы. Тело астронавта расплзлось по воздуху подобно этим часам, теряя формы, словно масляное пятно на асфальте. Очертания силуэта уже не походили на анатомию человека. Это было что-то безликое, уродливое и чудовищное в своей мешанине. Туловище перемешалось с ногами, поясница расплылась, образовав пустоту, в которую всасывалась удлинённая голова, распадаясь на миллиарды атомов. Последнее, что вырвалось из этой массы, превратившейся в ту самую материю, проникнувшую внутрь сегмента, был непонятный и неразборчивый звук, похожий на умирающий стон:

— По-ли-на-а-а... О-ох... — прохрипело в пустоте и исчезло в одну секунду вместе с остатками чего-то бесформенного. Спираль, возникшая на пустом месте, крутанулась вокруг своей оси, мигнула в пространстве, хлопнула громким резким звуком, устремившись в провал иного измерения.

Всё было кончено.

На месте, где минуту назад находился Картер и вбежавший внутрь Тревор, зияла теперь чёрная дыра.

...Подобно снежной лавине, сходящей с гор, на базу обрушилась сплошная звенящая тишина.

...Когда её обнаружили, девушка лежала без сознания, привалившись спиной к раскрытому настежь люку вездехода. Последние секунды исчезновения своих товарищей она видела сквозь прозрачную перегородку секции, а когда растворились в пустоте зрачки Картера, подкосилась ногами, упав без чувств. Чёрную дыру она уже не заметила. Кричала, рыдала, порывалась броситься внутрь, но удерживали последние слова Тревора, предупреждающие не входить, а бежать к роверу. Падая и спотыкаясь, почти без сознания, в каком-то горячем бреду, ей всё же удалось дотянуться до люка, забраться внутрь салона, так и оставшись лежать, приходя в себя через рваные промежутки времени. Она потеряла всякое представление, где находится. Помнила только, как пыталась закрыть люк, но вконец обессилев, снова проваливалась в небытие.

Там и нашли Полину спустя несколько часов, когда на вездеходе ворвались на станцию, не разбирая дороги. Первым выскочил Ульрих, бросившись в переходную камеру обеззараживания. Не дожидаясь де-

инфекции, он с силой разбил блокирующее устройство, на удивление, поддавшееся сразу, рванул в коридор, оря во всё горло:

— Полина! Где ты? Не можем определить по световым маркерам, они вышли из строя. Ответь, родная!

Следом за ним метнулся Карлос, пока Браун глушил остановившийся ровер. Бежать за Ульрихом не имело смысла: тот в считанные минуты перевернёт всю базу вверх дном, поэтому Карлос сосредоточил свой взгляд внутри двора. Пробежав мимо технических складов и секций автоматике, он бросился в ангар к вездеходу, где и нашёл обессиленную лаборантку.

— Девочка моя! — прохрипел от волнения Карлос. — Жива! Ну-ну, ангел наш. Не плачь. Всё позади. Мы на месте! Теперь ты с нами.

С трудом подняв отяжелевшую голову, Полина посмотрела на него долгим взглядом, пытаясь сфокусировать зрение. Пелена слёз застилала глаза, она открыла рот, но из груди вырвался лишь протяжный вздох. Тело тут же обмякло.

— Браун! — заорал Карлос во двор. — Нашёл! Зови срочно Ульриха, путь несётся сюда с аптечкой. Она без сознания!

— Понял, командир! — по привычке выкрикнул тот, вызывая по трансиверу шведского астронавта.

Спустя несколько минут, вколов дозу успокаивающего, они внесли девушку в свой вездеход. Рисковать больше не хотелось. На станции происходило что-то жуткое и ужасное, поэтому нести её внутрь было опасным. Они видели на мониторах последние секунды жизни своих товарищей. Голограмма, передаваемая им пришедшим в себя Сэмом, наглядно показала исчезновение обоих, превратившихся из людей в чёрную дыру. Сейчас Сэм стоял рядом, проводя в своём штучном интеллекте внутреннюю инвентаризацию.

— Как тебя угодило отключиться в самый ответственный момент, когда ты должен был приглядывать за Полиной? — отчитывал его Браун, заменив Картера в качестве хозяина старой машины. — Ты что-то почувствовал, прежде чем обездвижиться?

— Так точно, помощник старшего инженера! Мой блок памяти внезапно отключился, когда внутрь проникла чужеродная энергия. Матрица включила аварийный аккумулятор только несколько минут спустя, когда всё уже произошло. Простите за доставленные неудобства. — Голос был невозмутимым, отдавая каким-то скрипящим металлическим звуком.

— О каких неудобствах ты лопочешь, едрит тебя в пень! — взорвался Браун. — Мы потеряли ещё двоих! Потеряли наших друзей и

твоего временного хозяина. Могли потерять и Полину! — Браун горячился всё больше, пока его не остановил Ульрих.

— Напрасно ты на него. Парень же не виноват, что эта чёртова материя может выводить из строя все механизмы, включая роботов.

— Ничего, — обозлился Браун, наблюдая, как девушка глубоко дышит во сне. — Для профилактики не повредит.

Но немного смягчившись, добавил:

— Хорошо, что успел предупредить об опасности, прежде чем отключиться.

Потом вздохнул:

— Правда, теперь ни нам, ни Тревору с Картером от этого не легче.

— Он успел настроить голограмму, чтобы мы видели всё происходящее, — защитился за робота Ульрих. — Не забывай, что он единственно уцелевший на базе. Кроме него ни людей, ни автоматов.

Оба подсели к Карлосу. Тот держал в руках запястье обессиленной девушки. Пульс был неровным, но прослушивался отчётливо.

— Что будем делать, командир? — по обыкновению спросил Браун, продолжая называть старшего коллегу командиром в отсутствие Винсента. — Когда придёт в себя, войдём в расположение базы?

— Рискованно.

— Но я ведь только оттуда, пока бегал, искал её. Если бы Ульрих не вызвал, искал бы дальше. Ничего не произошло. Как видишь, жив — здоров.

— Это пока... — невесело усмехнулся Ульрих. — Тревор с Картером тоже были живы... до определённого времени.

Карлос глубоко задумался, приподняв голову девушки, вливая сквозь потрескавшиеся губы по капле коньяку. Необходимо было срочно что-то решать. Состояние у всех было паршивое, едва держались на ногах от недосыпа.

— Вот что... — поразмыслив, заявил он. — Похоже, наша миссия к кратеру Коллинза накрылась медным тазом. Нас осталось четверо, причём микробиолог пока в удручающем состоянии, а без неё мы там бессильны. Попробуем взять с собой ампулы с тихоходками и, пробравшись к пульту управления, вызвать хоть какую-то соседнюю базу. Надеюсь, эта хренова материя не тронет того, у кого в кармане будут микроорганизмы.

Браун в удивлении поднял брови. Заметив его недоумённый взгляд, Карлос глубокомысленно пояснил:

— Полину ведь не тронула! Изъяла из пространства только Тревора с Картером, у которых тихоходов не было.

— Выходит, эти милые создания, величиною с бактерию, сейчас являются для нас в качестве телохранителей? Такой себе охраной, благодаря которой нас не трогают? — обратил внимание Ульрих, невольно издав нервный смех. — Мы сейчас, включая Сэма, зависим только от их присутствия?

— Да, — откликнулся Карлос. — Они по-прежнему у Полины в кармане. Возьмём их, оставим Брауна возле нашей девочки, а сами, прихватив Сэма, попытаемся наведаться в пульт управления. Ты сразу к передатчикам, я к навигационной матрице, Сэм — на страже. Чтобы эта мерзкая гадость не застала нас врасплох. Ампулы разделим на всех.

— Чудеса! — прокомментировал Ульрих. — Мы зависим от каких-то инфузорий. Наши жизни полностью в их власти. Подумать только! Кому скажешь — не поверят.

— А кому говорить-то? — невесело усмехнулся Браун. — Мне думается, что Луна сейчас пуста, как корова языком слизала. Там, где нет этих самых тихоходок, всюду орудует эта чёртова субстанция, похожая на биологическое излучение чужеродной формы жизни.

— Он прав, — внезапно подал голос Сэм. — Остальные базы тоже пусты. Все! Так показывают мои датчики присутствия. На Луне сейчас лишь шесть форм жизни плюс один штучный интеллект.

— Какие шесть форм? — удивился Браун. — Говори яснее.

— Вы четверо. Незвестная мне биологическая составляющая и тихоходки в колбах. Итого шесть. О себе, как о штучном интеллекте, скромно умолчу.

— Скромно умолчишь? — обозлился Браун. — Шутить изволишь? Как у тебя, у старой консервной банки, ещё хватает наглости смеяться в данную минуту, когда мы потеряли всех колонистов на Луне?

— Наглость и смех — привилегия людей, а не машин, — невозмутимо проскрипел Сэм. — Что же касается неизвестной материи и микроорганизмов, прибывших с Земли, то ещё русский академик Павлов доказал на своих опытах, что любой организм и среда, его окружающая, является в природе одним целым. Биохимик Карлос должен об этом знать.

— Он прав, — подтвердил Карлос. — Павлов два с лишним века назад именно это и доказал. — Потом решительно поднялся. — Но, к чёрту Павлова с его собаками! Ты уверен, что кроме нас сейчас на Луне никого нет?

— Увереннее быть не может. Станция «Карла Сагана» так же пуста как «Скиапарелли», как «Джордано Бруно», как и все остальные. Вы-

рвавшаяся из кратера Коллинза неопределённая биомасса поглотила собой всё, что имело биологическую форму, включая андроидов. Всё, что не было в зоне доступности, как вы их называете, тихоходок.

Воцарилась тишина.

Несколько секунд спустя Ульрих решительно заявил:

— Тогда тем более нужно добраться до стационарного передатчика! Может, здесь, у русских удастся связаться с Землёй. За шесть с лишним дней в Хьюстоне уже рвут и мечут, потеряв всеобщую связь с Луной. Всеобщую, повторяю! Не только с «Тихо Браге», но и со всеми остальными. Такого прежде не случалось ни с форпостами Марса, Венеры, Титана или Энцелада! Мы первые, кто угодил в ловушку неведомой нам формы жизни. И подумать только — где? Здесь, на Луне? У себя под носом? На спутнике, который испокон веков считался полностью пустым и мёртвым? — Он развёл руками. — Чудеса-а!!!

Замолчавший было андроид, охладил его пыл:

— Здесь тоже нет связи с Землёй. Нет её и на других станциях, как нет и у вас на базе. Сплошное безмолвие. Так показывает матрица моего штучного интеллекта, связанная со всеми узлами связи на Луне. К тому же я снова чувствую внутри «Курчатова» агрессивную среду. Предупреждаю заранее, чтобы успеть, прежде чем выйду из строя.

— Теперь не выйдешь, — заверил его Браун. — С нами тихоходки, покорители пространства! Медвежата, как их называл Картер, имеющие ту же структуру ДНК, что и эта мерзкая хрень из реголита.

В это время пошевелилась Полина, уютно лежащая головой на коленях Карлоса. Ноги у того затекли, но он не решался сдвинуться с места пока девушка не придёт в себя, справедливо полагая, какой ужас ей пришлось перенести за время их отсутствия.

— Мальчики... — простила она вырвавшимся из груди хрипом, обводя склонившихся над ней друзей глазами полными слёз. — Родные мои, миленькие!

Потом, очевидно вспомнив всё сразу, слабо протянула:

— Картер... Тревор... они... — девушка поперхнулась.

— Знаем, — поспешил успокоить Карлос. — Видели в голограмме. Сэм успел настроить ракурс. Полежи немного. Тебе необходим покой. Я могу подождать, — он бережно придерживал голову девушки, вливая в раскрывшиеся губы по капли коньяку. Ульрих кипятил куриный бульон из запасов походной провизии. Полина закашлялась, благодарно посмотрев всем в глаза.

— Сэм? Кто это?

— Уцелевший андроид русских, — поспешил напомнить Браун. — Вспомнила? Отчего назвали английским именем, диву даюсь.

— А... — выдохнула она. — Вспомнила. Наш командир... и начальник базы... — слова давались с трудом, — имел забавную привычку... в качестве интернационализма... переименовывать роботов. Как только не называл. И Суоки... и Пабло, и Мизуки с Сильвером, и Родриго с Мишелем. Были Николай, Василий, даже Тихон. Вот и Сэма придумал...

— Всегда к вашим услугам, — возник перед ней андроид, подкатившись ближе.

Ульрих уже наливал бульон, распределяя по кружкам:

— Подкрепись, — протянул одну Полине. Девушка, наконец, подняла голову с колен Карлоса, облокотившись о перегородку салона. Обвела всех взглядом. Карлос поднялся, разминая ноги.

— Я в ровере? — удивилась она.

— Не помнишь?

— Нет. Последнее, что помню, это расплывающиеся в пространстве зрачки Картера, — она всхлипнула. — Родной миленький Картер. Он был так влюблён в меня.

— В тебя и в жизнь, — кивнул Карлос. — Неутомимый весельчак, балагур, рубаха-парень. Все любили его, хоть иногда и был невыносим.

— Тревор тоже был хорошим другом, — добавил Ульрих. — Впрочем, как и все остальные. Элеонора, Анна, Винсент, Трит...

— Как думаете, они всё же погибли? — смахивая слезу, едва прошептала девушка. — Мертвы?

— Моя матрица показывает, что в качестве органической жизни они не погибли, — вставил услужливо Сэм. — Продолжают существовать, только в своеобразном ином измерении, недоступном вашему разуму, люди.

— А твоему разуму? — огрызнулся Браун.

— Моему тоже.

— Тогда почему твоя матрица не разъяснит нам структуру этой, бес её возьми, материи, к чертям собачьим? Атомный штучный интеллект, и не способен классифицировать органику? А я тебе скажу, почему. Потому что ты — старый ржавый, скрипящий шарнирами сундук, давно годный на свалку! Твоя матрица устарела, но Ульрих с Карлосом никак не могли добраться до вас, отправив в утилизацию.

— Погодите! — прервал их перепалку Карлос. — Не всё сразу. Не забывайте, что Полина уже пришла в себя, и нам срочно необходимо менять все планы. Раз Сэм говорит, что к пульту управления отправляться нет смысла, то стоит позаботиться о собственной безопасности.

Предлагаю покинуть «Курчатов». Мы так и не добрались до кратера Коллинза, где намеривались взять образцы проб в грунте.

— А надо ли? — усомнился Браун. — Теперь, после всего того, что пережили и мы и Полина? Не лучше ли вернуться на станции, ожидая прибытия челноков с Земли? Помощь-то уже, надеюсь, вот-вот появится. Там ведь в Хьюстоне не глупцы сидят — уже давно смекнули, что на Луне не всё в порядке. Заблокируемся в герметически закрытом секторе, запасёмся едой, а то и вообще заляжем в капсулы анабиоза.

Ульрих молчал, обдумывая предложение Брауна. Карлос пожал плечами, взглянув на Полину.

— Ты как? Перенесёшь поездку к месту раскопок? Тихоходки-то с нами, опасаться вроде бы нечего. Их в любом случае необходимо выпустить в грунт, как это хотела Элеонора. Эксперимент нужно довести до конца. Если согласна — выдвигаемся, как только немного передохнём. Если нет — возвращаемся на базу, законсервировавшись, ожидая помощи с Земли.

Полина уже приняла решение.

— Конечно, выдвигаемся к кратеру Коллинза. Элла именно так бы и поступила. Я в порядке.

— Хорошо, — воодушевился Карлос. — Тогда поспим прямо здесь, в салоне. Тесновато для четверых, но внутрь «Курчатова», полагаю, никто уже не хочет. Рано утром, по земному времени, направим два ровера к кратерам-близнецам. Ты со мной в кабине плюс Сэм. Ульрих с Брауном во втором вездеходе. Мы впереди, они за нами.

Видя, что все согласны, Карлос обернулся к Сэму:

— А ты, друг мой, поспеши к холодильным агрегатам. Всё что считаешь необходимым из продуктовых запасов — всё тащи сюда. Будем затариваться как минимум на несколько суток. Кофе, шоколад, вакуумные упаковки, консервы, галеты, напитки.

— Коньяк не забудь, без Тревора он дольше сохранится, — хохотнул было Ульрих, но осёкся, поняв, что сморозил неуместное.

— Никакого коньяка! — отрезала Полина, строго взглянув на Ульриха с Брауном. — Только медицинский спирт. Не на прогулку собираемся.

— О господи! — воздел Браун руки. — Наступит ли время, когда женщины поймут, насколько они усложняют жизнь мужчинам?

— Не язви! — оборвал его Карлос. — Она права. Коньяка у нас полно на базе. А к месту карьера возьмём только спирт в качестве медицинского препарата. На всякий случай.

— Понял вас, командир, — невозмутимо ответил робот. — Никаких спиртных напитков. Только в целях медицины.

— Вот спасибо тебе! От души душевно в душу, брат мой, как сказал бы Тревор, — поклонился ему Браун. Автомат ничего не понял, очевидно, полагая, что с ним шутят.

На том и решили.

Сэм в несколько заходов перенёс из морозильников необходимое количество всевозможных походных пайков, после чего остался снаружи, добросовестно охраняя, в то время как остальные улеглись отдыхать.

Как покажут дальнейшие события, они и не подозревали, что решение отправиться к карьере раскопок, в корне изменит все их наметившиеся планы.

...А дело обстояло так.

Глава 7

Котловина моря Спокойствия. Кратер Коллинза. Спустя восемь дней после прибытия посадочного модуля Земли. 19 часов 16 минут.

Два ровера замерли один за другим перед нависшими образованиями базальтовых наслоений, возникших в море Спокойствия миллиард лет назад при падении сразу трёх почти одинаковых метеоритов. Гости из далёкого космоса (а возможно и с самой Земли, как предполагал начитанный под завязку Ульрих) оставили после себя изумительно похожие воронки падения, каждая из которых не превышала трёх километров глубины. Это было настолько парадоксально, что в «земную» версию бомбардировок начинал верить даже Браун, всегда скептически относившийся к подобным сомнительным загадкам.

— Прибыли! — устало выдохнул Карлос, глуша электродвигатели. На экране появилось озабоченное лицо Ульриха:

— Добрались? Ну и задал ты гонку! Еле поспевал за тобой.

— Хотел скорее покончит с экспериментом, чтобы вернуться на базу к завтрашнему утру.

— Ты даже не остановился, когда заметили сияние, разливающееся над кратером. Оно, кстати, до сих пор светится. Как думаешь, Полина, что бы это значило? Ты — ведь у нас микробиолог.

— Не беспокой её, — оглянулся в салон через плечо Карлос. Пусть поспит. Я тоже биохимик, или забыл?

— Тогда объясняй ты. Я весь внимание.

Карлос поморщился, отводя глаза.

— Нечего тут объяснять. Я не знаю.

Они уже выбирались из вездеходов, откинув катапульты люки. Сэм исключительно из галантности дожидался, когда проснётся девушка, чтобы подать ей конечность, именуемую им «рукой». Вокруг было тихо, как, впрочем, и должно быть на Луне в отсутствии атмосферы. Побочные кратеры меньших размеров, идеально ровной цепочкой уходящие к чёрному горизонту, терялись где-то вдали на фоне висящего в пустоте мутно-синего шарика под названием Земля.

— Я проснулась, — выглянула из люка Полина, поправляя шлем скафандра. — Почему не разбудил?

— Ты мало спала прошлой ночью, — оправдался Карлос. — Хотел не тревожить.

— Спасибо, — улыбнулась она. — Мы на месте?

— Так точно, младший лаборант, — услужливо ответил автомат, но тут же был отстранён Брауном.

Полина прыгнула на грунт в его объятия.

— Свечение над насыпью видишь? — спросил Ульрих.

Полина задрала голову, уже предчувствуя что-то нехорошее. Машинально, как это делают в случае опасности, она вынула из кармана ампулу с тихходками, будто показывая неведомой материи свой оберегающий амулет. Браун с удивлением проследил за ней взглядом, в свою очередь, роясь в карманах комбинезона. Ампулы они разделили ещё на выезде к карьеру, справедливо полагая, что так будет безопаснее, если по какой-то причине предстоит расстаться друг с другом.

— Не нравится мне это облачко светящееся, как сказал бы наш Картер, — хмуро констатировал Браун, осматривая зыбкое сияние над кратером. Оно разливалось едва заметными сполохами серебристого свечения, до боли напоминающего родное полярное сияние где-нибудь в арктических регионах Земли.

— Не находите странным? — заметил Ульрих, неприятно ёжась от пробежавших по спине мурашек. — Одно и то же физическое явление — что у нас, что на Луне, только совершенно иной природной структуры. Я словно в Гренландии сейчас. Разница лишь во льдах и скафандрах. Ощущение тревожное, братцы. Откуда свечение на мёртвой Луне?

— Теперь, как выяснилось, не такая она и мёртвая, — буркнул в микрофон Браун. — Чего стоим, командир? Берём ампулы, поднимаемся на насыпь, копаем лунки грунта, выпускаем букашек на волю и отчаливаем, пока нас тут красками не разрисовали.

— О заборах проб забыл? — с укором отвлеклась от свечения Полина.

— Этим пускай Сэм занимается. У него все датчики и приборы. Кстати, товарищ робот, как у вас у русских говорят, — обратился он к автомату, который замер на месте, не двигаясь. — Как там у тебя с чувствительным присутствием? Что показывают датчики обнаружения? Свечение идёт из кратера? Или каким-то образом сформировалось в вакууме над ним? Эй! Тебе говорю, старый сундук!

Автомат по-прежнему стоял застывшим. По фронтальному экрану зигзагами чертились какие-то замысловатые линии.

— Оглох что ли? — Браун начинал тревожиться, приближаясь к роботу с явным намерением врезать тому в зубы, если бы они, разумеется, существовали.

— погоди! — остановил его Карлос. — Похоже, у нашего старичка очередной обморок. Отключился. И как бы в подтверждении этому, Сэм издал скрип, похожий на всхлип годовалого ребенка.

— Прошу не указывать... товарищ Бра-ббра-ун. Ощу-ощу-щаю агрессивную среду. Ощуща... опасность. Немед-недленно покинуть место — место — месс... Всем в роверы... Погода за бортом... Валечка, любовь до гроба, когда б ты знала о моей любви...

— Да он бредит! — едва не взвыл Браун.

— Тихо! — скомандовал Карлос. — Мы с подобным сталкивались у кратера Торричелли, помнишь Ульрих? — обернулся он к напарнику. — Там все роботы Тревожа пришли в негодность в одну секунду, при этом так же заговариваясь, что и Сэм.

— Эй! — тряс автомат Браун. Безвольные конечности болтались на весу. — Сэм, чтоб тебя в пень колоду! Какая Валечка, какой гроб, к чертям собачьим?

— Хьюстон, Хьюстон, я Борис... станция «Курчатов» вызывает Землю. Ответьте! — уже другим тембром голоса проскрипел автомат.

— Боже! — прикрыла руками рот Полина. — Эта машина подражает голосу Бориса. Копирует его в записи.

— Кто такой Борис?

— Оператор связи моей бывшей станции. Помощник начальника, как у нас был Трит. — Девушка округлила глаза. — Он передаёт запись сеанса связи с Землёй...

Сэм не двигался. Свечение над шлемами скафандров разливалось теперь над всем кратером, приобретая своими сполохами какой-то злобный оттенок.

— Бежим к роверам! — прокричал Браун. — Нас обволакивает эта мерзость, вырывающаяся из реголита!

— А тихоходки? — слабо вскрикнула Полина.

— Я сейчас! — подскочил Ульрих. — Давай свою ампулу. И ты давай свою, Браун. Остальные оставим себе.

— Куда ты?

Ульрих выхватил из рук лаборантки капсулу, метнулся к вездеходу, раскрыл аварийный бардачок, вынул складную лопату. В две секунды взбираясь на насыпь кратера, прокричал в микрофон:

— Заводите ровер! Я суну этих букашек в грунт. Теперь не до проб! Эта гадость вот-вот вырвется из желоба!

— Браун, хватай Полину! — понял его намерения Карлос. — Я к Ульриху. — И поспешил следом. Оба стали лихорадочно копать грунт, расширяя его с таким расчётом, чтобы можно было кинуть раскрытые ампулы. Выхватив из кармана переносную микроскопическую камеру, Карлос воткнул её в грунт, наведя ракурс на лунку. Ульрих уже засыпал её рыхлыми обломками базальта. Свечение над головами расплзлось теперь по всему периметру карьера. Не обращая внимания на застывших в нелепых позах роботов, оба астронавта спешно заканчивали то, что они намеривались сделать без спешки и суеты. Внезапные сплохи свечения и предупреждение Сэма придавало им скорости.

Тут-то и произошло то невероятное, что Полина будет потом вспоминать всё оставшееся время, пока не подвергнется необъяснимой амнезии, посетившей позднее её с Брауном.

Но это будет позднее.

А пока...

— Господи! — прокричала она, прильнув к иллюминатору.

— Что там? — втиснулся в кабину Браун, включая панель управления. Времени завести второй ровер катастрофически не хватало, поэтому он решил уезжать отсюда на первом вездеходе. Теперь срочно необходимо дожидаться Карлоса с Ульрихом.

— Что видишь? — лихорадочно подключая приборы, повторил он. — Скоро они там?

— Мамочки... — всхлипнула Полина, прикрывая руками рот.

Браун обернулся, пытаясь сосредоточиться на том, что происходило снаружи кабины.

— Их... — девушка поперхнулась. — Их... их засасывает в воронку!

Теперь она кричала. Кричала безудержно, не останавливаясь, глотая слова и рыдания.

— Их растворяет так же, как Тревога с Картером!

— Что-о??? — проорал Браун. — Как засасывает? Куда засасывает? — он ещё не видел со своего места, что именно происходит у насыпи. Зловещее свечение разрослось настолько, что поглотило собой шар Земли, видневшийся до этого на горизонте. Из серебристого сверкающего света, расползающаяся по небу материя превращалась в свинцовое облако, громадной массой нависшее над кратером. Взвывшийся буквально ниоткуда вихрь, метался спиральями по всему карьеру, расшвыривая обломки скал с грудами вывороченных камней. Бушующие в наушниках помехи едва не разрывали барабанные перепонки. Полина кричала неистово и безысходно, наблюдая, как на её глазах в пустом пространстве растворяются тела Ульриха с Карлосом. Одно кольцо вихря уже поглотило биохимику целиком, а туловище его младшего напарника представляло собой обрубок чего-то бесформенного, наполовину скрывшегося в поглощающей материи, а наполовину торчавшей наружу с открытым в ужасе ртом. Глаза Ульриха вылезли из орбит, превращаясь в расплывчатые очертания распадавшихся на атомы зрачков.

Только теперь Браун увидел то, что осталось от его товарища по базе, только теперь краем глаза заметил, как постепенно и методично расползающаяся протоплазма поглощает часть за частью уже безвольное тело. Последними в спирали исчезли ботинки. Ульрих успел что-то крикнуть, затем пропал в зеве чёрной дыры, словно его проглотила какая-то чудовищная уродливая пасть. Всё завершилось в мгновение ока. Оба астронавта больше не существовали в этом мире.

— Он... — глотая рыдания и теряя силы, слабым голосом прохрипела Полина, — он... Ульрих... — ей не хватало воздуха. Она ловила его открытым ртом, отчего шлем скафандра покрылся изнутри выступившим конденсатом.

— Что? — ошарашено тряс её Браун. — Ты слышала, что он прокричал?

— Да.

— Говори!

— Он прокричал... «тихоходки».

— И?

— И всё. Дальше его поглотила чёрная дыра...

Девушка стала медленно заваливаться набок. Сил не осталось.

— К чёрту тихоходок! — едва не взревел в ярости Браун. — Потеряли последних товарищей! Грош цена нашим теориям, что эти букашки способны нас защитить.

Он метался по салону, разрываясь между панелью управления и обессиленной девушкой, крича во всё горло:

— Пусть провалятся к чертям собачьим! Гореть им в аду вместе с этой долбанной субстанцией! Немедленно на базу!

Кое-как привалив Полину к переборке салона, он высунул голову наружу. Свинцовый туман постепенно опал, превратившись в маленькое облачко, нависшее над карьером. Вихрь исчез, растворившись в пространстве, поглотив собой всё, что оставалось от Ульриха с Карлосом. Задрав голову, Браун мельком бросил взгляд на насыпь кратера. В том месте, где два астронавта только что закопали ампулы, грунт взбух, покрылся коррозией и выглядел сейчас прорастающим из почвы грибом. Что-то жуткое было в этом грибе. Что-то страшное и не поддающееся логике.

— Сэм! — заорал Браун, лихорадочно набирая на рукаве скафандра кодовый позывной робота.

Тонкая сенсорная пластина едва заметно завибрировала, посылая роботу направленный вектор светового маркера. Замерший автомат невольно дёрнулся, озарился полосами на экране, издав изнутри вполне подходящий звук выдоха.

— Звали, помощник Трита?

— В кабину! — взвыл Браун. — Немедленно! Все вопросы потом.

— Как изволите, — невозмутимо проскрипел тот, одним махом преодолев расстояние между ровером и кратером. Захлопнул люк, повернул экран к водителю:

— Готов к исполнению.

— Помоги Полине! — лихорадочно бегая пальцами по панели управления, крикнул Браун. — Я вывожу ровер к расположению «Курчатова». Все объяснения — по дороге. И проверь навигатор. Задай программу автоматике, чтобы вышла на прежний маршрут, каким мы ехали сюда. Как только машина развернётся, включай автопилот.

— Так точно!

Спустя несколько секунд, вездеход, развернувшись, уже мчался к силовой границе купола станции «Курчатова». Они, наконец, покидали страшное и унылое мёртвое место, где потеряли последних своих друзей. Оставив наспех в грунте раскрытые ампулы тихоходок, двое уцелевших, последних обитателей Луны, возвращались назад, так и не завершив начатого эксперимента. Они оставляли за собой пустынные

карьеры раскопок, в кратерах которых начинала зарождаться новая, неведомая дотоле неизвестная инородная биологическая жизнь.

Спустя шесть часов, автопилот, контролируемый Сэмом, вывел вездеход на маршрут к станции «Тихо Браге», так и не захав на русскую базу «Курчатов».

Почему не заехал?

Потому, что Сэм, андроид со штучным интеллектом матрицы, посчитал это бессмысленным, опасаясь за жизнь двух оставшихся астронавтов.

Они спали глубоким сном, обессилев после наркоза.

Впереди их ждала... *НЕИЗВЕСТНОСТЬ*.

— «Тихо Браге» вызывает Хьюстон! «Тихо Браге» вызывает Хьюстон. База, ответьте! — голос был автоматическим, очевидно, давно записанный в блок памяти «самописца».

Сознание к девушке приходило медленно. Толчками, словно пульсируя где-то внутри полушарий мозга. Отчаянно хотелось пить. Голова раскалывалась. Сквозь пелену ускользающих после обморока образов, доносились неясные звуки записывающего устройства. Веки не открывались. Обмякшее тело не хотело возвращаться в страшную реальность после успокаивающего наркоза.

— Внимание! Всем лунным базам! Говорит Земля! Говорит Земля! Настройтесь на аварийную частоту!

«Самописец» продолжал выдавать в пустоту помещения позывные станций.

— Вызываю «Тихо Браге»! Вызываю «Тихо Браге»! Есть кто на связи? К вам вылетели спасательные челноки второго сектора сферы Дайсона. Внимание! Приготовьтесь к встрече!

И через секунду:

— Говорит автономный мозг центрального управления НАСА. Приготовьтесь встретить!

Полина едва приоткрыла глаза, зажмурившись от боли яркого света, хлынувшего на неё. Во рту было сухо. Вязкая слюна рвалась наружу вместе с внутренностями. Она едва не вырвала.

Что за звуки?

Где она?

Как попала сюда?

Где Браун?

Продолжая щуриться от нестерпимого света, Полина обвела взглядом непривычную обстановку. Она что, теряла сознание? Последние мгновения их пребывания в кратере Коллинза внезапно навалились на неё, прошив мозг насквозь, заставив вспомнить всё, что произошло с её коллегами. Выступившие слёзы застлали глаза.

Она на кушетке. Лежит, заботливо кем-то прикрытая одеялом. Тут же проскользнули воспоминания: точно! Это не «Курчатов». Это её база «Тихо Браге». Она узнаёт комнату отдыха. Знакомая теперь обстановка, мебель, стены. Автоматический голос «самописца» по-прежнему безлико вызывал в динамиках лунные базы, дублируя информацию сразу на все узлы связи.

Полина осторожно спустила ноги к полу, откинув одеяло. И... замерла.

Кто снял с неё скафандр? Привычный на ней комбинезон был сейчас настолько неуместен, что девушка растерялась.

— Эй! — позвала она в пустоту. — Есть кто-нибудь? — невольно повторяя слова «самописца». — Браун?

...В этот миг всё и произошло.

Тело девушки вдруг обмякло, теряя вес. Закружилась голова. Всё поплыло перед глазами. Комната внезапно стала терять очертания, превращаясь в расплывчатое пятно ярких красок. Возникшая перед ней голограмма расползлась в стороны, теряя изначальную форму. Так и не встав на ноги, её повлекло назад на кушетку. Голограмма свернулась, металлический голос в динамиках пропал, исчезая где-то на задворках её сознания. Наступила тишина.

Это измерение перестало для неё существовать.

— Как она? — спросил Винсент, заглянув в лабораторию.

Элеонора проверяла показания приборов, Анна заботливо поправляла электроды, опоясывающие голову и руки Полины.

— Приходила на минуту в себя, — ответила Элеонора, с сомнением покачивая головой. — Что-то бредила о каких-то позывных с Земли...

— Уже несколько раз, — добавила Анна. — Вчера ночью тоже металась в бреду. Звала Ульриха, Карлоса, какого-то Сэма.

У Винсента поднялись брови:

— Звала наших механиков? Тех, что уехали к Тревору в кратер Торричелли?

— Да. Я сама удивилась, когда дежурила около неё. Причём тут какие-то механики, которых она едва знала, пересекаясь только в коридорах сегмента?

— Действительно странно. А Сэм? Кто это?

Анна на секунду замялась.

— Есть только один Сэм, которого я знаю.

— И кто он? На «Тихо Браге» нет таких имён.

— На этой базе нет. А на нашей русской, откуда нас с Полиной перевели к вам, есть.

— И кто же это? Кто-то из колонистов?

Анна немного помедлила.

— Нет. Не из колонистов.

— Тогда кто?

— Робот.

И замолчала.

Спустя несколько секунд Винсент недоумённо переспросил:

— Что... то есть... к-кто?

— Робот. Андроид нашей базы «Курчатов».

Наступила пауза.

Элеонора подкатила к Полине аппарат с капельницей. Девушка лежала тихо, с раскиданными по подушке волосами. Было видно, что она недавно металась в бреду, но после укола успокоительным затихла, провалившись в небытие. Винсент переваривал услышанное.

— Какое отношение имеет какой-то робот из вашей бывшей базы к её приступу?

— Не знаю, — потупившись, пожала плечами Анна.

— Я тебе больше скажу, командир, — вставила Элеонора. — Этого же Сэма по каким-то причинам звал в бреду и Браун. — Она немного помедлила. — Анна ночью присматривала за Полиной, а я за Брауном, нашим молодым помощником Трита. Он, кстати, тоже заходил его проводить. Как ты знаешь, этот непонятный приступ какого-то непривычного обморока посетил их одновременно. Только их двоих из всего колллектива базы.

— И что?

— А то, — многозначительно посмотрев ему в глаза, ответила старший лаборант, — что они оба никак не могли сговориться или встретиться перед приступом, поскольку находились в разных секциях сегмента базы. Она — здесь в лаборатории, Браун — в ангаре с Тритом. Но потеряли сознание одновременно.

— Это я знаю. Дальше-то что?

— Каким образом они ОБА, — сделала Элеонора ударение, — могли в бреду вызывать на помощь какого-то робота? Тем более, что до потери сознания Браун и понятия не имел о каком-то Сэме, работающем на русской базе. Как тебе такое?

Винсент глубоко задумался. В проёме двери показалась голова молодого навигатора Картера. Он почти не отходил от Полины, упрасывая Эллу дежурить вместо неё.

— Я тоже слышал, — ревниво заявил тот. — И Брауна звала и Сэма какого-то.

— Тебе ли ревновать? — шутливо отмахнулась Элла.

— Я уж хотел было найти того Сэма и пересчитать ему зубы, но узнал от Анны, что он просто робот.

— Вот именно, что робот. Не колонист, не сотрудник базы, не пилот с посадочного модуля, а всего лишь автомат. Причём, старый, почти негодный. Его-то они и звали в бреду. Браун в одной палате, Полина в другой.

— Чудеса-а... — протянул Картер, почесав затылок. Винсент всё ещё не мог понять услышанного.

— Ну ладно, — чертыхнулся он, мысленно выругавшись, — положим, Полина просто вспомнила какой-то автомат со своей бывшей базы. Положим, вспомнила даже его имя. Но Браун-то, позвольте! Он-то откуда мог знать о каком-то Сэме, черт возьми?

— И ещё, — спустя секунду, добавила Элла. — Тут вообще несурязица какая-то, командир.

— Что? Ещё что-то?

— Да.

— погоди. Прежде чем расскажешь, я вызову Трита. Пускай тоже послушает, чтобы не пересказывать.

Он набрал на сенсорной пластине код светового маркера:

— Трит! Где находишься?

Голограмма выдала изображение главного инженера базы.

— В первом сегменте. Принимаю груз с посадочного модуля. А что?

— Передай погрузку кому-нибудь и срочно пройди в лабораторию.

— Не могу. Картер куда-то пропал, некому следить.

— Картер уже здесь.

Трит нашёл на голограмме силуэт помощника, погрозив тому кулаком:

— Так и думал, что ты около Полины. Ладно, сейчас подойду, ждите.

Спустя несколько минут он появился в стенах лаборатории. Бросив уничтожающий взгляд на своего помощника, вопросительно посмотрел на Винсента.

— Говори, Элла, мы слушаем, — обратился начальник базы к старшему микробиологу.

— Прежде всего, — начала Элеонора, — тот одинаковый бред, что мы с Анной слышали от Брауна с Полиной во время их беспокойного сна, полностью совпадет в трёх деталях. Оба они звали Ульриха с Карлосом, робота Сэма с русской базы «Курчатов» и упоминали кратер Коллинза. Причём, кратер несколько раз. Анна следила ночью за состоянием Брауна, который метался в бреду, впрочем, как и Полина.

— «Курчатов»? — поднял брови Трит. — Кратер Коллинза? Робот Сэм с русской базы?

— Погоди, это ещё не всё. — Казалось, Элеонора обдумывала сейчас каждое слово, взвешивая в уме.

— Дело в том, что они оба упоминали... — она сделала многозначительную паузу. — Упоминали... тихоходок.

В лаборатории на миг воцарилась тишина.

— Кого-кого? — спустя несколько секунд изумился Трит.

— Тихоходок, — загадочно повторила Элеонора.

Трит перевёл недоумевающий взгляд с Эллы на Винсента. Картер с Анной молчали.

— Ты сказала «тихоходок»?

— Именно.

— Это те микроорганизмы, что прибыли к нам с Земли для твоих экспериментов?

— Да. Я хочу попробовать выпустить их на волю как раз в кратере Коллинза.

— Ну, и чего тут странного? Полина ведь знает о них, помогая тебе. Вот и вспомнила в бреду.

— Полина — да. Но Браун? Он-то не имел никакого представления о намечающихся опытах. Не его профиль, будем говорить. Он вообще не знал, что эти микроорганизмы придут сюда по заданию Хьюстона.

...Трит сидел растерянным.

Полина, протяжно вздохнув, шевельнулась во сне. Наркоз ещё действовал.

— Картер... — прошептала она, метнувшись головой по подушке. — Картер, миленький, родной мой, как же так...

Молодой навигатор бросился к кушетке. Анна предостерегающе остановила его, чтобы не разбудил.

— Слышите? — с волнением прохрипел тот. — Зовёт меня...

— Тише! — подались все вперёд. Голова девушки продолжала метаться по подушке, рассыпая волосы.

— Мальчик мой... как ты не уберёг себя...
— Чего-о? — едва не заорал Картер, но, получив от Трита ощутимый подзатыльник, утих, прислушиваясь.

— Почему не позвал Тревора, когда... тебя стало засасывать... в чёрную дыру?

Она всхлипнула во сне, из закрытых век потекли слёзы.

— Оттого и погиб... Не уберегла тебя, миленький...

Все обернулись к навигатору. Тот уставился на них непонимающим взглядом.

— Чёрную дыру? Погиб? — через секунду, — это Я погиб???

— И причём тут Тревор? — изумлённо вскинул брови Трит.

— К нему в кратер Торричелли направились на ровере Ульрих с Карлосом, — напомнила Анна. — С инспекцией проверки андроидов. Кстати, Браун ночью во сне тоже упоминал Тревора.

— А меня? — встревожился навигатор. — Я в его снах тоже погиб?

Анна ласково взглянула на молодого парня.

— Тобой не бредил, но эту чёрную дыру упоминал.

— Тогда вообще ни черта не понимаю, — откинулся на спинку кресла Трит. Видя, что девушка притихла, Винсент решительно поднялся.

— Делать нечего. Будем ждать, когда ребята придут в себя. Кто первый, не важно. Анна, — он погладил девушку по плечу. — Будешь по-прежнему ухаживать за Брауном. А ты Элла — присматривай за Полиной. Записывайте обе в память матрицы всё, чем они бредят во сне.

— Можно и мне, командир? — спохватился всё ещё ошеломлённый Картер. Он так и не понял, о какой гибели говорила его подружка.

Винсент бросил вопросительный взгляд на Трита, тот лишь отмахнулся:

— Пусть остаётся, что с него возьмёшь. Сам справлюсь.

Таким образом, в день прибытия посадочного модуля с Земли, в помещении лаборатории остались пятеро: двое больных с неизвестным науке симптомом, и трое, кто за ними присматривал. Картер тотчас предложил Элеоноре отдохнуть, пока он сам будет дежурить.

Покидая лабораторию, Винсент с Тритом, так и не поняв смысл бреда обоих сотрудников, всё же решили связаться с Землёй. Необходимо было оповестить отдел НАСА о загадочном одновременном обмороке сразу двух сотрудников базы. Парадоксальное совпадение их подсознаний были, что называется, налицо.

— Ульрих, Карлос, Тревор, — загибая пальцы, перечислял Трит, следуя за Винсентом по коридору третьего сегмента. — Какой-то Сэм, кратер Коллинза... — он на секунду остановился. — И самое главное —

тихоходки! Они-то каким паровозом сюда привязаны, командир? — Не много ли совпадений? Браун мечется в бреду отдельно от Полины, но оба упоминают одно и то же.

— Словно пережили вместе какую-то трагедию, — согласился Винсент. — ВМЕСТЕ! — повторил он с ударением. — Будто что-то произошло с ними наяву. Вот в чём вопрос.

Они прошли несколько ответвлений коридоров, миновали общую столовую, где обедали сотрудники базы, кое с кем обменялись приветствиями и, выйдя в наружный двор, остановились. Рядом суетились андрониды. Вдалеке на площадке высился посадочный модуль Земля, из трюма которого продолжалась разгрузка.

— Взглянуть бы на этих тихоходов, — закулив, задумался Трит.

— Никогда не видел в микроскоп?

— Да как-то не довелось. Слышал, что они могут выживать в любой агрессивной среде вплоть до вулканов, без атмосферы.

— Потому НАСА и решило доверить их нашей Элеоноре для эксперимента.

— Думаешь, если выпустить их на волю в зоне кратера Коллинза, они приживутся на Луне?

— А кто его знает. Земные водоросли «Белая роза» ведь прижились на Марсе, названные потом «марсианскими мицелиями». Если эти приживутся здесь — девочки назовут их своим именем.

— На Марсе есть хоть какая-то разряжённая атмосфера, — парировал Трит. — Здесь же на Луне нет ничего. Сплошной вакуум.

— Вот и посмотрим. Робот уже должен был доставить контейнер Элеоноре. Через пару дней отправимся с ней и тихоходками к кратеру-близнецам. Там и увидим, что к чему.

Он внезапно принял решение:

— Вот что, Трит, дружище мой. Ты сейчас же отправишься к кратеру Торричелли. Там сейчас у Тревожа в гостях Ульрих с Карлосом. Выпей с ними коньячку, узнай на месте, пересекались они когда-нибудь с Полиной и Брауном?

— И что это даст? Даже если пересекались, каким таким макаром тут привязаны тихоходки? И Сэм какой-то? Да ещё и база русских «Курчатов»?

— Не знаю, — пожал плечами начальник базы. — Но мне не даёт покоя та «чёрная дыра», что в бреду упоминал Браун, а потом Полина. Они будто видели её собственными глазами. Ведь не может же быть, чтобы один и тот же сон — бред он или плод больного воображения — снился им обоим? Тут никакой старик Фрейд не поможет.

Он немного подумал.

— А я, пожалуй, свяжусь с остальными базами: не было ли у них подобных симптомов?

Они стояли у переходной обеззараживающей камеры, наблюдая издалека за разгрузкой модуля. Два астронавта совершенно не подозревали, что перед этим в параллельном измерении окружающего пространства два их научных сотрудника уже побывали в кратере Коллинза, высадив в грунт неприхотливых тихоходок, прибывших с Земли.

Не знали они, разумеется, и того, что в том, параллельном измерении, кроме робота Сэма, Полины и Брауна на естественном спутнике Земли не останется никого, кто мог бы поведать о трагедии.

Но это будет происходить в другом измерении. В совершенно ином векторе пространственно-временного континуума.

А пока...

Эпилог

О вырвавшейся из реголита чужеродной материи, способной изменять по своему усмотрению пространство и манипулировать течением времени, Хьюстон и Земля так и не узнают. Не узнает человечество и о тихоходках, повлиявших на столь парадоксальный симбиоз двух совершенно разных видов биологической жизни. Не будет известно на Земле их общий генетический код и строение ДНК. Не узнают люди об исчезновении в ином измерении почти всего наличного контингента Луны из числа колонистов, как не узнают и трагического исхода произошедших событий.

Ни Полина, ни Браун ничего не будут помнить из того, что с ними произошло в параллельном пространстве, возникшем, когда из кратера вырвалась на свободу чужеродная протоплазма, покоящаяся в анабиозе сотни миллионов лет.

Что касается робота Сэма, то его попросту отправят в утилизацию из-за вышедшего срока годности, не обратив внимания на внутренний блок памяти.

Каким-то необъяснимым образом самопроизвольно сотрутся все записи «самописцев» компьютерной матрицы, а сотрудники лунных станций будут по-прежнему работать, как ни в чём не бывало, словно и не пропадали никуда.

«Чёрная дыра», возникающая в пространстве при исчезновении колони-стов, так и останется неведомой людям, находясь в совершенно ином временном векторе.

Луна по-прежнему будет считаться мёртвой и пустынной.

Всё, что происходило по ту сторону реальности, останется неизвестным.

Это было просто некое предупреждение.

Предупреждение Луны, что она не такая, как привыкли её считать испокон веков ещё на заре человечества. Что она не пустая. Не мёртвая.

...Она обитаема.

Пройдёт некоторое время, прежде чем девушки лаборатории станции «Тихо Браге» приступят к своим опытам, намериваясь выпустить организмы в одном из кратеров Луны.

...Но это, собственно, уже другая история.

□□□□□

СОДЕРЖАНИЕ

Анна Гройсс

ПОРТРЕТ

3

Игорь Бёзрук

МОЯ МАЛЕНЬКАЯ МЕСТЬ

11

ОСЕННЯЯ ПРОГУЛКА

15

НЕОПРАВДААННЫЙ МОТИВ

21

Ерофим Сысоев

БИСМАРК И КОБЫЛИЦА

31

ОБЛОМКИ

63

Мира Борсиг

ДРУГОГО ЦВЕТА

80

Ильяс Салахов

НАСТОЯЩЕЕ ЧУДО

85

Килук Овергейс ВОТ И ВЕРЬ ПОСЛЕ ЭТОГО...	88
Александр Филичкин ОТТЕПЕЛЬ	90
Оксана Соснина МЕТКИЙ ВЫСТРЕЛ	97
Валентина Карпушина ЦЕНА ЗАВЕТНОЙ МЕЧТЫ СТИХИ	103 110
Дмитрий Учитель СТИХИ	115
Игорь Бézрук БАЛЬЗАК-ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ	117
Анатолий Сахоненко ОСКОЛОК	166
Сергей Калабухин «СЕЗАМ, ОТКРОЙСЯ!»	186
Александр Зубенко ТАЙНА ЛУННОЙ БАЗЫ «ТИХО БРАГЕ»	231

**Литературный
альманах
«ЭДИТА» № 42**

**ЛИТО
«Edita Gelsen»**

edita gelsen

logobo2023@gmail.com
ISBN 978-3-911546-14-0

9 783911 546140

ЭДИТА вып. **42**